

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Л. П. РЕПИНА

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ И КУЛЬТУРНОЕ МНОГООБРАЗИЕ МИРА¹

Последние десятилетия XX и начало XXI века ознаменовались глубокими изменениями в структуре и содержании социального и гуманитарного знания, в самой методологии социальных и гуманитарных наук. В этом общем интеллектуальном контексте произошла радикальная перестройка современной исторической науки. Важным качественным сдвигом в мировой историографии явился так называемый «культурный поворот». Сопоставление ключевых аспектов картин мира, особенностей ценностных систем и содержания культурных идеалов разных исторических социумов и цивилизаций — одна из центральных проблем современной исторической науки. Новый поворот привел и к интенсивной разработке различных аспектов проблемы «мест памяти» и «исторической мифологии»².

Проблемы исторической памяти, формирования и содержания представлений о прошлом в разных сообществах и культурах привлекают внимание представителей разных областей социогуманитарного знания. Несмотря на продолжающиеся дискуссии вокруг таких концептов, как «историческая память», «историческое сознание», «образы прошлого», масштабы корпуса проведенных с их использованием исследований, как и полученные с их помощью результаты, впечатляют.

Продвигаются, но, к сожалению, не столь быстрыми темпами, и исследования более сложного феномена исторической культуры. Последнее направление мировой исторической науки, возникшее под непосредственным влиянием изучения картин мира в рамках

---

¹ Работа подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) в рамках исследовательского проекта № 06–01–00453а «Образы времени и исторические представления в цивилизационном контексте: Россия — Восток — Запад».

² См.: Les Lieux de Mémoire. Ed. P. Nora. Т. 1–7. Р., 1984–1992.

истории ментальностей, развивавшейся историками школы «Анналов», постепенно расширило свои методологические основания и имеет уже собственную, хотя и относительно недолгую, историографическую традицию.

Лидирующие позиции в начале этого процесса заняли представители школы известного французского историка Бернара Гене, которым была впервые сформулирована проблема и намечены оригинальные пути исследования феномена средневековой исторической культуры³. Но уже в 1990-е годы инициатива перешла к представителям немецкой школы исторической антропологии во главе с гейдельбергским египтологом Яном Ассманном, который, творчески развив идеи социолога М. Хальбвакса и историка искусства А. Варбурга о коллективной и социальной памяти, разработал на материале древних культур (египетской, еврейской, греческой) теорию культурной памяти, понимая последнюю как непрерывный процесс, в котором социум формирует и поддерживает свою идентичность посредством реконструкции собственного прошлого. Важно отметить, что культурная память, по Ассманну, имеет «реконструктивный характер», то есть имплицитированные в ней ценностные идеи, равно как и все транслируемое ею «знание о прошлом», непосредственно связано с актуальной для настоящего момента ситуацией в жизни группы⁴.

На рубеже 1990-х – 2000-х гг. Я. Ассманн обосновал задачи и возможности нового научного направления, предмет исследования которого он называет «историей памяти» — *Gedächtnisgeschichte*⁵. В отличие от собственно истории, «история памяти» занимается не изучением прошлого как такового, а *того* прошлого, которое осталось в воспоминаниях — в традиции (историографической, литературной, иконографической и т. д.). И цель изучения «истории памяти» — не в том, чтобы вычленил из этой традиции

---

³ См. его уже ставшую классической книгу «История и историческая культура средневекового Запада» (М., 2002 [1 изд. — 1980]).

⁴ См. русский перевод самой известной книги Ассманна, впервые опубликованной в Мюнхене в 1992 г. — *Ассманн Я.* Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М., 2004.

⁵ *Assmann J.* Moses der Ägypter: Entzifferung einer Gedächtnisspur. München [u. a.], 1999. S. 26.

«историческую правду», а чтобы проанализировать саму традицию как феномен коллективной или культурной памяти.

Таким образом, в зарубежной историографии сложились представительные школы исследователей исторической (культурной) памяти, и число публикаций, посвященных этим проблемам, неуклонно растет. Однако анализ созданного за последние два десятилетия обширного комплекса исследований свидетельствует о том, что основные усилия ученых разных стран вплоть до сегодняшнего дня были сосредоточены именно на проблематике исторической памяти, а не на изучении комплексного феномена исторической культуры, в котором «сотворенная» предшествующими поколениями, ставшая памятью история соединяется с воспринимающим ее историческим сознанием. Следует также подчеркнуть, что в опубликованных научных трудах всех упомянутых историографических направлений отсутствует опыт содержательного сопоставительного анализа исторических культур.

В отечественной исторической науке категория исторического сознания была всесторонне проанализирована и теоретически осмыслена М. А. Баргом в опубликованной еще в 1982 г. статье «Историческое сознание как историографическая проблема»⁶ и затем много лет оставалась в центре внимания исследователя. При всей противоречивости форм проявления исторического сознания, М. А. Барг видел в нем культурную универсалию, категорию, которая определяет пространственно-временную ориентацию общества. Он также неоднократно подчеркивал, что историческим временем предстает только как единство всех трех измерений, т. е. «только тогда, когда каждое из них — прошедшее, настоящее и в известном смысле будущее — выступает как настоящее, в котором прошедшее и будущее смыкаются в живом сопряжении», и что было бы неверно сводить историческое сознание к исторической памяти.

Многие идеи, высказанные М. А. Баргом, оказались востребованы в историографической ситуации эпохи глобализации, когда изучение исторического сознания, его структуры, форм и функций превратилось в актуальнейшую задачу (ведущая роль в теоретической разработке этих проблем принадлежит сегодня видному немец-

---

⁶ Вопросы истории. 1982. № 12. С. 49-66.

кому методологу Йорну Рюзену). Реализуя свою программу «межкультурной сравнительной историографии», Рюзен решает эпистемологическую проблему, связанную с неизбежной предзаданностью культурного контекста такого сравнения, вследствие чего исследователь оценивает историческое мышление другой цивилизации сквозь призму идеи истории в собственной культуре, и это имеющееся у него представление о том, что есть история, выступает как скрытый критерий, как норма или, по меньшей мере, как некий фактор, структурирующий его видение иных вариантов исторического мышления (так называемый «культурный империализм»). В случае неотрефлексированности этой ситуации, сравнение превращается в простое измерение дистанции от не критически воспринятой «нормы» в терминах «развитости» («прогрессивности») и «отсталости» («архаичности», «примитивности») и не дает возможности разобраться в особенностях и сходствах различных способов исторического мышления и историописания.

С целью коррекции этой культурной включенности исследователя предлагается теория «культурных универсалий исторического сознания» (или общая теория культурной памяти), т. е. выход за рамки профессиональной историографии и ее рациональных процедур исторического познания в пространство базовых ментальных операций воспоминания, интерпретации и репрезентации прошлого, присутствующих в любой культуре и обеспечивающих практические потребности ориентации людей в их настоящем. Теория *культурной памяти* или *исторического сознания*, объясняющая эту базовую процедуру осмысления прошлого, является отправным пунктом для межкультурного сравнения, и в ней нет никакого априорного определения историографии. Историография как таковая выступает в рамках такой общей теории исторического сознания как одна из специфических форм универсальной культурной практики. Таким образом, открывается перспектива, в которой оказывается видимым не только все разнообразие вариантов, но и то, как именно оно складывается.

Комплексное исследование проблемы исторического сознания в цивилизационной перспективе опирается на социокультурный подход. Согласно этому подходу, общество понимается как система, возникающая и изменяющаяся в результате действий и взаимодейст-

вий социальных субъектов, и в фокус внимания ставится человек как субъект действия, наделенный ментальными, ценностными и этическими характеристиками, которые определяются исторически сформированным контекстом культуры, в свою очередь понимаемой как совокупность способов и результатов деятельности человека (включая идеи, ценности, нормы, образцы поведения).

Анализ работ наиболее видных представителей социокультурного подхода, на котором базируется «новая культурная история», позволяет констатировать: такой подход, рассматривающий общество в единстве его социально-структурных и культурно-исторических характеристик, позволяет выявить исторически складывающиеся социокультурные ограничения, закрепленное в системе понятий, норм, правил, обычаев, идеалов и ценностей «принуждение культурой» (по выражению Р. Шартье) и воспроизводимые программы — образцы поведения и деятельности социальных субъектов (индивидов и групп), обеспечивающие передачу исторического опыта от поколения к поколению. Именно в этом ракурсе рассматриваются представления о прошлом и формы проявления исторической памяти, устойчивые стереотипы исторического сознания, совокупность привычных восприятий и представлений, прямые или косвенные оценки и суждения, скрытая или открытая рефлексия авторов исследуемых текстов относительно эпох, событий, деятелей и явлений исторического прошлого, включая элементы межкультурного и междивизионального диалога в формате истолкования и репрезентации «чужого» прошлого сквозь призму актуального взаимодействия.

* * *

В 2001–2005 гг. авторский коллектив, ядро которого составили сотрудники Центра интеллектуальной истории Института всеобщей истории РАН, работал над двумя исследовательскими проектами: «Социальная память и историческая культура средневековой Европы» и «Знания о прошлом, социальная память и стереотипы массового сознания». Итоговый коллективный труд по этим проектам «История и память: историческая культура Европы до начала Нового времени» только что вышел в свет⁷. Новый научный проект «Образы

---

⁷ См.: История и память: историческая культура Европы до начала Нового времени / Под ред. Л. П. Репиной. М.: «Кругъ», 2006.

времени и исторические представления в цивилизационном контексте: Россия — Восток — Запад», предполагающий проведение масштабного сравнительного исследования, является в определенном смысле продолжением и развитием предыдущих.

Диалог с прошлым — постоянный и динамический фактор в жизни любой цивилизации. Проект имеет целью разработать ключевые аспекты этой проблемы на конкретном материале разных регионов Западной Европы, России и стран Востока, исследовать как наличествующие культурные универсалии (при всем плюрализме исторических культур и специфике траекторий их развития) или плоды межкультурного взаимодействия (рецепции), так и цивилизационные особенности, а также их преломление на различных этапах развития социумов.

Хронологические рамки охватывают Древность, Средневековье и Новое время (до начала XX века). Авторский коллектив поставил перед собой две взаимосвязанные задачи: рассмотреть, как представители разных культур и социальных групп интерпретировали свое (и «чужое») прошлое, а также предметно проанализировать генезис, структуру, социальное функционирование и механизм замещения наиболее живучих исторических мифов и стереотипов в стабильные и переломные эпохи истории. Авторы исходят из того, что историческое сознание, конструируя образ прошлого, соотнобразуется с социокультурными запросами современности: происходящие в обществе перемены порождают у него новые вопросы к минувшему, трансформируя сложившиеся представления об истории, и чем значительнее происходящие в обществе перемены, тем радикальнее изменяются эти представления, оказывая, в свою очередь, «обратное влияние» на социальные процессы. Исследование опирается на цивилизационный подход, принципы системного анализа, историко-типологический и сравнительно-исторический методы, семантический анализ системы исторических понятий и концептов, отражающих важнейшие элементы исторического сознания.

Однако максимальное расширение пространственно-временных рамок и компаративный характер проекта ставит новые проблемы концептуально-методологического свойства, которые требуют обсуждения и проработки, создания принципиально новой методики компаративного изучения исторических представлений, зафиксирова-

рованных в письменных традициях разных эпох, культурных ареалов (Россия — Восток — Запад), цивилизаций (начиная с античности и до начала XX века), разработки новых моделей описания и типологизации основных форм исторического сознания как одного из фундаментальных цивилизационных компонентов, имеющего основополагающее значение для самоидентификации.

Предлагаемая постановка проблемы возникла на основе критического использования и конструктивного обобщения концептуальных разработок в нескольких направлениях современной мировой науки, истоки которых восходят к истории ментальностей, исторической антропологии, истории идей и так называемой новой культурной истории.

Решение научной проблемы проекта осуществляется на двух уровнях: 1) реконструкция темпоральных картин мира и исторических представлений, условий их формирования, основных этапов становления и динамики развития в изучаемых культурных ареалах и 2) их фронтальное сопоставление по ключевым категориям и признакам с последующим обобщением полученных результатов.

Исследование опирается на анализ античной, средневековой и новоевропейской, византийской и древнерусской, арабской, китайской и индийской письменных традиций, зафиксировавших представления разных культур и цивилизаций о связи времен, о прошлом своего и «чужих» народов. Корпус источников включает не только собственно исторические сочинения, но также и публицистику, произведения религиозной, дидактической, биографической, мемуарной и художественной литературы, равным образом — и великие творения, и рядовые тексты, и широкий спектр эго-документов, в которых отражается социальное бытование представлений о прошлом в той или иной культуре.

Ожидается получить ответы на следующие вопросы: как люди разных культур и цивилизаций на разных исторических этапах представляли свое и «чужое» прошлое, осмысляя настоящее, закрепляя старые идеалы, нормы, поведенческие каноны, героические образцы или выдвигая новые жизненные ориентиры и намечая картины будущего; насколько осмысленны и универсальны были используемые ими понятия и категории, как были связаны эти образы, суждения и оценки с жизненными приоритетами; как соотно-

сились стереотипные представления в этой сфере и их интерпретация в разных социальных группах, что было особенного и общего в решении всех этих вопросов на Западе Европы, в России и в странах Востока. Для этого предстоит изучить:

1) условия и источники формирования (или средства конструирования) темпоральной картины мира, индивидуальных и коллективных представлений о прошлом, настоящем и будущем (включая устный эпос, легенды, сказания, предания, былины, мифы и т. п., ритуалы, проповеди, исторические сочинения, памятники, коммеморации, музеи, учебники, популярные издания, политическую публицистику, газеты и журналы, художественную литературу и изобразительное искусство и т. д., а также личный жизненный опыт и межличностную коммуникацию), о процессе изменений, о характеристике социума на разных его этапах (с дифференциацией типов источников по тому месту, которое занимает информация о прошлом в каждом из них, и по степени их распространения в обществе);

2) механизмы и факторы формирования индивидуальных и коллективных представлений (в семейно-родовых, этнических, локально-территориальных, статусно-сословных, профессиональных, религиозных, политических и других группах);

3) содержание индивидуальных и групповых / массовых, обыденных и профессиональных исторических представлений;

4) совокупность идей и образов, отражающих специфику восприятия, осмысления и оценки прошлого, связи прошлого, настоящего и будущего;

5) глубину и вектор исторической памяти (памяти о прошлом) как универсального способа построения идентичности с функцией ориентации в практической жизни;

6) иерархию различных типов событий и темпоральное распределение совокупности референтных событий;

7) комплекс аналоговых и контрастных характеристик «своего» и «чужого» прошлого, мифы об этнической / национальной исключительности;

8) традиционное для каждой цивилизации понимание истории, представления об историческом процессе, определение своего места в нем;

9) формы и модели историописания, складывание и трансфор-

мацию историографических традиций, представления о предмете исторического знания и т. п.

Можно выделить целый ряд аспектов, определяющих наиболее перспективные направления решения поставленной проблемы: роль исторических представлений в структуре общественного сознания, в самоидентификации индивида, социальной группы и общества; культурные универсалии и специфика восприятия и способов описания и интерпретации событий, повествовательных моделей и репрезентации исторического прошлого с точки зрения ситуации настоящего и идеальных образов будущего; историческое сознание в условиях культурных контактов различной природы и интенсивности; трансляция, взаимодействие и контаминация историографических традиций, напрямую выводящих на компаративистское обобщение и сопоставление представлений о прошлом в различных культурных ареалах и регионах Западной и Центральной Европы, России, в восточных цивилизациях (Китай, Индия, страны арабского Востока) и в разные эпохи их истории. Особое внимание, очевидно, следует направить на анализ устойчивых стереотипов и базовых мифов исторического сознания у разных народов и на изучение процессов деконструкции и замещения ключевых элементов исторической мифологии в так называемые переходные периоды и в «эпохи катастроф».

Для получения в результате конкретных исследований сколько-нибудь сопоставимых результатов (в масштабной компаративной перспективе) необходимо выделить ряд ключевых категорий и параметров. В их число необходимо включить такие фундаментальные аспекты исторического сознания, как его укорененность в историческом опыте, нормативно-ценностный характер, признание — в разной степени и в разных терминах — различия между прошлым и настоящим и понимание истории как процесса — связи между событиями во времени.

Предстоит на конкретно-историческом материале стран и регионов с очень разным историческим опытом, политическими и культурными традициями:

- выявить широкий спектр культурных концепций времени, моделей его восприятия, способов деления, измерения, маркировки и образной репрезентации, способов фиксации событий на временной

шкале в различных культурах, с учетом социальной дифференцированности и темпоральной изменчивости;

- изучить представления о времени (в связи с пространственными представлениями и представлениями о человеческой жизни) как антропологическую универсалию, выраженную в совокупности референтных понятий: рождение / смерть, начало / конец, рост (расцвет) / упадок (деградация), распад / воссоединение, повторение / изменение, предки / потомки, наполненность / пустота и т. д.

- показать взаимодействие разнородных образов времени и образов прошлого, свойственных разным цивилизациям, политическим образованиям или уровням общественного сознания.

Как подчеркивал Й. Рюзен [“Lo(o)sing the Order of History”]:

«В рамках разнообразия исторических перспектив единство истории может быть достигнуто лишь универсальностью ценностей в методической процедуре исторической интерпретации... Дело в том, что нам нужна ведущая система ценностей, *универсальная система ценностей, которая утверждает различие культур* (курсив мой — Л. Р.)»⁸.

Звучит парадоксально, но столь же внешне парадоксальным может показаться и более общий принцип сосуществования разных культур и цивилизаций в современном глобализирующемся мире — принцип «единства в многообразии». Между тем, поддерживая «нормативный принцип взаимного признания и подтверждения культурных различий», Рюзен предлагает развить его в когнитивную структуру, которая позволила бы реализовать новый подход к изучению исторического опыта, учитывающий жизненно важный для общественного согласия императив *согласования исторической памяти*. Речь идет о подходе, который, «синтезирует единство человечества и темпоральное развитие, с одной стороны, и разнообразие и множественность культур — с другой»⁹. Разработка такой когнитивной модели — актуальнейшая задача современного социогуманитарного знания.

---

⁸ Рюзен, Йорн. Утрачивая последовательность истории // Диалог со временем: альманах интеллектуальной истории. Вып. 7. М., 2001. С. 25.

⁹ Там же.

ИСТОРИЯ И ПЕРЕСТРОЙКА

Т. М. АТНАШЕВ-МИРЗАЯНЦ

ПРОЕКТИРОВАНИЕ КАК ГОРИЗОНТ ИСТОРИИ

ОПЫТ ПЕРЕСТРОЙКИ И ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЯ В НОВОЕ ВРЕМЯ

Проектирование задает горизонт понимания человеческих действий в истории Нового времени, хотя и не исчерпывает множества возможностей писать и осмыслять историю. Конец XX века был отмечен значительным ростом критических исследований по истории историографии и рефлексией о природе, методах и специфике историографических практик, большинство из которых выделяет и противопоставляет *повествование* и его риторические ограничения идеалу научного расследования, устанавливающего факты путем критического изучения источников¹. Это противопоставление часто накладывается в терминах Дильтея на оппозицию объяснение–понимание в гуманитарных науках². Значительно выросло и количество работ о коллективной или исторической *памяти*, обычно отсылающих к идеям М. Хальбвакса, но чаще говорящих о конструировании коллективной идентичности в политическом контексте и сравнивающих историю и память³.

---

¹ См. например, сборник интереснейших работ Кжиштофа Помьяна по истории историографии и методологии исторического исследования. *Pomian, Krzysztof. Sur l'histoire*. Paris: Gallimard, 1999.

² Мы отсылаем к доброжелательному и критическому варианту разбора сложности этих оппозиций П. Рикером, который предлагает теоретическую концепцию их преодоления посредством различения нескольких уровней «представления» прошлого. *Ricoeur P. La mémoire, l'histoire, l'oubli*. Paris: Seuil, 2000.

³ Например, Патрик Хаттон, чья книга об истории как искусстве памяти, конечно, не исчерпывается этими элементами, но в которой они играют ключевую роль.

Развиваемые сейчас по отдельности, эти две исследовательские перспективы, история как повествование и как память, могут быть плодотворно и по-новому переосмыслены в поле публичной истории, позволяющем осознать генеалогически общий для историографии и политической публицистики горизонт проектирования в истории. Для этого необходимо сместить акцент исследований с повествования и памяти на *проективный* характер «современных» представлений об истории. В этой перспективе изучение периодов высокого общественного интереса к прошлому, отмеченных дебатами и кризисами, проливает новый свет на профессиональную историографию. И обратно, возвращаясь к эпистемологическим основаниям современной историографии, мы можем глубже и адекватнее понять политическую полемику и кризисы XX в.

В первой части статьи мы обращаемся к уникальному всплеску интереса к истории в эпоху перестройки (1985–1991 гг.). В качестве сравнительного фона для этих ярких знаков будет кратко рассмотрена предшествующая эволюция официальной историографии в СССР (1938–1985 гг.). Как известно, в перестройку обсуждение темы сталинизма и, шире, отечественной истории, открыло первые серьезные политические дискуссии в расходящихся границах гласности. Массовое, эмоциональное и резко критическое обсуждение советской истории стало открытым ударом по основам легитимности сложившейся системы власти. Во многом исторические дискуссии задали политическую динамику перестройки и будущие линии раздела между формирующимися политическими позициями, включая появление содержательной оппозиции «лево — право». Политические последствия общественного интереса к истории (как и его угасание, почти сразу после перестройки) ставят вопрос о *природе* взаимовлияния политики и историографии, который мы рассмотрим во второй части.

Что делает историографию, обращенную из настоящего в прошлое, так легко политизируемой? И не менее продуктивный, но редко задаваемый обратный вопрос: что делает политические представления, обращенные из настоящего в будущее, легко историзируемыми? Среди ответов выделим те, которые породили классические исследовательские программы:

чевую роль: Hutton P. *History as an art of Memory*, University of Vermont, 1993. (“Maurice Halbwachs as a historian of collective memory”).

- *манипуляция прошлым* (возможность манипуляции и лжи о прошлом в интересах нынешней власти и встречная критика манипуляций)⁴;
- *историзм коллективной идентичности* (чувство коллективной сопричастности современников к людям и событиям прошлого делает прошлое и его интерпретации актуальными)⁵;
- *коллективное бессознательное* (коллективные травмы и преступления требуют терапевтического проговаривания этого опыта, чтобы смириться с травматическим прошлым)⁶;
- *неразделимость фактов и интерпретаций* (принципиальная неотделимость фактов от их ценностных и содержательных интерпретаций порождает в историческом повествовании непреодолимую множественность толкований, легко мотивируемых интересами сегодняшнего дня)⁷.

---

⁴ Множество современных исследователей рассматривают «политическое использование» прошлого. Представляется, что эта концептуальная рамка позволяет поставить интересные вопросы, но дает достаточно тривиальные результаты, ограниченные предположением сознательного «использования» истории. Мы предлагаем отказаться от этой узкой трактовки, ибо понимание истории и его логика так же «используют» авторов. См. например: *Political Uses of the Past. The recent Mediterranean Experience* / Jacques Revel, Giovanni Levi, (ed.). L.: Frank Cass, 2002; *Finley M. I. Mythe, mémoire, histoire : les usages du passé*. Paris: Flammarion, 1981; *Heer, Nancy. Politics and History in the Soviet Union*. MIT, 1971.

⁵ Идея истории как источника коллективной идентичности стала главной для множества исследований, где центральное место занимает проблема «коллективной» или «исторической памяти». В этом широком направлении заданного работами Нора, наиболее интересны работы о Латинской Америке, ЮАР и Германии, развивающие метафору «морального расчета» за преступления прошлого, предположительно необходимого для примирения политического сообщества. Ср. *Lefranc, Sandrine. Politiques du pardon*. Paris: PUF, 2002; *Nora, Pierre. Les lieux de mémoire. I. La République*. Paris: Gallimard, 1984.

⁶ Оригинальным выражением этого психоаналитического подхода к проблеме публичного осмысления прошлого в перестройку и в постсоветской России является книга Марии Ферретти: *Ferretti, Maria. La Memoria Mutilata, La Russia Ricorda*. Milano: Corbaccio, 1993.

⁷ Ср. типичную постмодернистскую формулу: “The fact that history *per se* is an ideological construct means that it is constantly being re-worked and re-

Эти подходы по отдельности и их комбинации все чаще и почти машинально применяются для анализа публичных представлений и дискуссий о прошлом. И в отношении перестройки они позволяют объяснить эмоциональность и резкость дискуссий о сталинизме и об отечественной истории в СССР. Но в этих теоретических рамках исследователям не удастся ни полно воссоздать основное содержание перестроечных дискуссий об истории, ни объяснить, почему определенный *историософский* язык стал основой дискуссий политических. Интерпретация перестроечных дискуссий в этих рамках апеллирует к здравому смыслу⁸ или к интуитивному пониманию, что явно отражает отсутствие действительно адекватной методологии, на что прямо или косвенно указывают авторы, активно изучающие современные историософские концепции и публичные дискуссии перестройки⁹.

Недостаточность широко используемого набора понятий можно восполнить в перспективе публичной истории, которая позволяет понять многие узловые идеи и идиомы дискуссий перестройки. Наша гипотеза состоит в том, что дискуссии о прошлом и настоящем среди публицистов, историков и политиков в эпоху перестройки, как и официальная доперестроечная советская историография, осмыслили и обсуждали историю, исходя из проектного понимания, сочетавшегося с вариантами марксистской философии истории. Собственно проектное понимание воссоздаваемого прошлого есть

---

ordered by all those who are variously affected by power relationships”: *Jenkins, Keith*. *Re-thinking the history*. N.Y.; L.: Routledge, 2003 (first ed. 1991). P. 21.

⁸ Наиболее полный и интересный вариант анализа находим у Р.В. Дэвиса, который внимательно рассматривает все разнообразие политических контекстов и нюансов этих дискуссий. Однако, не предлагая методологии анализа, Дэвис часто ограничивает свою интерпретацию рамками здравого смысла, критикой фактических неточностей и иронией. *Davies R. W. Soviet History in the Gorbachev Revolution*. London & Indiana, 1989; *Idem*. *Soviet History in the Yeltsin Era*. London: Macmillan, 1997.

⁹ И. Чечель, в близких нам терминах, предлагает осмыслить специфическое *смешение* научного и публицистического жанров в перестроечных дискуссиях об истории, прямо указывая на недостаточность используемого концептуального аппарата. См.: *Чечель, Ирина*: Советское общество и новое изучение истории 1985–1991 гг. // *Историческое знание в современной России: дискуссии и поиски новых подходов*. М.: РГГУ, 2005.

особая точка зрения *деятельного субъекта* в структурированном потоке истории, или же точка зрения «советника», «эксперта» на службе у деятельного субъекта, которую часто — и чаще всего негласно — принимает на себя историк.

В силу этой гипотезы, сама возможность политизации истории коренится не в предвзятом отношении, не в преднамеренной манипуляции или в политических симпатиях, но в исходной точке зрения, рассматривающей историю как результат сознательной и эффективной деятельности коллективных или индивидуальных субъектов, а не только судьбы, хаоса или закона. Поскольку вопреки представлению о непрактичности и даже ненужности истории в сравнении с другими научными практиками историография Нового времени так же подразумевает и нацелена на «техническое» преобразование общества, как и наука в целом. До внешнего вмешательства властных иерархий внутренняя политизируемость историографии происходит из проектного понимания истории, нацеленного на решение о действии¹⁰.

История в целом и ее значимые периоды тогда рассматриваются как реализация одного или нескольких политических проектов (таких как «реформы», «вестернизация», «революция», «социализм», «реставрация», «мобилизация», «держава», «модернизация» и др.), подлежащих *реконструкции* и *оценке* историком внутри предположительно сосуществовавших альтернатив и исторических ограничений эпохи, законов. Проектное понимание истории предполагает, что общий ход исторического процесса задает границы *возможностей*, а коллективные или индивидуальные субъекты реализуют в этих границах свои политические проекты. И реконструкция, и оценка политических проектов прошлого имеют политический смысл в настоящем, независимо от интенций историка.

Рассмотрев в первой части статьи ряд текстов, свидетельствующих о высокой политизации истории и о встречной историза-

---

¹⁰ Одна из основных философских тем XX века — критическое переосмысление научного знания как продолжения технического отношения человека к миру и к себе. Однако техноцентризм не обязательно должен рассматриваться как источник «зла» или искажения истины. Достаточно осознанно *принять* технический подход как одно из сущностных оснований социального знания и понимания.

ции политических дискуссий в эпоху перестройки (на фоне советской официальной историографии), во второй части мы выделим некоторые общие условия взаимного проникновения исторического и политического дискурсов. Это взаимопроникновение истории и политики в поле публичной истории представляется одним из продуктов общественного самосознания Нового времени, кристаллизованного в идее репрезентации коллективного субъекта — в варианте Великой французской революции — в идее нации¹¹.

Царство публичной истории в СССР и «конец истории» в 1989г.

Резкий всплеск общественного интереса к советскому и российскому прошлому во время перестройки был спровоцирован беспрецедентным потоком ревизионистских публикаций об истории в массовой прессе и толстых журналах. Инициированный Горбачевым, начиная с зимы 1987 года, и контролировавшийся членом политбюро А. Яковлевым¹², этот поток включал публикации в газетах и журналах, пьесы и фильмы, предлагавшие критически переосмыслить сталинский период советской истории. Однако дискуссия, следовавшая за этими организованными публикациями, существенно превзошла масштаб академической полемики или традиционной советской кампании в прессе. Почти все сообщество читателей оказалось зараженным своеобразной *исторической лихорадкой*, на фоне ужесточения экономического и политического кризиса. Эта сверхпопулярность истории в перестройку и задает вопрос нашего исследования: в какой мере можно объяснить общественную и политическую значимость «истории», исходя из самих текстов дискуссий?

---

¹¹ Мы во многом следуем за синтезом Марселя Гоше, который рассматривает формирование категорий исторической науки в ответ на импульс Французской революции: коллективное участие масс в истории посредством политического представления, представительства в широком смысле. Понятия нации и революции оказываются моментами коллективного действия в истории, освященного третьим ключевым понятием — обществом. *Philosophie des sciences historiques, Le moment romantique / Textes reunis et présentés par M. Gauchet*. Paris : Seuil, 2002.

¹² См.: *Davies R. W. Soviet History in the Gorbachev Revolution*. P. 133, 144-145; *Медведев В. В команде Горбачева. Взгляд изнутри*. М.: Былина, 1994. С. 59-69.

Речь идет об изучении места и смысла публичных дискуссий о прошлом в политическом развитии перестройки. Перестройка сама стала мифом, и естественным образом ее новые прочтения накладываются на искажения и беспамятство предыдущих прочтений. Наша главная идея заключается в том, чтобы, вместе с другими историками участвуя в создании «новых мифов» о перестройке, обратиться к центральному для того времени типу политической аргументации — к философии истории и к рождающейся из нее проектной политике. Трудность и полезность этого мнемонического упражнения для современного ума состоит в том, что в сегодняшнем контексте обострилось проектное понимание политики, а восприятие аргументов и хода мысли, связанных с философией истории, существенно притупилось.

Чтобы осмыслить дискуссии конца 1980-х гг., необходимо принять во внимание эволюцию ключевых идиом в официальной доперестроечной историографии. Это позволит высветить меру преемственности и меру действительной новизны перестроечных дискуссий о прошлом. Как известно, советская историография, в своем официальном выражении с начала 1930-х гг., находилась под прямым внешним контролем партии и под внутренним прессом самоцензуры и самоконтроля¹³. Поэтому эволюция исторических текстов в учебниках и обобщающих изданиях отражала эволюцию *вменяемой* историографии публичной роли, а не собственно научную динамику. Монополия на массовые коммуникации усиливала значение этой *вменяемой*, официальной версии истории. Соответственно, мы говорим об официальной историографии как о *публичной истории*, т. е. о представлениях об истории, господствующих в публичном пространстве.

---

¹³ «Историк знает: 1931 год в области идеологии и связанных с нею сфер гуманитарного знания означал конец автономии мысли». Цитата М. Гефтера в интервью: *Павловский Г.О.* Тренировка по истории, Мастер-классы Гефтера. Русский Институт, 2004. С. 75. Это давление не исключало самостоятельности отдельных ученых, формировавших узкий круг учеников и коллег, в котором сохранялась традиция профессиональной историографии. Ср. разноречивые свидетельства о степени независимости советской историографии от внешнего контроля: *Поляков Ю.А.* Историческая наука: люди и проблемы. М.: РОССПЭН, 1999. С. 209-213; *Гуревич А.Я.* История историка. М.: РОССПЭН, 2004. С. 93-111.

В целом, в «марксистско-ленинской» риторике легитимация власти коммунистической партии и обоснование самого существования СССР основывались на постоянном обращении к историографии и к марксоидной философии истории. *Краткий курс истории ВКП(б)* и последующая официальная история Советского Союза вплоть до смерти Сталина подчеркивали постоянное противоборство внутри партии одной группы деятелей, заинтересованных в единстве партии и народа во имя осуществления коммунистического проекта, и, с другой стороны, деятелей и сил, так или иначе работающих на подрыв единства партии, народа и страны, т. е. против коммунистического проекта¹⁴. Основным критерием оценки исторических деятелей в *Кратком курсе* становится критерий верность–измена единству партии, олицетворенному позицией «Ленина–Сталина», а не собственно внутренняя мотивация или какое-то иное значение действий.

Суждение о действиях и их последствиях формируется на основе четко прописанного критерия: поддержка позиции «Ленина–Сталина», отождествляемой с самим принципом единства партии. А законы «марксизма-ленинизма» здесь оказываются лишь фоном усиления борьбы этих двух группировок. С другой стороны, ключевой составляющей нового подхода было систематическое сокрытие или переписывание исторических «событий», включая прямую фальсификацию документов прошлого в пользу их большего соответствия текущему варианту интерпретации истории партии.

Сталинская модель несколько раз видоизменяется после 1953 г., и накануне перестройки можно заметить смещение акцента

---

¹⁴ «Краткий курс» дает такую общую характеристику ситуации в партии в 1912 г. накануне разделения на большевиков и меньшевиков: «Борьба с ликвидаторами и отзовистами, равно как и борьба с троцкистами, поставила перед большевиками насущную задачу — сплотить воедино всех большевиков и оформить их в самостоятельную большевистскую партию». История Всесоюзной Коммунистической Партии (Большевиков). *Краткий курс* / Под ред. ЦК ВКП (б). ОГИЗ. С. 134. Ситуация в 1921 г. описывается в рамках той же модели борьбы оппозиции против единства партии: «Троцкому в его борьбе против Ленина и партии помог Бухарин... Ленин и ленинцы направили свой главный удар против троцкистов, как основной силы антипартийных группировок... В борьбе с оппозиционными группировками партийные организаторы сплотились вокруг Ленина». Там же. С. 242.

с модели *внутреннего* противоборства двух проектов в сторону модели исторически неизбежной победы коммунистического проекта в СССР. Внутренняя борьба уходит и переносится вовне страны, так что речь отныне идет о *внешнем* и по преимуществу мирном «соревновании двух систем»¹⁵. Даже победа во Второй мировой войне, после отставки Хрущева ставшая важнейшим моментом в легитимации всей системы власти, регулярно представлялась не столько как подвиг народа в борьбе против внешнего врага, сколько как иллюстрация исторического превосходства, «коренного преимущества» политической системы СССР над капитализмом¹⁶. И центральная интрига внутри страны перемещается от обличения заблуждений или злонамеренного «вредительства», «предательства» в отношении внутренних врагов советского проекта — в сторону более мягкого осуждения «ошибок» и «перегибов», как в отношении репрессированных «отступников», так и в отношении инициаторов внутренних репрессий, которые были, пусть и не всегда публично, осуждены в предшествующий период оттепели¹⁷. Упрощая, можно схематизировать эту эволюцию как переход от ряда идиом борьба–угроза–измена к новому ряду идиом закономерность–верность–перегиб. Общим в этих моделях публичной истории остается принципиальное предпочтение *единства* множественности в политике и немислимость положительной *альтернативы* в истории.

Негласный консенсус на запрет публичных проявлений политической борьбы в позднесоветском руководстве отразился в официальной историографии через стирание проблематики борьбы между лидерами, «группами», «фракциями», «оппозицией», «предателями» и единой партией — в пользу идиом обезличенного исторического

---

¹⁵ Франсуаза Том полагает, что для позднесоветской идеологии характерна подмена идеи поступательности исторических фаз, ведущих от капитализма к коммунизму, идеей географической экспансии социалистического блока: *Thom, Françoise. Le moment Gorbatchev*. Hachette, 1991. С. 17.

¹⁶ См.: *Ахромеев С.* Великая победа и уроки истории // *Новый Мир*. 1985. № 5. С. 4, 11.

¹⁷ Ср. текст доклада Хрущева на XX съезде и классическую интерпретацию Лашичем, стремящимся подчеркнуть разницу между Лениным и Сталиным в отношении к внутренней оппозиции. Мы полагаем, что Хрущев проводил различие между «ранним», ленинским Сталиным и — с конца 1930-х — Сталиным злоупотребляющим. *Lazitch, Blanko. Le rapport Khrouchtchev et son histoire*. Paris: Seuil, 1976.

процесса и идиом, подчеркивающих скорее «консолидацию», «преемственность», «единство», чем борьбу, дискуссии или расколы¹⁸. Формату безличного коллективного руководства с начала 60-х гг. соответствовало господство коллективных монографий в исторической науке, когда почти все статусные историки публиковали много-томные совместные работы, касающиеся идеологически наиболее значимых периодов — советского периода в целом и в особенности Октябрьской Революции и Великой Отечественной войны¹⁹.

Итак, в рамках поздней советской историографии политическая власть и ее проекты принципиально не осмыслились как политические. Потому что ни конкретные действия руководства, ни конкуренция и борьба центров власти, лидеров и групп, ни легитимность системы господства в СССР в целом не могли быть поставлены историком под сомнение и, в конечном счете, просто осмыслены, описаны в терминах конкретных причинно-следственных связей. Вменяемая и провозглашаемая неизбежность советского социализма (со всеми конъюнктурными особенностями его текущей версии) подталкивала историков к тому, чтобы убирать из поля внимания все серьезные события и тенденции, не вписывавшиеся в эстетику неизбежного торжества нынешнего варианта социализма. Если в сталинской историографии «враги партии», находившиеся в центре внимания, ставили (пусть и в переложении осуждающего их текста) перед читателем вопрос о легитимности и альтернативе, то в начале восьмидесятых внутренняя борьба почти совсем выпадает из фокуса советской публичной истории²⁰.

---

¹⁸ Так, резюмируя советскую историографию семидесятых годов, посвященную Октябрьской Революции, четыре соавтора подчеркивают растущую роль исследований «революционных традиций», «преемственности», «совершенствования» Советов как органов диктатуры пролетариата и т. п. Этим подчеркивалась долгая историческая связь ВКП(б) с рабочим классом и закономерность будущей политической победы партии большевиков даже внутри короткой и драматической фазы истории — революции. В том же смысле, говоря о буржуазных и мелкобуржуазных партиях, «исследователи обратились к... закономерностям их краха и распада». *Историография истории СССР, Эпоха социализма* / И. И. Минц (ред.). М., Высшая школа, 1982. С. 258-260.

¹⁹ См.: *История СССР с древнейших времен до наших дней*. М., 1966–1981. Т. I–XII. *История Великой Отечественной войны советского народа в 1941–1945 гг.* М., 1960–1965. Т. I–VI и др.

²⁰ В этом отношении и официальная история историографии представляет собой вариант этой новой схемы, нивелирующей борьбу и противоречия.

Итак, в апогей политической победы Сталина и его команды внутри Политбюро в конце 1930-х, историческая альтернатива и внутренняя борьба означали на сталинском языке не открытость, но измену, и были всегда осуждаемы. Это значит, альтернатива все же оставалась различимой и признанной, пусть и как губительная, опасная, но все же возможная. Напротив, в позднесоветской историографической модели, сложившейся к началу перестройки, проблематика внутренней борьбы и альтернативы совершенно стирается в пользу общей прогрессивной «закономерности» развития и обезличенности в описании истории²¹.

Таким образом, общественной «функцией» историографии в позднем СССР было не просто воспитание патриотизма и не столько идеологическая мобилизация, но нарастающее сжатие собственно *политического* измерения в публичном осмыслении прошлого и настоящего. Советский проект и его коллективное руководство представлялись успешными, неуязвимыми и безальтернативными в силу объективных исторических закономерностей, а серьезная альтернатива, внутренняя борьба, конфликты — стертыми²². Но даже

Так, Е. А. Луцкий переоценивает критику «школы Покровского» в конце 20-х годов в типичной примиряющей формуле: «Оценка взглядов “Исторической школы Покровского” как антимарксистских являлась не совсем объективной, хотя исходила из действительных ошибок Покровского по ряду вопросов». И. И. Минц, (ред.). Указ. соч. С. 108.

²¹ Как указывает Ю. А. Поляков, сразу после отставки имя Хрущева так же стало заменяться безличной должностью, как и имя Сталина ранее заменялось безличной Ставкой. В целом нивелируется как острота политической борьбы и агрессивной риторики сталинского периода, так и борьба в политбюро после смерти Сталина, острота хрущевской критики «культы личности» и его преступлений и, наконец, борьба при смещении Хрущева в 1964 г. Ср.: *Carrer d'Encausse, Helene. La destalinisation commence. Bruxelles: Editions Complexe, 1984. Pp.24-31, 49-53; Поляков Ю. А. Историческая наука: люди и проблемы. М., РОССПЭН, 1999. С. 261.*

²² В том же смысле философ и историк культуры Э. Ю. Соловьев отмечает, что в семидесятые годы прилагались все усилия к тому, «чтобы представить наличное состояние общества как режим, не ведающий глубинных конфликтов и коллизий. Описание социальной динамики было вновь подчинено таким терминам, как «развитие», «дальнейшее упрочение», «дальнейшее совершенствование», «стирание»...». *Соловьев Э. Ю. Прошлое толкует нас. М.: Политическая Литература, 1991. С. 5.*

такое негативное представление политического остается внутри перспективы определенной *проективной* философии истории, в которой конкретной организованной группе людей, «единой-единственной» партии²³, принадлежит монополия на понимание истории и на успешное коллективное действие в истории.

В перестройку положение довольно резко меняется через два года после прихода к власти нового генерального секретаря, М. С. Горбачева и его новой идеологической команды²⁴. Более активное использование уже известной со времен Хрущева и раннего Брежнева модели «критики предшествующих лет» и еще более резкая переоценка сталинского террора как причины текущего отставания и прошлого «застоя» в СССР переросли к началу 1989 года в общий идеологический кризис. Дискуссии о прошлом прямо предшествовали этому кризису и явились одним из ключевых этапов делегитимации советской «административно-командной системы» и «монополии КПСС» на политическую власть, а точнее делегитимации всей системы государственной власти в СССР. Публичные дискуссии о прошлом в 1987–1988 гг. отталкивались от проблемы массовых преступлений сталинского времени. Вопрос об ответственности за эти преступления и вопрос о «покаянии», очищении, «десталинизации» явно и осознанно воспринимались участниками дискуссий как политические. И эта часть дискуссий о политической и моральной ответственности за преступления прошлого может быть частично истолкована в категориях коллективной «исторической идентичности», оказавшейся в кризисе перед лицом массовых преступлений, ранее совершенных во имя или от имени этого коллектива и теперь преданных гласности²⁵.

²³ «Единое-единственное» — термин М. Я. Гефтера, описывающий историческую концепцию, лежащую в основании монополии партии на власть и внутренней монополии руководства на власть в партии. См. Беседы с Гефтером в изложении Г. О. Павловского: *Тренировка по истории, Мастер-классы Гефтера*, Русский Институт, 2004.

²⁴ Среди наиболее активных сторонников идеологических перемен в Политбюро и аппарате Горбачева — А. Яковлев, В. Медведев, Ю. Болдин, К. Шахназаров и связанные с А. Яковлевым общественные фигуры, такие как Е. Яковлев, В. Коротич, Ю. Афанасьев, А. Ципко.

²⁵ Здесь возникает возможное, но противоречивое сравнение с осмыслением ответственности за преступления в послевоенной Германии. См.: Россия

Далее, интеллектуальная динамика перестройки постоянно изменяет рамку дискуссий. И вопрос об ответственности ведет дискуссии к вопросу об общих причинах исторического процесса и к вопросу о свободе выбора в историческом контексте. Таким образом, исследуя эти дискуссии в их динамике, необходимо выйти за периметр, обозначенный понятиями коллективной ответственности и памяти. Переход публицистов и историков от обсуждения репрессий и террора к попыткам понять и оценить эти события с точки зрения *исторических закономерностей* (а не просто моральное осуждение преступлений) вовлекает участников в дискуссию о философии истории и об альтернативных политических проектах²⁶. Поэтому мы предлагаем вести реконструкцию перестроечных дискуссий в критически переосмысленных идиомах философии истории и политического проектирования.

Как мы видели, стирание публичных политических разногласий и политической борьбы, приводившее к «забыванию» нереализованных проектов или просто тенденций развития, становится все более заметным после смерти Сталина. Эта монологическая стерилизация публичной истории достигает апогея в начале 80-х и господствует в публикациях вплоть до конца 1986 г.²⁷ Симметрично, первый этап дискуссий перестройки был отмечен утверждением альтернативности и поражений в истории в противовес сложившейся главной схеме неизбежности и закономерности торжества социализма.

Несмотря на ощущение революционности идеологических перемен, эта зеркальная симметричность или перевертывание знака есть так же знак преемственности публичной истории до и после

и Германия: На пути к антитоталитарному согласию / А. Чубарьян, Л. Кюнхардт (ред.). М., ИВИ РАН, 2000. 278 с. Как показали работы Марии Ферретти, психоаналитическая модель тоже дает интересные возможности симптоматического истолкования дискуссий о коллективной вине, раскаянии и уклонении от ответственности. См.: *Ferretti, Maria. La Memoria Mutilata, La Russia Ricorda. Milano: Corbaccio, 1993.*

²⁶ Мы опираемся на разбор статей в толстых и профессиональных журналах, а также на ряд сборников статей периода перестройки.

²⁷ Как указывает Р. Дэвис, в первые полтора года на посту генерального секретаря Горбачев придерживался сложившихся клише и выражал нежелание публично пересматривать сталинский период. *Davies R. W. Soviet History in the Gorbachev Revolution. London & Indiana, 1989. P. 129.*

перестройки. Критика прежних идиом и реинтерпретация ключевых событий происходила в перестройку при сохранении подлежащего типа историософской аргументации. Эту критику можно рассматривать как диалог с официальными советскими интерпретациями истории, который частично ведется в рамках сложившегося историософского языка. Так, политический смысл и *динамика* дискуссий перестройки о прошлом заключались в том, чтобы интеллектуально освободить поле для возможности альтернативного политического действия внутри господствующей историософской картины политического мира. Это расширение поля было изначально нацелено на обеспечение реформы советского проекта СССР (М. Горбачев, Г. Шахназаров, О. Лацис, А. Мигранян и др.), но постепенно открывает и возможность оппозиции к нему (национальная интеллигенция союзных республик, А. Яковлев, Ю. Афанасьев, А. Ципко, И. Клямкин, но также А. Проханов и др.)

Проективный характер публичного описания и осмысления истории в перестройку проявился, прежде всего, в растущем влиянии идиом «выбора пути общественного развития» и «исторической альтернативности», параллельно введенных в оборот с середины 1960-х гг. историками П. Волобуевым, М. Гефтером, и А. Гуревичем.²⁸ Эти изначально маргинальные историографические идиомы и методологические инновации, появившиеся в 1960-е гг. и постепенно получавшие распространение, стали центральными и для исторических, и для политических дискуссий перестройки. Использование идиом «пути», «альтернативы», «исторического выбора» и их комбинаций открывало возможности понимания прошлого как поля борьбы нескольких возможных будущих и возвращало традиционное политическое измерение истории.

---

²⁸ Эту тему разрабатывал М. Барг и некоторые другие историки, но наибольшее влияние имели работы П. Волобуева, неортодоксального специалиста по истории революций 1905 и 1917 гг., и М. Гефтера, организовавшего в 1964 г. секцию методологии истории в Институте истории АН СССР. Результаты исследований П. Волобуева в советский период были опубликованы в 1987 г. в его книге «Выбор путей общественного развития, теория, история, современность» (М., Политиздат, 1987). См. также: *Гефтер М.* Многоукладность — характеристика целого // Вопросы истории капиталистической России. Свердловск, 1972; *Гуревич А. Я.* Общий закон и конкретная историческая закономерность истории // Вопросы истории. 1965. № 8.

Использование этих идиом также давало авторам возможность скрыто критиковать действия руководства партии в прошлом, поскольку наличие альтернатив позволяло вменять руководителям *ответственность* и за прямые преступления, и за непредвиденные последствия. При этом сохранялась философия истории, которая сочетала идею исторической неизбежности и идею осознанного выбора: возможность выбора пути или выбора альтернативы существует в рамках этого подхода только в определенные периоды, и если эти возможности не были использованы вовремя, дальнейшее развитие достаточно жестко предопределено. Если эта интерпретация истории действительно была ключевой в перестроечных дискуссиях, то очевиден проективный и историософский характер подлежащей логики. Более того, перенос этих идиом из области дебатов о прошлом на современность утверждал возможность политического «выбора» для перестройки и открывал путь к гласному обсуждению этого выбора. Таким образом, публичная история может задавать не только господствующее понимание прошлого, но и формировать текущую политическую повестку дня в исторических терминах.

Ключевому характеру историософских идиом «выбора», «пути» и «альтернативы» отвечает *разнообразие* контекстов, в которых они употребляются (историография, публицистика в толстых журналах, круглые столы, литература и искусство в целом, газеты, политические речи) и их использование для аргументации в пользу разных и даже *противоположных* позиций²⁹. Мы рассмотрим несколько статей, написанных ведущими публицистами перестройки, которые в разных контекстах и в разное время используют идиомы *альтернативы* и *выбора пути*, осмысляя исторический опыт сталинской эпохи и будущую перспективу перестройки.

В сборнике «Осмыслить культ Сталина» мы находим эти идиомы уже в названиях статей: одной — на экономические темы, написанной двумя известными авторами В. Поповым и Н. Шмелевым, «На развилке дорог. Была ли альтернатива сталинской модели развития», и статьи руководителя первого социологического цен-

---

²⁹ Мы прямо опираемся здесь на развернутое методологическое определение устойчивой «идиомы», данное историком политического дискурса Дж. Пококом. *Pocock J. G. A. Virtue, Commerce, and History. Essays on Political Thought and History*. Cambridge University Press, 1983. P. 10.

тра СССР, Ю. Левады «Сталинские альтернативы». Статья двух экономистов использует метафору «развилки путей» и «альтернативы» в классическом смысле и приводит читателя к выводу об ответственности Сталина и шире — всего «бюрократического класса» за свертывание успешной политики нэпа:

«Тогда мы стояли на развилке дорог. В истории наций и государств, как и в жизни отдельных людей, такие развилки не редкость... Такой ключевой развилкой, вне всякого сомнения был период нэпа, особенно его первые годы. Если бы мы тогда не остановились только на экономических реформах, а пошли дальше по пути демократических политических преобразований... — убеждены, никогда бюрократический аппарат не смог бы захватить и свернуть нэп»³⁰.

Ведущий социолог Ю. Левада употребляет эту метафору иначе: для него «сталинская альтернатива» — это каждый раз упрощенное понимание сложной *ситуации*, из которой не столько Сталин, сколько общий сталинский «стиль» выбирал самое простое, самое примитивное решение, в итоге ведущее общество в тупик³¹. Такая «альтернатива» означает грубое сужение возможностей выбора в рамках сталинского упрощения ситуации, а не положительную открытость истории. Причем, упрощение выбора было мотивировано историческим поражением более сложных и лучших вариантов *еще до* установления полного господства Сталина: «Он не нарушил, но исполнил — довел до логического абсурда “естественный” ход событий...»³². Так, Ю. Левада, говоря о сталинских альтернативах, осторожно указывает на определенный склад мышления и действия, который принципиально неэффективен, ибо неизбежно уничтожает сложность. Речь шла об осуждении большевизма как по-своему естественного тупика российской истории.

³⁰ Попов В., Шмелев Н. На развилке дорог. Была ли альтернатива сталинской модели развития // Осмыслить культ Сталина / Х. Кобо (ред.). М., Прогресс, 1989. С. 323.

³¹ «Прокладывая путь, построили тупик. Если, подводя итоги, оглянуться на пройденный трудный путь, можно представить, что из всех возможных вариантов на каждом повороте сталинизм [как стиль] выбирал самый худший, самый примитивный, самый неэффективный». Левада Ю. Сталинские альтернативы // Осмыслить культ Сталина. С. 448-460.

³² Там же. С. 451.

Несмотря на различия, основной вопрос для этих авторов можно по существу интерпретировать в терминах проективного понимания истории. Так, один из наиболее видных публицистов перестройки и член редколлегии журнала «Коммунист», Отто Лацис, анализирует растущее внимание к вопросу об альтернативах сталинскому пути в перестройку. Рефлексивным указанием на центральность вопроса не только для него, но и для предполагаемой *аудитории* Лацис подтверждает наше предположение о распространенности данной идиомы в размышлениях об истории. Более того, он резюмирует этот «общий» ход мысли в дискуссиях о прошлом в терминах проективного понимания хода истории:

«В пору гласности и перестройки историки начали сначала... Прежде всего в центре внимания оказался вопрос об исторических альтернативах сталинизму. Открывалась ли перед страной возможность иного пути? Если да — то почему она осталась неиспользованной? Иначе говоря, каково соотношение объективных и субъективных причин сталинизма? Политическое значение этих вопросов очевидно, как и их научная сложность»³³.

По контрасту, в другом контексте находим идиому *альтернативы* в высказываниях одного из ведущих статусных советских историков, академика РАН И. И. Минца. Выступая на круглом столе в 1987 г., Минц так переосмысляет вопрос об адекватности теории «ступеней» или «этапов» исторического развития:

«Насколько точно соотносятся общепринятая логическая схема основных этапов развития и реальная логика исторических фактов? Я бы подошел к ответу на этот вопрос с другой стороны... Мы предлагаем всему миру альтернативу, выход из того тупика, в который заводит человечество империализм»³⁴.

Здесь образ социализма как мировой альтернативы позволял по-новому защищать положительный опыт социализма, в ответ на явно возникающие сложности с интерпретацией современной истории в рамках классической марксистской классификации исто-

---

³³ Лацис О. Сталин против Ленина // Там же. С. 217.

³⁴ Круглый стол «Основные этапы развития советского общества» // Коммунист. 1987. № 12. С. 71.

рии, вульгаризированной до сталинской «пятичленки». Неизбежное превосходство социализма над капитализмом, основанное на *законах истории*, по сути, не предполагающих выбора, теперь замещается моральной привлекательностью социализма как олицетворения возможности *выбрать* морально и политически лучшее³⁵.

При этом, такие известные публицисты, как, например, И. Клямкин, могли обыгрывать популярную идиому «выбора пути» даже для того, чтобы, добиваясь максимального риторического эффекта, утверждать противоположный методологический взгляд на историю. В своей статье «Какая дорога ведет к храму?»³⁶, ставшей референцией для формирующегося демократического альянса, Клямкин фактически доказывает неизбежность прихода большевиков к власти и неизбежность установления тоталитарной системы после революции³⁷. Идея этого интереснейшего автора в том, чтобы признать неизбежность советского и российского прошлого, ограниченного человеческим типом русской деревенской общины, который не был приспособлен для жизни в многоголосом и либеральном городе. В терминологии, общей и для официального советского дискурса, и для перестройки, это означает оправдание Сталина и призыв отказаться от реформ в СССР.

Но Клямкин делает еще одно движение и утверждает закон диалогического развития и свободы, как непреодолимый закон истории, противостоящий исторически обреченному монологу административной системы. Таким образом, в настоящем автор и

---

³⁵ Сходное употребление метафоры социализма как «мировой альтернативы» можно найти у многих западноевропейских авторов, развивающих левую идеологию и после краха советского социализма в 1989–1991 гг. Ср.: *Une histoire de l'avenir, Méssianité et révolution / Jocelyn Benoist, Fabio Merlini (ed.)*. Paris : Librairie philosophique de J.Vrin, 2000. P. 144.

³⁶ Клямкин И. Какая дорога ведет к храму? // *Новый мир*. 1987. № 11. С. 151-188.

³⁷ Отталкиваясь от вопроса, заданного героиней фильма «Покаяние», Клямкин призывает не спешить с ответом и не вычеркивать из памяти дорогу прошлого: «Была ли другая улица? Был ли выбор у сотен, тысяч, миллионов современников того героя фильма, который приносит им так много зла? Случайны ли его власть и их подчинение, или было во всем этом то, что в древности называли судьбой, в средние века — предопределением, а мы с вами называем исторической закономерностью?». Там же. С. 151.

читатель вновь обретают выбор, который, как и в марксистской философии истории, может быть сделан в согласии с законами истории, но теперь этот закон — есть закон свободы³⁸. Поняв диалогичность законов развития, городская интеллигенция может начать бороться за свободу, тем самым ускоряя историю:

«Борьба идет не просто между бюрократами и небюрократами, а между общественными группами, на которые опираются те и другие. И главный вопрос в том и состоит, кто сумеет повести массовые силы, действительно заинтересованные в перестройке... научно-техническую и гуманитарную интеллигенцию? Перестройка не снимет противоречия, а, наоборот, углубит их. Бояться этого нечего: противоречия, как известно, не тормозят, а ускоряют общественное развитие»³⁹.

В 1988 г. появился сборник с символическим названием «Иного не дано» под редакцией публициста и историка Ю. Афанасьева⁴⁰. В этом известном сборнике, ставшем одним из символов идеологии перестройки, на историческом материале доказывается желательность и неизбежность отказа от «тупикового пути развития», к которому теперь, выражаясь на языке перестройки, неизбежно вели «70 лет Советской власти». В наиболее радикальных версиях, также появившихся в конце 1988 года, к историческому тупику вела сама исходная марксистская идеология⁴¹. Отказ от советского марксизма-ленинизма должен произойти в пользу выбора западных, либеральных ценностей плюрализма и свободы под угрозой отстать от хода исторического развития.

На деле, сборник «Иного не дано» объединил авторов с достаточно разными позициями, включая и одного из авторов идеи исторической альтернативы М. Гефтера или известного историка культуры Л. Баткина, который в своей статье «Возобновление Ис-

---

³⁸ Перед тем, как сделать заключение, Клямкин упоминает необходимость вспомнить «темного» Гегеля и призывает осознать либеральные экономические законы как «истину», а административное регулирование как «заблуждение». Впрочем, речь формально идет о познании «действительных законов развития реального социализма». Там же. С. 187.

³⁹ Там же. С. 188.

⁴⁰ Иного не дано. М.: Прогресс, 1988.

⁴¹ Цитко А. Истоки сталинизма // Наука и жизнь. 1988. № 11.

тории» писал о нарастающем ощущении ускорения «левого» движения, которое открывает новые, заранее не предсказуемые рамки «исторически возможного»⁴². Однако, редакционная статья, большинство публикаций и рамка, заданная названием, придавали значительное метафорическое единство внутри идиомы неизбежности выбора в пользу радикальной либерализации и отсутствия исторической альтернативы такому выбору.

Другой известный перестроечный автор в конце 1990 г. так описывает и объясняет рост интереса к истории, к вопросам об альтернативе, оценке решений и тупиков, унаследованных «нами», т.е. читающей и пишущей советской публикой, от прошлого:

«Где мы окажемся завтра? Для того, чтобы понять это, необходимо уяснить, где мы находимся сегодня. А для этого, в свою очередь, — осознать, где мы были вчера. Да и позавчера. Отсюда и все возрастающий интерес к новейшей истории как подлинной, так и альтернативной (гипотетической), отсюда оценки и переоценки исторических решений и свершений, событий, путей и тупиков недавнего прошлого...»⁴³.

Эти авторские рефлексивные обобщения, как и ряд других приведенных выше, особенно ценны для подтверждения нашей собственной реконструкции перестроечных дискуссий об истории и их места в общеполитических дискуссиях. При этом, очевидно, что автор, открывающий статью подобным синтетическим обобщением «второго уровня», имеет свою собственную риторическую задачу: убедительно представив ход мысли (большинства) читателей и других авторов, он стремится повести публику за собой, как-то изменив сложившиеся представления и идиомы и вводя новые. В этой статье В. Топоров вводит метафору эксперимента, описывая все семьдесят лет после Октябрьской революции как «*мировую социальную перманентную революцию*»: «эксперимент, планетарных

---

⁴² «За три года в нашей политической жизни произошло достаточно такого, что в 1985 г. любой здравомыслящий человек признал лежащим вне сферы возможного. И еще не вечер. Да, политика — это искусство возможно, но не так-то просто сказать, что для этой загадочной дамы Истории возможно и что невозможно». Цит. по *Баткин Л. М. Возобновление Истории*. М.: Московский Рабочий, 1991. С. 45.

⁴³ *Топоров В. После поражения // Нева. 1990. № 6. С. 160.*

масштабов, который и определил нашу трагическую историю, создав предпосылки и для сегодняшнего развала, и для отнюдь не исключенного завтрашнего апокалипсиса»⁴⁴. Так, весь советский проект и его исторический опыт определены как «эксперимент», «перманентная революция», «непрерывная война». А выходом из надвигающейся катастрофы видится только признание своего *поражения* в войне против мира и истории, что отныне представляется историческим смыслом и даже замыслом перестройки:

«Невыносимо тяжелую ношу приходится выронить или погибнуть. Третьего, или как говорят теперь, *иного не дано*. Понимают ли это руководители партии и государства? Думаю, что понимают. Более того, именно этим, если не только этим, пониманием следует объяснять исторический поворот к процессам, получивший название перестройка»⁴⁵.

Наконец, в 1990 г. на русском языке появляется перевод свежей статьи Ф. Фукуямы в журнале «Вопросы философии»⁴⁶. Статья, породившая долгое и неверное эхо в научных и публицистических дискуссиях, стала знаковой для общей евро-американской культуры конца XX века. Несмотря на вопросительный знак в заглавии, статья однозначно провозгласила конец истории. Утверждая, что речь идет о конце истории только в царстве идей и идеологии, а не в области исторических событий, Фукуяма, однако, активно обсуждает фактический кризис социализма в СССР, Восточной Европе и Китае. Статья начинается и заканчивается рассуждениями о причинах кризиса социализма и фактического отказа Горбачева⁴⁷ от советского проекта и выставляет диагноз фундамен-

---

⁴⁴ Там же. С. 162.

⁴⁵ Там же. С. 166 (курсив наш).

⁴⁶ Американский вариант выходит летом 1989 года, в разгар бархатных революций в Восточной Европе, и на русском статья появляется уже в марте 1990 г. *Fukuyama, Francis. The End of History? // The National Interest, Summer 1989; Фукуяма Ф. Конец Истории? // Вопросы философии. 1990. № 3.*

⁴⁷ «При всей важности происходящего в Китае, именно события в Советском Союзе — “родине мирового пролетариата” — забывают последний гвоздь в крышку гроба с марксизмом-ленинизмом... Неоднократные утверждения Горбачева, будто он стремится вернуться к первоначальному смыслу ленинизма, сами по себе лишь вариант оруэлловской “двойной речи”». *Фукуяма Ф. Указ. соч. С. 142-143.*

тально новой ситуации в мире: «Триумф Запада, западной *идеи* очевиден прежде всего потому, что у либерализма не осталось никаких жизнеспособных альтернатив»⁴⁸. Несмотря на обилие критических комментариев, этот главный тезис Фукуямы не был оспорен, но по умолчанию принят. Возможно потому, что, как мы видели, этот тезис удивительно точно совпал с внутренней динамикой историсофских дискуссий в перестроечной печати и был сформулирован японским американцем с помощью ключевых для перестройки исторических идиом и метафор.

Можно схематично восстановить внутреннюю динамику дискуссий о публичной истории в терминах проектного и историсофского понимания. Во-первых, в дискуссиях перестройки совершается преодоление концепции бесконфликтных «закономерностей» позднего марксизма-ленинизма. Эта концепция закономерности преодолевается с тем, чтобы, вскрыв историческую возможность выбора альтернативных путей в прошлом, иметь возможность вменить индивидуальную или коллективную ответственность за нарастающий экономический и социальный кризис, и за осознаваемое отставание от Запада. Затем, благодаря переносу идиом пути–дороги–выбор–альтернативы из прошлого в настоящее открывается возможность политического выбора, и в принципе утверждается возможность грядущего выбора между «социализмом» и «капитализмом». Наконец, этот выбор закрепляется указанием на историческую необходимость пути реформ и либерализации в формуле «иного не дано» — так, историческая неизбежность вернулась в центр общественной риторики и с 1990 г. утвердилась в синтетической идиоме «конца истории», как идея отсутствия жизнеспособных исторических альтернатив общей (нео-)либеральной модели.

Попытки критического анализа и преодоления этой интеллектуальной рамки, заданной перестройкой, продолжают в российской политической и исторической мысли сегодня. Условное признание советской и постсоветской интеллигенцией «конца истории» свидетельствует о том, что в ходе перестройки проектное понимание истории формально *эмансипируется* от прогрессистской философии истории. Иначе говоря, общественное устройство современности больше не признается исторически закономерным

---

⁴⁸ Там же. С. 134.

этапом развития, но прежде всего осмысливается как результат *проектного выбора* внутри возможностей отныне вечной (пост)-исторической эпохи либерализма. Таким образом, в перестройку стирается не только идея постепенного исторического прогресса, олицетворенная марксизмом, но также снимается и принципиальная возможность эффективно выбирать или менять само *общественное устройство*, при видимом утверждении идеи выбора и альтернативы. В нынешнем забвении дискуссий перестройки сокрытым оказывается и то, что это современное формально эмансипированное проектное понимание коренится в историософской, по сути, и жесткой рамке «конца истории».

В заключение этой части необходимо сделать одно методологическое уточнение. Мы старались представить разрозненный набор статей и «дискуссии» перестройки в целом, как диалогическую последовательность ключевых публикаций. Внимательный анализ дат и мест публикаций показывает, что такая схема не точно соответствует хронологической последовательности, в которой появлялись значимые для процесса — т.е. породившие сильную реакцию — произведения: очевидно «забегание» одних и «отставание» других значимых публикаций. Образ последовательного и синхронного коллективного мышления, развертывающегося в процессе перестроечных дискуссий, привлекателен, но не точен.

Однако, как мы видели, внутри отдельной статьи или рассуждения каждое движение, вводящее новые идиомы или изменяющее старые, осмысленно отталкивалось от «предыдущего» движения внутри общей схемы. Значит, динамика дискуссий не была синхронизирована в общественном, космическом, времени как совместное и одновременное прохождение стадий внутри общей схемы. Строго говоря, на основе нашего анализа именно внутренняя и индивидуальная последовательность интеллектуальной эволюции тех авторов, кто мыслил и писал на языке публичной истории, может быть адекватно интерпретирована с помощью идиом *альтернативы* в истории и нескольких ее вариантов, включая идиому *конца истории*.

Определяя публичную историю в контексте Нового времени

Вводя перестроечный материал в более широкий европейский контекст историографической рефлексии, мы хотим с большей

точностью выделить черты, которые делают историю столь легко политизируемой, а политические дискуссии столь восприимчивыми к языку и аргументам историков. Чтобы дополнить конкретный анализ дискуссий перестройки, мы используем теоретические исследования последних двух десятилетий, посвященные осмыслению истории как особого рода познания или как «жанра» в кругу других наук, а также осмыслению места представлений об истории в общественном пространстве. Мы предлагаем формальное и содержательное определение публичной истории, а также пять черт историографии Нового времени, делающих ее в принципе политизируемой, и которые отчетливо проявились в публичных дискуссиях перестройки. Затем мы обсудим постмодернистскую критику классического различения фактов и интерпретации и соотнесем наш подход в терминах публичной истории с радикальными выводами постмодернистских историков. В заключение мы делаем некоторые практические и нормативные выводы из нашей гипотезы о сродстве историографии и публичной истории.

Напомним, что основной тезис статьи состоит в том, что для понимания общественных дискуссий о прошлом в перестроечной прессе важно отказаться от традиционного членения на историю, политику и философию и выделить *публичную историю* в отдельный жанр, задающий одно общее поле для исторических, историко-софских и политических дискуссий в публичном пространстве. Для начала мы попытаемся выделить формальные и содержательные особенности жанра публичной истории, опираясь на яркий и показательный опыт перестройки.

Формально публичная история — это те представления о политическом сообществе, которые рассматриваются в публичном пространстве как господствующая интерпретация его истории, или те представления, которые претендуют на эту общественную роль в силу авторитета авторов, мест публикации или в силу убедительности самих идей. Учебники истории, коллективные монографии статусных историков, эссе публицистов и журналистов, наиболее яркие работы знаменитых историков, пассажи об истории в центральных периодических изданиях, речи и тексты политических лидеров, исторические романы и кинофильмы в разной мере претендуют на роль господствующих публичных представлений об истории. В

свою очередь, публичная история как особый жанр может претендовать на первенство в качестве интеллектуальной рамки или на роль фундаментального типа аргументации в публичном пространстве⁴⁹. Эта формальная интерпретация на основе опыта перестройки оказывается близкой формулировкам, осмысляющим схожий опыт английской и французской⁵⁰ историографии XVII–XVIII вв.⁵¹.

Перейдем к содержательному определению. Конкретные представления, составлявшие ядро идиом публичной истории в перестройку, совмещали многие черты, традиционно относимые к научной историографии, философии истории, политологии и коллективной памяти, которые, однако, теряют здесь свою специфику. Попадая в центр общественных дискуссий, эти разнородные составляющие вместе создают матрицу коллективного политического проектирования. Так, *публичная история*, как особая сфера представлений общества о самом себе, основана на господстве идей *политической репрезентации* и *исторического самосознания* данного общества, представители которого коллективно мыслят себя как творцов и агентов истории, понимающих или могущих понять ее общие законы⁵².

---

⁴⁹ См.: Boltanski L., Thévenot L. De la justification. Les économies de la grandeur. Paris, Gallimard, 1991. Эти авторы предлагают интересную модель функционирования различных типов аргументации, выделяя основные. Но Тевено и Болтански не рассматривают историософские аргументы как самостоятельный тип — это важное упущение мы хотели бы частично восполнить.

⁵⁰ Так, Жан Мари Гулемо определяет объект своего исследования по истории французской историографии в терминах, близких нашему определению публичной истории: «ensemble des représentations du devenir historique qui habitent les discours du siècle, qu'il soient historiographiques, politiques, romantiques ou tragiques, et que j'ai appelé discours sur l'histoire». Goulemot, Jean Marie. Le regne de l'histoire, Discours historiques et revolutions XVIIe – XVIIIe siècle. Paris: Albin Michel, 1996 [1st ed. 1975]. P. 25.

⁵¹ “[Studies of history] constituted a tradition, or set of traditions, of inquiry intended to satisfy private curiosities and increasingly to serve public interests... It has become a prominent province in the Republic of Letters of late medieval and early modern times, and a dominant one in the “public sphere” of Enlightened Europe”. Kelley, Donald. Fortunes of History, Historical Inquiry from Herder to Huizinga. New Haven: Yale University Press, 2003. P. 6.

⁵² Ср. интерпретацию идей французских «идеологов» Дональдом Келли: “Progress... was a “law of nature”, expending from the arts and sciences to society

Конечно, как и остальные коллективные представления, публичная история не существует как фиксированный набор идей и образов, но находится в процессе постоянного возобновления и многоголосой реконструкции. Более того, конкретные и общезначимые условия, которые в определенные периоды дают представлениям публичной истории первенство над политическими представлениями, можно прояснить только через систематический сравнительный анализ места и значения публичной истории разных периодов и в разных странах. Поэтому нам важно принять ограниченность нашего подхода и его выводов: речь идет об опыте публичной истории перестройки и о попытке его осмысления в свете историографической рефлексии, ставящей под вопрос основания исторического знания. Итак, на основе сопоставления перестроечных дискуссий и научной рефлексии последних десятилетий, мы выделим черты современной историографии, в теории существенные для политического проектирования и практически различимые в перестроечных дискуссиях.

Во-первых, современное понятие истории совмещает понятия истории как *процесса* и истории как *описания* в едином и всеобъемлющем представлении об Истории⁵³. Поэтому профессиональный историк и публицист, пишущий об истории, осознанно участвуют в универсальной и единой Истории, формируя историческое самосознание общества. Так, историография оказывается вовлеченной в формирование повестки сегодняшнего дня, исходя из своего собственного самопонимания. Более того, в той мере, в какой общественное самосознание задано форматом публичной истории, политическая повестка дня формулируется в исторических терминах. Как мы видели, в перестройку это историческое самосознание

---

and government in general. For these generations of Ideologues, from Condorcet to Degerando, the past was prologue, history was preliminary, and the “science of ideas” was to be the master discipline of modern society as well as the Revolution”. Ibid. P. 36.

⁵³ Это положение, ставшее сейчас общим местом, было развито в фундаментальных трудах Р. Козеллека и П. Рикера. См.: *Koselleck, Reinhart. Le future passé: contribution à la sémanthique des temps historiques. Paris, 1990; Ricoeur, Paul. Temps et récit. T. I-III. Paris: Seuil, 1983–1985.*

становится явным политическим фактом, постоянно утверждаемым генеральным секретарем М. Горбачевым⁵⁴.

Во-вторых, описывая историю, историк своим языком, т.е. выбором слов и словосочетаний, формирует и легитимирует тот или иной тип *коллективного субъекта* в истории — нация, класс, государство, революционеры, партия, женщины, интеллигенция — и этим дает материал для культурного или политического отождествления современников с историческими субъектами прошлого. Официальная советская историография, как и ее эволюция, обеспечивала единство языка описания настоящего и прошлого: и в утверждении непрерывности институтов и субъектов истории (декабристы... народники–РСДРП–ВКПб–КПСС; Русь–Российская Империя–СССР), их борьбы (СССР–Запад; партия–фракции) или сотрудничества (крестьянство и рабочие; русский народ и другие нации). С 1987 года начинается переоценка устоявшихся категорий и значительное смещение акцентов: проявляется особое внимание к роли *интеллигенции* в истории, попадают в фокус внимания этнонациональные субъекты прошлого — государства, *народы* и *нации*, в том числе Россия и русские, как особые общности вне СССР и советских людей⁵⁵. Наконец, распространяются и новые категории коллективных субъектов: «репрессированные», «сталинисты». Многие из этих обновленных исторических идиом затем переходят в язык описания и критики настоящего. Легитимированные описанием прошлого, эти категории субъектов становятся основой коллективной политической идентификации⁵⁶.

В-третьих, позитивная установка на осмысление исторических закономерностей, законов или регулярностей в истории позволяет историкам и публицистам высказываться о спектре исторически

---

⁵⁴ М. Горбачев настаивал на историческом значении текущего момента и постоянно использовал образ перестройки как «революции», сравнивая настоящее с Октябрем 1917 года как момент решительного выбора.

⁵⁵ Как известно, ранняя французская и английская историография Нового времени формировались в политико-исторических дебатах о галлах и франках, норманнах и англосаксах.

⁵⁶ Этот процесс наиболее явно произошел с национальными категориями. См. например: Ожог родного очага. Свое и чужое / Г. Гусейнов, Д. Драгунский (ред.). М.: Прогресс, 1990.

возможного, тем самым занимая позицию политического эксперта. Рассматривая попытки анализа прошлого в публикациях эпохи перестройки, мы констатировали проективность публичной истории: прошлое обсуждается с тем и так, чтобы предсказать и повлиять на будущее. Почти все ведущие публицисты перестройки, такие, например, как Г. Попов, О. Лацис, И. Клямкин, Н. Шмелев, В. Селюнин, Л. Баткин и многие другие, с равным интересом анализируют и отдаленное прошлое, и ближайшее будущее. Исторический анализ стал у перестроечных авторов полигоном для теоретических выводов о природе отношений в обществе и их «законах». Сходный процесс возникновения социальных наук из публичного осмысления прошлого происходил, начиная с XVII в., в политически гальванизированных странах Западной Европы и с конца XVIII в. в России⁵⁷. В этом отношении язык перестройки обогатился еще большим количеством идиом, служивших для понимания прошлой истории, но имевших прямое политическое влияние на историю настоящего: «авторитаризм», «административно-командная система» (ср. *ancien régime*), «альтернатива», «веер возможностей», «выбор пути», «развилка», «сталинизм», «тоталитаризм», «тупик», «цивилизация», «эксперимент».

Далее, уникальным в ряду других социальных наук оказывается то, что историки осваивают или вновь открывают огромный запас исторического опыта, придающего историческую основательность всем альтернативным политическим проектам, встроенным в исторические интерпретации. Гарантом жизнеспособности политической альтернативы выступает здесь историческая реальность как прецедент: как *зародыш* будущего проекта или как уже готовая *модель* проекта, осуществленного в прошлом и подлежащего реставрации в будущем. Либо как решающее доказательство нежизнеспособности определенного проекта или его исторического бесплодия — вариация, которую мы видели в анализах всего советского периода, понятого как проект, в статьях Ю. Левады и В. Топорова.

---

⁵⁷ См. обобщающие работы: *Kelley, Donald. Fortunes of History... Goulemot, Jean Marie. Le regne de l'histoire... Новикова Л. И., Сеземская И. Н. Русская философия истории. М.: Аспект Пресс, 1999.*

Период НЭПа явно стал центральной моделью для экономической политики перестройки, начиная с 1986 г., когда Горбачев объявил о введении прямого «продналога» в сфере сельского хозяйства⁵⁸. За этим политическим решением последовала нарастающая волна публикаций на тему НЭПа, которая постепенно вышла из предустановленных границ: НЭП как модель будущего исследовался и обсуждался не только специалистами-историками, но и почти всеми ведущими экономистами и публицистами, пишущими об экономике. Помимо НЭПа, русская деревенская община, Февральская революция и, как мы отметили выше, национальные истории в разных контекстах становились важными темами публичной истории. Они представлялись авторам не только «упущенными возможностями», но и в качестве исторического прецедента — возможными альтернативами настоящему.

Наконец, понимание сложного исторического генезиса и изучение многочисленных превращений политических идей, символов, институтов позволяет историку более убедительно конструировать или деконструировать, т.е. критиковать в исторической перспективе, почти любые публичные представления общества. Естественно, момент конструирования общественных представлений присутствует во всех четырех предыдущих характеристиках публичной истории. Но критическая деконструкция сложившихся представлений и идиом на основе апелляции к прошлому (через обнажение периодов конструкции идиом, теперь кажущихся «естественными») должна быть выделена как особая черта политизации историографии. Учитывая интеллектуальную динамику перестройки и начавшийся с середины 1988 г. социально-экономический кризис, критическая деконструкция оказалась наиболее эффективным риторическим средством. Идиомы «марксизм-ленинизм», «Ленин», «ленинизм», «Сталин», «социализм», «социализм в одной стране» подверглись деконструкции в ретроспективном обращении к истории их создания⁵⁹. Эту теоретическую деконструкцию по-

---

⁵⁸ См.: *Davies R. W. Soviet History in the Gorbachev Revolution*. P. 28-30.

⁵⁹ Показателен пример критической деконструкции «марксизма-ленинизма» как идиомы, созданной Сталиным с тем, чтобы изменить ленинское наследие и позволить себе полную свободу толкования и Маркса, и Ле-

средством исторической критики следует отличить от прямого символического «снижения» статуса этих идиом (ирония, переворачивание, публичное пренебрежение), которое так же важно для понимания динамики перестройки, но уже не связано с публичной историей, задавшей здесь лишь исходный критический импульс.

Итак, в нашем осмыслении конкретных условий взаимного проникновения исторического и политического дискурсов мы опираемся на гипотезу о генеалогическом родстве исторического и политического проектирования, свойственного культуре Нового времени и Просвещения. Эти две разошедшиеся ветви европейского самосознания воссоединяются в публичной истории и после институционального выделения истории и политического представительства. Такое их периодическое воссоединение происходит вопреки установке большинства современных историков на утверждение научной независимости историографии, которой можно предположительно добиться благодаря применению специальной методологии, исключающей или снижающей произвольность толкования результатов. Однако ни позитивистские, ни более открытые герменевтические техники объективации знания, ни апелляция к здравому смыслу не преодолевают полностью проективности исторического мышления, вписанного в публичное пространство. Эти техники лишь открывают новые возможности для более объективного исследования в основном тех вопросов, которые заданы участием историка и профессионального сообщества историков в жизни сообщества политического.

Повторимся: конечно, проективные вопросы не исчерпывают весь набор историографических вопросов. Но история должна осмысляться не только как смена культурных парадигм или эволюция ментальности, но и как цепь *политических* решений, принимаемых в контексте коллективных и индивидуальных представлений. Политические решения и представления историк должен изучать, а потому должен воссоздавать, оценивать, а значит — пусть и невольно — включаться в современное поле публичной истории⁶⁰.

нина. См. статьи Г. Водолазова, М. Гефтера и О. Лациса в сборнике «Осмыслить культ Сталина».

⁶⁰ Известный вариант этого аргумента использовался школой *Анналов* в целях, частично противоположных и частично сходных с нашими: против

В этом горизонте политического проектирования историк исследует и *воссоздает* прошлое, т. е. задает избирательные вопросы источникам, и в этом горизонте проектирования *оценивает* деятельность исторических агентов, т. е. выносит не всегда явные нормативные суждения о прошлом. А значит — пусть невольно — выносит суждения и о настоящем, и о возможном, и о достоверности коллективных представлений о значимом прошлом.

Но речь идет не просто об использовании истории как иллюстрации для уже готовых политических проектов. Ибо публичная история частично задает сам политический язык и горизонт проектирования, внутри которых осмысляются политические проекты: коллективные субъекты политики, границы и возможности для будущих действий. С другой стороны, опыт перестройки также показывает и то, что в общественных дискуссиях аргументы имеют тенденцию к упрощению, а призывы к внимательному и более строгому отношению к историческим фактам и источникам не действительны в периоды политического кризиса. Иначе говоря, историография может успешно *подпитывать* публичную историю новыми концепциями, фактами, конструировать коллективных субъектов или критически деконструировать сложившиеся представления общества. Но конечный результат (т.е. собственно новые господствующие представления об истории в обществе) оказывается вне прямого *контроля* сообщества историков. В этом смысле, историография может подстегнуть и гальванизировать историю и политику, но ей

событийного и индивидуального подходов, ведущих к политизации, и для утверждения автономии истории. Ср. например, предисловие в книге: Braudel F. La Méditerranée et le Monde méditerranéen à l'époque de Philippe. Paris, Armand Colin, 1979 (1949). Напротив, мы используем этот тезис для утверждения автономии истории в диалоге с «обществом» и другими науками, добавив два соображения. Во-первых, история включает в себя и события, и индивидуальные решения, а потому эту часть истории надо изучать как таковую и в соответствующей проективной логике, наряду с *longue durée*. Во-вторых, политическая философия Нового времени ставит в центр мышления и действия метафоры *коллективной репрезентации* (в которой мыслят и историк, и политик, и читатель). Эта метафора переносит акцент с индивидуального решения, против которого направлена критика «Анналов», на коллективное решение и на его представление в сфере «публичного пространства».

стоит отказаться от завышенных ожиданий результата и собственно от «претензий на власть» в пользу «претензии на авторитет».

В свете любой философии истории, постулирующей некоторую антропологическую общность обозримого прошлого и настоящего, диалог между историками и политическим сообществом, находящимся в поисках проясняющих образцов самопонимания и проектирования, — это потенциально диалог двух самостоятельных начал:

«Можно сказать поэтому, что типологическая общность переживаемых ситуаций сближает людей как тождественно-преемственных моральных субъектов... эта общность превращает их в «вечных современников» и делает возможным удивительное временное отношение, когда представитель более ранней эпохи общественного развития просвещает позднейшего исторического деятеля»⁶¹.

Этот потенциал самостоятельности становится действительным в той мере, в какой научные техники исследования подкреплены профессиональной этикой и практической, «организационно-экономической» самостоятельностью научного сообщества. Техники критического использования источников, как и постоянное расширение круга новых источников, дают историографии особое поле стратегической самостоятельности в диалоге с «внешними» по отношению к ней политическими проектами. Самостоятельная роль историографии означает, что не только политические представления воздействуют на представления об истории. То есть политический дискурс в принципе оказывается открытым для восприятия (зависимым от) новых исторических фактов и концепций, отсылающих к научному авторитету и к собственным эмпирическим и теоретическим методам историографии.

Как известно, позитивистская установка на отыскание исторических фактов на основе критического анализа источников была вновь⁶² подвергнута жесткой критике, начиная с шестидесятых годов XX века. Рассматривая постмодернизм как критику традици-

⁶¹ Соловьев Э. Ю. Прошлое толкует нас. С. 4.

⁶² Ср. анализ этой рекуррентной темы в истории историографии в изложении Помьяна: *Pomian, Krzysztof. Le passé: de la foi à la connaissance // Idem. Sur l'histoire. Paris : Gallimard, 1999.*

онной историографии, стоит заметить, что постмодернистская критика существует как бы на двух уровнях: общефилософском и собственно методологическом. Общефилософская критика познания и «логоцентризма» отсылает к новым философским авторитетам «деконструкции»⁶³ и оказывается вне поля исторической науки. Поскольку деконструкция в равной степени применима и «против» физики, и «против» филологии, она не касается собственно историографии, но ставит вопрос о возможности или, точнее, о значении и смысле «науки» вообще.

В более скромном варианте постмодернистская критика обращается к методологии исторических наук и здесь представляется стимулирующей в рамках вопроса о публичной истории. Авторы постмодернистского переосмысления истории отрицают принципиальную возможность разделения фактов и интерпретаций, понятых как работа представления-фантазии (*fiction, imagination*) внутри неизбежно повествовательного, т.е. аллегорического, изложения истории⁶⁴, что приводит к отрицанию возможности занять универсальную, нейтральную позицию в историческом исследовании. Тогда и всякий отдельный факт получает свое значение только внутри общей картинки, заданной риторической логикой общего сюжета и его четырьмя основными жанрами⁶⁵. Это предположительно приводит к тому, что «властные отношения» неизбежно структурируют научные исторические интерпретации.

Однако представляется, что это справедливое указание на зависимость фактов от общей рамки интерпретации и от риторической структуры повествования *не влечет* за собой необходимости

---

⁶³ Эта радикальная критика вдохновлена философскими и политическими работами Ж. Деррида, которые, однако, интерпретируются скорее в духе методологического анархизма Фейерабенда.

⁶⁴ Хейден Уайт дает несколько формулировок этой ключевой для его раннего периода идеи, например: "...to give disparate facts some 'unity of significance', then the events, dates, agents, etc. represented in the statements/chronicle must be encoded... we are justified in regarding such a construct as an *allegory*". *White, Hayden. Tropics of Discourse*. Baltimore: John Hopkins University Press, 1978. P. 3. "A narrative account is always a figurative account, an *allegory*" (Ibid. P. 24).

⁶⁵ См.: *White, Hayden. Metahistory, The historical imagination in the XIXth century Europe*. Baltimore: J. Hopkins University Press, 1973.

методологической анархии, когда историк сознательно превращается в свободного творца прошлого⁶⁶. Этот анархический нормативный вывод, который постмодернистские авторы делают из критики позитивизма в истории, возможен, но произволен. Так, известно, что Макс Вебер, разрабатывая сходные критические аргументы о невозможности позитивистской социологии и истории, в начале прошлого века предложил свою рациональную методологическую модель *идеальных типов*. В этом же смысле, можно и нужно сохранить *установку* на воссоздание, реконструкцию прошлого как основную задачу историографии.

И прошлое может сопротивляться воображению и интересам исследователя, если исследователь действительно вступает во взаимодействие с прошлым посредством источников. Это взаимодействие с источниками не гарантирует воссоздания ушедшего «как оно было», но частично проявляет его в зависимости от метода этого взаимодействия⁶⁷. Очевидно, что, принимая риторические ограничения на историческое повествование, можно сохранить саму *установку* на реконструкцию прошлого; напротив, декларация творческой анархии как принципа отношения к истории происходит не из самих методологических ограничений и сложностей в поиске достоверной истины, но из произвольного философского и социального «решения» об отмене регулирующего принципа общей нам реальности.

Соответственно, фокус методологической рефлексии лучше сосредоточить на вопросе о проективном характере значительной части исторических исследований, а не на критике или защите различия фактов и интерпретаций. Для этого важно осмыслить новую оппозицию внутри историографии: *политическое проектиро-*

---

⁶⁶ “For there really is nothing essentially in the past to prevent the exercise of endless interpretive freedom by historians; indeed, the only values to be derived from the historicisations of the past come from outside of the past and from outside the gate-keepered craft-practices of the professional historian”. *Jenkins, Keith*. *Refiguring History, New thoughts on an old discipline*. London and N. Y.: Routledge, 2003. P. 10.

⁶⁷ Это утверждение основано как на аргументах герменевтической традиции, представленных в работах Гадамера и Рикера, так и на достижениях историографии в анализе все более широкого круга источников с использованием новых вспомогательных техник.

вание — воссоздание истории. Практически являются недостижимыми ни полная публичность, растворяющая историографию в публичной дискуссии о политических проектах, ни полная профессиональная обособленность историков, многообразно реконструирующих прошлое из вне-положенной позиции этнографов, изучающих историю землян. Поэтому, учитывая сосуществование двух установок, мы предполагаем, что публичный характер историографии способствует усилению проективной и политической установки в исторических дискуссиях, а узкопрофессиональные дискуссии усиливают установку на реконструкцию прошлого как такового. Но эти две взаимопроникающие установки — на воссоздание прошлого в свете его проектов и проектирование будущего в свете воссозданного прошлого — задают неустранимое напряжение и логику историографии.

* * *

Мы опирались на предположение о том, что научная история возникает из общего поля истории публичной, периодически утверждая и теряя свою автономию под воздействием «политизированных» и «пристрастных» общественных представлений об истории. Вспоминая осознанную политическую мотивацию работ первых крупных историков Нового времени — Макиавелли, Гвиччардини, Гиббона, Гердера, Токвиля, Гизо или Карамзина и Милюкова, мы хотим подчеркнуть, что общественное сознание политических сообществ Нового времени формировалось в интенсивной исторической рефлексии. Начиная с конца XVIII века, публичная история регулярно попадает в центр политической борьбы, то предвеляя новые политические проекты, то ретроспективно осмысляя результаты их применения.

Вопрос, оставшийся за пределами данной статьи, но центральный для эмпирического *объяснения* феноменов публичной истории в Европе, можно сформулировать так: в каких исторических контекстах публичная история становится основным символическим ресурсом политической мобилизации? К общему теоретическому послылу о том, что репрезентативная политическая мобилизация свойственна политическим процессам Нового времени, мы можем добавить лишь пробную гипотезу о более специфических контек-

стах, где политическая мобилизация осуществляется на языке публичной истории. Возможно, что публичная история мобилизуется как основной политический ресурс агрегации и мобилизации в ситуациях слабости «собственно политических» представлений и убеждений публики. Публичная история тогда становится новым языком и рабочим материалом для появляющихся политических проектов⁶⁸.

Таким образом, публичная историческая рефлексия Нового времени может быть представлена как создание альтернативных политических проектов на языке и на материале истории. Основным мотивом, который формирует историческое мышление и повествование в публичном пространстве, оказывается создание альтернативных и укрепление уже реализуемых политических проектов. Интересно, что постоянное и отрефлексированное стремление отойти от политической истории, заимствуя методы различных наук об обществе и о человеке, характерное для всей истории становления истории как науки, в результате приводило к новой политизации исторической науки и требовало поиска новых не-политизированных методов.

Возможно, этому напряжению соответствует внутреннее напряжение, задаваемое общественной функцией историографии как технически применяемой, «практической» области знания. История, с одной стороны, изначально мотивированна созданием политических проектов, но в то же время ее специфический ресурс легитимности состоит в объективном знании о прошлом, т.е. в методичном расследовании о существовавших человеческих мирах. Поэтому, мобилизация этого ресурса «действительно бывшего»

---

⁶⁸ Своеобразный вариант этой общей гипотезы, но более близкий метафоре злоупотребления и использования истории, высказывает Борис Кагарлицкий в своей книге «Периферийная Империя»: «"Власть над прошлым" есть форма политического контроля. Особенность России, однако, в том, что отсутствие сколько-нибудь развитых форм народного представительства сделало историю принципиально важной для легитимации власти. Не имея возможности подтвердить свою законность честно полученным мандатом, сменяющие друг друга режимы и правительства принуждены были апеллировать к прошлому, к истокам». *Кагарлицкий Б.* Периферийная Империя: Россия и миросистема. М., 2004. С. 8.

прошлого требует постоянного использование нейтральных, объективных, научных методов для работы с источниками, необходимо частично сохранившими следы прошлых миров. Впрочем, каждый новый деполитизированный научный метод открывает ранее недоступные формы политического проектирования в поле публичного и вновь способствует политизации историографии.

Историк погружается в ушедший чужой мир и воссоздает его, потому что часто интуитивно предчувствует, что это богатство и особенность человеческих миров уже сегодня или однажды высветят в настоящем новые возможности и перспективы для действия. В наивной версии прошлое просто отражало и подтверждало наше настоящее. В рамках модерна, как проектного отношения к истории, прошлое, похожее на иное настоящее, скорее расширяет возможность выбрать иное будущее, т.е. прошлое открывает альтернативу настоящему. Обогащение прошлым или своеобразная историческая возгонка политических проектов настоящего есть тот символический и практический результат, который «ждет» от историков общество, его институты и агенты. Это результат, который историк явно или неявно ожидает и от самого себя в качестве гражданина. Открытый заказ всегда находит исполнителей среди более или менее профессиональных историков. И потому вопрос состоит не в том, чтобы принимать или не принимать это ожидание-заказ во внимание, а в том, как обеспечить равноправное соавторство, т.е. удержать баланс между научной реконструкцией прошлого и политическим проектированием будущего.

Нормативный вывод из анализа перестроечных дискуссий и нескольких обобщающих методологических тезисов об институционализации истории заключаются в том, что историография не должна продолжать просто избегать «политизации» как опасного отступления от принципов научной объективности. Напротив, осознание генеалогического родства современной историографии и политического проектирования проясняет и рационализирует скрытую сейчас проектную философию истории⁶⁹. Внутри проект-

---

⁶⁹ Интересный анализ историософских концепций в современной историографии дан в статье: *Зверева Г.* Дискурс новой историософии как инстру-

ного понимания «объективный историк» стремится на основе критического изучения следов прошлого воссоздать противоборствующие политические проекты и указать исторически наиболее успешный. Тогда как «пристрастный историк» будет навязывать прошлому подтверждения реализуемости своего политического проекта, обходя или искажая источники. Но в обоих случаях взаимовлияние истории и политики неизбежно, хотя его вектор сменяется: история и политика попеременно оказываются ведущей или ведомой. На практике в поле публичной истории это различие зыбко — ведущий и ведомый меняются ролями. Поэтому публичную историю удобнее рассматривать как общее поле политизации исторических представлений и историзации представлений политических.

Осмыслив границы проектного понимания истории, мы можем четче различить те области исследования, где политическая позиция автора или как минимум политические импликации авторской позиции неизбежны. Поэтому осознание политического проектирования в качестве горизонта публичной истории и, более того, основной общественной функции исторической науки является условием большей научной самостоятельности историографии в поле ее собственной компетенции. Самостоятельности, которая проверяется на прочность как *в диалоге* между историками внутри своего профессионального круга, так и между историками и обществом в публичном пространстве. В той же мере, в которой политическое проектирование в его классической для Модерна форме массовой мобилизации через представительство и представления (*representation*) временно заменяется иными формами политического проектирования, публичная история, как особое поле символического проектирования, теряет свою актуальность. А значит, замедляется и диалог между политикой и историей, замедляется динамика, рожденная совпадением описания исторического процесса и самого процесса, осмысленным и утвержденным как История. Ускорить этот диалог в силах и в интересах историографии — и в этом ее общественная полезность.

мент конструирования коллективной идентичности в российском обществе // Историческое знание в современной России...

АДРИАН ПАБСТ

УСЛОВИЯ СОПРОТИВЛЕНИЯ И ТРАНСФОРМАЦИИ

ДОСТИЖЕНИЯ И НЕУДАЧИ ПЕРЕСТРОЙКИ

В данный исторический момент у нас отсутствуют концепты, с помощью которых мы могли бы описывать наши интуитивные прозрения и практики, воплощающие и реализующие процесс познания. Доминирующие структуры мысли и практики являются частью консенсуса, который распадается под тяжестью внутренних противоречий. Это справедливо по отношению к таким лишенным смысла понятиям, как «(пост)модернизм» или «модернизация», «возвращение религиозности», «конец истории» и «окончательная победа капиталистической демократии». Что более важно, это справедливо и по отношению к реалиям наподобие всеобъемлющего пост-демократического «гражданского рыночного государства» и светской религии.

Знаком нынешнего консенсуса является широкомасштабное разрушение специфических локальных, региональных и национальных институтов во имя «модернизирующего прогресса» либеральной конституционной демократии, капиталистической рыночной экономики и глобального гражданского общества. Несмотря на отсутствие демократии, рост неравенства и бедности, а также растущее отчуждение и лишение политических прав, доминирующая система не проявляет готовности сдаться, в немалой степени потому, что она охватывает государство, рынок и гражданское общество и основывается на вечности «творческого разрушения» — именно так австрийский политэкономист Йозеф Шумпетер описал суть капитализма¹.

Этот, пожалуй, не имеющий прецедента в истории консенсус порождает вопросы об условиях, необходимых для сопротивления и трансформации существующего порядка. В данном отношении

---

¹ Joseph Schumpeter, *Capitalism, socialism, and democracy* (New York: Harper, 1975 [1942]), esp. pp. 82-85.

исторический опыт перестройки предлагает два важных урока. Во-первых, мирные изменения не требуют ни все сметающей на своем пути революции, ни отдельных реформ, но подразумевают системную трансформацию, т. е. не замещение одного произвольно выбранного абсолюта другим, и не постепенное воздействие социальной инженерии, но радикальный подход, укорененный в специфике культуры и ее истории. Во-вторых, для того, чтобы достичь успеха, системная трансформация требует радикального подхода и стратегии — новую альтернативу status quo и многоплановый набор политических решений, помогающих добраться «отсюда туда».

I

Модернизм и постмодернизм обычно противопоставляются, в частности потому, что модернизм ассоциируется с секуляризацией и триумфом над божественным абсолютизмом, тогда как постмодернизм, как говорят, обозначает возвращение к религиозному вслед за смертью модернистского мета-нарратива — концом позитивистского рационализма и партийной идеологии.

Тем не менее, ученые XIX и XX вв., — такие, как Отто фон Гирке, Фредерик Уильям Мейтленд, Джон Невил Фиггис, Ханс Блюменберг, Карл Левит и Луи Дюпре, — согласны между собой в том, что теология лежала в основе возникновения современной философии, а религия являлась интегральной частью модернистского проекта². Это не означает, что теология Нового времени и более ранних эпох идентична; но подразумевается, что переход от Сред-

---

² O. Gierke, *Die Grundbegriffe des Staatsrechts und die neuesten Staatsrechtstheorien; Naturrecht und deutsches Recht*, Berlin: Scientia; F.W. Maitland, *English law and the Renaissance: the Rede lecture for 1901* (Cambridge: CUP, 1901), Maitland, *Selected Essays*, ed. H. D. Hazeltine, G. Lapsley, P. H. Winfield (Cambridge: CUP, 1936), Maitland, *State, trust and corporation* (Cambridge: CUP, 2003); J. N. Figgis, *Studies of Political Thought. From Gerson to Grotius, 1414–1625* (Bristol: Thoemmes Press, 1998 [1916]); Hans Blumenberg, *Die Legitimität der Neuzeit* (Frankfurt/M.: Suhrkamp, 1996 [1966]); Karl Löwith, *Gott, Mensch und Welt in der Metaphysik von Descartes bis zu Nietzsche* (Göttingen: Vandenhoeck u. Ruprecht, 1967); Louis Dupré, *Passage to Modernity. An essay in the hermeneutics of nature and culture* (New Haven and London: Yale University Press, 1993).

невековья к Новому времени невозможно понять без обращения к изменениям в теологии и религии³.

Ассоциировать постмодернизм с возвращением религиозного значит слепо игнорировать не только религиозные основания Нового времени, но также и светскую направленность постмодернистской мысли и практики. Постмодернизм, как нам говорят, дает множество возможностей, в которых нам отказывали средневековый и модернистский абсолютизм. Некогда нас сдерживали представления о Боге, метафизика и божественная монархия. Теперь нам предоставлен выбор из множества вариантов, терпимость к различным ценностям и глобальное гражданское общество. Таким образом, различия и плюрализм освобождают бытие, знание, этику и политику от модернистских иллюзий абсолютных, ясных и определенных оснований. В этом смысле, постмодернизм помогает обнажить и деконструировать логику модернизма. Но позиция, с которой это делается, может быть описана лишь как амбивалентная и двусмысленная — знак постмодернизма, явно отражающийся в его стиле⁴.

Амбивалентность и двусмысленность постмодернизма проявляет, по сути, основополагающий континуитет с модернистским подчинением объективности трансцендентного бытия субъективности имманентного. Оба они секулярны, так как оба дуалистичны: ни один не принимает в расчет существующие между ними отно-

---

³ Одним из крупнейших достижений «радикальной ортодоксии» является теологическая оценка того «секулярного поворота», который положил начало модерности. Все больше современных мыслителей признают это, например: Stanley Hauerwas, *A Better Hope. Resources for a Church confronting capitalism, democracy, and postmodernity*, Grand Rapids, MI: Brazos Press, 2000, p. 38, 224 n. 10-12. О трудах «радикальной ортодоксии» по номиналистскому повороту см.: Adrian Pabst, 'De la chrétienté à la modernité? Une lecture critique des thèses de *Radical Orthodoxy* sur la rupture scotiste et ockhamienne et sur le renouveau de la théologie de Saint Thomas', *Revue des sciences philosophiques et théologiques* vol. 86, n. 4 (octobre-décembre 2002), p. 563-599.

⁴ Я согласен с данной Терри Иглтоном характеристикой постмодернизма как интеллектуального стиля и культурного движения, а также с утверждением Стэнли Хауерваса, что между гетерогенным интеллектуальным стилем и последовательным культурным движением нет очевидной связи. См.: Terry Eagleton, *The Illusions of Postmodernism* (Oxford: Blackwell, 1996), introduction; Hauerwas, *A Better Hope*, *op. cit.*, p. 35-46. Анализ пространстве и границах культурной реальности постмодернизма см. в: David Harvey, *The Condition of Postmodernity. An enquiry into the origins of cultural change* (Oxford: Blackwell, 1990).

шения. Модернизм секулярен постольку, поскольку он ставит знание над бытием и представляет априорные ментальные структуры, которые мы просто называем и проецируем на окружающий мир, сводя трансцендентность космоса к имманентности природы, которая подчиняется произвольному манипулированию.

Постмодернизм секулярен, поскольку он предполагает, что ничто не укоренено в себе самом, не говоря уже о Боге. Напротив, все вещи создаются различиями; различие всегда ведет к другим различиям, и так до бесконечности, без какого-либо высшего основания или референта. А если все растворяется в неподдающемся описанию потоке непосредственного, тогда все лишается глубины, и религия становится одной из многих ментальных функций или субъективных эмоций — или же и тем, и другим. Именно поэтому «постмодернистский поворот» в философии, теологии и политике совпал не с внезапным возрождением религиозного, но скорее, с ускорившимся преобразованием религии в ее светские формы — с упадком традиционной религии, начавшимся в Новое время, и подъемом новых форм религиозности и духовности — процесс, который можно проследить, начиная с 1950 и 1960х гг.⁵

Модернизм и постмодернизм в конечном счете сходны в их отвержении универсальных понятий и частных практик. Этим идеям и практикам они противопоставили общие, формальные, абстрактные, лишенные сущности категории — государство, рынок, предпочтение, воля, власть... Отдавать предпочтение таким категориям значит склоняться к процедурному формализму за счет таких вещей, как субстантивная этика, воплощенная в справедливых и добродетельных практиках. Это означает ставить пустое обобщение выше частно-субстанциального и относительно-универсального. Это также, в конечном счете, означает лишение существа как его субстанции, так и соотносимости, и сведение всех существ к атомарным частицам, подчиняющимся произволу государства и рыночных сил, и их общей одержимости модернизацией.

В самом деле, и постмодернизм, и модернизм являются в равной степени пустыми понятиями. Левые, правые и центристы без всякой критики приняли на вооружение вариант идеи научно-технического прогресса, который сам себя легитимирует, направ-

---

⁵ Callum G. Brown, *The Death of Christian Britain: Understanding Secularisation, 1800–2000* (London and New York: Routledge, 2001).

ляет и разрушает все, что стоит на пути его неизбежного распространения⁶. Модернизация объявляется необходимой и достаточной панацеей для социально-экономического кризиса, последовавшего за распадом послевоенного консенсуса, в особенности — социальное обеспечение, находящееся в центре социально ориентированной рыночной экономики. В реальности модернизация служит в качестве лозунга и средства социальной инженерии для каждой реформы. В данном качестве она применялась ко всем политическим, общественным и культурным институтам. В молчаливом согласии правые, левые и центристы открыли все институты не только превратностям «свободного рынка», спекулятивного капитала и нео-меркантилизма, но и произволу бюрократического аппарата государства, с его армией менеджеров, экономистов и аудиторов. В этом процессе институты либо существенно видоизменились для того, чтобы приспособиться к требованиям свободного рынка и государственного аудита, либо были полностью устранены. Как пронизательно сформулировал Джон Грей, «мы все сегодня модернисты. Мы понятия не имеем, что значит быть модернистом, однако мы уверены, что это гарантирует наше будущее»⁷. Нынешний консенсус относительно требования модернизации оскорбляет любого мыслящего человека.

Можно и не упоминать, что такая одержимость модернизацией является глубоко реакционной. Ведь во имя модернизации уничтожаются все существующие традиции и институты, отклоняющиеся от нынешнего консенсуса. В то же самое время, технократы и их политические покровители увековечивают существующий порядок, предохраняя его от любых системных изменений, не говоря уже о революции. «Творческое разрушение» Шумпетера подрывает и устраняет оппозицию, сохраняя тем самым существующий порядок.

В некритическом приятии технократии левые, правые и центристы, — по крайней мере, на настоящий момент, — возводят модернизацию в ранг единственной, высшей и абсолютной «традиции прогресса», не поддающейся никакой эволюции, если только она ее

---

⁶ См.: Gilbert Hottois, *Philosophies des sciences, philosophies des techniques* (Paris: Odile Jacob, 2004), esp. pp. 119-171. Ср.: Pierre-André Taguieff, *Le sens du progrès. Une approche historique et philosophique* (Paris: Ed. Flammarion, 2004), esp. pp. 335-425.

⁷ John Gray, *Straw Dogs. Thoughts on Humans and Other Animals* (London: Granta, 2003 [2002]), p. 173.

не возвышает. Новый консенсус защищает и распространяет модернизирующую технократию реакционными средствами — при помощи морализаторства, правового подавления, превентивных военных действий — или же уродливой комбинации всех этих способов. Прикрываясь общественной пользой и управленческим прагматизмом, приверженцы нового консенсуса устраняют все преграды на пути апокалиптического потопа модернизации. Они — апостолы «новых темных веков, которые уже наступили»⁸.

II

Все вышесказанное означает, что существующая форма капитализма является частью более широкого конструкта, проникающего во все сферы жизни современного общества. Ведь существует тесный союз не только между государством и рынком, но и между государством, рынком и гражданским обществом. Вопреки неолиберальной риторике, безжалостное распространение рыночных механизмов сопровождалось систематическим расширением власти государства: как соотносились права собственности и политика *laissez-faire* в XIX в., конкуренция и кейнсианская экономика в XX в., так сейчас соотносятся планы и аудита с неолиберализмом XXI века⁹. В связи с ростом глобального спекулятивного капитала, мы сейчас сталкиваемся с беспрецедентной централизацией и центрацией власти государства и рынка.

Более того, гражданское общество больше не является противовесом, не говоря уже об эффективном сопротивлении или оригинальных альтернативах. Дело в том, что все саморегулирующиеся опосредующие институты — местное самоуправление, университеты, гильдии, ассоциации и трасты — либо находятся под контролем государства и рынка, либо полностью уничтожены. Хуже того, институты гражданского общества — прежде всего неправительственные организации — по сути, стали основной опорой в консили-

---

⁸ Alasdair Mac Intyre, *After Virtue A study in moral theory* (2nd ed., London: Duckworth, 1985), p. 263.

⁹ О XIX веке, см.: Karl Polanyi, *The Great Transformation. The Political and Economic Origins of Our Time* (Boston: Beacon Press, 1944). По XX и XXI вв. (о тэтчеристском нео-либерализме и блэристском «третьем пути») см.: John Gray, 'Blair's project in retrospect', *International Affairs* vol. 80, no. 1 (January 2004), p. 39-48.

дации и распространении централизирующего рынка-государства. Они известны как «третья сила» или «власть народа», т. е. вдобавок к агентам государства и рынка есть и третий элемент общего уравнения спланированной смены режима: в Центральной и Восточной Европе после 1989 г., в Афганистане и Ираке после 11 сентября 2001 г., или недавно в Грузии, Украине и Киргизии¹⁰. Эти и другие институты стали добровольными исполнителями велений государства: по словам Фрэнсиса Фукуямы, одного из сторонников американского триумфализма и автора «Конца истории и последнего человека», «то, свидетелями чего мы являемся, не просто конец Холодной войны, или окончание определенного периода послевоенной истории, но конец истории как таковой, т. е. конец идеологической эволюции человечества, и универсализация западной либеральной демократии как окончательной формы человеческого управления»¹¹.

Вообще-то, ни экономическая глобализация, но глобальная милитаризация не являются совершенно новыми феноменами. Что, на мой взгляд, является новым, так это исторически беспрецедентная поляризация политики вокруг троицы неолиберализма, неореализма и неоконсерватизма, доминирующей во всех идеологиях — левых, правых и центристских¹². Эта поляризация привела к столь же беспрецедентному соединению рынка, государства и гражданского общества. Под кощунственным знаменем божественно предопределенного «свободного рынка» (Смит), суверенитета государства (Гоббс) и «вечного мира» (Кант) они соединились, чтобы произвести на свет всеобъемлющее «гражданское рыночное госу-

---

¹⁰ См.: Mark Almond, 'The Price of People Power', *The Guardian* 7 December 2004; John Laughland, 'The mythology of people power', *The Guardian* 1 April 2005. Подробный (хотя скорее одобряющий, чем критический) анализ подобных действий гражданского общества, см. Ann M. Florini, ed., *The Third Force: The Rise of Transnational Civil Society* (Washington DC: Carnegie Endowment for International Peace, 2000).

¹¹ Francis Fukuyama, 'The End of History?', *The National Interest* (Summer 1989), p. 3. См. также: Fukuyama, *The end of history and the last man* (London: Hamish Hamilton, 1992); Fukuyama, 'On the Possibility of Writing a Universal History', in Arthur M. Melzer, Jerry Weinberger and M. Richard Zinman, eds., *History and the Idea of Progress* (Ithaca: Cornell University Press, 1995), p. 13-29

¹² О нео-либерализме см.: Adrian Pabst, 'Immanence, Religion and Political Economy: A Short Genealogy of Neo-liberalism', online at <http://www.isa.unibo.it/focus%20group/ideas/pabst.pdf>.

дарство», занимающееся социально-экономической экспансией и ведущее глобальную войну¹³.

Сторонники нового консенсуса также стремились распространить эту модель по всему земному шару с фанатическим рвением, слепо веря в собственную правоту. Только эта слепая вера способна объяснить то, что Роберт Каган, один из идеологов неоконсерватизма, называет «Новым Мировым Порядком». Только эта слепота может объяснить, «почему американцам всегда было так легко верить — как многие из них верят и сейчас, — что действуя в собственных интересах, они также действуют и в интересах всего человечества. Как говорил Бенджамин Франклин, «дело Америки — дело всего человечества»¹⁴.

Нам говорят, что альтернативы существующей системе нет, потому что она охватывает все открытые для нас возможности — новая эсхатология, приравнивающая мессианское «уже» к пророческому «еще нет». В «конце истории» предлагается лишь будущее, в котором есть только тот же виртуальный выбор между равно действительными возможностями. Но новый консенсус не останавливается на том, чтобы выхолостить будущее за счет упрощения настоящего; он также стремится монополизировать прошлое, переписывая историю и кооптируя традиции. По существу, нынешний порядок предъявляет свои права на все наследие модернизма и Просвещения, рассматриваемые сквозь призму позитивизма¹⁵. Таким образом, он изображает себя как реализацию

---

¹³ Одобрение «рыночного государства» см. в: Philip Bobbitt, *The Shield of Achilles: War, Peace and the Course of History* (London: Penguin, 2003 [2002]), p. 213-242, 798-807. Краткую теологическую и политическую критику см. в лекции архиепископа Кентерберийского Роуэна Уильямса: online at http://www.archbishopofcanterbury.org/sermons_speeches/2002/021219.html. О глобальной войне см.: Michael Northcott, *An Angel Directs the Storm: Apocalyptic Religion and American Empire* (London: I. B. Tauris, 2004) и Adrian Pabst, 'Can There Be a Just Peace without a Just War?', paper delivered at the Peterhouse Theory Group, 10th March 2004, Peterhouse, University of Cambridge.

¹⁴ Robert Kagan, *Paradise and Power. America and Europe in the New World Order* (London: Atlantic Books, 2003), p. 88.

¹⁵ Andrew Wernick, *Auguste Comte and the religion of humanity: the post-theistic program of French social theory* (Cambridge: Cambridge University Press, 2001), esp. pp. 1-21, 186-220; John Gray, *Al Qaeda and What It Means to Be Modern* (London: Faber and Faber, 2003), esp. pp. 5-43, 101-119. Хотя в своей генеалогии неолиберализма Грей с большой тщательностью и пронизательностью выявля-

модернистского обещания *tabula rasa* — «белого листа бесконечных возможностей»¹⁶. Точно так же, как постмодернизм проникает в модернистские структуры мысли и практики и интенсифицирует их, так и новый консенсус радикализирует либеральную «волю к власти», полностью изымая себя из сферы действия провозглашаемых универсальными принципов либерализма¹⁷. Это вряд ли должно удивлять, прежде всего потому, что классический либерализм «свободного рынка» имел гегемонистские задачи и с самого начала был монополистом, возведя себя в ранг первой традиции¹⁸.

Новый консенсус основывается на странном, но не лишенном логики соединении слепой веры в универсальную сотериологию «свободного рынка» и ложной рациональности, сформированной религиозным утилитаризмом и социальным дарвинизмом. Он стремится распространить фидеистическую и рационалистическую доктрину позитивизма по всему миру. Только эта слепая вера и ложная рациональность способны выдержать столкновение с противоречием, лежащим в сердце нынешнего порядка — обещание

ет позитивистские истоки догмы о «свободном рынке», его анализ терроризма и фундаментализма имеет серьезные недостатки. Он не только провел исторически и философски несостоятельные параллели с национал-социализмом, но также не сумел понять религию вне логики *до*-модерного агрессивного язычества и (пост-)модерного слепого рационализма. Это видно в следующем пассаже: «Хотя мы можем представить себе такой мир [в котором каждая страна могла бы найти свой собственный вариант «модерности»], трудно вообразить чтобы нечто подобное произошло по какому-то плану. Прозелитизм — религиозный или секулярный — препятствует любой мирной эволюции» (р. 115). Произойдет ли подобная мирная эволюция благодаря еврипидовой Судьбе? В лучшем случае, это очень сомнительно, а в худшем — роковой самообман.

¹⁶ Michael J. Oakeshott, 'Rationalism in politics', in Oakeshott, *Rationalism in Politics and Other Essays* (edited by Timothy Fuller, Indianapolis: Liberty Press, 1991), p. 9.

¹⁷ О глубокой преемственности между философией и политикой модерна и постмодерна см.: Catherine Pickstock, 'Postmodern Scholasticism. Critique of Postmodern Univocity', *Telos* vol. 33, no. 4, Number 126 (Winter 2003), pp. 3-24. О том, как эта дьявольская троица — неолибералы, неореалисты и неоконсерваторы — развернула либеральную «вечную войну», см.: Adrian Pabst, 'The Politics of Liberal War' (в печати).

¹⁸ Нелиберальный анализ этого само-возвышения см. в: Alasdair MacIntyre, 'Liberalism Transformed into a Tradition', in MacIntyre, *Whose Justice? Which Rationality?* (London: Duckworth, 1988), pp. 326-348.

разрушить все пути традиции и обеспечить разнообразие различий, и одновременно возведение «модернизации» в звание единственной традиции, и отсутствие реального многообразия.

Из этого следует то, что я описываю как феномен «светской религии»: извращенное, но последовательное соединение поверхностно благочестивого и глубоко профанного в рамках унитарной идеологии. Это верно для двух идеологий, которые, как считается, воодушевляют «столкновение цивилизаций» и новые «религиозные войны», — для неолиберальной западной рыночной демократией и неофеодалного исламского сетевого терроризма. Неолиберализм демонстрирует благочестивую надежду на блага неограниченной «модернизации», которую он фанатично стремится навязать всему миру, полагаясь на собственную непогрешимость. Исламский терроризм проявляет веру в непосредственное проявление воли Бога и использует последние достижения техники для восстановления панисламского халифата. Светская религия, западная или исламская, является эксклюзивной и тоталитарной, так как основана на простейшей логике «друг-враг» и провозглашает окончательный приговор: «Ты либо с нами, либо против нас». Во имя всеобщего спасения светская религия оправдывает глобальную войну «своих» против «чужих» — будь то джихад, или «справедливая война» с терроризмом и война в Ираке.

III

Модернистскую/постмодернистскую светскую религию отличает уродливый союз узколобого партикуляризма и экспансивного универсализма, наносящий ущерб любой общности. Уравнивая релятивистское с абсолютно универсалистским, светская религия устраняет любое различие и опосредование между тем, что есть, и тем, что могло бы быть. В результате, любые реальные альтернативы исключаются. Это означает, что светская религия ставит под вопрос и бытие, и политику. Всякое подлинное сопротивление и альтернатива светской религии, возможно, относится к онтологии, не являющейся ни полностью светской, ни исключительно религиозной, но основывающейся на общих понятиях. Речь идет о подходе к бытию и политике, более универсальном, нежели абсолютизм, и более частном, нежели релятивизм, то есть, открытом, всеобъемлющем и учитывающем локальные, региональные и национальные различия настолько, насколько они являются гражданскими (нена-

сильственными) и насколько их существование подвергается угрозе со стороны тенденций к единообразию, проявляемых гражданским рыночным обществом.

Ведь именно релятивизм и абсолютизм соединились для того, чтобы создать культуру и политическую среду, питающую гражданское рыночное государство и светскую религию. Доминирующая культура говорит нам, что универсальные концепты столь же лишены смысла, сколь устарели общие практики. Очевидно, что ничто не может быть познано или обосновано вне личных пристрастий и субъективного мнения. Вывать к общему благу и универсальной истине — не говоря уже о том, что между ними могут быть какие-то отношения, — это всего лишь вздорное измышление, явно нарушающее новый тотальный релятивизм, проглядывающий из-за терпимости к различным ценностям и разнообразию откровенных разногласий¹⁹.

В то же время современная политическая наука говорит нам о том, что не существует альтернативы либеральной конституционной демократии, капиталистической рыночной экономике и глобальному гражданскому обществу. Конечно, левые, правые и центристы продолжают демонстрировать различия в акцентах — больше социальной справедливости для левых, больше свободы личности для правых, больше гражданских свобод для центристов. Но здесь присутствует примечательное, пожалуй, исторически беспрецедентное соединение государства, рынка и гражданской власти, стремящихся поддержать нынешний консенсус против любой оппозиции.

Более того, культурный релятивизм и политический абсолютизм предполагают и усиливают друг друга. Внутри нынешнего консенсуса каждый имеет право на свое мнение: вне его находятся только экстремисты и террористы. Релятивизм и абсолютизм равным образом произвольны и абстрактны, они принуждают, а не убеждают, и опираются на общие обезличенные категории и структуры («права», «выбор»), отделенные от практики и универсальных идей.

Если когда-либо возникнет какое-либо сопротивление или альтернатива нынешнему консенсусу, то тогда политика и религия не смогут больше одобрять нынешний порядок или стремиться заменить его столь же произвольным абсолютом. Вместо этого поли-

---

¹⁹ Лучший анализ упадка универсальных добродетелей и возникновения морального релятивизма см. в: Alasdair MacIntyre, *After Virtue*, *op. cit.*

тика и религия должны вновь обрести то, что они выражают — универсальную общность, соединяющую и гармонизирующую локальное, национальное и глобальное, индивидуальное, коммунальное и коллективное. Знаком этой универсальной общности является соотношение между вопросами о природе добра и природе бытия: что есть, что могло бы быть и что должно быть. Однако в теперешнем состоянии и политика, и религия не могут перевести эту универсальную общность в доступные всем практики.

Политика должна обеспечивать существование доступной всем публичной сферы; однако сейчас она не в состоянии дать ответ на вопрос, что нас связывает, ради чего и зачем. Без идеи блага и практики справедливости (превосходящей манихейство и пелагианство и лишенную смысла перераспределительную механику «социальной справедливости») политика служит лишь групповым интересам и произволу власти. Равным образом, религия должна соединять универсальность откровения с партикулярностью спасения; однако сейчас религия не объясняет, почему единство обеспечивает и поддерживает (а не отрицает) множественность, и что *telos* религиозных практик заключается не в возвеличивании *ecclesia*, но в трансформации *polis* в справедливый и всеобъемлющий порядок. Без рациональных идей и преобразующих практик религия сводит обращение к буржуазному фидеизму и придает авторитет светским властям, становясь их пособницей. Если политика и религия в самом деле являются универсальными, тогда, пожалуй, оказываются необходимыми общая онтология отдельных существований и общая этика добродетельных практик (хотя этого и не достаточно) для того, чтобы преодолеть нынешний консенсус и предложить реальную альтернативу.

В другом месте я говорил о том, что нам доступны контуры этой онтологической и этической структуры — в форме идеи общего бытия и практики общего блага²⁰. Это не относится исключительно к онтологии, но воздействует также и на политику и этику. Модернистский акцент на абсолютных, четких и ясных основаниях оказывает предпочтение лишенным наполнения категориям, а не конкретным практикам, отражающим универсалии: модернистская

---

²⁰ См.: Adrian Pabst, 'Ontology, Politics and the Common Good' (переработанная версия доклада на конференции 'Theology & Politics: Faith's Public Role' Von Hügel Institute, St. Edmund's College, University of Cambridge, 6-8 April 2005, находится в печати).

мысль абстрагируется от добродетелей в пользу формальных принципов и ценностей, лишенных содержания. Постмодернистский акцент на различиях и плюрализме оказывает предпочтение неопосредованному потоку «другости» перед любыми формами общности: постмодернистская мысль стремится к солипсизму, основанному на неясных понятиях и неосмысленных восприятиях. И модернистские, и постмодернистские структуры мысли и практики сводят на нет автономию индивидов и их участие в общих практиках. Тем самым они оставляют индивида беззащитным перед произволом государства и превратностями «свободного рынка».

Вернуться к общему благу означает соотнести индивидуальное физическое тело с общественным политическим телом, открывая возможность для постоянного соединения души, града, космоса и Бога, что представляется более адекватным прочтением августиновского миропорядка, нежели уравнивание *tranquilitas ordinis* и Pax Americana у Джорджа Вейгеля²¹. Попытка очертить альтернативную онтологию и политику — не просто досужая спекуляция, она дает лучшее представление о реальности как она есть и как она дана нам в познании. Здесь проявляется отношение между отдельными телами и политическим телом и возможность сохранения мира через практику взаимоотношений²². Таким образом, индивидуальное бытие не противостоит бытию социальному, а отношение не противостоит единству. Напротив, каждое бытие соединяет различие и причастность к общей политической сфере. Индивидуальное существование не является ни сугубо индивидуальным, ни главным образом коммунитарным, но причастным к отношениям, соединяющим личное благо, общее благосостояние и нечто вроде глобального сообщества.

Один из способов создания такой структуры — изучение возможностей трансформации нынешних политических и социально-экономических структур, от растущего слияния государства и рынка к созданию и распространению гражданских ассоциаций. Второй способ — исследование таких понятий, как траст и корпорация, для того, чтобы видоизменить соединение формальных и неформальных структур, принадлежащих как политике, так и религии.

---

²¹ George Weigel, 'Moral Clarity in a Time of War', *Ethics and Public Policy Center*, online at http://www.eppc.org/publications/pubID.1554/pub_detail.asp.

²² Augustine, *De Civitate Dei*, XIX, 13.

IV

Перестройка предлагает ряд уроков и демонстрирует набор ограничений применительно к процессу трансформации. По моему мнению, перестройка была попыткой изменить систему изнутри, а не заменить ее другой системой, привнесенной извне. В этом отношении перестройка в основе своей отлична от так называемых революций, которые мы наблюдали в Центральной и Восточной Европе в последние 15 лет. И поскольку перестройка пыталась трансформировать систему и общество изнутри, трансформация была мирной, без вмешательства извне. Другой урок — перестройка оказалась недолговечной, потому что она не предоставила достаточно власти и автономии местным сообществам. Специфической проблемой Советского Союза являлась концентрация власти на уровне государственной бюрократии. Перестройка пыталась сделать ее более эффективной и прозрачной, но не изменила в значительной мере основную структуру.

Mutatis mutandis, то же самое можно сказать о концентрации власти на уровне глобального рынка. Провозглашается, что «гражданское рыночное государство» делает политику, бизнес и жизнь в обществе более либеральными и демократическими. В реальности то, что обычно называют глобализацией, усиливает тенденции к единообразию, не оставляя места для подлинного местного разнообразия. И коммунистическая бюрократия, и капиталистическая либеральная рыночная экономика враждебны всему локальному и региональному, хотя и проявляется это по-разному. В то же время мы являемся свидетелями выступлений против концентрации, централизации и единообразия. Нынешний консенсус отвечает на них, сочетая инструменты маргинализации и репрессий.

Итак, одна альтернатива заключается в децентрализации политики и экономики, которые в то же время должны стать поистине глобальными, или скорее универсальными, т. е., доступными всем. Политика вновь должна стать делом локальных сообществ, связанных со школами, больницами, рабочими ассоциациями и т. п. — все это локальные институты и локальные практики. Создаваемый всеми бюджет муниципалитета Порту Аллегри в Бразилии — радикальный способ возвращения политики на локальный уровень, но это лишь начало строительства всеобщей демократии. Другие возможные меры предполагают создание соседских советов, с полномочиями в области инвестиций в локальном сообществе, ра-

боты и возможности ре-интеграции преступников — реабилитация вместо постоянных репрессий. А также поощрение мелкого и среднего бизнеса, укорененного на местах и приносящего благо всему сообществу, например, через владение и управление акциями или ре-инвестирование прибылей в местную инфраструктуру.

Политика должна стать по-настоящему глобальной, чтобы сопротивляться *экономизации жизни*. Цель: не создание глобальной сверхдержавы по образцу бюрократического централизованного национального государства, но появление новых структур, которые не основываются лишь на принципе национального суверенитета. Примером могут служить комиссии из представителей разных профессий, предоставляющие экспертную оценку и дающие рекомендации таким организациям, как совет Безопасности ООН, тем самым балансируя нынешнее преобладание профессиональных политиков и дипломатов. Национальные государства отнюдь не исчезнут, но станут основными посредниками между локальным и глобальным, отражая нужды каждого уровня, а не занимаясь собственным возвышением. Главное — дать индивидам больше автономии в их взаимодействии с бюрократическим государством и рынком.

Если хотя бы часть этого верна, тогда религия есть важная часть этой альтернативы. Ведь религия локальна и глобальна, индивидуальна и универсальна. В этом религия и политика сходятся. И религия, и политика говорят о том, что у людей общего. Общее — это локальное, национальное и глобальное, а также индивидуальное, коммунальное и коллективное. И религия, и политика выражают это общее в понятиях общего блага и благой жизни. Эти понятия далеки от абстракции и наивного идеализма и могут быть обнаружены во всех человеческих культурах. Общее благо включает в себя повседневно необходимые вещи — чистая вода и воздух, дома, образование и общее использование коммунальной собственности, то есть, общие блага и услуги, которые должны быть доступны всем, а не приватизированы или национализированы. Благой жизнь дает людям возможность проявить их таланты и потенциал, внося вклад в сохранение и приращение общего блага, к которому причастны все.

Задачей политики и религии является обретение и переосмысление концепций и практик общего блага, которому сопричастны все, — для того, чтобы стать тем, чем они должны быть — носителями идей общего блага и благой жизни и их воплощения в конкретных институтах и практиках, доступных всем.

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ: ПЕРСОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

М. С. КИСЕЛЕВА

ФЕОФАН ПРОКОПОВИЧ: ВЛИЯНИЕ МОГИЛЯНСКОЙ ШКОЛЫ НА СТАНОВЛЕНИЕ РОССИЙСКОЙ УЧЕНОСТИ*

Для истории идей всегда интересно, как и когда складывается нормативное отношение к науке. Как и при каких обстоятельствах формируется предметное поле, осознаются методы познавательных процедур, насколько востребованными являются процессы интеллектуальных влияний. Для понимания своеобразия возникновения отечественной науки стоит, на наш взгляд, рассмотреть процесс становления российской *учености как предпосылки* для формирования собственно научного знания.

Исследования последних лет в этой области в большей степени сосредоточены на вопросах складывания образовательных институций: истории открытия Славяно-греко-латинской школы в Москве¹, Академии наук в Санкт-Петербурге², формировании системы, как светского, так и духовного образования. Реконструируя

---

*Статья подготовлена при поддержке РГНФ (грант № 04-03-00117а)

¹ См.: *Фонкич Б. Л.* К истории организации славяно-греко-латинского училища в московской Бронной слободе в конце 60-х годов XVII в. // *Очерки феодальной России* (далее — ОФР) М., 1998. Вып. 2. С. 187-226; *Он же.* Греко-славянская школа на московском Печатном дворе в 80-х годах XVII в. // ОФР. М., 1999. Вып. 3. С. 149-247; *Он же.* «Привилегия на Академию» Симеона Полоцкого-Сильвестра Медведева // ОФР. М., 2000. Вып. 4. С. 237-298; *Рамазанова Д. Н.* Богоявленская школа — первый этап Славяно-греко-латинской академии // ОФР. М., 2003. Вып. 7. С. 211-237.

² *Осипов Ю. С.* Академия наук в истории Российского государства. М., 1999; Академия наук в Санкт-Петербурге в XVIII–XX вв.: Исторические очерки. СПб., 2003.

становление отечественной истории как науки, как, впрочем, и любой иной науки, специалисты в большей степени сосредоточивали свое внимание на персоналиях, именах и трудах тех историков, с которых в XVIII в. начиналась историческая наука в России³.

Проблему становления науки, на наш взгляд, можно рассмотреть несколько с иной позиции, которая, собственно и представляет собой исследовательское поле интеллектуальной истории. Речь пойдет о том этапе развития исторического знания, который еще невозможно связать со становлением *предмета* истории как науки. На этом этапе, пожалуй, рано говорить о предметности и любой другой науки. Однако в российской культуре в ее книжной среде последней трети XVII – начала XVIII вв. отчетливо проступают такие новации, которые затем стали почвой для трансляции собственно научного знания в присущих ему институализированных формах. Эти новации не явились результатом собственно процесса секуляризации, способствовавшего развитию светской литературы и свободных знаний. Их носителями были образованные книжники, пришедшие на Московский двор из Малороссии. Существенно, что все они были священнослужителями, однако знания тривиума и квадравиума, греческого, латыни, польского, риторики, поэтики и философии, полученные в Киево-Могилянской академии и в других европейских университетах, создавали в их книжном труде и учительстве новую тему познавательной активности, творческой самостоятельности и даже авторской позиции. Все эти характеристики относятся к новому типу книжника, который и явился носителем *учености*, складывавшейся внутри книжной культуры. Исторический срок существования ученого книжника можно определить достаточно точно: от Епифания Славинецкого и Симеона Полоцкого до Стефана Яворского и Феофана Прокоповича. Их влияние на православную культуру было отмечено распростране-

---

³ Из имеющейся немалой литературы по этой теме укажем на некоторые работы: Алпатов М. А. Русская историческая мысль и Западная Европа (XVIII – первая половина XIX века). М., 1985; Каменский А. Б. Судьба и труды Г.-Ф. Миллера // Миллер Г. Ф. Сочинения по истории России. Избранное. М., 1996; Артемьева Т. В. От славного прошлого к светлому будущему: Философия истории и утопия в России эпохи Просвещения. СПб., 2005. Гл. 1. От летописи к истории.

нием проповеди и полемического богословия. Что же касается светской культуры, то и здесь ученость принесла много нового: от придворной этикетной риторики, важной составляющей которой была силлабическая поэзия, до зарождения театра.

Текст Феофана Прокоповича, взятый для подробного анализа, на наш взгляд, вполне репрезентативен, и позволит проследить характерные особенности нового типа книжной учености, выросшей на волне третьего югославянского влияния. Феофан Прокопович, выходец из Малороссии, был правой рукой Петра в церковной реформе (А. В. Карташев определил точнее — «мозг Петра»). Еще в пору ректорства в Киево-Могилянской академии, до вызова в Санкт-Петербург, Феофан написал семь богословских трактатов для целей преподавания, а также проповеднической и полемической деятельности. Интересующий нас трактат, как и все остальные произведения этого рода, был написан по-латыни. Его публикация была осуществлена в Москве в переводе Якова Евдокимова лишь в 1785 г. под названием «Богословское учение о состоянии неповрежденного человека или о том, каков был Адам в раю?». Обращение к этому произведению позволит реконструировать завершающий этап развития отмеченного нами типа учености, представить себе тот эпистемологический багаж, которым владел Прокопович, пользуясь *новыми методами анализа* библейского сюжета и смело прилагая их к священной истории.

Известный биограф и исследователь творчества Феофана в XIX в. И. Чистович со всей определенностью говорит о его методе как «*учено-историческом*». Он объясняет это тем, «что в основание изъяснения и доказательств церковных догматов полагается учение святого писания и церковной истории, между тем как в схоластическом богословии истины христианского вероучения рассматривались и изъяснялись только как логические понятия, без отношения к их источникам, или же в отношении только внешнем помимо филологического и исторического изучения священного писания и церковных древностей»⁴.

---

⁴ Чистович И. Феофан Прокопович и его время. СПб., 1868. С. 17. Это определение вполне созвучно известной работе Ю. Ф. Самарина «Стефан Яворский и Феофан Прокопович». Самарин прямо пишет об исторической аргументации в выводах из Первой книги «Пролегомен» Прокоповича: «Об-

В первой половине XVIII в. статус верующего человека в русской культуре существенно меняется⁵, в том числе благодаря усилиям самого Феофана. Возрастание роли проповеди — одно из свидетельств этого процесса. Оставаясь глубоко верующим, проповедник желает «насытить» максимальным образом свой труд знаниями, вбирая, насколько это возможно, данные наук, новые методы доказательств, определяя разум на службу вере. Эта модель, безусловно, вырастает на почве протестантской традиции. Однако для России начала XVIII века такой опыт в лоне православия имеет очень интересное звучание. Пока еще «человек верующий» и не помышляет о возможных переменах; ему и в голову не может придти, что он сам, или его современники, или даже дальние потомки, готовы будут отдать приоритеты духовной жизни науке и знанию, а не вере. Ученые институции — университет и академия, секуляризованное знание, познавательное вторжение в природу — всему этому было положено начало в русской культуре в XVIII в. Анализ богословского текста, на наш взгляд, позволит заглянуть в познавательную контекстуальность переходного периода русской истории — от ее донаучного периода к периоду формирования потребностей в национальной научной школе, уловить соединение «верующего» и «думающего» человека в пределах русского православия.

Со времени защиты Ю. Ф. Самариним магистерской диссертации в 1844 г., а затем и публикации его труда, Стефан Яворский и Феофан Прокопович остаются для исследователей маркерами,

---

ший результат ее таков: на основании *исторических* (курсив мой. — М. С.) доказательств, утверждается безусловный авторитет Св. Писания как единственного богословского начала; признается право личного толкования и исследования. Но на исторических свидетельствах и на умозрительных выводах догмата основать нельзя. Поэтому нет точки отправления. Право личного исследования и толкования, ничем не ограниченное, подчиняет авторитет Писания произволу частного лица и ведет к отрицанию Церкви, о которой Феофан Прокопович почти не упоминает». (*Самарин Ю. Ф. Стефан Яворский и Феофан Прокопович // Самарин Ю. Ф. Избранные произведения. М., 1996. С. 91*). Для нас важна не критическая оценка богословского труда Феофана, а точно подмеченная связь между историческими доказательствами и «личностной» позицией автора, без которой не может сформироваться наука.

⁵ Здесь нет возможности подробно говорить о влиянии старообрядцев на изменение этого статуса, оно было также чрезвычайно велико.

соответственно, католических и протестантских влияний в русской православной культуре: «Система Феофана Прокоповича относится к системе Стефана Яворского как система протестантская к системе католической»⁶, — это почти диагноз. Исследования последних лет показывают, что Прокопович, как, впрочем, и Яворский, менее всего были озабочены построением религиозных систем⁷. И тот, и другой направляли свои усилия в лоне русской православной церкви, выполняя при этом, каждый свою практическую миссию. Миссия Прокоповича, помимо его реформаторских и политических деяний, была связана с распространением учености, знания и привития любви к этому роду деятельности. Вся его жизнь была связана с учительством. Сначала в Киево-Могилянской академии, затем в Петербурге, где у него была большая проповедническая практика, а затем в 20-х гг. на своем дворе на Карповке он открыл школу и пестовал учеников. Мне представляется, что обогащение православной веры ученостью и знанием было делом жизни Феофана. Вот весьма характерное признание частного характера на эту тему, которое позволил себе Феофан в письме к своему ученику, другу и единомышленнику А. Марковичу: «Ныне все мы, как видишь, болеем теологию. О если бы, по твоему прекрасному примеру, во всех возбудилась жажда знания и изучения. Тогда была бы надежда, что из тьмы возсияет истина; но иное, как мы видим, совершается на деле. Все стремятся учить и почти никто не хочет учиться...»⁸.

Еще одна чрезвычайно важная характеристика творческой деятельности Прокоповича. В его трудах, читанных как лекционные курсы в Могилянской академии по поэтике и риторике⁹, иссле-

---

⁶ Самарин Ю. Ф. Стефан Яворский и Феофан Прокопович... С. 73. Попытка представить католицизм и протестантизм как системы есть влияние гегелевской философии.

⁷ Живов В. Из церковной истории времен Петра Великого: Исследования и материалы. М., 2004. С. 57-58.

⁸ Цит. по: Чистович И. Феофан Прокопович и его время. СПб., 1868. С. 39.

⁹ Феофан Прокопович. Про риторично мистецтво // Філософські твори. Переклад с латинської. Київ, 1979. Т. 1. Оригинальный текст имеет более странное название: De arte rhetorica libri X pro informanda roxalana juventute eloquentiae studiosa bono religionis et patriae traditi a reverendo patre Theophahe Procopowicz Kijoviae in Celebri et Orthodoxa Academia Mohylana Anno Domini 1706.

дователи «обнаруживают близость ...к эстетике умеренного барокко (*barocco moderato*)»¹⁰, рассматривая развитие в барочной культуре учения об остроумии, концептивном мышлении, сходствах и различиях и т. п.¹¹. Преподаватель, обучающий юных роксоланов такому искусству, сам, безусловно, в совершенстве владеет своим мастерством и широко применяет его на практике. Культура барокко в равной степени насыщена верой в высшие силы Бога и в возможности человеческого разума. Можно предположить, что русское барокко явилось той питательной почвой, на которой естественным образом привилась ученость как переходный этап к становлению отечественной науки.

* * *

«Богословское учение о состоянии неповрежденного человека или о том, каков был Адам в раю?» Феофана имеет строго организованную структуру, логично и содержит в себе достаточно полемических страниц. *Первая глава* служит общим введением, в котором излагаются «простым и историческим порядком» (обратим внимание на этот «историзм» изложения, опирающегося, разумеется, на Священную историю) «блаженства» первого человека. *Вторая и третья главы* посвящены блаженству «внутреннему», сосредоточенному соответственно в душе (2 гл.) и теле (3 гл.); внешние блаженства излагаются в *четвертой главе*. Далее обсуждаются вопросы, имеющие отношение к подробностям и деталям его основной и главной интерпретационной модели: *пятая глава* посвящена господству человека над животными; *шестая* — древу познания добра и зла; *седьмая* — «что есть херувим стерегущий сад?». В заключительной *восьмой* обсуждается вопрос о пользе «сего учения». Существенной стороной текста является его полемическая направленность. Объектом критики являются католические проповедники (Баллармин и др.), представители различных монашеских орденов и общин, прежде всего социниане¹². Разбор тезисов и доказа-

---

¹⁰ Кибальник С. А. О «Риторике» Феофана Прокоповича // Русская литература XVIII – начала XIX века в общественно-культурном контексте. XVIII век. Сб. 14. Л., 1983. С. 199.

¹¹ Там же, С.202-203.

¹² Социниане — основатель Фауст Социн, представитель рационалисти-

тельств своих идейных противников позволяет Феофану остро и точно показывать преимущества собственной позиции. Заметим, что в личной библиотеке Феофана были собраны книги его оппонентов, к которым он мог свободно обращаться при написании своих текстов¹³, полемика осуществлялась в стиле текстуальной критики.

Определение «неповрежденного» человека, Адама, живущего в райских кущах», Прокопович начинает с рассуждения о «высочайшем благе», выбирая в помощники авторитет Аристотеля. Благополучен, по Аристотелю, человек здоровый телом, одаренный «превосходным разумом, памятью и рассуждением», следовательно, способный пользоваться всем тем, что из этих благ следует. Находя рассуждение философа «справедливым», Феофан выводит из него весь план своего сочинения. Речь должна идти о разуме и воле человека, а также о теле, в том числе и о красоте его, и о тех следствиях, которые из этих качеств следуют.

На первое место в определении блага в человеке Феофан выносит **разум**. «Разум светлый» есть первый божественный дар, направленный на «постижение Бога»¹⁴. Это утверждение требует доказательств, и богослов разворачивает их во второй главе, опираясь на тексты Священного Писания. Первым доказательством, «знаком величайшей премудрости» (С. 13), выступает процедура наделения именами животных, которых привел к человеку Бог. Прокопович пишет о том, что эта процедура оказалась возможна потому, «что

чекого крыла в протестантизме начала XVII века, унитарии, занимались просветительством и устройством школ, особо распространено в Польше (в 1605 г. катехизис на польском языке вышел в Кракове, с 1602 г. здесь училось до 1000 учеников разных вероисповеданий) и через поляков проникло в литовско-русские земли (Вильно и др. города), на север Европы и в Германию.

¹³ См.: Библиотека Прокоповича // *Феофан Прокопович* Філософські твори в трьох томах. Київ. 1981. Т. 3. С. 437. М. Д. Рогович приводит описание библиотеки, где, в частности: St. Bellarminus (Robertus) Disputationes quattor de controversiis christiane fidei, t. 1-4. Parisiis, apud Triadelphum, MDCCXIII. 4617 p, а также труд Социна: *Socinus Sensis Faustus Paulus* Lectiones Sacrae quibus auctoritas sacrarum litterarum praesertim novi foederis asseritur. Racoviae, apud Sternatium, 1618.

¹⁴ *Феофан Прокопович*. Богословское учение о состоянии неповрежденного человека или о том, каков был Адам в раю? М., 1787. С. 4. Далее ссылки на это произведение в тексте статьи, с указанием страницы в скобках.

Адам имел познание о естестве каждой вещи» (о ее сути) или, по крайней мере, о ее свойствах. Это знание и позволяет Адаму давать имена вещам, а, следовательно, заключать о совершенстве разума первого человека.

Критика социниан во второй главе основана на аргументе, что противник плохо знает Священное писание, ибо по всем пунктам, которые предъявляют критики мудрости первого человека, считает Прокопович, они не понимают священных текстов и не способны рассуждать. Социниане полагают, что первый человек не был мудр, так как: 1) не ведал о наготы своей, а, следовательно, подобен младенцу; 2) о супруге знал только благодаря своим чувствам; 3) не знал о древе познания добра и зла; 4) не знал, что он смертен.

В опровержение первого пункта Феофан снова прибегает к авторитету Аристотеля в определении стыда как «последствий произошедших от срамоты» (С. 17). Но поскольку, как пишет Феофан, Адам «не ведал о наготы своей в нравственном смысле взятой, т. е. не видел на теле своем знаков и причин срамоты» (там же), то и вменять ему в вину незнание бессмысленно. Феофан нашел и другой аргумент: «святые телеса на небе никакой не будут иметь одежды... они не видят наготы своей, не в простом смысле, как бы они столь были глупы, но в витиеватом и возвышенном, т. е., что они на телах своих никакой не будут иметь причины к срамоте, а потому и к стыду» (там же). Завершая рассуждение по этому вопросу, Феофан делает вывод: «Адам и жена его толь были праведны, невинны и святы, что хотя они были наги, однако не были причастны ни малейшему стыду; поелику они на своем теле никакой не усматривали срамоты, которая есть причина стыда. Но сего блага они не сохранили...» (С. 23).

В дальнейших критических рассуждениях Феофана заметен повторяющийся аргумент. И в вопросе о «познании» Евы, и в вопросе знания Адамом того, что он смертен, богослов повторяет, что одно дело «знание», а другое дело — знание, опирающееся на собственный *опыт*. Феофан явно различает «умозрительное» знание и «опытное»: «человек знал добро и зло умозрительно. Ибо, когда он слышал, что Бог накажет его смертию, если вкусить от плода запрещенного древа, то надлежало тогда уже человеку знать, что есть смерть» (С. 163-164). Вкушение запрещенного плода и последствия

этого действия обеспечили Адаму совсем иное, «опытное знание»: «познание именованного древа есть опытное, или *самый опыт под именем знания* разуметь надлежит» (С. 164; курсив мой. — М. К.). Еще в 1966 г. в своих исследованиях Э. Винтер обращал внимание, что «большое значение Прокопович придает опыту», считая, что в этом можно усмотреть «знакомство с трудами Бэкона, которые он читал в Киеве»¹⁵.

Интересно рассуждение Феофана об именовании вещей вообще и «древа познания добра и зла», в частности. Это рассуждение вполне в духе идей европейских философов второй половины XVII века о том, что имя-знак может служить меткой, помогающей удерживать в памяти мысли о тех или иных вещах или событиях¹⁶. Феофан так и пишет: «...имя запрещенного древа напоминало Адаму, что ежели он вкусит от плода, то испытает добро и зло, т. е. коликаго добра лишили, и в коликое зло впал» (С. 164). В шестой главе, посвященной специально рассмотрению вопроса, связанного с древом познания, богослов выясняет «для чего, таким образом названо» древо, а §§ 94-95 содержат «филологический анализ» не тождественности выражений «не знать» и «не испытывать». В § 96 Феофан утверждает, что имя заключает в себе *смысл* того события, которое оно называет: «для чего не сказать, что древо познания добра и зла приняло название от последствия, через которое Адам испытал...» (С. 170).

«Умозрительное» знание о смерти Феофан разбирает достаточно подробно в третьей главе, где речь идет о телесном здоровье

¹⁵ Винтер Э. Феофан Прокопович и начало русского Просвещения // Роль и значение литературы XVIII века в истории русской культуры. М.-Л., 1966. С. 45. В библиотеке Прокоповича известна книга Бэкона: *Bacon Franciscus (Francis) Novum organum scientiarum*. Amstelodami, apud I. Ravens Steinium, 1660. *Werulamus (Franciscus Bacon) Opuscula doctissima*. Bremae, apud Willerianum. MDCXIX. 599 p. (Библиотека Прокоповича) // *Феофан Прокопович Філософські твори в трьох томах*. Київ. 1981. Т. 3. С. 389, 392.

¹⁶ См., например: «Первое применение имен состоит... в том, что они служат *метками* для воспоминаний» (*Гоббс Т.* Левиафан, или материя, форма и власть государства церковного и гражданского // *Гоббс Т.* Соч. в 2-х тт. М., Т. 2, С. 23). Заметим, что Гоббс на предыдущей странице трактата утверждает, что «первым творцом речи был сам Бог, который научил Адама...» (Там же. С. 22).

и красоте человеческого тела. Выводя красоту и «здравие» из любви Божией к человеку¹⁷, он полагает, что и то, и другое — результат первоначального бессмертия неповрежденного первого человека. Определение смертности в трех различных аспектах дает возможность выявить умозрительно, что есть *бессмертие*, и как оно связано с природой человека. Первый аспект противопоставляет смертность целого, состоящего из частей («отвлеченная возможность умирать» — С. 49), бессмертию существа простого, «а потому не подлежащего разрушению». Из чего выводится, что «бессмертен есть дух» (там же). Второй аспект определяется как «близкая возможность умирать», когда причины разрушения находятся *внутри* целого: части воюют между собой. В противоположность этому бессмертие предполагает отсутствие конфликта частей. Третий аспект абсолютно приземлен и определяет смертность как «всегдашнюю возможность умирать» (С. 50), что противопоставляется бессмертию «в несобственном смысле». Различение этих трех аспектов необходимы Феофану для того, чтобы показать неправоту ссылающихся на Августина пелагиан и социниан, считающих, что человеку назначена «вечная смерть». Они отвергают понимание бессмертия как «корня всякого телесного благополучия» (С. 71), Феофан же рассматривает этот вопрос в его «исторической» протяженности: «через Христа нам возвращено бессмертие телесное, а сие бессмертие было в Адаме благом потеряно» (С. 85). Исходное состояние Адама — это человек наделенный Богом «естественным и неповрежденным» разумом, который был утерян после грехопадения. Все рассуждения Феофана подкреплены многочисленными ссылками на Евангелие от Матфея, Апостольские Послания и Книги Пророков.

---

¹⁷ В основе рассуждений Феофана о «здравии» человека лежат, можно сказать, «эмпирические факты», однако взятые из Священного Писания. «Крепость тела» Адама до повреждения абсолютна. Грех — причина всех болезней, поэтому продолжительность жизни постепенно снижается: до потопы жили до ста лет и более; затем все меньше. Со «здравием» связана и красота: «первобытная красота» присуща Адаму «в высочайшей степени». И снова в основу доказательства кладутся факты, на этот раз медицинского порядка: больной человек имеет бледный цвет лица, «неприятный взору, «гнусное членов безобразия», «неправильные размеры» и т. д. (подробно об этом Феофан рассуждает в 3-й главе, §§ 30-32).

Рассуждая о *воле*, присущей Адаму, Феофан рассматривает вопрос о свободе первого человека. Он абсолютно убежден, что Адам свободен в проявлении своей воли, ибо «он был совершенно свободен в избрании им добра и зла» (С. 26). Святость и правда, данные Богом первочеловеку, есть «дарования нравственные» (С. 27), хотя и дарованы естественным путем, т. е. присущи были Адаму по его природе. Это стало возможным, по мысли Феофана, потому, что человек сотворен по образу и подобию Божию.

Эта традиционная для богословия тема рассматривается автором по следующим четырем вопросам: 1) в чем состоит образ Божий, в сущности человека или в его качествах? 2) если в качествах, то каких? 3) лишился ли человек через грех образа Божия? 4) только муж создан по образу Божию, или также и жена? Естественно обращение Прокоповича к Отцам церкви — Василию Великому, Амвросию, Августину, которые полагали, что *сущность* человека — по образу и подобию Божию. Феофан и здесь прибегает к диалектике и уточнению понятий, с которыми он имеет дело. В его понимании «образ и подобие» следует рассматривать в двух смыслах: «собственном, тесном» и «обширном, несобственном» (С. 29). В первом смысле, связанном непосредственно с творением человека в его сущности, и проявился образ и подобие Божие. Во втором смысле «Божий образ через грех потерян... а сущность человека осталась в целостности», но уже поврежденная (С. 30).

Феофан убежден, что качества человека подобны Божественным, и они сохранились и после падения Адама, однако не в том совершенном виде, какими были до грехопадения. Эти качества — мудрость, могущество, святость, бессмертие, господствование и прочие — отражают образ Божий (С. 31). Ссылаясь на апостольские послания, Феофан доказывает свою точку зрения: «...наше мнение, что оный образ состоял во многих первобытных качествах человека, но более в правоте разума и воли, коим соответствует премудрость и святость Божия, так же особенно в целостности и свободности воли, коими как бы означается могущество и свободность воли Божия» (С. 32). Жизнь райская и жизнь земная связываются через сохранение в человеке «черт и следов» от образа Божия: правосудие, природная премудрость, воинская храбрость и другие геройские добродетели. Эти «гражданские» качества определяют

принадлежность человека как к миру земному, так и Божественному. В этом рассуждении можно усмотреть единение богословского учения и земной практической деятельности самого автора. Кажется, что Феофан подводит богословскую базу под будущие государственные проекты, в которых он будет помощником Петру I.

Целую главу своего богословского произведения Феофан посвятил вопросу «власти» и «господства», естественно увязанному с основной темой произведения. В пятой главе обсуждается «господство человека над прочими животными», в котором Феофан видит не только продолжение темы человека, созданного по образу и подобию Божию, но и вопрос, который, видимо, его больше всего занимает: «лишился ли человек этой власти после падения?». Глава имеет, как и другие, полемический характер все с тем же противником — социнианами. Обсуждая вопрос о «господстве», Феофан проводит понятийный анализ и разделяет два смысла, заключенных в этом понятии. Один смысл связан с гражданским термином *право*, определяемым как «законная власть и могучность» (С. 150), которое и «ныне находится у человека» (С. 152). Второй смысл Феофан обозначает термином *употребление*, представляющее «свободное исполнение», подчинение не по закону, а как бы происходящее само собой, естественно данное (С. 150), и считает, что это содержание господства человеком после падения утеряно, он «лишился владычества над прочими животными по употреблению» (С. 151). Однако сохранившееся господство указывает, по мысли Феофана, «следы Божеского подобия... представляет некоторую тень Божия величества» (С. 152-153). Термин «право» Феофан употребляет и тогда, когда рассматривает вопрос об утерянном Адамом бессмертии поврежденного человека. Его риторический вопрос содержит еще один оттенок: «Почему теперь мы только имеем на онья (на бессмертие. — М. К.) право, а не действительное обладание оним?». Ответ на этот вопрос в традициях богословия — ссылка на авторитет Евангелия: «Упованием бо спасохомся» (Рим. 8:24).

Отчасти тема господства, законности и исполнения закона развивается в шестой главе, о которой уже шла речь. По Феофану, не плод древа запрещен, а нарушение запрета Господа греховно. «Не оно древо само по себе худо, — пишет богослов. — Нет ника-

кого в сем таинства, кроме того, что должно повиноваться закону Божию» (С. 160). Причем вопрос о причине запрета вообще не может обсуждаться, так как ответить на него невозможно. Феофан уверен, что «грех состоит в пренебрежении закона Божия. Что Бог запрещает, того удаляйся. Если же презришь его повеление, то не вещь сама по себе тебя накажет, но твое дерзкое сердце» (С. 159-160).

И даже вопрос о борьбе духа с плотью у Феофана можно рассматривать как следствие преступления Божьего закона. До падения, возражает Феофан папистам (прежде всего Беллармину), неповрежденный человек не имел вожелений плоти, а, следовательно, и не был расположен к греху по своему естеству, что доказывает праведность Адама «не от сотворенного естества», а от «сверхъестественной Божьей помощи» (С. 75). «В первом же человеке тело телесных, а дух духовных благ искали, но оныя не имели между собою несогласия» (С. 86) — отвечает Феофан Беллармину, считая, что если бы было иначе, то тогда Бог стал бы «виновником греха» (С. 79), чего Феофан допустить не может.

Особое место в понимании метода, которым владеет Феофан, читая Священное Писание, принадлежит четвертой главе, где обсуждаются внешние условия пребывания неповрежденного человека, иными словами дается понимание Феофаном рая, его месторасположения, времен или «бывших тогда перемен воздуха» и, наконец, свойств земли. В этой главе наилучшим образом представлен способ мышления богослова, его герменевтические способности, его знание текстов Священного Писания и способность их сопоставлять, а также соотносить со знаниями, полученными из географических карт. Характерно также, что отсылки в тексте Феофана к Священному Писанию имеют не столько значение привлечения чрезвычайно авторитетного источника, сколько важны для сопоставления разных точек зрения. Так обращение к Пятикнижию Моисееву у Феофана выглядит не столько опорой на сакральное знание, сколько представляет Моисея как *автора текста*.

В этой главе Прокопович последовательно придерживается метода исторического исследования интересующего его вопроса. Он отдает себе отчет в том, что все знания о рае есть знания, полученные из текста Библии, и потому не желает разделять те мнения,

которые символически, иносказательно, мистически или еще как-то иначе трактуют рай. Более того, Феофан желает сформировать *своего читателя*, «благоразумного и беспристрастного»(!), способного следить за его логикой и воспринять его доказательства. Он разбирает комментарии к тексту книги Бытия, трактующие рай иносказательно (Филон Иудейский, Валентин, Ориген) и критиков этого учения (Василий Великий, Иероним, Августин, Златоуст, Дамаскин и др.). После чего резюмирует: «...перед очами благоразумного и беспристрастного читателя само собою явствует, что история о рае, содержащаяся в Бытии в гл. 2 от стиха 8 до 15, не есть иносказание, но *простое повествование*» (С. 93, курсив мой. — М. К.). И далее, пожалуй, с некоторым раздражением, добавляет: «кто только пожелает пустословить, может выдумать другое» (С. 94). Однако не оставляет эту тему и пытается выяснить причины, по которым «земной сад на духовный и мысленный переменяли» (там же). Во-первых, Феофан считает, что неправильно понят текст апостольского послания «восхищен до небес, яко восхищен бысть в рай», ибо «небесное отечество называемое раем перенесено от первого саду, за коим оно воследовало чрез искупление второго Адама» (там же). Во-вторых, аргумент, что нет упоминания о рае в дни творения на земле, Феофан разрушает, опираясь на различие, как бы мы сегодня сказали, онтологического и гносеологического уровня, что также соответствует достижениям европейской философии XVII – начала XVIII в.: «Иное вещь за вещь следовать, иное полагать повествование одной вещи подле другой» (там же).

Ища ответ на вопрос: «Где же был рай?» Феофан рассматривает разные точки зрения. Полагали, что рай — вся земля; что это некоторая часть земли окруженная морем; что это — гора. Автор разворачивает свои возражения, основываясь на том, что позиции его оппонентов «несходны с географическими и математическими основаниями» (С. 97). Разбирая доказательство, что местечко Рай находится в Дамаске Сирийском, он не соглашается с ним, поскольку находит много противоречий с «Моисеевым описанием» (С. 98).

Феофан разделяет точку зрения «новейших» «ученейших Писателей» (Эммануил Треллий¹⁸, Франциск Юний¹⁹, Август Пфей-

---

¹⁸ Эммануил Треллий (Tremellius, 1510≈1580), итальянский ученый, еврей по происхождению, перешел сначала в католическую, потом в протес-

фер²⁰), которые «определяют место раю в Месопотамии» (там же).

тантскую веру. Преследования инквизиции заставили его бежать из Италии в 1542 г. Пытался при поддержке Кальвина найти кафедру в Швейцарии, что ему не удалось. Он принял приглашение английского архиепископа Кранмера, и с 1549 г. преподавал на кафедре еврейского языка в Кембридже. Бежал из Англии после прихода к власти католички Марии Стюарт. После долгих поисков работы нашел место воспитателя сына герцога фон Пфальц-Цвайбрюкена. В 1561 г. обосновался в университете Гейдельберга, выполняя также дипломатические миссии по поручению курфюрста Фридриха III, после смерти которого (1577) был уволен со службы его преемником. С 1577 г. работал над переводом Ветхого Завета. После долгих поисков устроился в Седане, где занимал профессорскую кафедру еврейского языка до самой смерти. Его труды “Catechismus hebraicus, hebr. et graec”. (1551; перевод катехизиса Кальвина); *Meditamenta*, Wittenberg 1541; (Hrsg.), *Libellus vere aureus D. M. Buceri de vi et usu sacri ministerii*, Basel 1562; (Hrsg.), *Praelectiones doctiss. in epist. D. Pauli ad Ephesos eximii D. M. Bucerii, habitae Cantabrigiae anno 1551*, Basel 1562; *Enarrationes in Hoseam*, Genf 1563; *Jonathanis filii Uzzia Chaldaica paraphrasis in XII prophetas minores*, Heidelberg 1567; *Dialogus pernecessarius, quo se I. T. pergat ab illis criminationibus, quas Gilbertus Genebrardus Theologus Parsiensus duvinarum & Hebraicarum literarum Professor Regius, ipsi in Chronographia, seui universae historiae speculo intulerat*, Neustadt 1581; “*Grammatica chaldaea ei Syriaca*” (1569); “*Testamentum novum*” (1569, много изданий); “*Bibliorum pars I*” (перевод, выдержавший около 30-ти изданий). Кроме того, известны след. его сочинения: *Meditamenta*, Wittenberg 1541; (Hrsg.), *Libellus vere aureus D. M. Buceri de vi et usu sacri ministerii*, Basel 1562; (Hrsg.), *Praelectiones doctiss. in epist. D. Pauli ad Ephesos eximii D. M. Bucerii, habitae Cantabrigiae anno 1551*, Basel 1562; *Enarrationes in Hoseam*, Genf 1563; *Jonathanis filii Uzzia Chaldaica paraphrasis in XII prophetas minores*, Heidelberg 1567; *Dialogus pernecessarius, quo se I. T. pergat ab illis criminationibus, quas Gilbertus Genebrardus Theologus Parsiensus duvinarum & Hebraicarum literarum Professor Regius, ipsi in Chronographia, seui universae historiae speculo intulerat*, Neustadt 1581.

¹⁹ Франциск Юний (1589≈1677) в 1665 г. издаёт готский *Codex Argenteum*. Он и ряд его современников возводили германские языки к готскому. По поручению графа Томаса Арундела, собравшего обширную коллекцию античных мраморных статуй, голландский ученый-антиквар Франциск Юний составил Каталог художника, в который включил еще рассуждение «О живописи древних». В этом труде впервые были собраны и подвергнуты критическому анализу свидетельства древних писателей об искусстве.

²⁰ Август Пфейфер (Pfeiffer, 1640–1698), протестант, служитель церкви г. Любека, теолог, известен многими трудами на латыни, полемизировал с пиетистами, хилиастами, кальвинистами, комментировал Ветхий Завет, давал толкование иудаизму. Разрабатывал повседневные правила жизни для люте-

Источником исследования этого вопроса у Феофана является «Моисеево описание» и географическая карта. Можно найти и некий «гносеологический идеал» его изысканий: «Да будет, и да представится оная страна так, как на карте географической, или что гораздо лучше будет, как самая ландкарта» (там же, курсив мой. — М. К.). Здесь нет возможности повторять всю логику исследования Феофана, но по своему содержанию оно имеет текстологический и фактографический (факты из истории и географические факты, зафиксированные на картах) характер, касающийся топонимов рек, их течения, выяснения, в какие моря они впадают и как текут и сверки этих сведений с описанием Моисея. Эти две части, «географическая» и «текстологическая», определяют логику исследования Феофана.

Нельзя не обратить внимания на грандиозную барочную метафору, которую автор создает в процессе исследования места рая. Вся Месопотамия, образованная течением рек Тигра и Евфрата, берущих начало в Армении и впадающих в Персидский залив, уподобляется им *кораблю*: источник рек (Армения) — его *нос*; расширение между рек (Халдея) — *корпус*; соединение вблизи Персидского залива — *корма* (С. 102). Феофан приходит к выводу, что *место Рая было в корме Месопотамии* (С. 103). Однако это только первая часть его изысканий: «И так взирая на географические карты атласа Меркаторова, табл. 4, и следовательно, где падение Вавилона и Ктезифона означает, находим точное место рая; ибо оная страна лежит к Ассирии» (там же)²¹. Теперь, считает Феофан, необходимо провести вторую часть исследования: «Когда же дока-

---

ран, особенно в вопросах супружества, исследовал вопросы смерти и бессмертия. Автор книги «Анти-Меланхолия». В библиотеке Феофана описана книга Пфейфера, из которой он, очевидно, и черпал знания по интересующему вопросу: Pfeiferus August *Dubia vexata scripturae sive loca difficiliora Veteri Testamenti*. Lipsiae et Francofurti, apud Brandium (impensis M. G. Hubneri), MDLXXXV. 958p. (Библиотека Прокоповича // Феофан Прокопович Філософські твори в трьох томах. Київ, 1981. Т. 3. С. 435).

²¹ В библиотеке Прокоповича раздел книг по географии представлен наиболее подробно. Малый атлас Меркатора также находился в библиотеке Прокоповича: *Mercator Gerardus Atlas minor*. Amstelodami, apud I. Janssonium, MDCXXXIV. 654 p. (Библиотека Прокоповича // Феофан Прокопович Філософські твори в трьох томах. Київ, 1981. Т. 3. С. 401).

жем, что оно место весьма сходно с описанием Моисеевым рая, то не будет сомнений никаких» (там же).

После анализа текста Моисея, Феофан заключает: «Самые имена Евфрата, Едема, Ассирии освобождают нас от труда искать оного не только по целому свету, но даже и по всей Месопотамии, удерживая нас в корме оныя» (С. 111). И на вопрос о том, почему до сих пор «не знали» об этом, Феофан со всей определенностью говорит: «Причиною сих погрешностей было нерадение о географии и неприлежное рассматривание мест» (там же).

Обсуждая вопрос о времени года в раю, имеющий более познавательный, чем богословский характер, как пишет сам Феофан, «вопрос больше любопытный, нежели нужный» (С. 127), автор определяет это время как вечно длящуюся весну. И тут же апеллирует к реальному опыту жизни, а также к «историкам и географам»: «многие историки и географы свидетельствуют, что Месопотамию не столько как другие страны беспокоивают непогоды, а что в той части, где Едем находился, то есть там всякий год на одном месте малому труду двоякая соответствует жатва» (С. 128). Замечательно соображение о том, что после падения Адама «погода переменялась» (С. 129). И снова мы находим в § 69 соображения методологического свойства, собственно указание на то, как следует относиться к новизне в области познания. Это место демонстрирует нам принципы научного мышления, предполагающие не только самостоятельность исследователя, но и наличие того, что теперь называется «научным сообществом»: «Впрочем сии оба рассуждения о разности частей года и общей перемене воздуха... *собственно мои и новые*, как кажется (да других и не нахожу), не поставлю за основание учения; но на рассмотрение других разсудку предлагаю» (С. 136).

Наконец в восьмой главе Феофан обсуждает вопрос о пользе данного учения и того вклада, который вносит его сочинение в разбираемый им библейский сюжет. И здесь мы еще раз убеждаемся, что Феофан ставит себе в заслугу, прежде всего, полемическую направленность своего труда, а также разрешение вопроса о месте рая. Видит он и нравственную пользу, которая состоит в «примирении с Богом» (С. 184) и предупреждении грехов человеческих.

Анализ данного текста дает основания говорить о формировании предпосылок научного знания: метода критического разбора

текста; введения аргумента необходимости «опытного знания»; новизны; апелляции к ученому сообществу; полезности исследовательской работы в нравственном плане²². Существенно, однако, понимать, что все эти предпосылки складывались *внутри богословских текстов* и излагались в форме «исследования» традиционных богословских вопросов, как это мы видели на примере текста Феофана Прокоповича о первородном грехе Адама. Иными словами, в пределах Киево-Могилянской академии была со всей очевидностью усвоена сформированная в Европе установка на идеалы познавательной и исследовательской деятельности, в области богословия присущая протестантской теологии. Опираясь на весь систематический курс риторических, логических и богословских дисциплин, Феофан Прокопович находит возможность и, очевидно, необходимость овладеть разнообразными умениями для решения богословских вопросов. Историзм, заключенный в нарративе, внутренне присущем сюжетам священной истории, дополняется у Феофана в этом произведении изысканиями на почве географии, антропологии, наблюдениями из медицины, общим полемическим настроением самого автора. Таким образом происходит выход человека верующего в пространство познающего человека, пересечение этих пространств, что не мешает автору не терять связи с православной традицией. Результат этого процесса в отечественной культуре — своеобразный *феномен учености*, который, на наш взгляд, можно рассматривать как предпосылку становления отечественной гуманитарной науки в целом и истории в частности.

---

²² См. об этом подробнее на материале становления естественнонаучного знания в Европе XVII в.: Косарева Л. М. Этические идеалы и познание природы // Косарева Л. М. Рождение науки Нового времени из духа культуры. М., 1997. С. 69-130.

Н. Н. АЛЕВРАС (ЧЕЛЯБИНСК)

ЕВРАЗИЙЦЫ И Г. П. ФЕДОТОВ

РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ В ДИАЛОГАХ ЭМИГРАНТОВ-СОВРЕМЕННОКОВ

Русская революция резко перечеркнула прежний исторический опыт России, развернув ее движение по линии неизвестного ранее социокультурного эксперимента. Интеллектуалы-современники не могли не отреагировать на это мировое по значимости и драматическое по содержанию явление. Оно выдвинуло проблемы перспектив новой геополитической ситуации в мире и социокультурного развития будущей России. Процесс осознания самой революции, ее грядущих последствий был для современников сопряжен с переосмыслением всего предшествующего исторического пути страны.

Особенно эмоционально напряженно и непримиримо критически революционные события воспринимались интеллектуальной средой русских эмигрантов, оказавшихся вне контекста новейшей истории страны, но сохранивших чувства родины и родства с культурным прошлым России. Русская революция воспринималась многими из них как сложный и длительный процесс. Г. В. Вернадский в 1931 г. отсчитывал ее начало с 1905 года, полагая, что «этот процесс не прекратился и теперь, через тринадцать лет после начала революции»¹. Г. П. Федотов в этом же году констатировал продолжение революционной трансформации России, называя ее «русской революцией сверху» под диктаторской властью Сталина². Как у Вернадского, так и у Федотова в общей картине российского развития революционный кризис 1905 года занимал место важного этапа революционных изменений начала XX в. По версии Федотова, именно в 1905 г. сложился союз революционной интеллигенции,

---

¹ *Вернадский Г. В.* Ленин — красный диктатор. М., 1998. С. 5-6.

² *Федотов Г. П.* Проблемы будущей России (первая статья) // *Федотов Г. П.* Судьба и грехи России. Избранные статьи по философии русской истории и культуры. В 2-х тт. СПб., 1991. Т. 1. С. 229.

пролетариата и крестьянства³. Но, в отличие от Вернадского, он более определенно дифференцировал революционные волны дальнейшего политического процесса в России. Это особенно заметно в его сравнительной характеристике Февральской и Октябрьской революций⁴. Соединяя, с одной стороны, эти две революции («Февраль-зачинатель» и «Октябрь-завершитель») как взаимосвязанные моменты грандиозного распада старой государственной власти, Федотов различал их духовную основу. Октябрь, по его версии, символизировал «иммориализм», Февраль же являлся «символом Свободы»⁵.

В общем же контексте размышлений интеллектуалов-эмигрантов под русской революцией понималась, прежде всего, Октябрьская революция, а также ее долговременные последствия. Осознавая внутреннюю потребность и ощущая острую необходимость, представители русского зарубежья первыми начали разговор о судьбе пореволюционной России. Значение их трудов невозможно переоценить: в эмиграции был сосредоточен цвет философской и гуманитарной мысли, их голос, к тому же, долгие десятилетия являлся единственным «голосом свободы» заинтересованных соотечественников, взявших на себя труд представить свои размышления по поводу случившейся исторической катастрофы. «На нас, на русскую эмиграцию возложена своя миссия: борьба с коммунизмом. Для того мы здесь, на чужой земле, чтобы выполнить наш долг», — так определял задачи эмиграции Федотов⁶. Мыслительный процесс культурной среды эмиграции был связан с попытками определить «истоки и смысл русского коммунизма», а также предвидеть будущее России.

Избранные для изучения воззрения группы евразийцев (П. Н. Савицкого, Н. С. Трубецкого, Л. П. Карсавина, отчасти — Г. В. Вернадского) и Г. П. Федотова представляют лишь фрагмент исторического и историософского восприятия проблем российской истории и русской революции интеллектуальным сообществом эмиграции⁷.

---

³ См.: Федотов Г. П. Революция идет // Федотов Г. П. Указ.соч. Т. 1. С. 158.

⁴ См.: Федотов Г. П. Февраль и Октябрь // Федотов Г. П. Указ.соч. Т. 2.

⁵ Там же. С. 133. 135.

⁶ Федотов Г. П. Новый идол // Федотов Г. П. Указ.соч. Т. 2. С. 50.

⁷ Недавнее издание коллекции политической публицистики П. Б. Струве (см.: Струве П. Б. Дневник политика. 1925–1935 / Сост. М. Г. Вандаковская,

Несомненно, тема русской революции являлась общим лейтмотивом историософских, публицистических, конкретно-исторических работ русских эмигрантов-мыслителей, а перечень известных имен, оставивших в творческом наследии свой взгляд на очерченный круг вопросов, разумеется, гораздо шире.

Соединение в данном исследовании евразийцев и Федотова не случайно. При всем различии взглядов двух групп мыслителей на судьбу России в прошлом, настоящем и будущем их объединял схожий спектр некоторых идейных подходов в понимании происхождения и смысла революции, который определялся актуализацией ими национальной идеи. Предложенный выбор персон определен их богатым интеллектуальным наследием по избранной теме. Современная историография, обращенная к творчеству как евразийцев, так и Г. П. Федотова весьма представительна. Не предполагая в данном случае ее специального анализа, сошлемся на некоторые исследования А. В. Антощенко, в которых авторское внимание обращено к разнообразному жанровому спектру (методологическому, историографическому, библиографическому) изучения творчества интересующих нас мыслителей⁸. Монографическое исследование историка (2003 г.) особенно интересно для нас. Уже в самом его названии автор как будто бы предлагает разнополюсное расположение евразийцев и Г. П. Федотова (а также и А. В. Карташева) в пространстве интеллектуальных и идейных баталий русской эмиграции. Вместе с тем, в ходе исследования автор замечает некоторые линии пересечений их отдельных воззрений и оценок. Хотя эти наблюдения не могут стать основой представлений о единстве взглядов Г. П. Федотова и евразийцев, совпадающем понимании ими различных проблем России (в этом мы вполне солидарны с автором), тем не менее, для той и другой стороны характерен схожий

А. Н. Шаханов. М.–Париж, 2004) подчеркивает актуальность проблем русской революции для широкой русской эмигрантской среды и демонстрирует перспективы изучения предложенной в данной статье темы.

⁸ Антощенко А. В. Споры о евразийстве // О Евразии и евразийцах. Библиографический указатель / Научная ред. А. В. Антощенко, А. А. Кожанова. Петрозаводск, 1997; Антощенко А. В. «Евразия» или «Святая Русь»? (Российские эмигранты в поисках самосознания на путях истории). Петрозаводск, 2003.

стержень в их самом общем подходе к российской истории, в котором доминирует, на наш взгляд, консервативное начало.

В ряду многочисленных аспектов истории русской революции интересующие нас личности пытались определить причины этого драматического факта истории. Любопытно, что та и другая сторона не в последнюю очередь отреагировала на состояние русской исторической мысли, которая оказывала воздействие на умы современников и потому учитывалась ими в ряду интеллектуальных причин этого события. Общим для них являлось ощущение необходимости переоценки сложившегося к началу XX века историографического образа России. Явно или в скрытой форме евразийцы и Федотов подвергли сомнению оправданность тех исторических схем и концепций российского пути развития, которые выработала историческая мысль. Совершенно не случайно в евразийском наследии появилась статья Л. П. Карсавина «Без догмата» (1926 г.). Свой обзор состояния исторической мысли он начал постановкой задачи «умственного» постижения «смысла русской революции»⁹. Федотов же один из своих публицистических циклов завершил очерком «Россия Ключевского» (1932 г.)¹⁰. И в том, и в другом случае авторами отрицалась актуальность недавних исторических построений отечественной науки, не сумевшей, по их мнению, предвидеть национальной катастрофы. В этой связи впервые творчество известного русского историка В. О. Ключевского было подано в критически-негативном ракурсе¹¹. По мысли Л. П. Карсавина, на рубеже XIX–XX вв. произошел «разрыв» между исторической наукой и «национальным самосознанием», наука замкнулась на уровне своих корпоративных интересов¹². Федотов считал, что старая историография с ее схемами российской истории в первые десятилетия XX века превратилась «в груды устарелых гипотез». Как философ, он

---

⁹ Карсавин Л. П. Без догмата // Карсавин Л. П. Сочинения. М., 1993. С. 443.

¹⁰ Федотов Г. П. Россия Ключевского // Федотов Г. П. Указ соч. Т. 1.

¹¹ См.: Алеврас Н. Н., Гришина Н. В. «Историческая правда» и «домыслы историка»: Ключевский и его школа в огуляре критики историков-эмигрантов 1920–30-х гг. // Век памяти, память века. Опыт обращения с прошлым в XX столетии. Сб. статей. Челябинск, 2004.

¹² Карсавин Л. П. Без догмата. С. 453.

полагал, что новое видение российской истории должно сформировать у ученых интерес к древним ее корням, полагая, что в факте революции проявилось действие закона «отрицание отрицания», восстанавливающего для России «древнюю правду»¹³. Оба мыслителя, представляя различные интеллектуальные ветви эмигрантской культуры, под воздействием революции поставили вопрос о создании новой версии российской истории, которую, в противовес старой, дореволюционной исторической концепции и марксистской схеме в Советской России¹⁴, необходимо было создать с целью «духовного возрождения родины»¹⁵ и формирования «пробуждающегося русского самосознания»¹⁶.

Евразийцы и Федотов, конечно, не находились в едином идейном пространстве творческой деятельности, хотя, как известно, первые публицистические работы Федотова за рубежом были в 1926 г. опубликованы в евразийском журнале «Версты». В последующем, не выступая с резкой критикой их трудов, он неоднократно пробрасывал свои критические замечания в их адрес. Федотов вглядывался в прошлое России под иным, чем евразийцы, углом зрения. Восточное пространство страны и азиатский вектор ее исторического движения он расценивал как тяжелое и коварное наследие, обрекшее ее на бесконечную и неэффективную в культурном отношении «историю бродячей Руси»¹⁷. По-иному он воспринимал и имперский облик России. Если евразийцы вдохновлялись имперской сущностью российского исторического процесса, связывая ее с имманентной чертой изначально заданных природно-географических и геополитических параметров России-Евразии, то Федотов видел преходящий характер имперской модели развития. С существованием России, в том числе и Советской,

---

¹³ См.: Федотов Г. П. Россия Ключевского. С. 330; *Он же*. Проблемы будущей России (вторая статья) // Федотов Г. П. Указ. соч. Т. 1. С. 268-269.

¹⁴ См. оценку Федотовым (1937 г.) марксистских учебников истории: Федотов Г. П. Как Сталин видит историю России // Вопросы философии. 1990. № 8. С. 156-159.

¹⁵ Федотов Г. П. Россия Ключевского. С. 330.

¹⁶ Карсавин Л. П. Без догмата. С. 458.

¹⁷ Федотов Г. П. Трагедия интеллигенции // Федотов Г. П. Указ соч. Т. 1. С. 77.

как имперской державы, он связывал проявление эффекта запаздывающего развития и был уверен, что рано или поздно рухнет и Российская империя: «Все старые Империи исчезнут. ...Потеря Империи есть нравственное очищение, освобождение русской культуры от страшного бремени, искажающего ее духовный облик»¹⁸. Но, несмотря на эти концептуальные несовпадения взглядов той и другой стороны, Федотова с евразийцами все же связывает ряд других важных размышлений о смысле русской революции и определений ее исторических предпосылок.

Общим в восприятии революции и революционной России являлось убеждение в исторической предопределенности революционного кризиса. Точкой отсчета начала инверсионного состояния русского общества и русской культуры, как для Федотова, так и особенно для евразийцев стала эпоха Петра I. Осознавая неотвратимость революции, но не принимая ее большевистский вариант с идейно-нравственных позиций как социополитическую и культурную данность, евразийцы и Федотов сохраняли к России, ее культуре глубокое патриотическое чувство. Хотя его оттенки у них не во всем совпадали, они были единодушны в отвержении идей насильственной деформации коммунистического режима. При всей критичности восприятия политического курса новой власти, евразийцы и Федотов были убеждены в том, что русский народ и общество сами должны были в какой-то исторической перспективе сделать иной политический выбор и изменить свою историческую судьбу.

Взгляды и оценки прошлого избранной когорты мыслителей базировались на характерном для них настроении, которое относительно Федотова определяется иногда как «почвенный идеализм»¹⁹. Вполне идентичным качеством обладали и взгляды евразийцев²⁰.

---

¹⁸ Федотов Г. П. Судьба империй // Федотов Г. П. Указ. соч. Т. 2. С. 327.

¹⁹ См.: Бойков В. Ф. Судьба и грехи России (Философско-историческая публицистика Г. П. Федотова) // Федотов Г. П. Указ. соч. Т. 1. С. 15

²⁰ См., например: Исаев И. А. Геополитическая утопия евразийства // Исаев И. А. Политико-правовая утопия в России (конец XIX – начало XX в.). М., 1991; Он же. Евразийство: идеология государственности // Общественные науки и современность. 1994. № 5; Люкс Л. Евразийство и консервативная революция. Соблазн антизападничества в России и Германии // Рубежи. 1997. № 6; Вандалковская М. Г. Историческая наука российской эмиграции. «Евра-

Но Федотов в своем интеллектуализме был глубже, тоньше, аристократичнее евразийцев, особенно если иметь в виду политических активистов их движения. Мысли Федотова не окрашены идеологическим пафосом и мечтой (как, например, у П. Н. Савицкого) о личном участии в политическом переустройстве большевистской России. Ему не свойственна идейная эмоциональность и политические амбиции евразийцев, а характерно обстоятельное историко-философское погружение в социокультурные пласты прошлого и настоящего России.

Однако при всех политических и идейных расхождениях, для той и другой интеллектуальной традиции характерен антизападнический комплекс, представленный лишь в разной степени насыщенной эмоционально-концептуальной окраске. Не примкнув к евразийцам и внутренне сопротивляясь их доктрине, Федотов, тем не менее, развивал свои идеи в рамках умеренного консерватизма. Иногда же он высказывал мысли, довольно близкие евразийцам. Характерна его статья «Сумерки отечества» (1931 г.), в которой он обнаруживает иные, чем в послевоенной Европе, тенденции российского развития. Россия у него предстает в виде «третьего культурного материка между Европой и Азией, со своими собственными историческими судьбами». Как и евразийцы, Федотов сетует по поводу победившего в 1840-е годы западничества, что приостановило естественное формирование «русского национального сознания». Он констатирует факт «неизжитых возможностей для относительной хозяйственной автаркии», пытается очертить перспективы мировой миссии России, смысл которой он связывал с решением насущной национальной проблемы. По его предположению, перспективы развития страны были связаны с отказом от политического курса великодержавного национализма и созданием сильного «государства национальностей», способного решить «великую задачу опытного построения политического общежития народов»²¹.

Весьма схожими оказываются призывы той и другой стороны относительно направленности движения современной историче-

---

зийский соблазн». М., 1997; *Вилента И.В.* Идея самобытности в исторической концепции евразийцев // *Вестник Московского ун-та. Серия 8.* 1998. № 1 и др.

²¹ *Федотов Г. П.* Сумерки отечества // *Федотов Г. П.* Указ. соч. Т. 1. С. 327-328.

ской мысли. Критикуя в упомянутых статьях научно-историческую версию В. О. Ключевского²², Карсавин и Федотов в схожей историографической манере призывали вернуться к истокам старой научной традиции. Как для Карсавина, так и для Федотова не потеряли своего значения славянофильские построения. Близкими являлись также идеи, связанные с созданием образа самостоятельного и сильного государственного организма будущей России. Оба мыслителя, оглядываясь назад, искали опору в концепциях давно ушедшей исторической эпохи.

Таким образом, ряд характеристик идейно-мировоззренческого порядка позволяет рассматривать евразийцев и Федотова в качестве интеллектуальных явлений, принадлежавших к пространству консервативной мысли русской эмиграции.

Известная группа евразийцев представляла молодое поколение эмиграции. Нереализованный на родине творческий потенциал 20–30-летних интеллектуалов со всей силой проявился за рубежом в разработке оригинальных, хотя не бесспорных историософских, исторических и геополитических воззрений, а также идейно-политической системы, нацеленных на создание идеологической основы для будущего государственного образования Россия-Евразия. Представители этого сообщества, практически, первыми в интеллектуальной среде эмигрантов попытались включить фактор российской революции в общемировой процесс и со своих позиций определить ее смысл и роль для государственно-исторической перспективы российского развития.

Схожая по общим параметрам идейно-концептуальная платформа евразийцев не исключала оригинальности взглядов на историю и современность России каждого из среды их лидеров. Общей основой их подхода к русской революции была мысль о ее неизбежности вследствие «саморазложения» старого строя. Недавняя общественно-политическая система, приведшая Россию к револю-

---

²² См. примеч. 6, 7. Можно заметить, что у Г. П. Федотова размышления об исторической науке и российских историках XIX века фрагментами рассыпаны во многих работах. Для евразийцев также характерны историко-научные рефлексии, направленные, прежде всего, в плоскость поисков своих интеллектуальных предшественников. В данном случае указаны наиболее значимые и целенаправленно созданные историографические пассажи.

ции и военно-политическому кризису, воспринималась ими как чуждая национальным основам русской культуры, сложившимся в допетровский период. По взглядам одного из лидеров евразийства Н. С. Трубецкого, европеизация привела Россию к трудно излечимой болезни: распаду нации на чуждые друг другу, полярные культуры. Он пришел к известному выводу, что в «нездоровых» нациях (к каковым им была отнесена и Россия), «зараженных недугом европеизации», происходит внутринациональный раскол на «верхи» и «низы», представляющие качественно различные субкультуры. Первая восприняла «романо-германскую» традицию, вторая подпитывалась «обломками ...туземной национальной культуры». То есть, ранний этап модернизационных подвижек и инверсионное состояние общества стали, по Трубецкому, историческими условиями революционного кризиса начала XX века²³. Отвергая послепетровский опыт исторического развития России как позитивный, евразийцы полагали, что русская революция свидетельствовала не только об историческом тупике, в котором Россия оказалась в результате нарастания модернизационного напряжения, но и о глубоком кризисе самой европейской культуры. Как негативный итог разлагающего влияния Запада евразийцы воспринимали проникновение отсюда неприемлемых для них политических идей. Резюме Трубецкого: «Социализм и коммунизм суть порождения романо-германской цивилизации»²⁴ в одинаковой мере несет негативный подтекст, как в отношении европейской политической мысли, так и российского левого политического радикализма, ставшего непосредственным проводником революции. Поиск нового самобытного пути, как вне европейской социополитической традиции, так и за пределами большевистского политического проекта, стал основной историософской и политической задачей евразийцев.

Сам факт революции воспринимался евразийцами как реальность, с которой нельзя было не считаться. Для них характерно было стремление определить те ее стороны, которые бы позволили в будущем сменить большевистское правительство и политический

---

²³ См.: *Трубецкой Н. С. Верх и низы русской культуры // Трубецкой Н. С. Наследие Чингисхана. М., 2000. С. 118-119, 134-135; Он же. Мы и другие // Трубецкой Н. С. Указ соч. С. 406-407.*

²⁴ *Трубецкой Н. С. Русская проблема // Там же. С. 333.*

строй на иную идейно-мировоззренческую и государственно-политическую систему, определяемую ими как евразийскую. Савицкий в 1925 г. вполне определенно сформулировал программную задачу евразийского движения: «Заменить в качестве руководящего принципа в жизни России-СССР коммунистический интернационализм общеевразийским национализмом...»²⁵. Богатая публикация представителей этого течения эмиграции призвана была заложить основы евразийской идейной программы. Нацеленные на разработку преобразовательных проектов, лидеры евразийства в то же время не склонны были не замечать и не учитывать, на их взгляд, достижений Советской России в области экономики, государственного устройства страны, ее общей геополитической стратегии. Ее успехи, особенно в разработке природных ресурсов восточной части страны, а также в укреплении российской государственности на национальных окраинах, становились для них аргументами в обосновании исторических и геополитических особенностей России как Евразии, а также правомочности и убедительности своей евразийской программы.

Несмотря на идеологическое неприятие большевистской революции, евразийцы с интересом наблюдали за ее развитием, в частности, за перерастанием ее в Гражданскую войну. Еще в 1919 г. Савицкий пытался уловить соотношение сил и историко-политических возможностей для преобразования России, которые просматривались в «белом» и «красном» движениях. Феноменальность Гражданской войны он видел в открытом и выразительном противостоянии идей и формировании идейно закаленных и последовательных типов людей, ориентированных на создание новой культуры: «В такой войне выковываются и оттачиваются идеологии, увеличивается самосознание борющихся сторон, создаются кадры идейных и военных борцов, дающие впоследствии победившей стороне, неизбежно в этом случае инкорпорировавшей в себя и большую часть своих противников, возможность совершить великие национальные деяния»²⁶. Имперский пафос, характерный

---

²⁵ Савицкий П. Н. Евразийство // Савицкий П. Н. Континент-океан. М., 1997. С. 110.

²⁶ Савицкий П. Н. Очерки международных отношений // Савицкий П. Н. Указ. соч. С. 389.

уже для раннего (дореволюционного) периода творчества Савицкого²⁷, сглаживал его оценки «двух великих полюсов» Гражданской войны, представленных Колчаком и Деникиным, с одной стороны, и большевиками, с другой. Вероятно, можно предполагать, что его, вполне сознательно примкнувшего к белому движению, в конечном итоге волновал не столько вопрос «кто победит: национальный лагерь или советский», сколько судьба Имперской России в результате борьбы двух сторон. В рассуждениях 1919 года Савицкий, в сущности, невольно поднимался над антагонизмом «красных» и «белых», стремясь уловить ведущую историческую тенденцию революции и Гражданской войны. Его симпатии, конечно, на стороне «белых», но он поддерживал линию большевиков, направленную на уничтожение политического сепаратизма и воссоединение прежних территорий Российской империи. Его не смущали предположения, что большевики могут «одолеть» Колчака и Деникина и при этом восстановить, а, может быть, и расширить былые границы России. В этих тенденциях, за политикой большевиков он видел проявление имманентно заложенной, по его мысли, природно-географической и историко-геополитической основы ее общего развития. Савицкий полагал, что в случае победы любой стороны «итог исторического развития был тот же самый, различались бы лишь пути»: в первом случае они были бы «прямые», во втором — «окольные». «В этом и заключается существо великодержавия живых народов, что они остаются великодержавными при всех поворотах своей истории», — резюмировал Савицкий, полагая, что в этом процессе проявляются «сила» и «великая историческая судьба» русского народа и государства²⁸. Философский взгляд лидера евразийцев базировался на идее «исторической необходимости», против которой большевистский режим был бессилён. Он был убежден, что собственническое начало народной психологии, подавляемое большевистской идеологией, рано или поздно неизбежно заставит новую власть отказаться от своей «ненависти» к исторически сложившемуся институту права собственности. В 1920 г.

²⁷ См.: *Алеврас Н. Н.* Начала евразийской концепции в раннем творчестве Г. В. Вернадского и П. Н. Савицкого // *Вестник Евразии. Независимый научный журнал.* М., 1996. №1(2).

²⁸ *Савицкий П. Н.* Очерки международных отношений. С. 390.

Савицкий обращал внимание на те коррективы, которые привносились народом в практику первоначальных проектов революционных преобразований «“западников”-марксистов». Он был склонен определять это явление как «народный большевизм». Не случайно в программе евразийцев 1926 года отмечалась привлекательная для них черта новой власти: «Новый правящий слой естественно-органически вырос из народного материка»²⁹.

Евразийцев, и особенно Савицкого, покоряли масштабы и оригинальность большевистского переворота, повлекшего создание государства, не имевшего «прототипов в истории Запада»³⁰. В первом евразийском издании — сборнике «Исход к востоку» (1921 г.) Савицкий на волне евразийского творческого вдохновения пытался вписать факт революции в систему аргументов, доказывавших особенности России-Евразии как историко-культурного и геополитического феномена. Война и революция, подчеркивал он, сняли, как маску, «европейскость» России, обнажив ее двуликость. «Одним лицом она обращена в Европу. ...как Франция 1793 г. она несет Европе “новое слово” — на этот раз новое слово “пролетарской революции”... Но другим лицом она отвернулась от Европы»³¹. В традициях почвеннических идеологий, Савицкий в русской революции видел проявление общемировой миссии России. В данном случае факт революции приобретал в его концепции значение всемирного, вследствие принципиальной новизны предлагаемого большевиками неевропейского пути. «Россия приняла на себя бремя искания истины за всех и для всех», — писал он, подчеркивая этим самобытность ее исторического выбора. Много позднее, в 1933 г., продолжая размышления на тему русской революции и подчеркивая факт заимствования российскими коммунистами основ своего учения из Европы, Савицкий утверждал, что «в жизненной практике они осуществили нечто такое, чего ни в Европе, ни в Америке нет». Он продолжал настаивать на характеристике русской революции как события, отсекившим Россию от Европы. С точки зрения евразийца в этом был позитивный смысл: «Русская революция ...обнаружила

²⁹ Савицкий П. Н. Евразийство (опыт систематического изложения) // Савицкий П. Н. Указ. соч. С. 54.

³⁰ Савицкий П. Н. Европа и Евразия // Савицкий П. Н. Указ соч. С. 151.

³¹ Савицкий П. Н. Поворот к востоку // Савицкий П. Н. Указ. соч. С. 136.

природу России как особого исторического мира»³². Научная основа его доктрины, доказывавшая специфику и неповторимость исторического облика России, сохраняет определенную привлекательность и в рамках современных поисков особенностей ее исторического пути. Однако идейно-политическую сферу его мировоззрения нельзя не воспринимать как результат политической беспринципности, а устойчивые антизападнические настроения — как тупиковый итог эволюции российского почвенничества.

Н. С. Трубецким русская революция также воспринималась как всемирно значимое явление. Однако его беспокоила перспектива превращения России в колониальный придаток Европы в любой ситуации: и в случае сохранения в Европе буржуазного строя, и в случае победы всемирной коммунистической революции, о которой мечтали большевики. Единственной возможностью для России (при втором варианте развития событий) противостоять Европе и сохранить свое национальное лицо являлась, по его мнению, выработка «азиатской ориентации» во внешней политике, означавшей приобретение лидерства в антиколониальном движении³³. Вырваться из замкнутого круга этой неприемлемой для философа предопределенности можно было только через выбор иного «плана» исторического движения, минуя крайние «полюса» — левый и правый — европейской общественно-политической традиции³⁴.

Предлагаемый Трубецким проект исторического обновления России по ряду основных принципов был созвучен мыслям Федотова, что еще раз подтверждает их подспудно выраженную идейную близость. Тот и другой полагали, что пути ее преобразования должны быть связаны с отказом от своего недавнего прошлого, как не оправдавшего себя исторического опыта. Россия, по их мысли, должна была возвратиться к своим историко-культурным истокам, лежащим в древней истории. «Элементы отдаленного прошлого, вырванные из исторической перспективы и пересаженные в новый для них контекст современности, начинают жить совершенно но-

---

³² Савицкий П. Н. Евразийство как исторический замысел // Савицкий П. Н. Указ. соч. С. 100, 101.

³³ Трубецкой Н. С. Русская проблема. С. 328-342.

³⁴ См.: Трубецкой Н. С. У дверей реакция? революция? // Трубецкой Н. С. Указ. соч. С. 358-366.

вой жизнью и способны вдохновлять к подлинно новому творчеству», — считал Трубецкой, выстраивая перспективы освобождения России как от бремени европеизации, так и от последствий большевистского эксперимента³⁵. Он предполагал, что «древний» исторический опыт приведет к новой революционной трансформации, связанной с идейным «переворотом в сознании». Его прогнозы и призывы отражали поиски евразийцами «грядущего идеала» для России. Наполненное предположениями и намеками, абстрактное полотно публицистической программы мыслителя в то же время достаточно четко отражает выбор своего рода «третьего пути» для России и акцентирует внимание на идеологической составляющей будущего российского государства.

Не принимая, как и все евразийцы, большевистской революции, Трубецкой, тем не менее, с пониманием относился к отказу новой власти следовать традициям старой, то есть, европеизированной культуры. Однако классовый подход большевистской программы социокультурного переустройства вызывал у него принципиальное неприятие. Идеалу ее «пролетарской культуры» он противопоставлял образ «национальной культуры». Его знаменитая статья «Верхи и низы русской культуры», формально не обсуждавшая проблемы революции, по сути, содержала ее «евразийское» объяснение, но с характерным именно для Трубецкого культурологическим анализом. Внутринациональный раскол, обрисованный Трубецким, должен быть, по его мысли, преодолен на основе возрождения древних традиций восточнославянской культуры и ее тесного взаимодействия с многообразием иных этнокультурных элементов.

Федотов разделял мысли Трубецкого об историческом противостоянии двух культур: «Две разные культуры сожительствовавали в России XVIII в. Одна представляла варваризированный пережиток Византии, другая — ученическое усвоение европеизма»³⁶. Он полагал, что внутринациональный дуализм проявлялся не столько в розни дворянства и крестьянства, сколько в непонимании и отчуждении, которые сложились между народом и интеллигенцией. Подоб-

---

³⁵ Там же С. 365.

³⁶ Федотов Г. П. Россия и свобода // Федотов Г. П. Указ. соч. Т. 2. С. 288-289.

ная трактовка близка толкованию Трубецким верхов и низов русской культуры, хотя Федотов не акцентировал специального внимания на многоэтничности народной массы, а Трубецкой не был так внимателен к интеллигенции как культурной категории. Однако тот и другой в этом культурном противостоянии видели давние (с эпохи Петра I) корни национального раскола, приведшего к русской революции.

Размышления Федотова о будущем России связаны с его представлениями о цельности исторической судьбы русского народа. Подчеркивая невозможность прервать ход истории и разрушить древние основы культуры того или другого народа революционными катаклизмами, он, как и Трубецкой, полагал, что из-под руин революции может возродиться «подпочвенная», «древняя традиция»: «Из катастроф встают ожившими гораздо более древние пласты. Можно сказать, пожалуй, что в человеческой истории, как в истории земли, чем древнее, тем тверже: гранит и порфир не легко рассыпаются. Вот почему, мечтая о воскрешении начал XIX века, мы можем ожидать... воскрешения старых и даже древних пластов русской культуры»³⁷. Не относя себя к приверженцам исторического детерминизма, Федотов все же утверждал, что свободу исторического выбора неминуемо ограничивает «тяжелый или благодетельный груз традиций». Имея в виду уже послевоенную Россию 1940-х годов, он сделал предположение, что она возвращается к своим историческим истокам: «...ее прошлое более, чем это казалось вчера, чревато будущим»³⁸. Возможно, подобные ощущения возникли у Федотова вследствие пережитого опыта мировой войны и победы в ней Советской России, что могло содействовать, по его мысли, возрождению национальной исторической памяти.

Вместе с тем, восприятие и оценки различных пластов древней истории России у Федотова не совпадали с евразийским подходом. Не раз, подчеркивая негативное отношение к взглядам евразийцев на роль татаро-монгольского компонента в русской истории, он в поисках утраченных традиций русской культуры обращался к ее домонгольскому периоду.

---

³⁷ Федотов Г. П. Письма о русской культуре // Федотов Г. П. Указ. соч. Т. 2. С. 164.

³⁸ Федотов Г. П. Россия и свобода. С. 277.

Критически воспринимая историко-культурную модель Московской Руси и московский тип русского человека, Федотов был устремлен к идеалу культуры «Киевско-Новгородской Руси». По крайней мере, два обстоятельства заставляли его считать ее образцом для возрождения России, пережившей разрыв связей с прежней культурой. В первую очередь, его привлекал вариант «древней свободы», присущей Киевской Руси. Древняя Русь, полагал он, «не была государством, а лишь системой связанных культурно, религиозно, династически, но *независимых* (подчеркнуто мною. — Н. А.) государств»³⁹. В этом суждении можно уловить прямой намек на политическую несвободу, деспотию и тоталитаризм, которые были присущи как государственному образованию Московской Руси, так и Союзу Советских Республик. Другой стороной избранного Федотовым исторического образца («Киевско-Новгородской Руси») была его связь с европейской культурой, ставшей впоследствии основой культурного подъема в XIX в. Он утверждал в 1940-е годы, что именно в «древних пластах Киевско-Новгородской Руси «...легко и свободно совершался обмен духовных веществ с христианским Западом»⁴⁰. Оценивая XIX век как период расцвета русской национальной культуры, он объяснял ее феномен «прививкой к русскому дичку западной культуры». В результате этого культурного взаимодействия («...между Россией и Западом было известное сродство...»), по мысли историка-публициста, со времен Петра I сформировалась так называемая «бытовая свобода». Она возникла как результат европейского просвещения и стала ценнейшим культурным приобретением (в виде дворянской привилегии) императорской России в условиях отсутствия в ней политических свобод⁴¹. Нельзя не заметить, что в сравнении с евразийцами Федотов не отрицает благотворного влияния Европы. Однако в шкале ценностей Федотова из разновидностей европейских «свобод» он отдает предпочтение так называемой «бытовой свободе» перед политической свободой. Публицист полагал, что именно первая из названных «свобод»

³⁹ Федотов Г. П. Новое отечество // Федотов Г. П. Указ. соч. Т. 2. С. 247.

⁴⁰ Федотов Г. П. Россия и свобода. С. 289.

⁴¹ Там же. С. 290-291.

представляла органичное выражение национальной культуры. В пореволюционной же Советской России он не обнаруживает ни политической, ни «бытовой» свободы.

Однако позитивный «западнический» акцент в выше приведенных рассуждениях Федотова сведен к минимуму в главном его труде — «Святые Древней Руси» (1931 г.). Мысль о влиянии Запада упоминается здесь более в негативном, чем позитивном контексте: «Новая Россия, вооруженная всем аппаратом западной науки прошла равнодушно мимо самой темы “Святой Руси”, не заметив, что развитием этой темы, в конце концов, определяется судьба России»⁴². Антизападнический подтекст чувствуется и при определении исторической вехи окончательного упадка «допетровской святости Русской Церкви». Таковой, по наблюдениям историка, стал конец XVII века, который в историографии по давней традиции связывается с первыми проявлениями европеизации России. Для Федотова же это время означало точку отсчета церковного и культурного раскола, «духовного окостенения русской жизни»⁴³. Значимость западной культуры определялась Федотовым с позиций христианских ценностей. Общественно-политические и другие блага западной цивилизации оставались на периферии его внимания и за пределами принимаемых им ценностных категорий.

Л. П. Карсавин впервые выразил свое отношение к революции в «Философии истории» (1923 г.). Не будучи в период создания этого труда формально связанным с евразийцами, он подошел к явлению революции со схожих с ними позиций. Рассматривая революции и войны как область «социально-психологического», где сталкиваются интересы социальных групп и личностей, Карсавин и русскую революцию воспринимал как арену социально-психологического конфликта, в котором себя и свои настроения выразили представители различных внутринациональных культур. Он пытался определить смысл революции через взгляд на Россию как страну, которая переживала сложный процесс угасания старого типа русской личности, возникшего еще в эпоху Смуты, и зарож-

---

⁴² Федотов Г. П. Святые Древней Руси. Ростов-на-Дону, 1999. С. 11.

⁴³ Там же. С. 304-305.

дения «носителя новой российской культуры»⁴⁴. В этом контексте философ попытался заимствовать из лексикона еще мало ему известных представителей евразийства их новаторское понятие «евразиец» для обозначения социально-психологической сущности этого «новорожденного или даже пребывающего во чреве» «носителя»⁴⁵. Понимая под «личностью» и «носителем» некую человеческую массу, консолидированную сходными чертами своего культурного облика, он стремился создать исторический образ русского народа, который определял масштабы и сущность революционной трансформации. Именно этой «коллективной личности», считал он, вынуждены были подчинить свою политику большевики, чью «коммунистическую идеологию» философ связывал с самым поверхностным слоем историко-культурных традиций России⁴⁶. Размышления Карсавина в «Философии истории» находят подтверждение в его доэмигрантской статье «Восток, Запад и русская идея», в которой он уточнял свое понимание «русского народа»: «Нас ближайшим образом занимает субъект русской культуры, в частности, русской государственности. Его я называю русским народом, не придавая этому термину никакого определенного этнологического смысла. Русский народ — многоединство... частью существующих, частью исчезнувших, частью, на наших глазах определяющихся или ожидающих самоопределения в будущем народностей, соподчиненных — пока что — великороссийской»⁴⁷. Так или иначе, Карсавин в современной ему России отделял политическую власть большевиков, как социополитическое явление поверхностного типа, от многоликой в этнополитическом смысле народной среды, поведение которой обуславливалось глубокими историческими традициями. Именно эта народная масса и определяла, в конечном итоге, смену типов личностей, а, возможно, и смену культурных ориентаций России начала XX века. Исходя из этого, Карсавин, не принимая простых объяснений победы боль-

⁴⁴ См.: Карсавин Л. П. *Философия истории*. СПб., 1993. С. 99, 176-177.

⁴⁵ Там же. С. 177.

⁴⁶ Там же. С. 310.

⁴⁷ Карсавин Л. П. *Восток, Запад и русская идея // Карсавин Л. П. Сочинения*. М., 1993. С. 160.

шевизма над белым движением, задавался серией вопросов, на которые у него не было однозначных ответов. «...Почему русский народ не только их (большевиков. — *Н. А.*) терпел (именно терпел, потому что “коммунистический опыт” обходился ему очень не дешево), но и защищал от Колчака и Деникина, Юденича и Польши? Почему население, приветствовавшее “белую власть”, так скоро от нее отворачивалось и начинало снова ждать большевиков?»⁴⁸.

Характеризуя большевизм как власть деспотическую, носителям которой были свойственны невежество, беспринципность, лукавство и лживость, он, тем не менее, делал заключение, что она — «наилучшая из всех ныне в России возможных»⁴⁹. Объяснение Карсавиным парадоксальности защиты народом «деспотического» большевизма можно, вероятно, связывать с признанием факта известного раскола русской культуры, о котором писали и Трубецкой, и Федотов. Философ полагал, что за всеми действиями большевиков, в том числе и за их политикой террора против «“бар” и живших по-барски носителей культуры» стояли социальные низы: «Не являются ли большевики лишь организаторами стихийной ненависти и воли темных масс?», — в очередной раз вопрошал он. Можно полагать, что образ предреволюционной России для Карсавина был тесно сопряжен со стихией низовой культуры, отделявшей себя от культуры «бар».

Большевики, по его версии, «понятным темному народу» языком транслировали свою идеологию, используя ее как инструмент для направления народной стихии в нужном для них направлении. Смысл коммунистической идеологии он уподоблял антибарским лозунгам разинского движения — «сарынь на кичку». Поэтому большевистская власть приобретала характер народной власти. Но она же, по его мысли, сыграла позитивную роль, устанавливая, посредством правил революционной законности, определенные ограничители социальной ненависти низов. Особо Карсавин подчеркивал, что в сложившихся условиях революции политика большевиков была «может быть единственно пригодным средством для сохранения русской государственности и культуры»⁵⁰. При

⁴⁸ Карсавин Л. П. *Философия истории*. С. 306.

⁴⁹ Там же. С. 307.

⁵⁰ Там же. С. 308, 310-311.

этом он выявлял сходство основных линий социальной политики поздней Российской империи и большевистского правительства, полагая, что мероприятия министра земледелия А. А. Риттиха по организации хлебной разверстки имели прямое продолжение в политике большевиков. Это наблюдение давало основание Карсавину видеть некую закономерность трансформации царской России в Советскую: и в том, и в другом случае направление развития страны задавали количественно преобладавшие низы нации. Не случайно он подчеркивал устарелость историографических концепций, опиравшихся на веру историков в возможность созидания истории «силою персон»⁵¹.

Тема народа и его места в истории занимала особое место в историософских размышлениях Карсавина. Русская революция убеждала его в исторической значимости народного компонента. Он критически воспринимал позицию историков, пренебрегавших употреблением понятия «народ», полагая, что без него исторической науке не обойтись: история «сразу превратится в бесконечную груду единичных фактов»⁵². Представления о народе как «симфонической личности» и носителя исторического своеобразия российской культуры, вероятно, стали одной из идейно-методологических причин его дальнейшего сближения с евразийцами.

Проблемы большевистской власти и народа в революционных перипетиях были не менее актуальны и для Федотова. Признавая неоднозначность политики новой власти, он составил перечень ее благодетелей и преступлений⁵³. Но он более определенно, чем многие из евразийцев пришел к заключению, что все их благодетельства преобразовались, в конечном итоге, в преступления. Большевики, по его мнению, оказались предателями изначальной сущности социалистической идеи, создав государственность национал-социалистической природы. В созданном им портрете типичного (из «лучших образцов») большевика хотя и признается сила идейного борца, что импонировало евразийцам, но бескомпромиссно отвергается Федотовым как безнравственное начало подобного ти-

---

⁵¹ Там же. С. 306.

⁵² Там же. С. 94-95; см. также: С. 117-120, 175-177.

⁵³ См.: Федотов Г. П. Правда побежденных // Федотов Г. П. Указ соч. Т. 2. С. 24-28.

па: «Большевик не верит в возможность бескорыстных и благородных поступков. Везде он чувствует низкую подоплеку классового интереса и подлости... Зло, совершаемое в интересах пролетариата, заменяет для него добро...»⁵⁴. Отсутствие свободы, режим диктатуры в большевистской России не позволяли ему хоть в малой мере оправдывать новую власть. Из представителей евразийского круга по характеристикам Федотова, вероятно, наиболее близок Вернадский в книге «Ленин — красный диктатор» и других работах о русской революции, вышедших в американский период его эмиграции.

Федотова глубоко угнетало осознание того, что в современной ему России развивается цивилизация, а не культура. Революция в России усилила расстояние между этими двумя ипостасями состояния общества. Одной из задач возрождения России он считал необходимость воссоздания разрушенной большевиками культуры и культурной элиты былой России⁵⁵. В этой связи тема народа в российской истории приобретала особую актуальность. Народ России Федотов воспринимал как социально неоднородную субстанцию, оставшуюся за пределами влияния европейской культурной традиции. Его центральным звеном являлось, конечно, крестьянство («серое море крестьянства»)⁵⁶. Отождествляя народ с низовой культурой, Федотов был озабочен отсутствием в его среде представлений о свободе и необходимостью воспитания особой культуры свободы. Его рассуждения по этому поводу перекликались с мыслями Н. А. Бердяева, который подчеркивал, что свобода по своей природе аристократична. Восставшие же массы «не нуждаются в ней» и «не могут вынести бремени свободы»⁵⁷. Федотов, почти повторяя его, замечал, что «массы долго не понимают ее и не нуждаются в ней, как не нуждаются и в высоких формах культуры»⁵⁸. Русский народ, отмечал Федотов, хотя и был втянут в революцион-

⁵⁴ Там же. С. 32-33.

⁵⁵ См.: Федотов Г. П. Создание элиты // Федотов Г. П. Указ. соч. Т. 2. С. 208-211.

⁵⁶ Федотов Г. П. Революция идет. С. 154.

⁵⁷ Бердяев Н. А. Самопознание. Опыт философской автобиографии. М., 1991. С. 231.

⁵⁸ Федотов Г. П. Рождение свободы // Федотов Г. П. Указ. соч. Т. 2. С. 262.

ный водоворот, не приобрел самостоятельной политической функции, оставаясь ведомым различными политическими силами. В отличие от евразийцев, публицист не ощущал органической связи большевизма с народом. Его наблюдения позволяли утверждать, что в Советской России правящий слой, связанный с «государством и службой ...уже резко отталкивается от народной массы»⁵⁹. Политика большевиков по принципу «все для народа» воспринималась им не только фальшивой в политическом смысле, но и несущей непоправимый вред, поскольку осуществлялась «ценой разрушения высших этажей культуры». Последнее обстоятельство объясняет его особое внимание к проблеме создания культурной элиты в России. Для Федотова гораздо характернее, чем для евразийцев, восприятие народа в контексте социокультурной стратификации России, что получило выражение, например, в таких его публицистических шедеврах: «Трагедия интеллигенции», «Революция идет», «Новая Россия». Их специальный анализ в затронутом аспекте, несомненно, требует отдельного разговора. Отметим в данном случае его лаконичный ответ на вопрос об исторических виновниках революционной трагедии России: «В ней одинаково повинны три главнейшие силы, составлявшие русское общество в эпоху Империи: так называемый народ, так называемая интеллигенция и власть»⁶⁰. Этот вывод вобрал в себя концентрированное выражение системного кризиса России периода поздней империи, не сумевшей адаптироваться к условиям модернизационного вызова.

На фоне известных традиций советской историографии Октябрьской революции, сосредоточенной либо на скрупулезном восстановлении событийной канвы октябрьского переворота 1917 года, либо на идеологически заданном обосновании закономерностей революции и ее значения, восприятие русской революции интеллектуальной эмиграцией и ее исследовательские программы были ориентированы к поискам глубинных истоков внутреннего социокультурного конфликта, который обнаруживался ими в плоскости взаимоотношений народа, общества и власти. Методологии познания революционного процесса мыслителей-эмигрантов, при всех

---

⁵⁹ Федотов Г. П. Создание элиты. С. 217.

⁶⁰ Федотов Г. П. Проблемы будущей России (первая статья). С. 245.

их отличиях, базировались на историософских воззрениях, ценностным компонентом которых становился образ русского человека, осмысленный в контексте социальной иерархии, историко-культурных трансформаций и особенностей природно-географической среды России, отслеженных в рамках длительного процесса истории. Вследствие этого, версии русской революции в трудах интересовавших нас мыслителей насыщены размышлениями и интерпретациями, позволяющими погрузиться в историко-психологическую подоплеку национальной драмы. Как группа лидеров евразийства, так и Г. П. Федотов склонны были ее корни связывать с самобытными основами российской истории и культуры. Избранная группа интеллектуалов предстает в качестве заинтересованных исследователей, с подчеркнутой эмоциональной напряженностью в отношении к изучаемому ими явлению. Это придает особый колорит их творческому почерку, выявляя в них тип исследователей, с характерным внутренним сопереживанием изучаемым историко-культурным процессам.

Интеллектуальное наследие русской эмиграции — это своеобразный остров культурного мира дореволюционной России, историко-географическое погружение в который еще далеко от завершения. Дальнейших исследований потребуют и проблемы осознания мыслителями русского зарубежья феномена русской революции. Богатый букет проблем и аспектов, определений и характеристик, смыслов и значений, интерпретаций и оценок русской революции, предложенных ими, не только обнаруживает для нас все новые и новые оттенки этой исторической драмы, но и раскрывает перспективы изучения интеллектуальной истории самой эмиграции. Соприкосновения и точки расхождений во взглядах на русскую революцию составляли главный импульс творческой и общественно-политической деятельности интеллектуалов-эмигрантов, становились основой их культурного общения и размежевания, дружеских связей и личностных конфликтов. Без преувеличения можно сказать, что русская революция, став личной драмой эмигрантов-мыслителей, так и не отпустила их от себя, превратившись для многих в главный источник их творческих раздумий о прошлой и будущей судьбе потерянной России.

Ю. В. МЕЛЬНИКОВА

АНТИКОВЕДНАЯ ИСТОРИОСОФИЯ А. Ф. ЛОСЕВА: ИСТОРИЯ КАК МИФОЛОГИЯ

НА МАТЕРИАЛАХ «ИСТОРИИ АНТИЧНОЙ ЭСТЕТИКИ»

Принято считать, что восьмитомная «История античной эстетики» (далее — ИАЭ) является наиболее фундаментальным и обобщающим трудом А. Лосева¹. По масштабности исследуемого материала и скрупулезности источниковедческого анализа произведение уникально как в отечественной, так и в зарубежной историографии античности. Его публикация растянулась на три десятилетия: в 1963 г. был опубликован первый том («Ранняя классика») в качестве учебного пособия для вузов, а последняя книга восьмого тома («Итоги тысячелетнего развития») лишь в 1994 г., уже после смерти ученого. В 1986 г. А. Лосеву была присуждена Государственная премия за первые шесть томов ИАЭ. Но широкого общественно-научного резонанса данная работа не вызвала ни разу на протяжении всего периода публикации. Этим она существенно отличается от «Диалектики мифа», выход которой в 1930 г. имел для

---

¹ В этом контексте стоит заметить, что фундаментальность лосевской «Истории античной эстетики» не послужила основанием для ее последующего изучения. Именно изучения, а не упоминания, как, например, в подробной работе А. А. Тахо-Годи, посвященной жизни и творчеству А. Ф. Лосева. (См.: *Тахо-Годи А. А.* Лосев. М., 1997. С. 231-234, 301, 370, 373 и др.). Вводная статья А. А. Тахо-Годи ко второму изданию ИАЭ (2000 г.), по сути, является изложением истории создания этого многотомного произведения и содержит конспект основных лосевских идей касательно феномена античности (См.: *Тахо-Годи А. А.* «История античной эстетики» А. Ф. Лосева как философия культуры // *Лосев А. Ф.* История античной эстетики. М., 2000. Т. 1. С. 3-38. Статьи других авторов (Л. А. Гоготишвили, С. С. Аверинцева, С. С. Хоружего), в которых лосевское наследие анализируется в рамках определенного концептуального подхода, либо обходят молчанием ИАЭ, либо вскользь упоминают о ней. (См.: *Гоготишвили Л. А.* Ранний Лосев // *Вопросы философии.* 1989. № 7. С. 132-148; *Аверинцев С. С.* «Мировоззренческий стиль»: подступы к явлению Лосева // *Вопросы философии.* 1993. № 9. С. 16-22; *Хоружий С. С.* Арьергардный бой. Мысль и миф Алексея Лосева // *Вопросы философии.* 1992. № 10. С. 112-138.

автора самые губительные последствия (арест, сфабрикованное судебное дело, обвинение в контрреволюционной деятельности, лагерное заключение, в итоге — запрет на занятия философией). Или от нашумевшей «Эстетики Возрождения» (год издания — 1978), которая активно обсуждалась, критиковалась, приветствовалась в научной и публицистической среде 1970–80-х гг. Современная историографическая ситуация вокруг данного труда такова, что можно констатировать практическое отсутствие полноценных рецензий².

Характерно, что подавляющее большинство (четыре из шести) указанных нами отзывов относятся к тем томам ИАЭ, которые посвящены эстетике эллинизма, что же касается первых томов, то о них идет речь в краткой газетной публикации И. Нахова. Статью в немецком философском журнале вообще можно считать обзорной, так как в ней говорится о первых шести томах ИАЭ в целом. Составить общее представление о существующих отзывах помогает, на наш взгляд, одно характерное высказывание. Вот как пишет Л. Бежин об издании ИАЭ: «Уникально оно и систематичностью охвата явлений древнегреческой и древнеримской культуры, и фундаментальностью научного аппарата, и новаторской смелостью суждений, и пластической гибкостью языка, остроумием, блеском и, наконец, попросту своим небывалым объемом»³. Авторы статей не скупаются в перечислении достоинств лосевского исследования: новаторство и современность методологии, блестящий синтез историко-философской и филологической работы⁴, углубленный анализ источников и стремление выйти за рамки привычных стереотипов

² Все найденные нами статьи — это не более чем отзывы на отдельные тома ИАЭ, по преимуществу положительного свойства. Нами были обнаружены следующие публикации (в хронологическом порядке издания): *Нахов И.* Нынешний взгляд в глубь веков // Литературная газета. 1976. № 16. С. 6; *Бежин Л.* Мысль и образ // Новый мир. 1981. № 7. С. 254-256; *Семушкин А. В.* [Рецензии] // Вопросы философии. 1982. № 5. С. 165-168. (Рец. на кн.: Лосев А. Ф. ИАЭ: Ранний эллинизм. М., 1979; Лосев А. Ф. ИАЭ: Поздний эллинизм. М., 1980); *Höll L., Crützner A.* [Rec.] // Deutsche Zeitschrift für Philosophie. 1983. N 10. S. 1242-1245. (Рец. на кн.: А. Ф. Losev. Istorija antichnoi estetiki. M., 1963–1980. Vd. 1-6); *Завьялова В. П.* Проблема раннего эллинизма в трудах А. Ф. Лосева // Лосев и культура XX века: Лосевские чтения. М., 1991. С. 143-147; *Вулих Н. В.* Римская культура в интерпретации А. Ф. Лосева // Там же. С. 147-152.

³ *Бежин Л.* Мысль и образ. С. 254.

⁴ *Нахов И.* Нынешний взгляд в глубь веков. С. 6.

исторического восприятия⁵, особое внимание к переходным, синкретичным явлениям античности⁶ и многое другое.

Единственная рецензия, содержащая критические замечания, принадлежит А. В. Семушкину, признавшему наличие в ИАЭ ряда дискуссионных моментов («сведение эстетики раннего стоицизма к науке о слововыражении, квалификация неоплатонизма как философии римского цезаризма, эстетическая дедукция античного рабовладения, трагическое истолкование эстетики скептиков»)⁷. Важно обратить на это обстоятельство особое внимание, так как исследователь критикует не частные интерпретации А. Лосева, а не соглашается с некоторыми его принципиальными положениями, конкретнее, с «эстетической дедукцией рабовладения» и положением об интеллектуальной реставрации мифа в неоплатонизме⁸. Но в рамках данной рецензии не проводится какая-либо аргументированная полемика, скорее, констатируются некоторые спорные моменты лосевских разработок.

Описанная выше ситуация свидетельствует об историографической малоизученности ИАЭ и позволяет согласиться с мнением А. А. Тахо-Годи о том, что, несмотря на популярность опубликованных работ ученого, «по-настоящему его еще не изучали»⁹. Поэтому есть все основания для целостного, всестороннего исследования ИАЭ. Учитывая сложность обозначенной задачи, нам представляется оправданным рассмотреть основополагающее сочинение А. Ф. Лосева через призму авторской концепции мифа, показав, таким образом, как базовая для мыслителя категория мифа становится стержнем его историософии и преломляется в историко-культурологической конкретике. Нами учитывается то обстоятельство, что данный подход является не более чем одним из множества возможных вариантов синтетического изучения и усвоения антиковедного наследия А. Лосева.

В определенном смысле ИАЭ можно считать тем трудом А. Лосева, который продолжил и фактически завершил историко-

---

⁵ Завьялова В. П. Проблема раннего эллинизма в трудах А. Ф. Лосева. С. 145-146; Вулих Н. В. Римская культура в интерпретации А. Ф. Лосева. С. 148-151.

⁶ Семушкин А. В. [Рецензии]. С. 166-167.

⁷ Там же. С. 168.

⁸ Там же.

⁹ См.: Тахо-Годи А. А. Лосев. С. 431.

философскую интерпретацию античности, начатую им еще в «Очерках античного символизма и мифологии». Автор по-прежнему видит своей главной целью создание «единого культурного типа» на основе античного материала. Для ее достижения ученый формулирует ряд принципиальных теоретических положений, которые, по его мнению, закладывают основание во всякое понимание античности в качестве самостоятельного исторического феномена.

Решение данной проблемы А. Лосев начинает с рассмотрения вопроса о соотношении экономического базиса и общекультурной надстройки в античности. Он пишет, что «кардинальный вопрос всей теории античной культуры — это *вопрос о существенной связи взаимоотношений рабовладельческой формации с возникшей из нее культурой* [курсив автора. — А. Л.]»¹⁰. В последнем томе ИАЭ он существенно уточняет формулировку, обращая внимание на тот факт, что культурные проявления хоть и произрастают из определенного базиса, но не сводятся к нему в абсолютном порядке. Задача же исследователя состоит именно в том, чтобы установить «существо» их связи для создания цельного облика исторической эпохи¹¹.

Следуя намеченной цели, А. Лосев характеризует античное мировоззрение как такое, при котором «человек и его духовная жизнь строятся... по типу вещей, по типу физического происхождения физических тел»¹². В его основе лежит постулат «производственно-технического вещевизма и телесности», с помощью которого возможно реконструировать весь комплекс античного наследия от религиозных воззрений до общественно-политической жизни¹³. Данный принцип, по мнению автора, есть закономерное следствие базисных отношений между рабовладельцем и рабом, которые исключают понимание человека как личности и определяют его статус в качестве вещи¹⁴. Впоследствии А. Лосев уточнит, что античность не была лишена понятия личности совсем, скорее, она выработала ее «атрибутивное понимание», при котором личность понимается не как тождество идеи и материи, а как преобладание одного из составляющих элементов (в данном случае, очевидно, материального)¹⁵.

¹⁰ Лосев А. Ф. История античной эстетики: В 8 т. М., 2000. Т. 1. С. 42.

¹¹ См.: Лосев А. Ф. История античной эстетики. Т. 8. Кн. 1. С. 326.

¹² Лосев А. Ф. История античной эстетики. Т. 1. С. 44.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же. С. 61.

¹⁵ Лосев А. Ф. История античной эстетики. Т. 8. Кн. 1. С. 357-358.

Именно «атрибутивное понимание» человеческой личности характерным образом формировало отношения в рамках экономического базиса. Дело в том, что рабовладелец в системе производственных взаимоотношений может обладать лишь функциями «организации и эксплуатации», что исключает преследование личностных целей и ограничивает его потребности непосредственными благами, которые предоставляет окружающий мир. Раб также безличен, его единственное предназначение — «дать свой максимально жизненный, максимально производительный эффект»¹⁶. Это означает, что «господин может лишь приковать раба к его физической силе, ограничить его одними физическим возможностями и извлекать из такой живой “вещи” максимально эффективный вещественный же результат». Таким образом, сущность базисных отношений при античной форме рабовладения сводится «к стихийно-естественному возникновению вещей одной из другой»¹⁷. В итоге это позволяет А. Лосеву констатировать, что вся античная культура является ни чем иным, как «абсолютизированием [курсив мой. — Ю. М.] естественно-необходимого течения вещей в их совершенно непосредственной данности и в максимально возможной для них производительности»¹⁸.

К подобному разрешению вопроса о формационной специфике античности автор будет апеллировать на протяжении практически всей ИАЭ в целях объяснения любого культурного явления древнегреческой или древнеримской истории. С наибольшей ясностью это проявится в завершении исследования, когда А. Лосев приступит к формулированию своих известных двенадцати тезисов об античной культуре. В качестве иллюстрации приведем самые яркие из них.

Тезис 1. «Античная культура основана на принципе объективизма»¹⁹.

Тезис 2. «Античная культура — это материально-чувственный космологизм»²⁰.

Тезис 4. «Античная культура — это абсолютизированный космологизм»²¹.

¹⁶ Лосев А. Ф. История античной эстетики. Т. 1. С. 45.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Лосев А. Ф. История античной эстетики. Т. 8. Кн. 1. С. 314.

²⁰ Там же. С. 315.

²¹ Там же.

Тезис 7. «Античная культура — это космология совершенства, гармонии», поэтому она скульптурна²².

Тезис 8. «Античная культура основана на внеличностном космологизме»²³.

Тезис 11. «Античная культура есть чувственно-практичный космос», где даже искусство имеет статус «техне», а Платон именуется творца космоса демиургом, т. е. мастером, ремесленником²⁴.

Тезис 12. «Античная культура представляет жизнь как театральную сцену, где люди живут по законам необходимости и являются «сома» (хорошо организованными, живыми телами)»²⁵.

Таков был, по мнению А. Лосева, результат опосредованного, но очень существенного (в терминах автора — структурного²⁶) воздействия базиса на надстроечные явления. Естественным образом это отразилось и на характере античной мифологии и рефлексии.

«Античность дошла до учения о самодовлеющем чувственно-материальном космосе и была убеждена, что уже обладает вечным и абсолютным идеалом. В этом и заключается абстрактность и пассивная созерцательность рабовладельческого интеллекта. Этот интеллект не идет дальше обобщения живых вещей. Он не способен создавать эти вещи, а способен только их мыслить и обобщать. Вещь в античности настолько всемогуща, что даже и боги оказываются не в состоянии создавать эти самодовлеющие вещи. . . Античные боги сами оказываются порождением земли, т. е. не они создают мир, а мир создает их самих»²⁷.

В приложении к непосредственно сформулированной тематике исследования (т. е. к истории античной эстетики) проясненная автором телесно-ориентированная сущность древнегреческого мировоззрения²⁸ предполагает вполне специфический эстетический предмет

²² Там же. С. 317.

²³ Там же. С. 318.

²⁴ Там же.

²⁵ Там же. С. 320, 322.

²⁶ Там же. С. 322.

²⁷ Там же. С. 396-397.

²⁸ Там же. С. 366.

«Телесно-ориентированная сущность древнегреческого мировоззрения» — данный теоретический базис лосевского видения античности произрастает из авторского знакомства с известной концепцией О. Шпенглера, который в свое время очень выразительно описал культурный тип античности через прасимвол эвклидовского тела. См.: Шпенглер О. Закат Европы. Т. 1. Образ и дей-

(заметим, при отсутствии ее рефлексивной выделенности из общекультурного поля). Таковым выступает «материальное, вещественное и стихийное бытие, организованное в своей полной непосредственности и оформленное в меру своих чисто физических возможностей», другими словами, это «материально-чувственный и живой космос, являющийся вечным круговоротом вещества»²⁹. Добавим, А. Лосев постоянно настаивает на изучении именно эстетической предметности, будучи уверен в двух обстоятельствах. Во-первых, он считает, что вся античная философия занималась вопросом о соотношении идеи и материи, т. е. проблемой выражения, проявления одного в другом, а значит, она была эстетичной по определению³⁰. Во-вторых, практически каждая область общественной жизни может стать источником эстетики, ибо последняя впитывает и концентрирует специфику любой социально-исторической конкретики³¹.

Подтверждение идеи об эстетичности античного миропредставления А. Лосев обнаруживает в специфическом отношении к феномену искусства. Он пишет о том, что в данную эпоху наибольшую ценность получали те произведения искусства, которые были выполнены в русле максимальной подражательности (в лосевской терминологии — проявленности, выраженности) натуральному образцу³². Поэтому учение о «мимесисе», т. е. подражании (о котором в отчетливой форме говорится уже у Платона³³), выглядит здесь вполне естественным. Отсюда становится понятным, почему А. Лосев пишет о том, что античное искусство находилось «на службе у вещей». Объяснение тому кроется во все тех

ствительность. Новосибирск, 1993. С. 259, 344-348, 530, 564 и др. Ранее О. Шпенглера (в 1764 г.) о пластичности и телесности античного мировосприятия писал еще И. Винкельман (*Винкельман И. История искусства древности // История искусства древности. Малые сочинения. М.; СПб., 2000. С. 31-34, 101, 106, 116. Подробнее о проблеме теоретических взаимосвязей лосевского видения античности с предшествующими интерпретациями античности см.: Мельникова Ю. В. История и миф в антиковедных трудах А. Ф. Лосева. Дисс. на соискание ученой степени канд. ист. наук. Томск, 2005. С. 114-126.*

²⁹ Лосев А. Ф. История античной эстетики. Т. 1. С. 45-46.

³⁰ Лосев А. Ф. История античной эстетики. Т. 8. Кн. 1. С. 330.

³¹ Там же. С. 311-312.

³² Лосев А. Ф. История античной эстетики. Т. 1. С. 95.

³³ См., например, X книгу платоновского «Государства»: *Платон. Филеб, Государство, Тимей, Критий. М., 1999. С. 392-393.*

же телесно-вещественных интуициях древнегреческого мировоззрения. Таким же закономерным следует признать другое лосевское утверждение, согласно которому «наивысшим и совершеннейшим произведением искусства является в античности космос»³⁴. Специфическая для античности эстетичность, по мнению автора, должна быть всегда выводима и определяема базовой идеей телесности, которая так и не позволила античному гению достичь пределов «чистой незаинтересованности» новоевропейской эстетики, и даже идеальность представляла материальным образом (вспомним феномен скульптурности платоновских идей)³⁵.

Постулируя эстетичность и телесность в качестве основополагающих категорий античного мировоззрения, А. Лосев определяет древнегреческий феномен красоты как синтез пластичности и предельности, который представлен богами античной мифологии. Ученый пишет, что античные боги и демоны, обладая особо тонкой материальностью, являлись «предельными обобщениями» вещественных стихий и служили «утверждениями, обоснованиями» чувственного космоса³⁶. Все это означает только следующее: «Античная эстетика с этой точки зрения оказывается, в последней своей основе, античной мифологией [курсив автора. — А. Л.]. Каждый бог есть бесконечно обобщенное бытие данного типа, смысловой принцип данной сферы бытия. Но он в то же самое время есть живое человеческое тело. Этот бог пластичен, он — скульптурное изваяние, вечная статуя, вечный скульптурный прообраз и идеальная модель для всего совершающегося в пределах соответствующей области бытия»³⁷. Таким образом, автор формулирует тот окончательный принцип исторического освоения античности, с помощью которого он и планирует детализировать изучение соответствующего материала. Указанная детализация необходима и закономерна, так как, по мнению А. Лосева, общетеоретический принцип не дает возможности рассмотреть его конкретное историческое преломление. Кроме того, с динамической точки зрения актуализация основополагающих интуиций античности всегда носила своеобраз-

³⁴ Лосев А. Ф. История античной эстетики. Т. 1. С. 94.

³⁵ Лосев А. Ф. История античной эстетики. Т. 2. С. 212-213.

³⁶ Лосев А. Ф. История античной эстетики. Т. 1. С. 46.

³⁷ Там же. С. 88.

ный, присущий только данным историко-культурным условиям характер³⁸. Это позволяет автору ИАЭ выделять этапы и периоды в развитии мифа, которые свидетельствуют об исторической трансформации первоначальных мифологических представлений.

Итак, мы можем констатировать следующий ряд лосевских фундаментальных идей исторического понимания античности:

1. Рабовладельческий базис структурно определяет вещественный, материальный и объективно-ориентированный стиль античного мировосприятия.
2. В такой мировоззренческой системе основным предметом рефлексии и творчества становится чувственный космос, который на микроуровне заменяется феноменом пластически-организованного человеческого тела.
3. Идеи пластичности, гармоничности, совершенства (эстетический модус) в сочетании с философскими абстракциями (интеллектуальный модус) генерируют историю античной мысли как историю мифологии.
4. Данная история мифологии стадияльна в зависимости от качества и степени усвоения и переработки первоначального мифического материала.

Обращаясь непосредственно к анализу мифа в ИАЭ, отметим наличие авторской периодизации применительно к античной мифологии, что изначально задает историческую направленность работы. Ученый выделяет четыре основные этапа в развитии мифологии:

1. Миф «сам по себе», или так называемая «наивная мифология», уже у Гомера получившая некоторую рефлексивную обработку.
2. Миф как гилозоистическое мировоззрение, воспринимающее мир в качестве одушевленного (но не антропоморфного) тела, управляемого некими высшими законами (= силами), нашедшее свое максимальное выражение в период греческой классики.
3. Миф как обоснование внутренне спокойной и самодовлеющей личности во времена раннего эллинизма (стоики, эпикурейцы, скептики).
4. Реставрация мифа путем логики или диалектики, где его герои и сюжеты трансформируются в абстрактные категории (неоплатонизм позднего эллинизма)³⁹.

---

³⁸ Там же. С. 88-89.

³⁹ Лосев А. Ф. История античной эстетики. Т. 1. С. 140-143, 148.

При этом А. Лосев весьма показательно обобщает предложенную периодизацию фразой: «Античность началась с мифологии и кончилась ею»⁴⁰. Характерно, что сам автор не выдерживает выдвинутый им тезис до конца, поэтому мы можем проследить развитие двух противоположных друг другу тенденций.

Во-первых, специализируя миф в рамках античности, автор продолжает придерживаться того понимания мифа, которое было изложено им в сочинении «Античная мифология в ее историческом развитии». Здесь необходимо внести одну источниковедческую поправку: дело в том, что хронологически более ранним произведением является первый том ИАЭ, написанный автором еще в 1930-е годы сразу после амнистии, но не прошедший в официальную печать. Согласно воспоминаниям А. А. Тахо-Годи, увидеть свет этому произведению удалось лишь в 1963 г. в урезанном виде и в качестве учебного пособия для вузов⁴¹. Следовательно, «Античная мифология...», опубликованная в 1957 г. (т. е. изданная раньше, но написанная позже), скорее всего, историографически закрепила ту интерпретацию мифа, которая была возможна и приемлема в рамках марксистской науки. По всей видимости, именно этим фактом объясняются некоторые расхождения между двумя произведениями, например, по вопросу периодизации. Если в первом томе ИАЭ мифология в том или ином ее виде все же репрезентируется как мифология (гилозоистическая у Платона, утонченно-абстрактная у неоплатоников), то в «Античной мифологии...» она является таковой только до периода распада родовой общины, после чего заменяется сначала натурфилософией, а затем собственно высокой наукой или становится источником искусства⁴². Судя по всему, А. Лосев старался максимально приблизить свою концепцию мифа к официально допустимой, дабы получить возможность напечататься. Об этом свидетельствуют так называемые «марксистские вставки» в текст ИАЭ, которые рассматривают любые социокультурные явления как непосредственный результат определенных экономических отноше-

---

⁴⁰ Там же. С. 140.

⁴¹ Тахо-Годи А. А. «История античной эстетики» А. Ф. Лосева... С. 8-10.

⁴² Лосев А. Ф. Античная мифология в ее историческом развитии. М., 1957. С. 11.

ний. Если вернуться к уже обозначенной периодизации мифа в ИАЭ, то можно убедиться в том, что «наивная мифология» есть продукт первобытнообщинной экономики, мифология гилозоизма же произрастала в условиях классического греческого рабовладения и т. п.⁴³. На наш взгляд, подобные «вставки» можно характеризовать как более поздние вкрапления, о чем свидетельствует нижеследующая тенденция, указанная выше как противоположная.

Во-вторых, в ИАЭ присутствуют определенные указания на то, что ученый так до конца и не отказался от своей первоначальной идеи универсальности мифа в качестве общекультурной категории. Это подтверждается рядом буквальных лосевских оговорок в тексте. Например, характеризуя античный миф как «природный, физический», он противопоставляет ему миф средневековый и новоевропейский⁴⁴. Напомним, что в знаменитой «Диалектике мифа» ученый очень выразительно описал миф Новой Европы как научно-механистический⁴⁵. Поэтому оказывается под сомнением вывод А. Лосева о разрушении мифа в эпоху упадка античной цивилизации⁴⁶, скорее всего, можно говорить об упадке именно античной мифологии как некой модификации мифа вообще. Косвенным подтверждением этой мысли служат общетеоретические рассуждения о сущности мифа в ИАЭ (заметим — не в «Диалектике мифа»). Автор пишет:

«Миф есть, с точки зрения тех, кто его признает, — и объективное бытие, поскольку он изображает нечто реально происходящее, и субъективное, поскольку речь идет тут о происшествиях с личностями. Миф есть бытие социальное, а не просто природное... С другой же стороны, миф все же отличается от социальной жизни в ее внешне-историческом понимании тем, что дает эту социальность в плане чисто идеальном, как это идеальное понимается в ту эпоху»⁴⁷.

Именно поэтому миф возможен практически в любой исторический период, будь то насквозь религиозное Средневековье или

⁴³ Лосев А. Ф. История античной эстетики. Т. 1. С. 140-143.

⁴⁴ Там же. С. 417.

⁴⁵ См.: Лосев А. Ф. Диалектика мифа // Самое само. М., 1999. С. 217-219, 310-311, 318-319.

⁴⁶ Лосев А. Ф. История античной эстетики: В 8 т. М., 2000. Т. 1. С. 118.

⁴⁷ Там же. С. 137.

технократический XX век (отсюда христианские, научные, коммунистические и прочие мифологии).

Существует еще одно обстоятельство, которое позволяет говорить о «мифологическом базисе» ИАЭ. Речь идет о концептуальной зависимости (или обоснованности) эстетической области от мифа как такового. В понятийной иерархии самого А. Лосева эстетика является частным случаем универсальной дефиниции мифа. Если вспомнить процесс определения последнего, то авторская последовательность будет выглядеть примерно следующим образом. Существуют два плана бытия любого человека — реальный и идеальный, которые в результате их символического перекрещивания рождают Личность с большой буквы, причем личность поименованную, т. е. названную, и развитие этой личности в историческом времени и пространстве создает миф. Важным условием появления подобной личности выступает адекватное сочетание, условно говоря, ее идеи и становления, что, в свою очередь, возможно в рамках символической действительности, которая напрямую зависит от качества выражения этой идеи в конкретной человеческой жизни. Поэтому общая теоретическая цепочка выстраивается таким образом: символ — личность — история как слово о личности — миф. Очевидно, что в «Диалектике мифа» нет явного упоминания об эстетике, но позднейшие лосевские определения ее как «науки выражения» говорят сами за себя. Естественно, что существуют степени и уровни выражения, и символ в данном случае выражает именно то, чем он является по своей сути, т. е. он максимально отпечатывает внутреннюю сущность вещи, что в системе А. Лосева является принципиально важным критерием определения мифа⁴⁸. Подобный теоретический контекст и обуславливает определенную идейную зависимость ИАЭ от первоначальной авторской концепции мифа. Мифологическая константа репрезентируется в исследовании органичным образом вследствие того, что ученый находит небезынтесный способ ее конкретно-исторической актуализации.

Он апеллирует к тому положению в общей теории мифа, которое связано с проблематикой личного начала. Если миф «есть в

---

⁴⁸ Лосев А. Ф. Диалектика мифа // Самое само. М., 1999. С. 240, 242-243.

словах данная личностная история», то актуальнее всего он может быть представлен мифологией богов, которые одновременно репрезентируют и идеальную, и материальную сторону бытия.⁴⁹ Доказательством этого предположения автор и занимается на протяжении практически всей ИАЭ.

Так уже в первом томе, посвященном ранней классике, можно встретиться со следующими рассуждениями. А. Лосев рассматривает сущность греческого идеала красоты через призму двух основополагающих характеристик: пластичности и предельности. Для автора существует некое интеллектуальное затруднение, каким образом «самая красота, которая присутствует во всех прекрасных вещах и существах, но сама не есть ни один из этих предметов» в то же самое время есть вполне живое человеческое тело, т. е. наиконкретнейшая материальность⁵⁰? Решение оказывается закономерным и естественным с точки зрения античного мировоззрения. Наиболее обобщенная и наиболее реальная красота воплощается в греческих богах⁵¹. Так, например, Зевс есть прообраз неба, Посейдон — воды и моря, Гефест — огня и т. п. Естественно, что античная эстетика оказывается мифологией, причем мифологией пластичности, в которой соседствуют идеальные боги (как некие абсолютные принципы) и боги со всеми их пороками, страстями, семейными сценами (практически как обычные смертные)⁵². При этом ученый замечает, что начало (миф в его непосредственности) и завершение (философия мифа у неоплатоников) процесса разви-

---

⁴⁹ Символичность (= мифологичность) как характерная черта античной культуры в лосевской ИАЭ восходит к известной периодизации истории искусства у Г. Гегеля. Немецкий мыслитель рассматривает именно классическое искусство античности как наиболее совершенное, созданное «соразмерным отождествлением» духовного и природного начал (несмотря на то обстоятельство, что в рамках гегелевской терминологии классическое обозначает лосевское символическое, а гегельянское символическое имеет несколько иной смысл). См.: *Гегель Г. Эстетика: В 4 Томах. М., 1969. Т. 2. С. 143.*

⁵⁰ *Лосев А. Ф. История античной эстетики. Т. 1. С. 87-88.*

⁵¹ Там же. С. 88. И здесь вновь можно констатировать преемственность лосевских рассуждений эстетической концепции Г. Гегеля, писавшего о том, что древние греки осознали в богах в чувственной форме свою духовность и наполнили искусство абсолютным содержанием. См.: *Гегель Г. Эстетика. Т. 2. С. 149-150.*

⁵² *Лосев А. Ф. История античной эстетики. Т. 1. С. 90.*

тия мифологии всегда сопровождалось тенденцией «использовать и осознать в мысли огромное интуитивное содержание» мифа⁵³.

Именно поэтому мифологические интуиции в той или иной форме сохраняются на каждом этапе античной эстетики (и, шире, культуры). Если древнегреческое общинно-родовое устройство продуцировало магические фетиши и родовых героев, олицетворявших конкретно-мифологическую пластику, то уже классическое рабовладение создает утонченных героев во всем блеске их антропоморфности, а во времена кризиса полисной системы мифы становятся носителями абсолютных идей (Зевс, в соответствии с платоновской терминологией, как эйдос огня, Аполлон — света и т. п.)⁵⁴. Следовательно, в нашу ближайшую задачу входит рассмотрение лосевских интерпретаций эстетических сюжетов античности с точки зрения их мифологической детерминированности.

Свой анализ эстетической действительности А. Лосев начинает с гомеровских эпосов, пропуская первобытнообщинный этап, который характеризуется пониманием мифа как системы родовых отношений, экстраполированных на весь окружающий мир⁵⁵. В последующем подобный пробел компенсируется разработками «Античной мифологии...», но в рамках данного исследования указанная историческая форма мифа не получает достаточного исследовательского внимания. Итак, изучая уровень «мифологичности» Гомера, ученый констатирует два основных момента его преемственности по отношению к древней мифологии: 1) сохранение традиционного представления о природе как об одушевленном и малоконтролируемом нагромождении хаотических сил; 2) вследствие этого, продолжающаяся зависимость человека от буйства природы (сюжеты, повествующие о кораблекрушении Одиссея или о столкновении речной стихии Ксанфа с Ахиллом)⁵⁶. Прочтем описание одной из подобных картин в XXI песне «Илиады»:

...Река поднялась, волнами бушуя.

Вся, всклокотавши, до дна взволновалась и мертвых погнала,
Коими волны ее Ахиллес истребитель наполнил;

---

⁵³ Там же. С. 89.

⁵⁴ Там же. С. 110.

⁵⁵ Там же. С. 139.

⁵⁶ Там же. С. 178.

Мертвых, как вол ревушая, вон извергла на берег;
 Но, живых укрывая в пучинных пещерах широких,
 Их защитила своими катящимися пышно водами.
 Страшное вокруг Ахиллеса волнение бурное встало;
 Зыблют героя валы, упадая на щит; на ногах он
 Боле не мог удержаться; руками за вяз ухватился
 Толстый, раскидисто росший; и вяз, опрокинувшись с корнем,
 Берег обрушил с собой, заградил быстротечные воды
 Ветвей своих: густотой и, как мост, по реке протянулся,
 Весь на нее опрокинься. Герой, искоча из пучины,
 Бросился в страхе долиной лететь на ногах своих быстрых.
 Яростный бог не отстал; но, поднявшись, за ним он ударил
 Валом черноголовым, грозя обуздать Ахиллеса
 В подвигах бранных и Трои сынов защитить от убийства.
 Он же, герой, проскакал на пространство копейного лета...»⁵⁷.

Тем не менее, по мнению автора, гомеровский гений вышел за пределы «наивной мифологии», привлекая поэтические, чисто художественные способы передачи действительности. Это становится возможным, когда человек начинает дифференцировать себя и окружающий мир (что возможно при условии возникновения субъект-объектных отношений), создавая тем самым некую ментальную границу, позволяющую в дальнейшем оформиться личности как таковой. Именно поэтому герои «Илиады» (Ахилл, Агамемнон) и особенно «Одиссеи» (в первую очередь, сам Одиссей), при всей их зависимости от рода и судьбы, в определенном смысле индивидуальны⁵⁸. Подобные выводы позволяют исследователю говорить о том, что у Гомера присутствует стремление понять и объяснить мифологические коллизии⁵⁹. Помимо указанного стремления, А. Лосев обнаруживает в гомеровских эпосах (точнее, в их более поздних частях) определенную тенденцию в понимании мифа, которая будет продолжена представителями античной классики, особенно высокой в лице Платона. Речь идет о преодолении антропоморфизма мифологии, что у Гомера просматривается в некоторых эпизодах, где феномен красоты понимается почти в духе натурфил-

⁵⁷ Гомер. Илиада // <http://www.lib.ru/POEEAST/GOMER/gomer01.txt>.

⁵⁸ Лосев А. Ф. История античной эстетики. Т. 1. С. 175, 178, 219.

⁵⁹ Там же. С. 152-153.

лософии, т. е. не только как некая одушевленная телесность, но и как определенная материальная стихия⁶⁰.

Наиболее отчетливо данная тенденция проявляется в наследии греческой классической мысли, и здесь А. Лосев буквально поименно исследует его в поисках доказательств. Так, например, рассматривая учение Анаксагора об уме, ученый определяет его традиционную мифологичность (ибо ум есть бытие абсолютное, а значит и божественное) и одновременно — процесс ее преодоления, что выражается в отсутствии антропоморфных описаний (так как ум является неким общим принципом, чье предназначение теперь — оформлять материальный космос)⁶¹. Сохранившиеся фрагменты Анаксагора гласят:

«Вначале тела стояли [неподвижно], божественный ум же привел их в порядок и произвел возникновение вселенной... Бог был, есть и будет... Будучи умом, он привел в порядок все бесчисленные вещи, бывшие [раньше] смешанными... Он [ум] — тончайшая и чистейшая из всех вещей, он обладает совершенным знанием обо всем и имеет величайшую силу»⁶².

Еще в большей степени о подобном понимании мифа свидетельствует «Огненный Логос» Гераклита, репрезентирующий феномен красоты в форме «божественно-мировой мудрости, проявляющей себя в виде ритмически-размеренного протекания мировых, природных и человеческих процессов»⁶³. Согласно Клименту Александрийскому, Гераклит Эфесский говорил: «Этот космос, один и тот же для всех, не создал никто из богов, никто из людей, но он всегда был, есть и будет вечно живой огонь, мерно возгорающийся, мерно угасающий»⁶⁴. У Псевдо-Гиппократа эта мысль передается менее поэтично: «Теплейший и сильнейший

---

⁶⁰ Там же. С. 251-252. Если обратиться непосредственно к гомеровскому тексту, то подтверждения мысли А. Лосева можно обнаружить в продолжение цитированного отрывка из XXI песни с момента появления на сцене военных действий Геры и Гефеста. (*Гомер. Илиада* // <http://www.lib.ru/POEEAST/GOMER/gomer01.txt>).

⁶¹ Лосев А. Ф. История античной эстетики. Т. 1. С. 341-342.

⁶² Фрагменты ранних греческих философов. Ч. 1. М., 1989. С. 520-521.

⁶³ Лосев А. Ф. История античной эстетики. Т. 1. С. 411.

⁶⁴ Фрагменты ранних греческих философов. Ч. 1. С. 217.

огонь, который над всеми господствует... он правит всеми всегда»⁶⁵. Демокритовские атомы, пишет А. Лосев, также являются богами, которые существуют как «предельные обобщения материальных стихий» и ведут «блаженную жизнь вне всяких треволнений и вне всякого воздействия на мир»⁶⁶. Читаем у Демокрита о том, что «бог есть ум в шарообразном огне»⁶⁷. И ниже, опираясь на свидетельство Августина, «он [Демокрит. — Ю. М.] полагает, что в стечении атомов находится некая живая и духовная сила», благодаря которой боги и наделяются своими божественными атрибутами⁶⁸. Резюмируя, ученый подводит следующий итог: при потере старым мифом своего антропоморфного «облика» происходит абсолютизация физических стихий, которым «по наследству» передавались качественные параметры прежних богов, что фактически означало трансформацию божеств в отвлеченные принципы и закономерности⁶⁹. (И здесь невольно вспоминается лосевская убежденность времен «Диалектики мифа» в мифологичности всей новоевропейской науки.)

Дальнейшее развитие античной мысли связано с софистами и Сократом. Здесь для автора наибольший интерес представляет та особенность, которую А. Лосев несколько неожиданно именуется «декадансом». В рамках его терминологии это есть ничто иное, как перевод объективных ценностей на язык чувственных переживаний, т. е. поворот эстетики от космологической проблематики к антропологической⁷⁰. Суть новой эстетической парадигмы заключается в попытке противопоставления личности мифу, что в результате дало ее частичное освобождение от него. Данный процесс особенно заметен в сфере искусства, где произведение уже творится свободным человеческим гением, но оно зависит от мифа в содержательном смысле, ибо совершенные образцы возможны лишь

⁶⁵ Там же. С. 239.

⁶⁶ Лосев А. Ф. История античной эстетики. Т. 1. С. 475. Кстати, здесь автор делает интересное замечание по поводу отношения атомистов к религии. Он считает, что они отрицали именно религию как культ, но не богов, которые сами состоят из атомов, но самых идеальных и совершенных.

⁶⁷ Материалисты Древней Греции. Собрание сочинений Гераклита, Демокрита и Эпикура. М., 1955. С. 142.

⁶⁸ Там же. С. 143.

⁶⁹ Лосев А. Ф. История античной эстетики. Т. 1. С. 417.

⁷⁰ Лосев А. Ф. История античной эстетики. Т. 2. С. 26-27, 50.

в мире богов, поэтому главный мотив художника — подражание идеалу⁷¹. Поэтому, несмотря на очевидный интерес ваятелей и поэтов к жизни смертного, хотя и совершенного человека (как, например, у скульптора Праксителя), искусство в поиске абсолютных прообразов вынуждено обращаться к мифологическому наследию, сохраняя принципиальную связь с ним.

Усложненное понимание мифа с позиции синтеза космологической и антропологической эстетики ученый обнаруживает в философской системе Платона. По его мнению, платоновский синтез возник в результате признания человека с его разумом и душой объективной реальностью, неким «достоянием космоса», хотя последний объявлялся «рождающим лоном» человеческой души⁷². Отсюда объективный идеализм Платона, признавший реальность и материи, и идеи (т. е. и человека, и космоса). И далее А. Лосев использует категорию мифа для обоснования различия древнегреческого и европейского идеализма. Дело в том, что «необходимый для идеализма примат идеи над материей специфицировался здесь в примат диалектически построенной мифологии над позитивно наблюдаемыми стихийно-чувственными закономерностями космоса»⁷³. Таким образом, высокая классика вернулась к мифологии, но с позиции спекулятивного и конструктивно-логического исследования⁷⁴. Исходя из данных предпосылок, ученый определяет платоновское общеплатоновское кредо как «реставрацию» мифологии, но логическими средствами и на основе базового конструкта «мифа — идеи»⁷⁵.

Авторский ход рассуждений начинается с еще одного определения мифа, теперь уже с использованием понятия «идеи». Поскольку в рамках платоновской философии идея понимается в качестве «порождающей модели» в ее отношениях с вещами, постольку миф в подобном контексте становится «субстанциальным осуществлением логического понятия»⁷⁶. Но принципиально

---

⁷¹ Там же. С. 72, 74.

⁷² Там же. С. 154-155.

⁷³ Там же. С. 160.

⁷⁴ Там же. С. 156-157.

⁷⁵ Там же. С. 157.

⁷⁶ Там же. С. 171. Кроме того, автора не смущает одно парадоксальное обстоятельство, указываемое им самим: «Сам Платон *нигде не дал определе-*

важно то обстоятельство, что указанное «субстанциальное осуществление» превращается в миф только в том случае, если в нем реализуется абсолютное начало (т. е. божественное). Именно поэтому бытие идей оказывается богами «абстрактной всеобщности», которые доступны человеческой личности путем их смыслового познания (в терминах А. Лосева, диалектического конструирования)⁷⁷. Отсюда закономерно превращение прежней космологии в проблему индивидуального сознания⁷⁸, произошедшее в процессе «возвращения» материальным первоэлементам души и ума (что свидетельствует о продолжении гилозоистической традиции ранней классики). Смена теоретического ракурса в понимании мифа позволяет Платону, по выражению ученого, «громить» традиционную греческую мифологию и «создавать» собственную, в которой боги предстают в качестве «идеально обобщенных или максимально одушевленных идей»⁷⁹. Ибо для него неприемлемы представления о ссорах и скандалах в божественной семье, что в последующем приведет к изгнанию из идеального платоновского государства поэтов, посмеявших изобразить богов в столь несоответствующем антураже.

Подобный «мифологический» идеализм неразрывно связан с областью эстетического, так как красота есть ничто иное, как созерцание прекрасного «мира идей»⁸⁰. Здесь автор выделяет так называемый «эстетический принцип», содержащий в себе «синтез внутреннего и внешнего, субъективного и объективного». Максимально адекватное слияние идеального и материального, как уже упоминалось, возможно только в богах, которые есть «абсолютные индивидуальности, несущие в себе всецело бытие, но каждый раз специфически», поэтому окончательное завершение эстетического принципа конструируется только мифологически⁸¹. Здесь уместно привести одну обобщающую лосевскую цитату: «Наконец, поскольку идеальный субъект и материальный объект не только от-

---

ния [курсив мой. — Ю. М.] мифа, но его место в системе Платона совершенно ясно». Там же. С. 665.

⁷⁷ Там же. С. 175-176.

⁷⁸ Там же. С. 177.

⁷⁹ Там же. С. 663-664.

⁸⁰ Там же. С. 175.

⁸¹ Там же. С. 662.

ражают друг друга, но еще и сливаются в единое нераздельное целое, то такой субъект, который целиком воплотился объективно, и такой объект, в котором нет ничего, кроме носительства субъективных глубин жизни, вместе предстали пред нами как последняя и, можно сказать, самая грандиозная модификация, именно как миф. Миф ведь и есть такая идеальность, которая дана не абстрактно, но субстанциально, и такая субстанция, которая столь же бесконечно подвижна, как идея, и потому чудесна»⁸².

Итогом подобных взаимоотношений идеального и реального уровней бытия в системе Платона, по мнению А. Лосева, должно было стать полное совпадение эстетики и мифологии, о чем свидетельствуют трактовки древнегреческих богов в различных платоновских диалогах. Самые яркие иллюстрации тому содержатся в «Пире» и «Тимее». Изложенное Диотимой учение об Эросе как о «великом гении», посредствующем между божественным и человеческим, выросло из философской интерпретации мифа о рождении Эроса от Пеннии-бедности и Пороса-богатства⁸³. Дело в том, рассуждает Диотима, что такие противоположные друг другу родители сформировали двойственную природу Эроса, который одновременно беден и богат, расцветает и умирает, поэтому его предназначение — быть медиумом, посредником для людей в стремлении к благу и для богов в нисхождении к людям⁸⁴. Платоновская космология, изложенная в «Тимее», также базируется на мифологических источниках. Сократовские описания демиурга, сотворившего видимый космос, совпадают с теми интерпретациями богов, которые характеризуют их как вечных, благих, самодостаточных⁸⁵. Демиург, «как вечное самотождественное бытие» и причина возникновения всего, «сотворил космос в виде сферы, замкнутой в себе и состоящей из совершенных частей. В центре космоса — душа, облеченная телом извне»⁸⁶. Он же создал род богов, которым поручил сотворить живых существ, снабдив их «семенами и начатками сози-

---

⁸² Там же. С. 675.

⁸³ См.: Платон. Пир // Федон, Пир, Федр, Парменид. М., 1999. С. 112-113.

⁸⁴ Там же. С. 113-114.

⁸⁵ См.: Платон. Тимей // Филеб, Государство, Тимей, Критий. М., 1999. С. 432-434.

⁸⁶ Там же. С. 436-437.

дания», а остальное — боги должны создать самостоятельно⁸⁷. (А. Лосев уверен, что платоновский демиург создан по образу и подобию олимпийского Зевса⁸⁸.) Кроме того, Платон зачастую использует мифологические сюжеты для подтверждения отдельных положений. Так, например, известная история о пещере в седьмой книге «Государства» служит обоснованием существования мира «истинных идей»⁸⁹, а традиционная для мифологии мысль о переселении душ ложится в основу учения о познании как припоминании⁹⁰.

Но даже гений Платона не создал той утонченной философии мифа, которая стала достижением интеллектуальной традиции неоплатонизма. Ученый считает, что основатель объективного идеализма больше интересуется нерелефлексивными сторонами мифа, такими как переживание и ощущение прекрасного в его абсолютности. А эллинистический платонизм, в отличие от своего великого учителя, осознал эти самые стороны и сделал их предметом тщательного анализа⁹¹. Такого рода трактовка мифа оказалась возможной в силу двух основных тенденций: во-первых, поздняя античность, с точки зрения автора, вплотную подошла к проблеме личности как таковой; во-вторых, это поставило в прямую зависимость любое познание окружающего мира от мировосприятия отдельного человека. Поэтому реставрация архаического мифа превратила его в предмет «очень глубоких размышлений» и «весьма интенсивных и острых внутренних ощущений и чувств»⁹². (Хотя это не помешало А. Лосеву буквально через несколько страниц заметить, что одной из главных особенностей неоплатонизма было стремление его представителей обосновывать свой мифологический мир *вне зависимости* [курсив мой. — Ю. М.] от человеческого сознания и познания⁹³.) В результате последующая история человеческой мысли смогла ознакомиться со сложной мифологической иерархией, но не героев или богов, а логических понятий. Ученый

⁸⁷ Там же. С. 443-444.

⁸⁸ Лосев А. Ф. История античной эстетики. Т. 2. С. 664.

⁸⁹ См. Платон. Государство // Филеб, Государство, Тимей, Критий. С. 295-298.

⁹⁰ Платон. Федр // Федон, Пир, Федр, Парменид. С. 156-158.

⁹¹ Лосев А. Ф. История античной эстетики. Т. 2. С. 179.

⁹² Лосев А. Ф. История античной эстетики. Т. 6. С. 206.

⁹³ Там же. С. 216.

отмечает, что «каждое божество и каждый тип демонов рассматриваются в неоплатонизме как необходимое звено в системе человеческого знания о мире», поэтому «теология и демонология превращаются здесь в тончайше развитую таблицу категорий»⁹⁴. Появление подобной интерпретации мифа стало закономерным из-за преемственности неоплатоников общеантичному учению об энергетизме, платоновскому Единому и аристотелевскому перво двигателю. Здесь автор в очередной раз «изобретает» терминологическую формулу для мифа (уже в контексте неоплатонических изысканий), которая сводится к учению об эманациях, другим словами, к «энергично-эманативной диалектике античного мифа»⁹⁵. Особая заслуга на этом поприще принадлежит Проклу, с чьим именем А. Лосев связывает не только зрелое завершение неоплатонизма, но и окончание традиции всей античной философии.

Самому известному представителю афинского неоплатонизма принадлежит обобщающий труд «Платоновская теология», на страницах которого и разворачивается «интеллектуальная реставрация» древнего мифа. Общефилософская основа мифологических интерпретаций традиционна для неоплатонизма: эманативная схема «Единое — Ум — Душа» и диалектический метод триадического рассуждения. Вот на эту схему Прокл и накладывает божественную мифологию. Он пишет, что

«...все боги оказываются причинами движения и что одни сущностны и жизненны как самодвижная, саможивущая и самодействующая сила, другие умны и сами своим бытием побуждают все последующее к совершенству жизни как исток и начало всех вторых и третьих выходов движения за свои пределы, третьи же единичны и собственным участием обоготворяют все общие роды как первая действующая, совершенная и непознаваемая сила, проявляющаяся в энергии»⁹⁶.

Первый род богов он именует умопостигаемыми (это сфера Крона), второй — умно-жизненными (область Реи), третий — умными (спархия Зевса)⁹⁷. Каждая божественная сущность, в соответ-

⁹⁴ Там же. С. 206.

⁹⁵ Там же. С. 208.

⁹⁶ *Прокл. Платоновская теология*. СПб., 2001. С. 54.

⁹⁷ Там же. С. 326.

ствии со своим положением в иерархии, наделяется специфическими свойствами и функциями. Характерно описание Крона: Прокл определяет его как «чистый и несмешанный ум, имеющий всеовершенную силу в чине умного», одновременно пребывающий в Первоедином и выходящий за его пределы. Поэтому, например, сюжет, повествующий о лишении его детородного органа Зевсом, трактуется автором как ограничение могущества и силы Первоединого в отдельных богах (в том же Зевсе, который воспринимает божественную энергию в себя для дальнейшей трансляции)⁹⁸. Другой пример. Среди богов третьего рода Прокл рассматривает и Кору (Персефону), которая ведает «животворящей триадой» и благодаря своему положению наделяет космос «животворящими силами». И Зевс, и Аид оказываются причастны к ее практике в силу того, что в мифологической традиции сохранилось предание о браке Персефоны с Плутоном и об ее изнасиловании Зевсом⁹⁹. И так далее.

У А. Лосева имеется достаточно оригинальное объяснение того факта, почему он признает неоплатонизм интеллектуальной реставрацией мифа, причем в наилучшем ее исполнении. Ученый указывает, что первоначальная рефлексия над мифом была скорее аналитична, чем синтетична, поэтому рассматривала *отдельные* [курсив мой. — Ю. М.] стороны мифа.

«Чтобы вернуться к мифу в его буквальном понимании, надо было вообще снять это различие материального и идеального. Надо было начать фиксировать в мифе то, чем он был сначала сам по себе, до выделения в нем материальных и идеальных моментов... Только таким образом и можно было вернуться к цельному мифу. Это и было сделано в неоплатонизме, который учил о таком Первоедином, которое выше идеи и материи и которое впервые их порождает. Это и значило начать рассматривать миф в его субстанциальной самостоятельности, т. е. рассматривать миф в его исконном и вполне буквальном значении»¹⁰⁰.

Следовательно, неоплатоники воссоздавали традиционную мифологию на основе сложнейших философских разработок, естественным образом трансформируя ее. Возникает закономерный

⁹⁸ Там же. С. 329, 332.

⁹⁹ Там же. С. 456-458, 458-459.

¹⁰⁰ Лосев А. Ф. История античной эстетики. Т. 7. Кн. 2. С. 288.

вопрос о том, а можно ли тогда определять систему Прокла как мифологию, если именно от мифа в ней сохранились лишь некоторые мифологические сюжеты, переработанные до неузнаваемости, апеллируя только к его «субстанциальной буквальности» в рамках категории Первоединого? Подобные сомнения имеют под собой веские основания.

Во-первых, вся традиция теоретического изучения мифа, несмотря на многообразие подходов, единодушна в том, что миф как некий культурный феномен на протяжении всего исторического существования остается адекватным себе, т.е. сохраняет определяющие его признаки в качестве констант. Достаточно вспомнить, что сам А. Лосев писал о том, что мифу чужеродна стихия рефлексивного существования. Во-вторых, можно ли сопоставлять «чуждую буквальность» мифа с неразличенностью, неразделенностью неоплатонического Единого, которое определяется-то лишь посредством отрицания любого качества. Подобные несоответствия, на наш взгляд, порождены стремлением А. Лосева «прочсть», интерпретировать историю античной философии так, как это бы отвечало авторскому историческому видению.

Если подвести некоторые итоги, можно отметить общую авторскую уверенность в том, что действительно античная история неразрывно связана с феноменом мифа, который имеет свои особенности на каждом этапе ее развития. Античная цивилизация, по убеждению ученого, началась с наивной мифологии первобытной общины и завершилась попыткой ее рефлексивной реставрации в рамках интеллектуальной школы неоплатонизма. Несмотря на то, что сам автор не делает в данном месте далеко идущих выводов о последующей трансплантации мифа в культуре средневековой, новой и новейшей Европы, по всей видимости, имплицитно такая мысль присутствует. Об этом свидетельствуют редкие, но все же встречающиеся рассуждения о христианской или современной мифологии¹⁰¹. Это свидетельствует в пользу предложенной выше гипотезы о фундаментальности лосевской категории мифа в рамках его общеисторической парадигмы и конкретно-исторических исследований античности.

---

¹⁰¹ См., например, интересное размышление автора о том, что священная история монотеистического иудейско-христианского бога есть «подробно разработанная мифология». *Лосев А. Ф.* История античной эстетики. Т. 3. С. 43.

Подводя итоги проведенному анализу ИАЭ под углом лосевской концепции мифа, можно засвидетельствовать, что для автора античная история есть закономерно мифологический процесс. Ученый констатирует телесность, скульптурность, эстетичность и фатализм античного мировоззрения как прасимволы культуры, синтезированные в единую мифологическую область. В таком качестве они сохранялись на всех этапах исторического процесса, но в то же время претерпевали определенную модификацию в зависимости от смены общекультурного императива. Поэтому архаическая Греция репрезентируется хтонической мифологией как способом мировосприятия, который к моменту оформления полисно-рабовладельческой социальной структуры трансформировался в антропоморфный культ олимпийских богов и героев. С процессом деформации полисной системы связано изменение мифологической картины мира, характеризующееся гилозоистическими представлениями о космосе и богах (потеря их прежнего отчетливо антропоморфного облика, но сохранение идеи всеобщей одушевленности). Эллинистическая эпоха реанимирует сократическую традицию личностных акцентов мировосприятия, что означает развитие аллегорических и эвгемеристических тенденций мифотолкования (единственным исключением здесь могут быть эпикурейцы, продолжившие традицию первых атомистов в понимании богов как совершенных и самодостаточных существ, не вмешивающихся в течение человеческой жизни). Свое завершение эстетическая мифология находит в школе неоплатонизма, которая, по мнению А. Лосева, реставрировала древнейшую мифологию логическими методами, превратив олимпийский пантеон в совершенную интеллектуальную иерархию, требующую от своих адептов не только усилий мышления, но и экстатического напряжения души. Таким образом, лосевская концептуальная посылка: миф как «в словах данная чудесная личностная история» — формирует то антиковедное видение ученого, которое позволяет ему интерпретировать исторический тип античности как мифологический и дает возможности «прочсть» его историю, в первую очередь, как мифологическую перипетию.

ПЕРСПЕКТИВЫ ИНТЕРДИСЦИПЛИНАРНОСТИ

К. В. ХВОСТОВА

ДИАЛОГ СО ВРЕМЕНЕМ И СОВРЕМЕННАЯ КОЛИЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

Проблема диалога со временем применительно к эволюции исторического знания предполагает такое рассмотрение развития этого знания во времени, которое не может быть полностью сведено к его спонтанной динамике и некоторой саморегуляции. Имеется в виду развитие, при котором данный вид знания изменяется под влиянием результатов, полученных в другой области знания. Происходит диалог временных достижений. Механизм этого диалога состоит в том, что ученые перерабатывают соответствующую информацию под определенным углом зрения. Переработка обычно заключается в интерпретации информации и в акцентировке тех или иных аспектов. Соответственно, происходит развитие междисциплинарных исследований, формальная логика которых еще ждет своего изучения.

Сказанное в полной мере относится к развитию такого направления междисциплинарных исторических исследований как применение количественных методов в истории, называемое также клиометрией. Это направление исследований появилось в 60–80-е годы XX в.¹ Оно развивалось в позитивистской и марксистской социально-экономической и политической истории, эконометрии и социологии; в рамках социологического структурализма и функционализма².

---

¹ *Boudon R. L'analyse mathématique des faits sociaux. Paris, 1968; Про А. Двенадцать уроков по истории. М., 2000. С. 210-211; Хвостова К. В. Количественный подход в средневековой социально-экономической истории. М., 1980. С. 12-41; Она же. Количественные методы в истории // Вопросы философии. 2002. № 6. С. 60-61.*

² *Boudon R. Op. cit. P. 78-136.*

В этих научных дисциплинах преимущественный интерес был направлен на изучение социальных традиций и тенденций, отношений и закономерностей; социальных институтов и структур.

В названные годы направление было чрезвычайно популярным. Однако позднее, в период падения роли марксистской методологии, отказа от позитивизма в пользу постмодернистской эпистемологии, как известно, интерес к изучению человека – вновь, как и до расцвета позитивизма, преобладающее значение возымели культурология, политическая и событийная история. Однако количественная история не сошла со сцены. Этот факт красноречиво отмечает современный французский исследователь А. Про. Он пишет:

«Сегодня господствуют другие настроения и многим историкам прямо-таки претит использование этих научных методов. Но так как сила их очевидна и так как эти историки не осмеливаются признаться в наличии психологического барьера или просто в своей лени, они аргументируют свой отказ с помощью критики возможностей численного выражения. Причем, нельзя сказать, чтобы эта критика была вполне добросовестная, ибо, как отмечает Поппер, “эти методы реально и успешно использовались в некоторых социальных науках. Как после этого можно отрицать их применимость”»³.

К этому можно добавить, что количественная история не только не прекратила своего существования, она продолжала совершенствоваться, ее сторонники теснее сплотились, развились международные контакты. Занятия количественной историей сосредоточились в специальных исследовательских центрах, научных лабораториях. Соответствующая область знания претерпела многочисленные изменения, превратилась в ведущую современную отрасль междисциплинарных исследований. Количественная история вступила в длительный временной диалог с такими отраслями знания, как математика, теория информации, современная синергетика, структурная лингвистика, герменевтика, теория аргументации⁴.

Обнаруживается также ее связь и с постмодернистской эпистемологией. Характерно, что такой видный представитель постмодернизма, как М. Фуко, высоко оценил роль количественной истории в

³ Про А. Двенадцать уроков по истории... С. 210.

⁴ Хвостова К.В. Количественные методы в истории... С. 210.

развитии исторического знания⁵; саму же историю он называл прародительницей гуманитарных наук⁶. Наряду с этим, при развитии количественной истории происходит дальнейшее совершенствование тенденций, возникших в рамках марксизма и позитивизма и связанных в основном с анализом каузальных связей. Чтобы понять сложный и противоречивый междисциплинарный временной диалог, приведший к тому виду количественной истории, который она имеет сегодня, следует обратиться к истокам этого диалога и, прежде всего, обратить внимание на обычную, традиционную практику исторических исследований.

Историки, особенно те, которые занимаются социально-экономической историей, всегда применяли простейшие количественные характеристики, такие, как средние величины, процентные распределения. Однако начало современной количественной истории, как полагают специалисты, положило квалифицированное применение статистики с использованием выборочного анализа данных и экстраполяцией его результатов на необследованную часть совокупности. Наряду с этим, на современном этапе развития междисциплинарного знания широко используются различные математические методы: дифференциальные уравнения, линейные и нелинейные модели, факторный и кластерный анализы и т. д.⁷.

В плане развития диалога, с точки зрения количественной истории, преимущественный интерес представляет разработка в рамках исторического знания методов количественного анализа, отличных от тех, которые применяются в социологии, политологии и эконометрии, изучающих современность. Иными словами, разрабатываются методы, специально приспособленные для анализа, отличающегося рядом характерных черт материала исторических источников. Эта специальная методика появляется в результате как скрытого, так и явного диалога историков и математиков, продолжавшегося на протяжении длительного периода времени. Дело в том,

---

⁵ Фуко М. История безумия в классическую эпоху. СПб., 1997. С. 369-370.

⁶ Он же. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. СПб., 1994. С. 385.

⁷ Бородкин Л. И. Математические модели в исторических исследованиях // Математическое моделирование исторических процессов. М., 1996. С. 17-19.

что историки, работающие с историческими источниками, содержащими обширный материал количественных данных, хорошо знают его некоторые особенности, которые неведомы математикам. Например, количественные данные исторических источников не всегда однородны, кроме того, они содержат лакуны. Историки прекрасно отдают себе отчет относительно содержания и целей количественного анализа в истории. Эти цели достаточно просты и заключаются в необходимости упорядочения большого числового материала, содержащегося в источниках. Прежде всего, такое упорядочение заключается в сведении материала в таблицы. Однако обилие числовых сведений в некоторых ситуациях оказывается столь значительным, что подобная процедура оказывается недостаточной. Множество таблиц представляется затруднительным при оперировании соответствующими данными в научных исследованиях. В этом случае ощущается необходимость постановки в соответствие каждой таблице или ее разделу некоторого количественного аналога. Его получение является результатом следующей процедуры. Конструируется некоторая содержательная вербальная модель изучаемого явления, которая затем формализуется (подробно ниже). В результате такой формализации мы получаем коэффициент, позволяющий рассчитать числовой аналог модели, интерпретируемый как мера, темп развития явления во времени или степень интенсивности его распространения в пространстве⁸.

Диалог во времени в форме дискуссии с математиками касается вопроса о том, в какой форме при использовании в конкретно-историческом исследовании количественных методов правомерно получение общего вывода. Математики в таком случае часто предлагали осуществлять валовую обработку имеющегося, — и возможно, неоднородного, — материала источников. Считается, что отклонения в ту или иную сторону от некоторой “нормы”, характеризующей изучаемое явление, уравнивают друг друга. Иными словами, предлагается рассматривать весь наличествующий материал источников как естественно образовавшуюся выборку. Соответственно, результаты количественного анализа в соответствии с существующими в статистике правилами рекомендуется экстрапо-

---

⁸ Хвостова К. В. Количественные методы в истории... С. 63.

лизовать на всю необследованную совокупность данных, т. е. на те данные, которые некогда существовали, но со временем оказались утраченными. Если же историк все же настаивает на специфичности данных, относящихся к отдельным изучаемым совокупностям, включающим определенное число единиц наблюдения, и на целесообразности их отдельной обработки, то математики советуют применять статистический метод анализа малых групп (или выборок)⁹. Это означает рассмотрение сведений, относящихся к каждой совокупности, как малой выборки из всей генеральной совокупности сведений, большая часть которых ныне утрачена. Метод анализа малых групп при выполнении специальных математических вычислений, с известными поправками, также позволяет экстраполировать результаты выборочного анализа на всю необследованную генеральную совокупность.

Однако во многих исследовательских ситуациях историки не могут согласиться и с таким предложением. Дело в том, что интересующие нас небольшие совокупности (особенно, если речь идет об отдаленном прошлом, например, об эпохе Средневековья) неоднородны не только потому, что многие сведения оказались утрачены. Сведений, однородных с теми, которые сохранились в наших источниках, возможно, вообще никогда не существовало¹⁰. В отдаленную эпоху, например, в период Средневековья, каждая интересующая исследователя совокупность, допустим, такая как манор, поселение, вотчина имела свой обычай, отличный от обычая в других, даже соседних районах, и регламентировавший социальную жизнь в соответствующем микросоциуме. Таким образом, все сохранившиеся данные, относящиеся к микросоциумам (маноры, поселения, вотчины и т. д.) — это отнюдь не части некогда существовавшей генеральной совокупности. Они сами такие совокупности и их много.

Однако неправомерность валовой статистической обработки количественных сведений по средневековой истории отнюдь не означает невозможность их глобального общего анализа в целях изучения тенденций, характеризующих общество в целом. Этот анализ осуществляется благодаря компаративистскому подходу.

---

⁹ Boudon R. L'analyse mathématique... P. 104.

¹⁰ Хвостова К. В. Количественные методы в истории... С. 61.

Изученные с помощью количественных методов микросоциумы сопоставляются между собой. Точнее, происходит сопоставление количественных аналогов, поставленных в соответствие каждой совокупности; приводится ранжированный ряд этих аналогов, легко поддающийся сравнительному анализу. Благодаря такому сравнению достигается представление о тенденциях, характерных для микросоциума в целом. Подобный сравнительный подход, как известно, широко используется также при отсутствии количественных данных и соответствующего количественного анализа для сопоставления изучаемых качественных признаков. Сравнительно-исторический метод при изучении любой исторической эпохи является, как известно, одним из основных исследовательских приемов в арсенале историка-профессионала. Использование этого приема в исследованиях с применением количественных методов придает ему специфическую форму и отражает развитие методологии во времени.

Данную методику при изучении средневековой эпохи широко использовали известные отечественные медиевисты Е. А. Косминский и М. А. Барг. Они, как известно, занимались средневековой аграрной историей Англии. Их интересовали проблемы соотношения размеров феодальной ренты различных социальных групп в среде английских вилланов и многие другие проблемы истории аграрных отношений. При этом названные ученые применяли простые статистические методы: средние величины и процентные соотношения. Однако они не прибегали к валовой обработке всего совокупного сохранившегося материала Сотенных свитков, относящегося ко многим манорам. Сравнение статистик, полученных на материале данных каждого манора, и качественный анализ соответствующих сведений позволили исследователям определить общую тенденцию развития¹¹. Придерживаясь компаративистского подхода в глобальных исследованиях, столь очевидного при изучении средневековой реальности, отечественные и зарубежные ученые 1950-х – 60-х годов тем самым предвосхитили серьезную компаративистику в рамках современного глобализма, основанного на количественном подходе к изучаемому материалу.

---

¹¹ *Косминский Е. А.* Исследования по аграрной истории Англии XIII в. М., 1947. С. 274; *Барг М. А.* Исследования по истории английского феодализма XI–XIII вв. М., 1960. С. 198, 327-329.

Поскольку предметом моих собственных исследовательских интересов являлась проблема применения количественных методов при изучении расслоения средневекового крестьянства, а именно проблема разработки алгоритма, позволяющего найти коэффициент для измерения степени имущественного расслоения этих крестьян, меня особенно интересовали работы Е. А. Косминского и М. А. Барга, касающиеся этого сюжета. Впоследствии для иллюстрации эффективности предложенного мною коэффициента, позволяющего измерять степень расслоения средневековых крестьян, я использовала не только огромный материал византийских источников, но и материал Сотенных свитков, сведенный в таблицы Е. А. Косминским, а также некоторые выводы М. А. Барга¹².

В результате содержательного изучения особенностей расслоения средневековых крестьян я констатировала следующие его специфические черты, отличающие это расслоение от соответствующего расслоения в эпоху Нового и Новейшего времени. В Средние века имущественная дифференциация в крестьянской среде сопровождалась тенденцией к длительному преобладанию крестьян среднего уровня зажиточности, держателей так называемого нормального надела (манса, виргаты, зевгаря, сохи и т. д.), размеры которого могут быть идентифицированы в рамках небольших совокупностей: манора, поселения, вотчины и т. д. Средневековое расслоение крестьян отличается медленными темпами вымывания среднего слоя. Это означает, что для рассматриваемого расслоения не типичны процессы концентрации земли в крестьянской среде. Такие процессы происходили, но не преобладали. Несмотря на то, что средневековые крестьяне, как свободные, так и лично и поземельно зависимые, могли покупать и продавать свои наделы, контрагентами в этих сделках часто выступали представители других сословий: привилегированные собственники земли, горожане и т. д. Земля могла быть покинута ее держателями или оставлена без обработки. Иными словами, в рассматриваемую эпоху не являлось типичным обогащение одних крестьян за счет других. Всякая интенсификация подобных процессов есть симптом кризиса средневековых аграрных порядков.

---

¹² *Хвостова К. В.* Количественный подход в средневековой социально-экономической истории... С. 203.

Поэтому, как я старалась показать в своих работах по применению количественных методов в средневековой социально-экономической истории, совершенно необоснованно применение для измерения степени имущественного расслоения средневековых крестьян коэффициентов, разработанных на материале более поздней эпохи и предназначенных для измерения степени концентрации имущества или в рамках всего общества, или в среде определенного социального слоя. Использование подобных коэффициентов, применяемых в современной экономической науке, социологии, политологии, экономической и социальной истории Нового и Новейшего времени для характеристики имущественной дифференциации средневекового крестьянства, означало бы экстраполяцию закономерностей, характерных для более позднего времени, на предшествующую эпоху, отличавшуюся иными экономическими структурами и тенденциями. Естественно, что измерительные процедуры в этом случае оказались бы заведомо неадекватными.

Мне представлялась совершенно очевидной необходимость выработки специального коэффициента, позволяющего произвести адекватное измерение степени расслоения названных средневековых процессов. Для этого вначале необходимо построение качественной содержательной модели, основанной на рассуждении, учитывающем роль простейших тривиальных соотношений, существовавших между атомарными факторами, формирующими процессы имущественной дифференциации средневековых крестьян. Такие тривиальные соотношения никогда не фиксируются в обычном качественном нарративе, так как в его рамках они совершенно лишены познавательного значения. Однако они приобретают его благодаря последующей формализации. Остановимся суммарно на проведенном рассуждении и характеристике формализации.

Констатируются следующие тривиальные, т. е. простейшие и абсолютно понятные соотношения между атомарными факторами, характеризующими процесс расслоения средневековых крестьян. Обеднение крестьян прямо пропорционально потере некоторого имущества фиксированного размера и прямо пропорционально мере бедности в данный хронологический момент. Обогащение названных крестьян прямо пропорционально приобретению имущества определенного размера и обратно пропорционально мере богатства в данный временной момент. Эти утверждения записываются в виде дифференциальных уравнений, частные решения

которых являются основой алгоритма, формирующего коэффициент, используемый для измерения степени расслоения средневекового крестьянства¹³. Результаты измерения, относящиеся к отдельным единицам наблюдения, т. е. небольшим совокупностям типа вотчин, маноров, поселений и т. д., сопоставляются, и в итоге такого сопоставления создается представление об общей тенденции процесса в рамках определенного учтенного в исследовании пространственно-временного диапазона. Иными словами, осуществляется глобальный подход с применением методов научной компаративистики, т. е. подход, характерный для исторических исследований, осуществляемых с помощью методов традиционного качественного анализа, отражающий как специфику исторических источников, так и особенности самих исторических явлений в изучаемые отдаленные хронологические эпохи.

Однако в исторических исследованиях применяется и валовая количественная обработка имеющегося материала источников. В этом проявляется новый этап диалога со временем, отражающий диалог историков и представителей точных и естественных наук. Подобный подход, как будет показано ниже, обусловлен специфической постановкой исследовательской проблемы. Он восходит к так называемой синергетике, претендующей на современную теорию истории, характеризующую социальные процессы как хаотичные и саморегулируемые¹⁴. Основой такого представления явилась синергетика, как одно из направлений современной физики, изучающее в отличие от классической физики, становление саморегулируемых систем во времени (школа И. Пригожина)¹⁵. Для изучения таких систем в физике используются так называемые феноменологические теории, с наименьшим числом переменных и эвристически

---

¹³ Там же. С. 70-72; *Она же*. Количественные методы в истории... С. 62.

¹⁴ *Reisch G.* History and Narrative // *History and Theory*. Vol. 30, 1991; *Idem.* Scientism without Tears: a Reply to Roth and Ryckman // *Ibid.* Vol. 34, N 1. 1995. Обзор концепций, содержащих идею хаоса применительно к историческому процессу см.: *Chaos, Clio and Scientific Illusion of Understanding* (P. A. Roth and T. A. Ryckman) // *Ibid.* Vol. 34, N 1. 1995; Литературу вопроса см. также в работе: Андреев А. Ю., Бородкин Л. И., Левандовский М. И. История и хаос: новые подходы к синергетике // *Сравнительное изучение цивилизаций мира*. Отв. ред. *Хвостова К. В.* М., 2000.

¹⁵ *Пригожин И.* Переоткрытие времени // *Вопросы философии*. 1989. № 9. С. 3-4; *Хакен Г.* Синергетика. М., 1980.

подбираемыми параметрами. Таким образом, диалог со временем проявляется в данном случае в диалоге с физиками. Проецирование идей синергетики на теорию истории и других социальных наук, как нам представляется, началось с одной из работ И. Пригожина, в которой он отмечает сходство в подходах таких историков, как М. Блок и Ф. Бродель, с подходом в той области физики, которая именуется синергетикой¹⁶. Создается, однако, впечатление, что отмеченное И. Пригожиным сходство в рассуждениях историков ранней французской школы Анналов и ученых по физической химии — чисто внешнее и по существу иллюзорно. Общим является лишь то, что и те, и другие интересуются длительными временными тенденциями. Вместе с тем французские историки вовсе не сводили исторические процессы к саморегуляции и хаосу. Они придавали большое значение изучению каузальных связей, факторов внешнего вынуждения, мотивированному социальному поведению¹⁷.

Тем не менее, в теории истории в настоящее время достаточно популярна идея, согласно которой целесообразно трактовать содержание исторических процессов вне анализа каузальных связей, как спонтанное становление общественных систем, происходящее в итоге хотя и мотивированного, но хаотичного социального поведения¹⁸. Исследования с использованием синергетической парадигмы обычно выполняют прогностическую функцию, т. е. ставят целью прогнозировать значения социальных явлений в будущем. Известна, например, теория роста населения в масштабе всей планеты на всем протяжении жизни человечества, имеющая прогностическое значение и принадлежащая С. П. Капице¹⁹. Процесс представлен как саморегулируемая система, зависящая от времени и численности населения в фиксированный момент времени. Имеет место, как это очевидно, подход, принципиально отличный от принятого в традиционной исторической демографии, изучающей народонаселение как сумму систем по регионам и периодам. При

---

¹⁶ Пригожин И. Указ. соч. С. 3.

¹⁷ Блок М. Апология истории. М., 1986. С. 18, 26, 27.

¹⁸ Knyazeva E.N., Kurdyumov S. P. Synergetics at the Crossroads of the Eastern and Western Cultures. Moscow, 1994. P. 9.

¹⁹ Капица С. П. Феноменологическая теория роста народонаселения // Успехи физических наук. М., 1996. Т. 166. № 1; *Он же*. Общая теория роста человечества. М., 1999.

этом в традиционной исторической демографии, изучающей прошлое, практически отсутствует прогностическая функция, однако учитываются многие социальные и природные факторы, такие, как культурно-религиозные традиции, войны, эпидемии, уровень жизни, климат в отдельных регионах и т. д.

И в других традиционных исторических дисциплинах, например, при систематическом моделировании социально-экономических и политических отношений решающее значение придается качественному разнообразию явлений, соответственно происходит учет и переработка как можно большего объема сведений источников, относящихся к многочисленным факторам в рамках интересующего исследователя сюжета. Учет такого разнообразия, которое в результате математического моделирования и интерпретации полученных количественных показателей может быть положено в основу некоторых теоретических обобщений, — цель подобного исследования. В глобалистских, основанных на идеях синергетики моделях с наименьшим числом переменных и эвристически подбираемыми параметрами, эти переменные и параметры как бы поглощают все разнообразие факторов, сведения о которых, таким образом, фактически трактуются как избыточная информация. Подобное моделирование, безусловно, представляет большой интерес, прежде всего с точки зрения социальной прогностики, но оно носит скорее теоретический, социологический или философский, но никак не конкретно-исторический характер. Оба типа исследований могут существовать лишь параллельно и не заменять друг друга.

Впрочем, идеи синергетики и нелинейные математические модели используются и в конкретно-исторических исследованиях²⁰. Необходимость использования нелинейных (как, впрочем, и линейных) моделей в конкретно-исторических исследованиях, в первую очередь, по социально-экономической истории при условии наличия в источниках большого количества числового материала, который не может быть проанализирован с помощью традиционных качественных методов, как уже отмечалось, сама по себе не вызывает сомне-

---

²⁰ Сапронов М. В. Синергетическая модель исторической цикличности: информационный подход // Роль информации в формировании и развитии социума в историческом прошлом / Отв. ред. К. В. Хвостова, Л. И. Бородин. М., 2004.

ния. Проблематична связь этой методики с идеями синергетики о хаосе и саморегуляции социальных процессов. Ведь нелинейные модели, фиксирующие, как полагают, этот хаос, не дедуцируются из теоретических постулатов синергетической теории. Они вводятся на основе свободного эвристического выбора. Такие модели легко могут быть заменены другими нелинейными или линейными моделями и соответствующими рассуждениями. В этих случаях исследователь получит другие результаты. Поскольку исследование относится к прошлому и прогностическая функция отсутствует, то возможности верификации ограничены. Нам представляется, что применение количественных методов в конкретно-исторических исследованиях, посвященных изучению совокупностей по странам и регионам, должно базироваться на выработке специальных измерительных коэффициентов, позволяющих производить адекватное измерение изучаемых тенденций, традиций, процессов. Для обеспечения адекватности, как отмечалось, необходимо построение вначале качественной содержательной модели, основанной на рассуждении, учитывающем простейшие, тривиальные, а потому бесспорные соотношения между атомарными факторами, формирующими изучаемые явления. Идеи хаоса, саморегуляции работают, по-видимому, при глобальном подходе в социологии, экономике и демографии, когда множество интересующих исследователя факторов правомерно сводить к их, так сказать, равнодействующей, обеспечивающей саморегуляцию процессов. В конкретно-исторических исследованиях при изучении конкретного явления в ограниченном пространственно-временном диапазоне правомерно пользоваться методами нахождения каузальных связей и факторов внешнего вынуждения и детерминации.

Мы полностью согласны с сомнениями, высказанными покойным польским ученым Е. Топольским по поводу дискуссий в зарубежной литературе относительно правомерности и целесообразности использования понятийного аппарата синергетики и соответствующего терминологического словаря в конкретно-исторических

исследованиях²¹. Он отмечал произвольность, неопределенность идей хаоса и саморегуляции, подчеркивал значимость традиционного каузального анализа по отношению к гуманитарному знанию. Как справедливо полагал Е. Топольский, в рамки названных идей, в частности, не вписывается изучение волевой и мотивированной деятельности человека²².

Диалог со временем, характеризующий развитие исторического знания, связанное с междисциплинарными контактами, безусловно, относится не только к количественной истории, но и к другим направлениям исторического знания. В этой связи заслуживает внимания интерес к понятию “историческая информация” и к исследованию информационных процессов в обществе. Актуальность соответствующих проблем проявляется в акцентировке вопросов влияния социальной информации на развитие и функционирование социума в историческом прошлом. Необходимо специальное рассмотрение проблем содержательного наполнения переработки, передачи и хранения информации в разные исторические периоды. В плане названного междисциплинарного диалога в рамках исторического знания можно также рассматривать задачу создания современной теории источниковедения, выраженной в терминах теории информации.

И, наконец, говоря о междисциплинарном временном диалоге и его роли в развитии исторического знания, следует подчеркнуть ту роль, которую этот диалог имеет в формировании новой рационалистической теории и философии истории, призванных, возможно, заменить ее крайне субъективистское постмодернистское понимание. Основным постулатом подобных теоретико-философских воззрений, первичным основанием всех дальнейших соответствующих рассуждений, возможно, явится понятие исторической информации как основы всякого исторического знания.

---

²¹ *Topolsky E.* Historical Sources and the Access of the Historian to the Historical Reality // Проблемы исторического познания. Материалы международной конференции / Отв. ред. Г. Н. Севостьянов. М., 1999.

²² *Топольский Е.* Дискуссия о применении теории хаоса к истории // Исторические записки. М., 1999, № 2 (120).

О. В. ХАЗАНОВ

МИСТИКА: ЕЕ ПРИРОДА И СОЦИАЛЬНЫЕ ФУНКЦИИ В КОНЦЕПЦИИ «ОСЕВОГО ВРЕМЕНИ»

Среди различных сюжетов, связанных с историей религии, особое место всегда занимала мистика. Данный феномен интересен как интригующим ореолом постоянно окружающей его тайны, так и возможностью посредством проникновения за ее завесу открыть неведомые страницы культуры прошлого, попытаться через них понять глубинные основания человеческой психологии. И ровно столько, сколько будет существовать наука, будут продолжаться споры о природе мистического. Ибо данная форма религиозного сознания, наверное, как никакая другая, по самому своему характеру плохо поддается объективному исследованию с позиций «вне-находимости»¹. Мистика, которую вслед за Фомой Аквинским можно определить как *cognitio Dei experimentalis* — «познание Бога посредством опыта» («Сумма теологии»), представляет собой род религии, основанный на чувстве непосредственно воспринимаемой связи с сакральным началом.

Можно ли утверждать, что мистика, так же как и религия, существовала всегда? На этот счет высказывается множество мнений. Как полагал основатель израильской школы исследования каббалы Г. Шолем, мистика — это определенная стадия в развитии религиозного сознания. Она возникает после осознания отделенности мира людей от божественного мира. «Другими словами, мистика не может возникнуть до тех пор, пока представление о наличии пропасти между Человеком и Богом не стало фактом внутреннего сознания»².

Здесь мы наблюдаем прямое пересечение подхода израильского ученого к проблеме появления мистического знания с концепцией «Осевого времени», предложенной немецким философом-экзистенциалистом К. Ясперсом³. На пересечении этих двух теоре-

---

¹ Гарин И. И. Что такое мистика? Т. 1, 2. М., 2004.

² Шолем Г. Основные течения в еврейской мистике. М., 2004. С. 41.

³ Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1994.

тических схем и может быть достаточно рельефно прорисован так трудно поддающийся осмыслению феномен мистического знания.

Концепция Ясперса не раз подвергалась критике с разных сторон, прежде всего, за ее жесткие хронологические рамки, за которые постоянно выбивается тот или иной культурный феномен, иногда такой значительный, как, например, христианство или ислам. Поэтому сразу оговоримся, что нас в данной статье больше интересуют конкретные характеристики «осевого сознания», нежели время, когда оно возникает.

Если предположить, что своей основной задачей мистика ставит преодоление разделения между миром профаническим и миром сакральным, ставшее столь очевидным для человека именно «Осевой эпохи», то через медитацию визионер устанавливает тот самый «мост», пройдя по которому над «пропастью», он оказывается в сфере недостижимого с точки зрения обыденного сознания. В ней конечная человеческая индивидуальность, осознающая себя в качестве таковой в результате прорыва «Осевого времени», стремится преодолеть свою ограниченность через слияние с Бесконечностью, применительно к еврейской мистике, которой мы уделим особое внимание, — через прямое общение с Богом.

В этой связи возникает вопрос, что общего и что отличного между мистиком и *магом* и между мистиком и *пророком*? Почему, например, в иудаизме магия была запрещена, а мистика получила чрезвычайно широкое распространение?

Задача мага — использовать свое знание высших миров для решения земных проблем, «принудить Небеса к повиновению». Задача мистика — преодолеть разрыв между профаническим и сакральным миром. Зачем? Очевидный ответ, вытекающий из множества мистических текстов — для обретения душевного блаженства. При этом вовсе не исключено, что мистик может стать магом и использовать обретенное им знание в своих или чьих-либо вполне земных интересах.

Пророки приходят на стадии возникновения религии. Каждый раз мы видим людей, наделенных возможностью прямого общения с сакральным миром. Но пророк не сам выбирает свой путь. Он избирается решением «сверху». Это радикальным образом отличает его от мистика, который сам «прорывается наверх». Отсюда, со всей очевидностью, проистекает «опасный» характер мистики.

В одном из трактатов Талмуда есть следующая история. Четыре мудреца вошли в «Пардес», т. е. достигли высшей степени проникновения в сакральный мир. Но судьба их оказалась разной. Бен Зома сошел с ума, Бен Азай умер, Эиша бен Абуя стал еретиком, и вся последующая еврейская традиция после этого именовала его «Ахэр», т. е. «Чужой». И только р. Акива как вошел, так и благополучно вышел (Хагига, 14б). В этой притче отражены практически все возможные варианты исхода для активно практикующего мистика — смерть, безумие, заблуждение и только для одного из четырех — поднятие на еще более высокий уровень посвящения.

Такова «логика» самосмысления, существующая внутри религиозной традиции. С точки зрения психологии вывод будет, конечно же, иной. Визионерская практика предполагает чрезвычайно сильные психологические перегрузки, которые в свою очередь могут приводить к различного рода психологическим расстройствам, а иногда и к летальному исходу. Что касается «благополучного» варианта, то он, если смотреть на него глазами светского ученого, является лишь еще более глубоким погружением в «мир грез», уводящим человека все дальше от «объективной реальности, данной нам в ощущении».

Здесь я намеренно утрирую сциентистскую позицию в отношении феномена мистических переживаний. В современной психологии существуют направления как никогда близко подходящие к признанию объективного характера религиозного опыта, не сводя его только к определенному роду «невротической реакции» или культурно обусловленным «архетипам»⁴. В рамках данной статьи я не ставлю себе задачу разрешить противоречие между сциентистским и религиозным подходами к объяснению природы мистического переживания. Для нас будет важен иной аспект, а именно, *как можно языком современной науки описать то знание, что рождается в ходе визионерской практики.*

---

⁴ *Гроф С.* За пределами мозга: Рождение, смерть и трансценденция в психотерапии. М., 1994; *Гроф С.* Космическая игра: исследование рубежей человеческого сознания. М., 1997; *Торчинов Е. А.* Религии мира: Опыт запредельного: Трансперсональные состояния и психотехника. СПб., 1997; *Хазанов О. В.* Некоторые размышления по книге Е. А. Торчинова «Религии мира: Опыт запредельного: Трансперсональные состояния и психотехника» // Европейские исследования в Сибири. Вып. 2. Материалы региональной научной конференции. Томск, 2000.

Ведь мистика — это не только «практика» преодоления разрыва, это еще и ее осмысление, осуществляемое в соответствии с новыми алгоритмами «Осевого времени». Иными словами, возвращаясь в «нормальное» состояние, рефлексирующий индивид, являющийся продуктом «Осевого времени», пытается осмыслить прежний опыт и выразить его в транслируемых вонне категориях и схемах. Отсюда рождаются сложные мыслительные конструкции, так или иначе соотносящиеся с его устоявшимися религиозными представлениями. Так мистика становится одним из источников развития религиозного сознания.

На основании мистического опыта, приравниваемого к Откровению, может осуществляться перетолковывание уже устоявшихся религиозных символов. «С точки зрения мистиков акт откровения перестает быть однократным и воспроизводится снова и снова»⁵. Если использовать язык библейских образов, то можно сказать, что мистик претендует на свой собственный «Синай». Далее может следовать утверждение, что Бог являлся в мир лишь в какой-то из ограниченных своих ипостасей, и только в медитативном состоянии человек имеет возможность ощутить полноту божественного присутствия и получить всю полноту божественного Откровения. Поэтому мистик, как о том свидетельствует пример Элиши Бен Абуя, рискует превратиться в еретика.

Естественно, что такого рода проблемы возникали не только в еврейской традиции. Вот до какой степени свободомыслия мог дойти мусульманский автор:

«Если в мире есть любящий, о мусульмане, то это я. Если в мире есть верующий или христианский отшельник, то это я. В мире 72 верования и секты, но на самом деле их не существует. Ибо, клянусь Аллахом, если и есть всякое верование и всякая секта, то это я» (Дж. Руми)⁶.

Мистические переживания тождества с сакральным Началом могут привести к представлению о единстве всех религий, а также о бессмысленности каких-либо религиозных перегородок и связанных с ними ритуалов и запретов. Это, по всей видимости, и стало причиной, по которой Элиша Бен Абуя перестал соблюдать заповеди Торы, оставаясь при этом одним из самых великих мудрецов

⁵ Шолем Г. Основные течения в еврейской мистике. М., 2004. С. 43.

⁶ Суфизм в контексте мусульманской культуры. М., 1989. С. 34.

своего поколения. Рабби Мейер — один из авторов Талмуда — продолжал брать у него уроки до самой смерти учителя.

Чтобы не стать еретиком, мистик в попытке вербализации своего трансперсонального опыта вынужден овладевать «ортодоксальным словарем» официальной религии. В противном случае он мог подвергнуться репрессиям со стороны духовных и поддерживающих их светских властей.

Особенностью иудаизма было то, что в отличие от других «религий Откровения» — христианства и ислама — он не располагал мощным репрессивным аппаратом. Отсюда проистекала возможность для гораздо более свободного развития каббалы. В этом можно усмотреть особое значение галута — периода изгнания евреев с их исторической родины.

В то же время необходимо признать, что овладение ортодоксальным словарем еще не решает всех коммуникативных проблем, встающих перед мистиком. В развитие данного сюжета сравним апофатизм каббалиста и апофатизм еврейского религиозного рационалиста, которые, безусловно, отличаются друг от друга⁷.

Кто из них будет придерживаться мнения, что человек создан по образу и подобию Божьему? Ответ очевиден — оба, поскольку так говорит Писание, являющееся для них обоим непререкаемым авторитетом. В то же время, религиозный рационалист, признавая подобие человека Богу, выражающееся, на его взгляд, в наделенности человека разумом, будет говорить об ограниченности человеческих возможностей в принципе познать Абсолют, ибо даже высшее начало в человеке — разум — не в силах объять Необъятное. Приблизиться к Богу можно и, с точки зрения религиозного рационалиста, необходимо — посредством постоянного развития своего интеллекта. Но такое сближение всегда будет иметь свой предел, обусловленный природой человека.

Мистик видит, точнее, экзистенциально переживает в процессе медитации акт преодоления человеческой ограниченности. Но он осознает его невыразимость словами («Дао выраженное словами не есть истинное Дао», «Благородное молчание Будды»). Отсюда все сложности трансляции мистического знания и способов его по-

---

⁷ Полонский П. Введение в философию иудаизма. Рационализм и мистика в европейской средневековой философии // <http://machanaim.org/philosof/phil/ph1.htm#4.1>.

стижения. Все напряжение мистической практики как раз и состоит в выработке механизмов преодоления человеческой ограниченности, ставшей столь очевидной в результате революции сознания в «Осевую эпоху» (а при этом «все средства хороши», отсюда и «опасность» мистики).

Здесь уместно задаться следующими вопросами: где, с точки зрения самих мистиков, находится Источник получаемого ими Откровения, и как это связано с самой методикой получения данного Откровения?

Очевидно, что поскольку основным способом обретения мистического знания является медитация, то источник должен находиться внутри самого человека. Только на этапе далеко зашедшего формирования личностного начала могла появиться такая мысль. В то же время, в том, как она разворачивается, видно и обратное движение — от осознания собственного Я к его полному отрицанию. Индивид в момент погружения в состояние глубокой медитации утрачивает ощущение собственного Я: «Мой Атман — это и есть Брахман» (Упанишады).

Тот факт, что мистическое знание открывается только «внутреннему взору», мог породить скептическое отношение к его достоверности («Чжуан Цзы снилось, что он бабочка»). Почему в таком случае мистик принимает за истинное то знание, что обретается им в состоянии транса? С точки зрения классической психологии, человек в измененном состоянии сознания *видит как реальные* различного рода образы, являющиеся всего-навсего отражением его собственного внутреннего мира. То же самое можно сказать и о человеке, находящемся в состоянии алкогольного или наркотического опьянения. Арабские мистики-суфии прямо сравнивали мистический транс с состоянием опьянения (Ибн аль-Фарид 1182–1235, Каир):

Прославляя любовь, мы испили вина.
Нам его поднесла молодая Луна.
Мы пьяны им давно. С незапамятных лет
Пьем из кубка Луны заструившийся свет.
И, дрожащий огонь разведя синевой,
Месяц ходит меж звезд, как фиал круговой.

О вино, что древнее, чем сам виноград!
Нас зовет его блеск, нас манит аромат!
Только брызги одни может видеть наш глаз,
А напиток сокрыт где-то в сердце у нас.

Уши могут вместить только имя одно,
Но само это имя пьянит, как вино.

Даже взгляд на кувшин, на клеймо и печать
Может тайной живой, как вином, опьянять...
А когда знак вина на знаменах войны, —
Сотни душ — как одна, сотни тысяч пьяны...

Тело — наш виноградник, а дух в нас — вино,
Породнившее всех, в сотнях тысяч — одно.
Без начала струя, без конца, без потерь, —
Что есть «после», что «до» в бесконечном «теперь»?

Мне сказали, что пьют только грешники.
Нет! Грешник тот, кто не пьет этот льющийся свет.
И скиталец святой, и безгрешный монах,
Опьянев от него, распростерлись во прах.
Ну, а я охмелел до начала всех дней
И останусь хмельным даже в смерти своей.

Вот вино! Пей его! Если хочешь, смешай
С поцелуем любви, — пусть течет через край!
Пей и пой, не теряя священных минут,
Ведь вино и забота друг друга бегут.
Охмелевший от жизни поймет, что судьба —
Не хозяйка его, а всего лишь раба.

Трезвый вовсе не жил — смысл вселенский протек
Мимо губ у того, кто напиться не мог.
Пусть оплачет себя обнесенный вином —
Он остался без доли на пире земном⁸.

Можно предположить, что сила и глубина мистического опыта столь велики, что любые сомнения в его достоверности отпадают сами собой. Правда опыт этот рано или поздно заканчивается. Визионер возвращается в нормальное состояние, и уже из его рефлексии по поводу пережитого рождается мистическая философия, в чем состоит еще одно очевидное отличие мистики от магии.

В этой философии практически повсеместно появляется утверждение о некоем невыразимом тождестве между индивидуальной человеческой душой и Абсолютом:

Так откажись от внешнего, умри
Для суеты и оживи внутри,

---

⁸ Арабская поэзия средних веков. М., 1975. С. 509-511.

Уняв смятенье, сам в себе открой
 Незамутненный внутренний покой
 И в роднике извечной чистоты
 С самим собой соединишься ты...

О наконец-то мне постичь дано:
 Вещающий и слышащий — одно!
 Перед собой склонялся я в мольбе,
 Прислушивался молча сам к себе...

Да упадет завеса с глаз моих!
 Пусть будет плоть прозрачна, голос тих,
 Чтоб вечное расслышать и взглянуть
 В самую исчезающую суть
 Священную основу всех сердец,
 Где я — творение, и я — Творец⁹.

Особенность еврейской мистики в сохранении идей нетождественности человеческой души и Абсолюта. Так же, как у пророков при их контакте с Богом, человек всегда сохраняет осознание своего собственного Я при всей его малости перед ликом Всевышнего.

Помимо идеи тождества между индивидуальной душой и Абсолютным Началом во многих мистических традициях, прежде всего в тех, где нет полного отождествления души и Абсолюта, прослеживается идея «любовного» общения между ними — бхати, суфии, каббала («Шиур кома» — комментарии на «Песнь песней»). С точки зрения психоанализа это была чистейшей воды сублимация:

Чтоб охмелеть, не надо мне вина —
 Я напоен сверканьем до пьяна.
 Любовь моя, я лишь тобою пьян,
 Весь мир расплылся, спрятался в туман,
 Я сам исчез, и только ты одна,
 Моим глазам, глядящим внутрь, видна.
 Так полный солнцем кубок пригубя,
 Забыв себя, я нахожу тебя.
 Когда ж, опомнясь, вижу вновь черты
 Земного мира, — исчезаешь ты¹⁰.

Вернемся вновь к еврейской мистике. Каббалист стремится превратить то, о чем повествует библейский текст, в «непосредст-

⁹ Там же. С. 530-536.

¹⁰ Там же. С. 520-521.

венное личное переживание»¹¹. Естественно, что он сталкивается с проблемой метода получения такого рода *опыта*. Какие могут быть способы его обретения?

Особенность еврейской мистики — в ее внимательном отношении к языку и письменному тексту. Язык, с точки зрения каббалы, это не просто несовершенное средство коммуникации между людьми (со всеми вытекающими отсюда его ограничениями), это способ общения между людьми и Богом. Язык в своей чистой форме — *лашон ха кодеш* — отражает духовную природу мира, поскольку *речь* исходит от самого Всевышнего. Язык и фиксирующий его текст отражают в себе структуру мира, проникнуть в суть которой — одна из главных задач каббалы. В этом смысле каббала очень «ортодоксальна». Однако это не значит, что она во всем буквально следует тексту, идеям и логике ТаНаХа. Привязывая свои построения к тексту ТаНаХа, каббалисты использовали и развивали метод агадического мидраша. Так сформировалась четырехступенчатая система обретения полноты сакрального знания: *пишат* — *ремез* — *драш* — *сод*. Последний уровень, порой, имел мало общего с классическим мидрашом.

К моменту появления каббалы Устная Тора уже существует и уже имеет два основных подраздела — Галаху и Агаду. Интересно, что отношение каббалистов к Галахе и Агаде радикальным образом отличалось от отношения к ним большинства еврейских философско-рационалистов. С точки зрения последних (Рамбам), все галахические нормы имеют историческое происхождение и то или иное рациональное объяснение (запрет варить козленка в молоке его матери имеет своим истоком борьбу с давно изжитым в еврейской среде языческим обрядом). Каббалисты же рассматривали исполнение любой заповеди или обряда как воспроизведение «таинственного механизма управления видимым и невидимым миром». Само нахождение человека в «мире действия» каббалисты наделяли высоким космическим смыслом. В этом еврейские мистики были не одиноки¹².

В отличие от философов-рационалистов, каббалисты очень внимательно относились к молитве. Она для них представляла со-

¹¹ Шолем Г. Основные течения в еврейской мистике. М., 2004. С. 82.

¹² См. подробнее: Хазанов О. В. Сравнительный анализ идей Каббалы и Веданты: поиск черт сходства // Еврейская мысль сквозь века. Сборник научных трудов по иудаике, еврейской истории и культуре. Вып. 5. Днепропетровск, 2001.

бой важнейший способ приведения сознания в соответствующее медитативное состояние. Каббалисты придавали большое значение жертвоприношению, которое философы-рационалисты рассматривали как уступку архаическому сознанию. Неверующий человек сегодня «видит в этих ритуалах только пустые и дорогостоящие иллюзии, удивляясь, что все человечество так истово расточало свои силы ради призрачных богов»¹³. Верующими людьми жертвоприношение воспринимается как важнейший способ общения с *иным миром*, поскольку дарение — важнейший в архаическом мире коммуникативный акт. Он часто сопровождался неким договором или *заветом*, в соответствии с которым обе стороны брали на себя взаимные обязательства. Здесь неизменно действовал принцип — дар требует отдачи.

Когда вы делаете кому-то подарок, предполагаете ли вы, что он сможет решить все жизненные проблемы одариваемого? Подарок — символическое выражение уважения.

Когда вы приходите в гости и приносите с собой торт и/или еще что-нибудь «покрепче», то в чем смысл такого «приношения»? Очевидно — в организации совместной трапезы, которая должна укрепить вашу дружбу.

И в том, и в другом случае вы демонстративно отдаете часть своего имущества, чтобы заручиться чьей-то дружбой, поддержкой, уважением. Совсем необязательно отдавать много. Гораздо важнее делать это регулярно. Но если у вас «большие проблемы», то и подарок должен быть соответствующим. Порой, это может напоминать магический обряд «подчинения» сакральных сил воле жертвователя¹⁴.

Существовала следующая иерархия жертв по степени их ценности с точки зрения жертвователей — растения, животные, человек, бог. Если в первых трех случаях, как правило, был необходим посредник — жрец, знающий ритуал жертвоприношения и умеющий наделить жертву необходимым сакральным статусом¹⁵, то в последнем случае «жрец» и «жертва» часто объединяются. Бог сам приносит себя в жертву. В чем смысл последнего акта? Возможно, в нем отражен некоторый архетипический алгоритм. Ведь и глав-

¹³ Мосс М. Социальные функции священного. СПб., 2000. С. 103.

¹⁴ Мосс М. Очерк о даре // Общества. Обмен. Личность: Труды по социальной антропологии. М., 1996.

¹⁵ Прусаков Д. Б. Альтернативные подходы к проблеме древнейшего государства в Египте // Государство на Древнем Востоке. М., 2004. С. 147.

ной функцией жреца было придать жертве «божественный статус». При этом жертва «уничтожается», что на самом деле означает, что она переходит в мир иной: обретя «божественный» статус, жертва становится частью божественного мира.

В цепочке «растение — животное — человек» возрастающим признаком является проявление в жертве божественного начала. Потому-то его логическим завершением и является само божество.

Усилия, которые требуются, чтобы придать «божественный» статус растению, намного больше, чем животному или человеку. В случае с богом происходит своего рода «внутренний круговорот» божественности, отражающий некоторую необходимую (?) динамику божественного мира. Получается, что, в представлении людей, сакральный мир нуждается в постоянном «перетекании» божественной энергии, и у людей здесь оказывается особая миссия. Только они могут совершать жертвоприношения и тем самым укреплять божественный порядок. Потому боги и создают людей, что без них возникает «застой в движении крови в божественном организме». В этом смысле жертва — это еще и важнейший «посредник» между миром людей и богов. Если не будет «уничтожена» она, то будет уничтожен (т. е. приобщен к сакральному миру) сам жертвователь¹⁶.

В акте жертвоприношения есть целый ряд важных социальных составляющих: «Сакральные объекты, в сфере которых функционирует жертвоприношение, — это социальные объекты»¹⁷. Во-первых, жертва легитимизирует права собственности (коллектива или личности). У нас это сохранилось в обычае «обмывать» покупку. Пока ритуал «выкупа» не совершен, вещь не принадлежит владельцу и, соответственно, может быть им утрачена. Дело в том, что сакральные силы выступают в роли главного источника жизненных благ и жизни как таковой. И если их не «поблагодарить», они могут «разгневаться». Кстати, в этой связи понятно, почему покупку нужно именно «обмыть», а не только «объесть». Алкоголь — мощнейшее психоделическое средство. Употребляя его, участники «ритуала» приобщаются «сакральной природе». Они становятся своего рода «жрецами», которые выполняют роль «богов», принимающих жертвенный дар.

Можно ли делать это без алкоголя? Наверное да, но гораздо труднее; так же, как трудно придать «божественный статус» расте-

---

¹⁶ Мосс М. Социальные функции священного. СПб., 2000. С. 101.

¹⁷ Там же. С. 103.

ниям. Поэтому трудно себе представить безалкогольную вегетарианскую свадьбу. Люди, отказывающиеся от коллективных празднеств, должны быть очень духовны. Иначе сакральные силы их «накажут» за отказ от «энергообмена». Но и наоборот. Люди, обладающие повышенной духовностью, должны сторониться «массовых радений». В этом смысл обособления мистиков от общества. Когда возникает идея разрыва между профаническим и сакральным миром, тогда же формируется представление о противоречии между социальным и сакральным порядком¹⁸. Мистики традиционно не ставили перед собой задачу преобразовать социальный строй своего времени. Их стремления были в гораздо большей степени индивидуалистичны. Вот почему еще мы связываем появление данного феномена с началом в истории человечества «Осевой эпохи».

С какого момента следует начинать отсчет истории еврейской мистики — проблема, не имеющая на данный момент решения из-за отсутствия ранних источников. Можно пытаться увидеть элементы мистики в Новом Завете: чудеса, заявления Иисуса: «Я и Отец — одно», претензия на новое Откровение («новый Синай»), проистекающий отсюда конфликт с ортодоксами, отказ от социальной борьбы: «Царствие мое не от мира сего». И все-таки Иисус — «Царь, управляющий миром», поскольку реальная власть над миром принадлежит Царю Небесному. Свое собственное тело Иисус уподобляет Храму, поэтому, видимо, не случайно его казнь происходит именно в Иерусалиме. И можно только догадываться, каким в представлении мистиков, должен при этом быть уровень «энергообмена»!

Но, по всей видимости, активно развиваться еврейская мистика начала после разрушения 2 Храма (70 г. н. э.). Если бы не изгнание, жертвоприношение в Храме еще долго могло бы оставаться основной формой общения евреев с сакральным миром. Каббалистам было недостаточно общаться с Всевышним и через «текст» — то, что предлагал фарисейский вариант иудаизма, ставший в условиях отсутствия Храма мейнстримом, по которому пошло развитие еврейской традиции с рубежа н. э. Каббалисты жаждали непосредственного индивидуального контакта с сакральным миром. И нам, как ученым, остается лишь гадать, действительно ли они его получили...

---

¹⁸ *Айзенштадт Ш.* «Осевая эпоха»: возникновение трансцендентных видений и подъем духовных сословий // *Ориентация — поиск: Восток в теориях и гипотезах.* М., 1992.

СРЕДНЕВЕКОВЬЕ В ИДЕЯХ И ОБРАЗАХ

О. Г. ЭКСЛЕ

БЕДНОСТЬ И ПРИЗРЕНИЕ БЕДНЫХ ОКОЛО 1200 ГОДА

К ВОПРОСУ О ПОНИМАНИИ ДОБРОВОЛЬНОЙ БЕДНОСТИ
ЕЛИЗАВЕТЫ ТЮРИНГСКОЙ

Contraria contrariis curare
(Елизавета Тюрингская)

I

Когда Иоанн Креститель прослышал о деяниях Иисуса из Назарета, он послал двоих из своих учеников спросить у него, тот ли он, который должен прийти, или ожидать им другого. В ответ он получил достоверные сообщения о множестве чудесных знаков: слепые прозревают и хромые ходят, прокаженные очищаются и глухие слышат, мертвые воскресают и нищие благовествуют (*pauperes evangelizantur, πτωχοὶ εὐαγγελίζονται*); и добавил Иисус посланцам: *Блажен, кто не соблазнится о Мне*¹.

Для язычника — греческого или римского читателя этого текста в конце I столетия новой эры — смысл этого возрастающего в своей эмоциональной силе свидетельствования был абсолютно понятен и в то же время в высшей степени предосудителен. В религиях античного Средиземноморья чудесные воскрешения мертвых и исцеления болящих не были чем-то необычным². Необычной и скандальной, напротив, была благая весть беднякам (*pauperes, πτωχοὶ*)³. Как *πτωχοὶ* обозначали в те времена именно тех людей,

---

¹ Matth. 11: 2 ff; Luk. 7:18 ff. Подробный комментарий см.: *Schulz S. Q* — die Sprachquelle der Evangelisten. Zürich, 1972. S. 190 ff.

² *Grant M.* Miracle and Natural Law in Greco-Roman and Early Christian Thought. Amsterdam, 1952; *Schneider C.* Geistesgeschichte des antiken Christentums. München, 1954. Bd. 1. S. 531 ff.

³ Ср.: «Блаженные нищие духом, ибо их есть Царство Небесное»

которые не могли постоянно заботиться о своем пропитании, например, нищих или тех, кто перебивается случайными заработками⁴. Евангельское «блаженные нищие», по сути своей, не могло быть частью представлений греко-римского мира⁵. Сам по себе физический труд считался античными авторами чем-то позорным и деклассирующим⁶. Действительно, те, кто не мог регулярно кормиться физическим трудом, были социально деклассированы. «Суждение античности о богатстве, — как установлено, — было абсолютно однозначным и несложным. Богатство было необходимым, богатство — это хорошо; оно — неперемное условие приятной жизни, и это, собственно, все»⁷. Неотъемлемой частью приятной жизни был также и социальный престиж, в свою очередь, недостижимый без свободы от физического труда. Только муза делала возможным политическую деятельность и, сверх того, этическое совершенствование⁸. Противопоставление «богатый» и «бедный» означало отделение тех, кто жил своим состоянием, от тех, кто добывал свой хлеб каждодневным трудом⁹. Данное противопоставление лежало в основе всей античной рефлексии о социальных «сословиях» (*ordines*)¹⁰.

Распространение христианства и его Евангелия принесло новую позитивную оценку физического труда и бедности и повлекло за собой, по сравнению с античными представлениями, решительные и глубокие изменения¹¹. Они проявлялись в том, что сама про-

---

(Matth. 5:3; Luk. 6:20); Keck L.E. Art. "Armut III" // Theologische Realenzyklopedie. Berlin, 1979. Bd. 4. S. 76 ff.

⁴ Finley M. I. Die antike Wirtschaft. Berlin, 1977. S. 38; 80.

⁵ Ebd. S. 34.

⁶ Ср.: Oexle O. G. Art. „Stand, Klasse“ (Antike und Mittelalter) // Geschichtliche Grundbegriffe / O. Brunner, W. Conze, R. Kosellek (Hg.). Stuttgart, 1979. Bd. 5. S. 163 f.

⁷ Finley M. I. Die antike Wirtschaft. S. 31.

⁸ Aristoteles. Pol. 7, 9, 1329a; 3, 5, 1278a.

⁹ Об этом подробнее: Vischer R. Das einfache Leben. Göttingen, 1965. S. 30 f.; Finley M. I. Die antike Wirtschaft. S. 38.

¹⁰ Особенно наглядно и впечатляюще высказывался об этом Цицерон (De officiis. 1, 42, 150-151).

¹¹ Корни христианского воззрения на труд и бедность в древнем иудаизме (включая и *pauperibus evangelizare*, Лук. 4:18; Ис. 61:1f.) не нуждаются в подробных разъяснениях, поскольку речь здесь идет о распространении в целом и повсеместном укоренении новых норм.

поведь Евангелия была обозначена как труд и приравнивалась к труду физическому¹², и апостолы Христа могли трудиться на nive возвещения благой вести только как бедняки¹³. Тем самым были отмечены все античные представления о бедности, труде и «сословиях»¹⁴. Кроме того, на почве осуждения богатства¹⁵ появилась обязанность заботиться о бедных, в такой форме неведомая ни греческой, ни римской Античности¹⁶. Так христианство стало «принципом в высшей степени духовной, но также и материальной, и правовой, и институциональной революции»¹⁷ — правда, не сразу и не так уж непосредственно, а постепенно, в течение последующих столетий. Воздействие этой «революции» проявилось только в ходе длительного процесса. Причина его замедленности состояла, во-первых, в том, что с самого начала особенностью христианства была «внутренняя сопряженность консервативных и революционных элементов»¹⁸; при этом наличие «консервативных элементов» изначально обуславливалось ожиданием близкого конца света — *ибо проходит образ мира сего* (I Cor. 7:31).

Во-вторых, имело место глубокое расхождение с распространенными в Античности и обоснованными такими высокоавторитетными мыслителями, как Платон, Аристотель и Цицерон, социальными нормами. Таким образом, дискуссиями о труде и бедности с начала христианской эпохи и во все последующие столетия позд-

¹² Апостол есть труженик; он работает для урожая («...жатвы много, а делателей мало; итак молитесь Господина жатвы, чтобы выслал делателей на жатву свою» (Matth. 9:37; Luk. 10:2)), Апостол также работник на винограднике («ибо Царство Небесное подобно хозяину дома, который вышел рано поутру нанять работников в виноградник свой». Matth. 20:1 ff., 21:28); и труд его достоин вознаграждения («ибо трудящийся достоин пропитания». Matth. 10:10; Luk. 10:7).

¹³ «Не берите с собою ни золота, ни серебра, ни меди в поясы свои...». Matth. 10:9 f; Luk. 10:3 f; Mark. 6:8.

¹⁴ Об этом точно высказался Э. Ауербак: *Auerbach E. Mimesis. 2. Aufl. Bern, 1959. S. 43 ff; Oexle O.G. Art. „Stand, Klasse“ (Antike und Mittelalter).*

¹⁵ *Hengel M. Eigentum und Reichtum in der frühen Kirche. Stuttgart, 1973. S. 31 ff.*

¹⁶ *Veyne P. Le pain et le cirque. Paris, 1976. P.44 ss.*

¹⁷ *Troeltsch E. Die Soziallehren der christlichen Kirchen und Gruppen. Aalen, 1965. S. 80.*

¹⁸ *Ebd.*

ней Античности и Средневековья сопровождался чрезвычайно интенсивный процесс, в котором значительную роль сыграли как духовные споры, так и социальные движения самого разного рода. Речь при этом постоянно шла о контрасте между специфически христианской оценкой «бедности» и «труда» и постоянно появляющимися новыми «сословными» членениями общества, оправданность которых ставилась ею под сомнение.

Важно четко осознавать, что в данной религиозно мотивированной постановке проблемы бедности речь шла не об отличиях двух разных форм бедности — «духовной и добровольной», с одной стороны, и «материальной и вынужденной», с другой¹⁹. В гораздо большей степени речь постоянно шла о проблеме реальной бедности, т. е. о том, в какой степени принимаемая добровольно, из религиозных побуждений, бедность должна была быть радикальной реальной бедностью, в какой мере добровольно принявший на себя обет бедности человек строил свою жизнь по образцу бедных

---

¹⁹ Flood D. Art. „Armut VI“ // Theologische Realenzyklopedie. 1979. Bd. 4. S. 88; Lindgren U. Europas Armut. Probleme, Methoden, Ergebnisse einer Untersuchungsserie // Saeculum. 1977. Bd. 28. S. 396-418. Так, для Линдгрена представление о бедности Франциска Ассизского было «не имитацией реального бедняка его эпохи, а стилизацией (!) себя по образцу апостолов» (С. 397). То, что Франциск понимал под *paupertas*, и то, что на деле представляла собой бедность, «было нечто абсолютно различное», и ошибочно (!) смешиваемое между собой только вследствие одинакового названия» (С. 400). Франциск «отринул социальную реальность благодаря спиритуализации бедности» (С. 401). Еще одна работа (Bosl K. Potens und Pauper // Begriffsgeschichtliche Studien zur gesellschaftlichen Differenzierung im frühen Mittelalter und zum „Pauperismus“ des Hochmittelalters / Festschrift für O. Brunner. Göttingen, 1963. S. 60-87) дает весьма оригинальные идеологические и критические разъяснения проблемы бедности добровольной, мотивируемой религиозно, отличающейся от бедности реальной: «Призыв (Петра) Вальдеса и Франциска, которые происходили из богатого купечества, был обращен к богатым (*divites et superbi*), которых они хотели обратить в свою веру. Помочь беднякам экономически они вовсе не хотели <...> Обращение к *paupertas* и *humilitas (abiectio)* имело истинный смысл только для тех, кто на деле не был ни *pauperes*, ни *humiles*; движение добровольной бедности в высокое Средневековье охватывало могущественные и богатые верхи, которые внутренне видели свое предназначение в том, чтобы давать своим примером религиозные и этические образцы низшим сословиям и таким образом сохранять свой социальный <...> и политический престиж» (С. 76).

в материальном и в общем социальном смысле²⁰. Этот вопрос стоит в центре проблематики бедности в Средние века, прежде всего в дающем о себе знать с XI столетия движении добровольной бедности. В силу этой тесной связи между добровольной и вынужденной бедностью, свидетельства о добровольной бедности оказываются особенно ценными для нашего знания о бедности вынужденной²¹, о которой прямых свидетельств, особенно из эпохи раннего и высокого Средневековья, сохранилось крайне мало.

В движении добровольной бедности высокого Средневековья вопрос о бедности связывается с темой физического труда. Для Франциска Ассизского ручной труд был элементарной составляющей состояния «быть бедным»²². Для доминиканца Фомы Аквинского «бедность» определялась именно физическим трудом: «работники за вознаграждение, которые отдают в наем свою рабочую силу, суть бедняки, добывающие себе каждодневное пропитание ручным трудом»²³. Это определение вполне могло бы исходить и от Аристотеля.

Так же и в жизни Елизаветы Тюрингской эта последовательная установка на добровольную бедность приводит к реальной бедности и физическому труду, что неизбежно должно было закончиться для нее конфликтом со своим сословием. Поскольку то, что делала Елизавета, было для него в высшей степени «неприличным»

²⁰ Близость добровольной и вынужденной бедности стала исходным пунктом для исследований французских ученых о бедности в Средние века: *Mollat M. En guise de préface: Les problèmes de la pauvreté / M. Mollat (Ed.). Études sur l'histoire de la pauvreté. Paris, 1974. Vol. 1. P. 11-30 (P. 12). См. также прим. 63.*

²¹ Именно это и оспаривает Линдгрэн, которая сама же предложила изучать бедность с точки зрения заботы о бедных (см. прим. 19. С. 404). Этот подход Линдгрэн хотела бы ограничить изучением госпиталей, т.е. институционализированными формами милосердия (с. 410 и след.). Но с точки зрения социальной истории оснований для этого нет.

²² Ср. также: *Regula bullata. Cap. 5; Regula non bullata. Cap. 7, 8 / Esser K. (Hg.) Die opuscula des hl. Franziskus von Assisi. Grottaferrata, 1976. S. 368, 383 f. Подробный комментарий этих глав см.: Esser K. Die Armutsauffassung des hl. Franziskus / D. Flood (Ed.). Poverty in the Middle Ages. Franziskanische Forschungen. Bd. 27. 1975. P. 60-70. (P. 61).*

²³ *Mercenarii qui locant operas suas, pauperes sunt, de laboribus suis victum quaerentes quotidianum. (Summa theol. II/1, qu. 105, 2 ad 6). Эта связь бедности и труда встречается у Фомы Аквинского отнюдь не «в первый раз», как полагал Шерпнер (Schepner H. Theorie der Fürsorge. 1962. S. 31).*

в самом прямом смысле слова. Именно противоречие между «бедностью, трудом» и «сословием» является тем фактором, который обусловил почти невероятное воздействие этой женщины на современников уже при жизни, а еще более — после смерти: Елизавета вплоть до сего дня считается символом «христианской помощи бедным и больным в немецком Средневековье»²⁴.

Елизавета Тюрингская была дочерью венгерского короля, в 14 лет вышла замуж за одного из могущественнейших немецких князей, произвела на свет троих детей и в возрасте 20-ти лет овдовела. Она была изгнана из дома родственниками и в 1231 г. умерла от физического измождения в возрасте 24-х лет. Эта молодая женщина пережила конфликт «бедности» и «сословия» самым непосредственным образом, поскольку даже в первой половине XIII в. бедный человек оставался многократно и многообразно диффамированным и деклассированным человеком. Восходящий к эпохе Елизаветы трактат *Moralitas de scaccario*, истолковывающий устройство общества и деление его на сословия посредством метафор из сферы шахмат, сравнивает бедняка (*pauper*) с шахматной фигурой «пешка» (*pedinus*), чьи ограниченные возможности ходов отражают реальную ситуацию бедняка и, прежде всего, его духовное убожество и моральную неполноценность: «пешки», как здесь говорится, это бедняки, которые могут передвинуться со своего поля только на ближайшее. Поскольку если бедняк коснеет в своей глупости и [материальной] скудости, то он живет все время «прямолинейно», как говорится, «из руки в рот». Если же бедняк (т.е. «пешка») все-таки хочет что-то получить (т.е. уничтожить другую фигуру), то движется вперед по диагонали; поэтому если он (т.е. бедняк) хочет получить собственность или выдающееся положение (*honores*), то идет непрямым путем (*obliquat*), получая желаемое ложными клятвами, лестью и обманом, пока наконец не превратится в фигуру самого высокого ранга»²⁵. Как видим, в этом трактате, как и в Античности²⁶, бедность связывается с безнравственностью,

²⁴ *Wollasch J.* Gemeinschaftsbewußtsein und soziale Leistung im Mittelalter // Frühmittelalterliche Studien. Bd. 9. 1975. S. 268-286 (S. 284).

²⁵ *Murray H. J.* A History of Chess. Oxford, 1913. S. 561. Последняя фраза заканчивается указанием на возможность превращения «пешки» в самую ценную фигуру — «королеву».

²⁶ *Lindgren U.* Europas Armut. S. 399 f.

даже с преступлениями²⁷. Подобного рода воззрениям Елизавета противопоставила свою полную идентичность с бедными. Она жила, как свидетельствует ее бывшая служанка Изентруда, не только состраданием (*compassio*) и благотворительностью (*largitio*), но и своим физическим трудом (*labor*) служила бедным²⁸.

Тем самым ее жизнь стала скандалом в глазах всех тех, кому она могла показаться жизнью «не по рангу». Уже ребенком Елизавета была при Тюрингском дворе предметом насмешек и издевок²⁹, как невеста — объектом презрения и враждебности со стороны родственников, вассалов и советников ее будущего супруга, которые не воспринимали эту девушку как подходящую для него партию, несмотря на ее высокое происхождение³⁰. После их свадьбы в Вартбурге находили особенно предосудительным ее отказ брать еду и напитки, несправедливо вытребованные у крестьян³¹. Этим

²⁷ Ср.: *Batany J.* Les pauvres et la pauvreté dans les revues des „Estats du Monde”/ M. Mollat (Ed.). Études sur l’histoire de la pauvreté. Vol. 2. P. 469-486.

²⁸ A. Huyskens (Hg.). Der sog. *Libellus de dictis quatuor ancillarum s. Elisabeth confectus*. 1911 (далее в примечаниях как *Libellus*). S. 26: <...> *intrans viles camerulas eorum (sc. infirmorum) et sordes eorum non abhorrens, attulit eis necessaria, consolans eos, triplicem captans remunerationem ex labore, ex compassione et ex largicione*. Об этом тексте см. также: *Vaucher A.* Charité et pauvreté chez sainte Elisabeth de Thuringe, d’après les actes du procès de canonization / M. Mollat (Ed.). Études sur l’histoire de la pauvreté. Vol. 1. P. 163-173 (P. 166), который акцентирует спиритуальное значение *labor* как унижения (*humiliation, self-humiliation*. P. 173). При этом без внимания остаются другие существенные моменты, имплицитные в понятии *labor* в этом тексте.

²⁹ *Libellus*. S. 14 f.

³⁰ Ebd. S. 15.

³¹ Критерием для того, чтобы решить, можно ли потреблять эти пищу и напитки (*cibus* или *potus licitus; epulae impiae*)? стала для нее законность или несправедливость получения их от подданных (*servitia villicorum*) (*Libellus*. S. 18-20). В исследованиях это поведение часто интерпретируется ошибочно. Речь в шла не о церковно-политических интересах Конрада Марбургского, который использовал Елизавету в своих целях, что доказано в: *Grundmann H.* Religiöse Bewegungen im Mittelalter. Darmstadt, 1961. S. 196 (1. Aufl. 1935). Тезис этот позже был повторен: *Maurer W.* Zum Verständnis der heiligen Elisabeth von Thüringen // *Zeitschrift für Kirchengeschichte*. Bd. 65. 1953/54. S. 16-64 (S. 31 f); *Idem.* Kirche und Geschichte. Gesammelte Aufsätze. Göttingen, 1970. Bd. 2. S. 247 ff.; а также у А. Воше (*Vaucher A.* Charité et pauvreté chez sainte Elisabeth de Thuringe, d’après les actes du procès de canonisation. P. 168-170.), где он был в конечном итоге отклонен. Пример поведения, подобного поведе-

отказом Елизавета провоцировала рыцарей и министерялов, словом, весь «дом», всю *familia* ландграфа, ибо таким образом ставила под сомнение само собою разумеющиеся сословные нормы³². Предубеждение против нее имело место также и за пределами двора³³, хотя Елизавета старалась скрывать мотивы своего поведения. После смерти ландграфа она вообще отказалась от того, чтобы получать свое содержание ценой эксплуатации и выжимания доходов из бедных (*de preda et exactione pauperum*)³⁴, как это было принято в те времена, и предпочла обеспечивать себя трудом своих рук. Она также отвергла предложение брата своего мужа обеспечивать ей соответствующий ее сословному положению стол³⁵. основополагающую для мышления того времени идентичность сословия и платья Елизавета тоже игнорировала. В княжеском одеянии (*in habitu glorie saecularis*) она собственноручно подстригала затвердевшие от грязи волосы безобразному и больному бедняку³⁶, отправлялась в церковь на обряд очищения после родов не в большой карете, дорогостоящих одеждах и с многочисленной свитой, как это было принято, а в одиночестве, бедно одетая и босая³⁷. В церковных процессиях в дни испрошений она также шла босая, в простом шерстяном платье, и не в той части процессии, где ей полагалось быть по рангу, а в толпе наибеднейших³⁸. Когда после смерти ландграфа 11 сентября 1227 г. Елизавета с детьми, младший из которых родился в том же месяце, была изгнана из Вартбурга³⁹, она

нию Елизаветы, находим почти в то же время и у епископа Петра Иврейского, аббата Ла Ферте, который в 1205 г., по указанию папы Иннокентия III, перенял епископскую кафедру, но уже через несколько дней «вновь укрылся в одиночестве», поскольку Церковь среди прочего «владела доходами, которые он счел несправедливыми». См. об этом: *Tillmann H. Papst Innozenz III / Bonner historische Forschungen. Bd. 3. Bonn, 1954. S. 253, особенно прим. 119.*

³² *Libellus*. S. 18; Ср. также с высказыванием самого ландграфа (S. 19).

³³ *Ebd.* S. 21.

³⁴ *Ebd.* S. 63.

³⁵ О социальном фоне этой ситуации см.: *Werner M. Die Heilige Elisabeth und die Anfänge des Deutschen Ordens in Marburg / D. Dettmering, R. Grenz (Hg.). Marburger Geschichte. Marburg, 1980. S. 121-164 (S. 124 f.).*

³⁶ *Libellus*. S. 17.

³⁷ *Ebd.* S. 24.

³⁸ *Ebd.* S. 25.

³⁹ *Ebd.* S. 33; *Werner M. Die Heilige Elisabeth und die Anfänge des Deut-*

нашла пристанище сначала в Айзенахе в сарае одной харчевни, который прежде использовался как свинарник⁴⁰. Ни один богатч не отважился тогда взять ее в свой дом, и когда, наконец, это все-таки произошло, она довольствовалась убогим жилищем и подвергалась вместе с детьми многочисленным проявлениям враждебности⁴¹. Оскорбления (*detractiones*), преследования (*persecutiones*) и гнет (*oppressiones*), которые она претерпевала от высокопоставленных персон — вассалов и родственников ее покойного мужа — постоянно всплывающий мотив ее биографии⁴². Поведение Елизаветы казалось таким неудобным и неподходящим, что его стали объяснять — чтобы вообще хоть как-то объяснить — как следствие умственной неполноценности, даже душевной болезни: «От сильных этой страны она вынуждена была сносить насмешки и презрение, так что ее близкие не хотели ни видеть ее, ни слышать; они считали ее безумной за то, что она отвергла мирское богатство, и насмеялись, и издевались над ней самыми разными способами»⁴³. Это «превалирующее мнение придворного круга» вполне могло стать причиной того, что при помощи далеко не малой финансовой компенсации была создана предпосылка для того, чтобы бывшая ландграфиня, «рассматриваемая как нелюбимая и неспособная персона», наконец, могла быть «удалена» в Марбург, поскольку ее пребывание в Тюрингии беспрестанно компрометировало родственников и двор⁴⁴.

В литературе острота конфликта между «бедностью» и «трудом», с одной стороны, и «сословием», с другой, многократно сглаживалась вследствие позднейшего ретуширования образа Елизаветы Тюрингской, когда ее жизнь изображалась непозволительно приукрашенной, или когда она провозглашалась «самой излюбленной из всех немецких святых», «которая, однако, столь полно соот-

---

schen Ordens in Marburg. S. 125.

⁴⁰ *Libellus*. S. 33.

⁴¹ *Ebd.* S. 34.

⁴² Ср.: *Libellus*. S. 35; 50.

⁴³ *Ebd.* S. 45: *A magnatibus autem hominibus terre contumelias, blasphemias et magnum contemptum sustinebat, ita quod sui nec alloqui nec videre eam curarent, stultam eam reputantes et insanam, quia divitias mundi abiciebat, insultantes et infamantes eam multipliciter.*

⁴⁴ Подробнее, также о правовой подоплеке этой ситуации см.: Werner M. Die Heilige Elisabeth und die Anfänge des Deutschen Ordens in Marburg. S. 122-129.

ветствовала штауфеновскому рыцарскому идеалу благородной дамы — *edlen frouwe*⁴⁵. Но Елизавета Тюрингская не была ребенком всю свою жизнь и не воплощала в себе образ той благородной дамы, который в XIX и даже еще в XX вв. столь охотно связывали со знаменитой фигурой Уты фон Наумбург⁴⁶. Образ жизни Елизаветы, ее установки и формы поведения в отношении к бедности и бедным так же не сравнимы и с обычной для дам из знатных, княжеских или королевских домов IX–XII вв. благотворительностью⁴⁷. С этой формой призрения бедных, «приличествующей сословию» и известной нам по множеству примеров⁴⁸, Елизавета Тюрингская имела крайне мало общего.

Упрек в умственной ущербности, даже в душевной болезни, указывает на то, что поведение Елизаветы следует отнести к тому новому типу «образцовой жизни», который появляется только около 1200 г., и только к этому моменту мог появиться: это тот чело-

⁴⁵ Ср.: *Hofmann H.H.* Der Staat des Deutscheisters/ Studien zur bayerischen Verfassungs- und Sozialgeschichte. Bd. 3. München, 1964. S. 62. Что эта оценка «столь же неточна, сколь и неуместна», показал М. Вернер: *Werner M.* Die Heilige Elisabeth und die Anfänge des Deutschen Ordens in Marburg. S. 124, особенно прим. 18.

⁴⁶ Об этом см.: *Sauerländer W.* Die Naumburger Stifterfiguren. Rückblick und Fragen / R. Hausserr, Ch. Väterlein (Hg.). Die Zeit der Staufer. Katalog der Ausstellung, Stuttgart, 1977 (Bd. 5. Supplement: Vorträge und Forschungen). Stuttgart, 1979. S. 169-245 (S. 169 ff.).

⁴⁷ Ср. описание благотворительной деятельности королевы Матильды (ум. 936) в ее житиях или в составленном клюнийским аббатом Одилоном житии королевы Адельгейды (ум. 999), а также в житии королевы Матильды (ум. 1167) Ордерика Виталия. Идея заботы о бедных как королевского долга формулируется еще в VIII–IX вв. (ср. далее прим. 118). То же самое относилось и к знати, как свидетельствует обращенный к сыну знаменитый трактат графини Дуоды (IV, 9) в 841/843 гг., изданный П. Рише (*Riché P.* Sources chrétiennes 225. Paris, 1975. P. 256 ss.).

⁴⁸ Экстремальным примером практики призрения бедных знатно можно считать деятельность графа Геральда из Аурилака, описанную в его житии клюнийским аббатом Одо. Одо характеризует его как *potens et dives*, т.е. человека, который остался внутри своего сословия (*ordo*), но при этом помогал бедным средствами, доступными именно в силу принадлежности его к сословию знати: *quippe licenter suo ordini concessis utebatur, quoniam et ab illicitis abstinebat, et cum pauperibus vescebatur* (Vita s. Geraldii. II Praef. / Migne, Patrologia latina. T. 133. Coll. 669).

век, который по причинам религиозным делает из себя «идиота» (*idiotia*). Причем под этим словом — *idiotia* — понимается как невежество и отказ от духовной самореализации, так и вообще отказ от общественного статуса и того, что сегодня мы бы назвали «релевантностью». Конечно, для этой добровольно взятой на себя социальной роли также существует предзаданная новозаветная норма: она появляется в высказываниях апостола Павла о «юродстве проповеди [благой вести]» (1 Кор. 1: 21) и об истинном христианстве как о «немудром» в глазах мира, о том, что Бог избрал именно «не мудрых», «не сильных» и «не благородных», он избрал «незнатное мира и уничиженное и ничего не значащее» (1 Кор. 1: 26-29)⁴⁹. После того как в XII в. еретики были уничижительно названы *idiotae* и *illitterati*⁵⁰, около 1200 г. «идиот» появляется как фигура в движении добровольной бедности. Один из наиболее выдающихся представителей этого движения Жак де Витри (ум. 1240), о личности и сочинениях которого более подробно речь еще пойдет ниже⁵¹, пожалуй, первым изобразил этот новый тип в образе деревенского священника Фулько из Нейи (ум. 1202), который добывал для бедных хлеб, убедительно проповедовал (был также и проповедником крестовых походов) не только во Франции, но и в далеких частях империи, особенно заботился о проститутках и основал много госпиталей⁵². Но прежде всего Фулько был, как особенно подчеркивает Жак де Витри, *simplex valde et illitteratus* — очень простодушный и необразованный, был *pauper et illitteratus, ydiota et illitteratus*, «необразованный идиот», словом, человек, не имевший значения для общества, поскольку ему не хватало учености и знаний. Однако Бог избрал именно его, поскольку образованные и имеющие социальный вес люди не годятся для поручения Господа в отношении бедняков.

⁴⁹ Библейское обоснование этого нового типа покоится также на имеющем место у апостола Павла образе истинных христиан как слабых, униженных, претерпевающих голод и жажду, живущих трудом своих рук и «немудрых (*stultus*) во имя Господа» (1 Кор. 4:8 ff.). Ср. далее обозначение апостолов в «Деяниях» как *homines sine litteris et idiotae* (Apg. 4:13).

⁵⁰ Ср.: Grundmann H. Litteratus — illiteratus // Archiv für Kulturgeschichte. Bd. 40. 1958. S. 1-65 (S. 54, 56).

⁵¹ См. раздел IV данной работы.

⁵² J. F. Hinnebusch (Hg.). The Historia Occidentalis of Jacques de Vitry (Spicilegium Friburgense 17). Fribourg, 1972. P. 89-94. Цитата на с. 89-90; 95.

Также и Франциск Ассизский характеризуется Жаком де Витри как *vir simplex et illitteratus*⁵³, и сам Франциск представлялся «идиотом»: «я невежда и идиот (*ignorans sum et idiota*)», писал он в послании к своим последователям-францисканцам. В своем духовном завещании он так высказался о себе и своих спутниках: «были мы идиоты и всем подвластны (*et eramus idiotae et subditi omnibus*)»⁵⁴.

Как Фулько из Нейи и Франциск Ассизский, Елизавета Тюрингская около 1200 г. воплощала собой этот новый тип⁵⁵. Следует заметить, что Елизавета отнюдь не была слабоумной — скорее напротив. Никто иной как ее духовник Конрад Марбургский назвал Елизавету «без сомнения в высшей степени умной женщиной» (*mulier indubitanter prudentissima*)⁵⁶. Она, идентифицируя себя с бедными, добровольно представлялась слабоумной и демонстрировала это также и своим одеянием: серое платье движения добровольной бедности, которое она обыкновенно носила, благодаря надставленным кускам и нашитым заплаткам других цветов стало столь пестрым, что окружающим это казалось курьезным⁵⁷.

То обстоятельство, что тип «идиота» возникает именно около 1200 г., конечно же, не случайно, а связано с процессом возникновения нового тогда слоя образованных и профессионально обученных людей. Корни этого процесса многообразны, к ним нужно причислить рецепцию римского права и философии Аристотеля в течение XII столетия, и новую потребность в квалифицированных

⁵³ *Historia Occidentalis*. Cap. 32 / J.F. Hinnebusch (Hg.). *The Historia Occidentalis of Jacques de Vitry*. P. 161.

⁵⁴ *Epist. toti ordini missa* 39; *Testamentum* 19. (Esser K. *Die Armutsauffassung des hl. Franziskus*. S. 262; 440). Ср. также: *Grundmann H. Litteratus — illiteratus*. S. 55 f.

⁵⁵ Здесь следует добавить, что «идиот», как он понимался в движении добровольной бедности, означает указание на истинное богатство. Эта идея в последующие столетия обрела необычайную значимость как в религиозно-историческом аспекте, так и в аспекте истории философии и науки в целом. Ср. об этом: *De Gandillac M. Nikolaus von Cues*. Düsseldorf, 1953. S. 45 ff; *Rombach H. Substanz, System, Struktur*. Freiburg, 1965. Bd. 1. S. 147, особ. прим. 3, где автор констатирует связь между идеями Николая Кузанского и Эразма, Галлилея, Монтеня, Декарта и, наконец, Лессинга и Киркьегора, и далее — до «идиота» князя Мышкина у Достоевского.

⁵⁶ См. прим. 192.

⁵⁷ *Libellus*. S. 65 ff; 43.

специалистах в определенных профессиях, прежде всего в юристах и теологах⁵⁸. Возникновение первых университетов в Париже и Болонье около 1200 г. тоже является своеобразным индикатором этого процесса и одновременно его в высшей степени значительным фактором⁵⁹. Около 1200 г. появляется и новый тип властителя (*potens*): это человек, который пользуется влиянием и властью благодаря своим знаниям. Именно этому типу противопоставили себя *idiotae* как принявшие обет добровольной бедности. Отношение между новой властью, которую дает образование, а также ее представителями и противоположными тенденциями в среде движения добровольной бедности, Жак де Витри пояснил на примере уже упоминавшегося здесь Фулько из Нейи: образованные (*litterati*) — парижские магистры и школяры — попали в плен собственных диспутов и словесных боев, они ослеплены тщеславием их интеллектуального образа (жизни), а потому неспособны помочь бедным⁶⁰. Поэтому они должны быть убеждены проповедью добровольной бедности из уст *pauper et illitteratus* Фулько из Нейи⁶¹. В той же самой роли *homo ydiota* Франциск Ассизский проповедовал в 1222 г. бедность перед *litterati* в университетском городе Болонья⁶².

II

Итак, бедность, как показал предварительный анализ, в Средние века отнюдь не была феноменом исключительно экономическим, а включала разнообразные социальные данности⁶³. Конечно, понятие «бедность» подразумевает материальную нужду: «бедность» — состояние материального недостатка, отсутствия

⁵⁸ Подробнее см.: *Wieacker F.* Privatrechtsgeschichte der Neuzeit. 2. Aufl. Göttingen, 1967. S. 45 ff., *Classen P.* Die Hohen Schulen und die Gesellschaft im 12. Jahrhundert // *Archiv für Kulturgeschichte*. Bd. 48. 1966, S. 155-180.

⁵⁹ *Oexle O. G.* Die mittelalterlichen Gilden: ihre Selbstdeutung und ihr Beitrag zur Formung sozialer Strukturen / *Soziale Ordnungen im Selbstverständnis des Mittelalters*. (Miscellanea Mediaevalia 12/1). Berlin, 1979. Bd. I. S. 203-226, 219 ff.

⁶⁰ *Historia occidentalis*. Cap. 7 / J.F. Hinnebusch (Hg.). *The Historia Occidentalis of Jacques de Vitry*. P. 93.

⁶¹ Ebd. Cap. 8. (P. 95; 100).

⁶² Об этом см. свидетельство очевидца: *Thomas von Spalato*. *Historia pontificum Salonitanorum et Spalatinorum*. Cap. 27 / MGH SS. T. 29. S. 580.

⁶³ Имеются в виду прежде всего исследования по этой теме М. Молла (см. прим. 20 и 27).

средств; «бедный» — это тот, кто *inops* и *egens*⁶⁴. Ему не хватает жизненно необходимого⁶⁵, т. е. он не может кормиться и одеваться из собственных средств, и потому зависит от других. В этом смысле к бедным относятся люди, которые всегда живут на минимальном пределе жизнеобеспечения: перебивающиеся на случайные заработки, например, поденщики, проституирующие. Но поскольку «бедность» — феномен не только материальный, всякое рассмотрение ее, направленное в первую очередь или даже исключительно на экономический аспект бедности⁶⁶, встречает методологические трудности и чревато опасностью упустить из виду другие существенные моменты проблемы бедности в Средние века. Так называемая «граница жизнеобеспечения» не может быть высчитана, по крайней мере для всех эпох⁶⁷, поскольку «материально границу бедности нельзя точно определить ни в аспекте недостатка средств, ни через различие в количестве находящегося во владении»⁶⁸. Второй «порог бедности» образует физическая недееспособность и «отсутствие средств»⁶⁹: поэтому к «бедным» относятся больные, раненые, инвалиды, старики. Определение «бедные» должно быть поэтому еще более широким во всех мыслимых социальных отношениях⁷⁰: «бедными» являются люди, которые постоянно или периодически пребывают в состоянии слабости, нужды, от-

⁶⁴ Используемый для обозначения бедности вокабуляр анализировал Ж. Леклерк: *Leclercq J. Aux origines bibliques du vocabulaire de la pauvreté / M. Mollat (Ed.). Études sur l'histoire de la pauvreté . Vol. 1. P. 35-56.*

⁶⁵ Ср.: *Maschke E. Die Unterschichten der mittelalterlichen Städte Deutschlands / C. Haase (Hg.). Die Stadt des Mittelalters. (Wege der Forschung 245). Darmstadt, 1973. Bd. 3. S. 345-454, 422 ff.*

⁶⁶ Ср.: *Fischer Th. Städtische Armut und Armenfürsorge im 15. und 16. Jahrhundert (Göttinger Beiträge zur Wirtschafts- und Sozialgeschichte 4). Göttingen, 1979. S. 50 ff.*

⁶⁷ Количественную оценку на основании подобного материала можно производить не ранее, чем со второй половины XIV в., что обусловлено, однако, самой историей бедности: *Mollat M. En guise de préface: Les problèmes de la pauvreté. P. 21.*

⁶⁸ *Lindgren U. Europas Armut. S. 403.*

⁶⁹ О «пороге» бедности см.: *Mollat M. En guise de préface: Les problèmes de la pauvreté. P. 15 s.*

⁷⁰ Ebd. P. 12. Подобное подробное определение бедности через противопоставления *dives/potens* и *pauper* можно найти около 1200 г. у Радольфа Арденского. См.: *Mollat M. Op. cit. P. 136 f.*

сутствия достатка, причем речь идет не только об отсутствии физических сил и материального достатка (денег, пищи, одежды), а в целом о недостатке социальной «состоятельности», которая является результатом социального уважения, влияния, умения владеть оружием и правового положения, чувства защищенности посредством социальных связей, а также знаний и политической власти. Поэтому в Средние века «бедный» (*pauper*) противопоставлен не только «богатому» (*dives*), но и могущественному (*potens*). Оппозиция понятий *potens/pauper*, взятая из Библии⁷¹, со времен Каролингов была одной из важнейших мыслительных схем, при помощи которых люди пытались осмыслить и истолковать социальную действительность; она постоянно встречается и в последующие столетия⁷².

Действительность, охватываемая этой мыслительной схемой, была в высшей степени многообразна. Предположение, будто в эпоху Каролингов в оппозиции *potens/pauper* речь шла о понятиях «технических», «официальных» или «чиновничьих», т. е. однозначных, и будто *pauperes* в эти времена были не бедными в экономическом или социальном смысле, а по существу являлись так называемыми «королевскими свободными людьми»⁷³, полностью искажает смысл этих понятий⁷⁴. К *pauperes* в этом всеобъемлющем смысле противопоставления их с *potentes* относились все люди,

⁷¹ Oexle O. G. Die funktionale Dreiteilung der „Gesellschaft“ bei Adalbero von Laon. Deutungsschemata der sozialen Wirklichkeit im früheren Mittelalter // Frühmittelalterliche Studien. Bd. 12. 1978. S. 1-54 (S. 12); Arduini M. L. Biblische Kategorien und mittelalterliche Gesellschaft: „potens“ und „pauper“ bei Rupert von Deutz und Hildegard von Bingen (XI. bzw. XII. Jh.) / Soziale Ordnungen im Selbstverständnis des Mittelalters. (Miscellanea Mediaevalia 12/2). Berlin, 1980, Bd. 2. S. 467-497 (S. 471 ff.).

⁷² Oexle O. G. Die funktionale Dreiteilung der „Gesellschaft“ bei Adalbero von Laon. S. 12, 37. Для более позднего времени см.: Maschke E. Die Unterschichten der mittelalterlichen Städte Deutschlands. S. 352 f.; Arduini M. L. Biblische Kategorien und mittelalterliche Gesellschaft. S. 484 ff.

⁷³ Bosl K. Potens und Pauper. S. 60-64 f.

⁷⁴ Мнение Босла не раз впоследствии подтверждалось и другими учеными. См., напр.: Mollat M. Les pauvres. P. 47: „le pauper carolingien était un homme libre“. Однако уже тогда высказывались и противоположные воззрения: Irsigler F. Divites und pauperes in der Vita Meinwerchi // Vierteljahrschrift für Sozial- und Wirtschaftsgeschichte. 1970. Hft. 57. S. 449-499, S. 449 f.; Boshof E. Untersuchungen zur Armenfürsorge im fränkischen Reich des 9. Jahrhunderts // Archiv für Kulturgeschichte. 1976. Bd. 58. S. 265-339, S. 268 f.

которые жили не под защитой и чьи права были уязвимы, например, одинокие женщины или дети без родителей, которые при отсутствии поддержки подвергались или легко могли быть подвергнуты угнетению. Бесприданницы, пленники — тоже *pauperes*. Сюда же относились все те, кто жил на чужбине и чей правовой статус по этой причине был ущемленным. Это паломники и вообще все путешествующие, но не только они. В законе императора Фридриха I о путешествующих школярах и их наставниках в Болонье 1155 г. эта форма бедности описана весьма досконально. Закон именуется магистров и школяров «бедняками» (*pauperes*), которые «вследствие ученья» и «из любви к науке» отправляются в чужие края, становясь «безродными» (*exules*), «подвергают свою жизнь всевозможным опасностям» и часто вынуждены «без какого-либо основания претерпевать от людей низшего ранга телесные оскорбления»⁷⁵. Поэтому в законе Фридриха, предназначенном помочь в данной ситуации, речь идет не об обеспечении их питанием и одеждой, а в большей степени о защите от всевозможного произвола во время путешествия в Болонью и пребывания там, об обеспечении необходимых прав, в особенности права свободного передвижения и проживания, о защите от «репрессалий» — незаконно применяемых мер коллективной ответственности, к которым не стремились прибегать местные суды. Кроме того, император установил подсудность школяров только их магистру или епископу. Помимо этих конкретных ситуаций «бедность» в Средние века подразумевала также недостаток социальных связей в целом, состояние покинутости и заброшенности⁷⁶. В «Песни о Нибелунгах», возникшей около 1200 г., Дитрих Бернский, потеряв всех своих людей в бою, называет себя «бедным»: *und sint erstorben alle mine man, sô hât mîn got vergezzen, ich armer Dietrich*⁷⁷.

Образовывали ли «бедные» в Средние века «сословие»? Для понятия «бедность» характерно, что оно, с одной стороны, может быть интерпретировано как понятие сословное, но в то же время

⁷⁵ Stelzer W. Zum Scholarenprivileg Friedrich Barbarossas (Authentica „Habitata“) // Deutsches Archiv für Erforschung des Mittelalters. 1978. Bd. 34. S. 123-165; текст там же с. 165; о правовых нюансах с. 153 и сл., 163 и сл.

⁷⁶ Ср.: Stammer W. Art. „arm“ / Handwörterbuch zur deutschen Rechtsgeschichte. Bd. I. Berlin, 1971. S. 223-228.

⁷⁷ Nibelungenlied. Str. 2319 / H. de Boor (Hg.). 14. Aufl. Wiesbaden, 1957. S. 362.

«бедные» не были сословием. В своей совокупности «бедные», бесспорно, не образовывали сословия в том смысле, в каком, например, существовали сословия клира, рыцарей и знати, крестьян, и средневековыми авторами как сословие они рассматривались крайне редко⁷⁸. Причина этого в том, что понятие бедности не связано с сословиями: им обозначается состояние, понимаемое не как абсолютное, а как относительное⁷⁹. «Бедны те, чьих средств не хватает для достижения их целей». «Всякая среда и каждый отдельный социальный слой имеют типичные потребности, невозможность удовлетворить которые означает бедность». Бедность, соответственно, относится к «фиксированным сообразно сословию целям индивида», к «его социальному *a priori*, изменяющемуся от сословия к сословию»⁸⁰. В этом смысле бедность определяется не просто отсутствием жизненно необходимого, а отсутствием необходимого в рамках сословия.

Это состояние бедности манифестируется в тот момент, когда бедный получает и принимает воспомоществование. Поэтому собирающий подаяние нищий отнюдь не символизирует бедного, а только представляет собой пограничный случай: нищий — это тот бедный, который своим поведением заявляет о себе как о бедном⁸¹. Поскольку тот, кто не может удерживаться на должном уровне в своем «сословии», становится «бедным», «бедными» могут быть или стать клирики, рыцари, знать. Подобно тому, как крестьянин, по несчастью потерявший свой дом, плуг или скот, становится бедным, священник, лишившийся места или своей церкви, становится *pauper* и обрекается на презрение⁸². Вероятно, около 1200 г. «бедные» клирики имелись в большом количестве, поскольку церковное законодательство того времени требовало, чтобы таковых не было⁸³. «Бедный» рыцарь был столь же нередким явлением. К

⁷⁸ Batany J. Les pauvres et la pauvreté. P. 469.

⁷⁹ Об относительности понятия «бедность» писал уже в 1908 г. Г. Зиммель: *Simmel G. Soziologie*. 5. Aufl. Berlin, 1968. S. 369. Цит. по: *Mollat M. En guise de préface: Les problèmes de la pauvreté*. P. 12.

⁸⁰ *Simmel G. Op. cit.* S. 369.

⁸¹ Ср.: *Scherner K. O. Das Recht der Armen und Bettler im Ancien Regime // Zeitschrift für Rechtsgeschichte. Germ. Abt.* 1979. Bd. 96. S. 55-99, S. 71 ff.

⁸² См. пример у Жака де Витри в *Historia occidentalis*. Cap. 8 / J.F. Hinnebusch (Hg.). *The Historia Occidentalis of Jacques de Vitry*. P. 99.

⁸³ *Mollat M. Les pauvres*. P. 93 s.

«бедным» принадлежали прежде всего младшие сыновья аристократических семейств; в текстах высокого Средневековья, где они обозначаются как *juvenes*, *pauvres bacheliers* или *milites peregrini*, описывается, как они ездят по округе и пытаются утвердиться, собираясь в группы⁸⁴. Во второй половине XII в. Кретьен де Труа в начале своего романа «Эрек» дал поистине впечатляющее описание «бедного» рыцаря (*vavassor*), который потерял свои владения, поскольку должен был заложить их и продать, а его жена и дочь вынуждены были жить трудом своих рук⁸⁵. Гартманн фон Ауэ около 1190 г. заимствовал этот эпизод для своей версии «Эрека», дополнив его пояснением, что этот рыцарь не всегда жил *armuot* — бедно, поскольку прежде был богатым человеком, но пострадал безвинно, потеряв наследные владения, отобранные могущественными людьми из его же сословия: *er was ein grâve rîche, / vil gar unlasterliche sins erbes verstôzen / von sînen übernôzen*⁸⁶. Приблизительно в это же время парижский магистр и проповедник Петр Кантор рассказывает историю об одном бедном и старом рыцаре (*miles veteranus, debilis et pauper*), который сумел освободиться от своих долгов только благодаря помощи некоего монаха-картезианца, неожиданно расплатившегося за него из доверенной ему монастырской казны, и таким образом владения (*haereditas*) рыцаря были спасены от передачи займодавцу, а его сын — от плена⁸⁷.

Но если в соответствии с вышесказанным понимать «бедность» как индивидуальное выпадение отдельных людей из своего «сословия» или группы, то одновременно существует и возможность рассматривать самих этих индивидов опять-таки как некую целостность⁸⁸. Это возможно не по причине существования опреде-

⁸⁴ *Duby G.* Les „jeunes“ dans la société aristocratique dans la France du Nord-Ouest au XII-e siècle / *Idem* (Ed.). *Hommes et structures du Moyen Age* (Le savoir historique 1). Paris–La Haye, 1973. P. 213–225; *Mollat M.* Les pauvres. S. 86 s.

⁸⁵ *Erec et Enide*. v. 373ff. / *M. Roques* (Ed.). *Les romans de Chrétien de Troyes*. Paris, 1955. Vol. 1. P. 12 ss.

⁸⁶ *Erec*. v. 250 ff. / *A. Leitzmann, L. Wolff* (Hg.). Tübingen, 1963. S. 7 ff.; цитата: стих 402 и сл. на с. 11.

⁸⁷ *Petrus Cantor*. *Verbum abbreviatum* c. 98 / *Migne PL*. T. 205. Sp. 279 f.

⁸⁸ В этом смысле в средневековых источниках различаются применение слова *pauper* как существительного (т.е. «бедные» как таковые) и как прилагательного — *miles pauper, clericus pauper*. Ср.: *Mollat M.* En guise de préface: Les problèmes de la pauvreté. P. 12 s.

ленного количественного показателя недостатка, лишений, беззащитности, незнания и т. д., а потому что, в соответствии с социальными нормами, определенные лица получают или должны получать поддержку и помощь. Так что в конце концов «бедность» дефинируется «по социальной реакции на определенное состояние»⁸⁹, «бедных» как целое определяют установки и поведение тех, кто сам к «бедным» не относится⁹⁰. В свою очередь, эти установки и поведение в разных группах и социальных слоях были различными.

Если бедность определять прежде всего по установкам и поведению тех, кто сам не был беден, то следует предотвратить заблуждение, будто «бедные» рассматривались исключительно как объект для действий других людей. Это не так. Более того, «бедный» в Средние века считался субъектом общественных отношений, поскольку и сам он имел обязанности, накладываемые на него обществом. Многие авторы в один голос подтверждают, что бедные со своей стороны тоже кое-что делают в ответ на те дары, которые получают, а именно, молятся за благодетеля; молитва бедных имеет характер социального дара⁹¹. Кроме того, на бедном лежит обязанность помогать другим бедным. Этот социальный статус «бедных» отграничивает их от тех персон и групп, которые находятся в известной степени вне общества или, по меньшей мере, совсем на периферии, от таких, как, например, представители диффамированных профессий и преступники⁹². Правда, в социальной действительности границы между бедностью и преступностью проницаемы и текучи, и часто они сознательно бывают стерты⁹³. Таким образом, характерными для средневекового общества являются статус «бедного» как субъекта социальных отношений и одновременная амбивалентность установок по отношению к нему: к бедному обращают сострадание

⁸⁹ *Simmel G. Soziologie* S. 371 f. (S. 372).

⁹⁰ Ср.: *Lindgren U. Europas Armut*. S. 402.

⁹¹ *Batany J. Les pauvres et la pauvreté*. P. 471 s.

⁹² Об этом см.: *Tierne B. Medieval Poor Law*. Berkeley — Los Angeles, 1959. P. 44, особенно: *Maschke E. Die Unterschichten der mittelalterlichen Städte Deutschlands*. S. 355 f.; *Batany J. Les pauvres et la pauvreté*. P. 471 ss. О молитве как даре см. подробно: *Oexle O. G. Memoria und Memorialüberlieferung im früheren Mittelalter / Frühmittelalterliche Studien*. 1976. Bd. 10. S. 70-95, S. 87 ff.

⁹³ Ср. с текстом из прим. 25. Грань между бедностью и преступностью в различные эпохи определялась по-разному, о чем еще пойдет речь ниже.

и поддержку, даже любовь, но рассматривают его с предубеждением, страхом и даже ненавистью⁹⁴.

Именно при ближайшем рассмотрении установок в отношении к бедности видно, что в течение всего Средневековья воззрения на нее, равно как и формы реальной бедности, а также сама практика призрения бедных медленно, но неуклонно изменялись. В соответствии с этими изменениями в истории бедности в Средние века можно выделить три эпохи⁹⁵. Раннесредневековый период сменяется в XI столетии эпохой высокого Средневековья, в центре которой — период около 1200 г.. Как переломный фактор здесь следует рассматривать все более заметный с XI в. прирост населения. То, что демографические процессы имеют для истории бедности основополагающее значение, впоследствии еще раз проявится в характерном для позднего Средневековья снижении численности населения, имевшем место в XIV в. Последние исследования показали, что решающие изменения в установке в отношении к бедности, которые долгое время связывали с последствиями Реформации и других изменений в начале Нового времени⁹⁶, в действительности сопряжены с обозначившимися с середины XIV в. экономическими и социальными изменениями, наиболее важным признаком которых следует считать чрезвычайное увеличение смертности и мобильности населения Европы⁹⁷. Прежде чем перейти к анализу этапов истории бед-

⁹⁴ Mollat M. En guise de préface: Les problèmes de la pauvreté. P. 13; Batany J. Les pauvres et la pauvreté.

⁹⁵ Ср.: Little L. K. Evangelical Poverty, the New Money Economy and Violence / Poverty in the Middle Ages (см. прим. 22). P. 11-26. М. Молла предлагает иное членение эпох (Mollat M. En guise de préface: Les problèmes de la pauvreté. P. 24).

⁹⁶ См., напр.: Koch Ch. Wandlungen der Wohlfahrtspflege im Zeitalter der Aufklärung (Diss. phil.). Erlangen, 1933. S. 30 ff.; Kroll K. Das Phänomen Armut (Diss. der Wirtschafts- und Sozialwiss. Fakultät). Köln, 1973. S. 172 ff.; Henning F.-W. Das vorindustrielle Deutschland 800 bis 1800. Paderborn, 1974. S. 230 f.; Scherner K. O. Das Recht der Armen und Bettler im Ancien Regime. S. 56 ff.

⁹⁷ Подробнее см.: Misraki J. Criminalité et pauvreté en France à l'époque de la Guerre de Cent Ans / M. Mollat (Ed.). Études sur l'histoire de la pauvreté. Vol. 2. P. 535-546 (P. 544); Bog I. Über Arme und Armenfürsorge in Oberdeutschland und in der Eidgenossenschaft im 15. und 16. Jahrhundert // Jahrbuch für fränkische Landesforschung. Bd. 34/35. (Festschrift für Gerhard Pfeiffer. Bd. 2.) 1975. S. 983-1001. (S. 992f.); M. Mollat. Les pauvres. P. 256 ss., 303 f.; Abel W. Agrarkrisen und Agrarkonjunktur. Hamburg, 1978. S. 53 ff., 57 ff.; Idem. Strukturen und Krisen der spätmittelalterlichen Wirtschaft. (Quellen und Forschungen zur Agrargeschichte

ности в раннее и в высокое Средневековье (в разделах III и IV), остановимся на этих позднесредневековых переменах, поскольку они оказывают влияние, часто неосознаваемое, на все наши суждения о бедных и заботе о них в предшествующие периоды⁹⁸.

Непосредственным следствием сокращения населения в XIV в. стал недостаток рабочей силы. Попытки воспрепятствовать этому имеют место уже очень рано, с середины XIV в., когда исходящие от короля или землевладельцев предписания о рынке рабочей силы стали включать статьи о запрете нищенства и ограничении подаяния⁹⁹. Именно здесь и начинается основополагающее изменение в установке по отношению к бедности: нищенство осуждается как тунеядство, и бедным вменяется обязанность работать. В ходе изменения воззрений на бедность¹⁰⁰ в последующие столетия призрение бедных переходит в компетенцию местного городского управления (так называемая «коммунализация» заботы о бедных), общественная благотворительность централизуется, вырабатываются жесткие критерии для распределения воспомоществования («рационализация»), далее возникает постоянный аппарат управления («бюрократизация»), и, наконец, в ходе «педагогизации» каритативной деятельности для бедных устанавливаются нормы поведения и морали, требующие от них прилежания, порядка, дисциплины, сдержанности, но прежде всего — труда. Таким образом, «бедность» и «труд» отныне выступали как полярные противоположности по отношению друг к другу; просящий подаяния нищий стал негативным «анти-типом»; городская забота о бедных развивается в «инструмент привлечения бедных к труду»¹⁰¹. Здесь проявляется глубокий разрыв между представлениями о бедности в позднее Средневековье и в раннее Новое время, с одной стороны, и в раннее и в высокое Средневековье, с другой: бедность перестала

---

32). 1980. О мобильности населения подробно см. работы из прим. 144.

⁹⁸ См. ниже раздел V.

⁹⁹ Об этом подробно: *Weber W., Mayer-Maly Th. Studie zur spätmittelalterlichen Arbeitsmarkt- und Wirtschaftsordnung // Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik. 1954. Hft. 166. S. 358-389 (S. 388 f.)*

¹⁰⁰ Эти изменения подробно изучены в: *Sachsse Ch., Tennstedt F. Geschichte der Armenfürsorge in Deutschland. Stuttgart, 1980. S. 30 ff., 36 ff.* Здесь же они обозначаются собирательным понятием «социальное дисциплинирование».

¹⁰¹ Ebd. S. 35.

пониматься как необходимость трудиться, напротив, труд стал восприниматься как средство против бедности, иными словами, бедность стала определяться как «нежелание трудиться»¹⁰².

Последствия этих перемен разноуровневые. С одной стороны, с этого момента причины бедности и нищенствования впервые попадают в поле зрения¹⁰³. С другой стороны, бедный теперь более чем когда-либо становится «асоциальным элементом, объектом отвержения, страха и ненависти»¹⁰⁴, иными словами, бедность отныне связывается с преступностью, тогда как для людей предыдущих эпох в таком виде этой связи никогда не существовало¹⁰⁵. Здесь открывается «дилемма Нового времени» (выражение М. Молла) между позитивной оценкой бедности, обоснованной новозаветным требованием быть бедными, с одной стороны, и необходимостью решительной борьбы с бедностью под знаком труда, с другой¹⁰⁶. Именно это позднесредневековое изменение в установке по отношению к «бедности» и «труду» следует учитывать во избежание ошибочных суждений о более ранних фазах истории бедности и призрения бедных¹⁰⁷.

III

Если отвлечься от бесконечного многообразия индивидуальных и едва ли поддающихся систематизации событий в жизни человека, против воли делающих его бедняком, таких как пожар, ограбление, кораблекрушение, болезнь, осиротение, старость, плен, порабощение, долговая кабала, для раннего и высокого Средневековья существует прежде всего одна безусловная предпосылка для бедности во всеобъемлющем смысле слова — голод.

¹⁰² Ebd. S. 15.

¹⁰³ Ebd. S. 35.

¹⁰⁴ *Batany J.* Les pauvres et la pauvreté. P. 481 ss.; *Misraki J.* Criminalité et pauvreté en France. P. 542 ss.

¹⁰⁵ *Misraki J.* Criminalité et pauvreté en France. P. 536 ss.; *Geremek B.* Criminalité, vagabondage, paupérisme: La marginalité à l'aube des temps modernes // *Revue d'Histoire Moderne et Contemporaine*. 1974. № 21. P. 337-375. Ср. также: *Van Dülmen R.* Formierung der europäischen Gesellschaft in der Frühen Neuzeit // *Geschichte und Gesellschaft*. 1981. № 7. S. 5-41 (S. 26 f.)

¹⁰⁶ *Mollat M.* En guise de préface: Les problèmes de la pauvreté. P. 13.

¹⁰⁷ В качестве примера можно привести основные тезисы из исследования *Sachsse Ch., Tennstedt F.* Geschichte der Armenfürsorge in Deutschland. S. 28 f. Далее для сравнения см. тезисы, упомянутые в прим. 219.

Глубоко воздействующий на все сферы жизни средневековый голод является следствием двух структурных признаков сельского хозяйства в те времена. Во-первых, агрикультура в раннее и высокое Средневековье была ориентирована на выращивание зерновых, и хотя сеялись их различные сорта, зерновым культурам как таковым альтернативы не существовало. Для большинства людей потребляемое в виде хлеба, лепешек, каши зерно было единственным источником питания, и заменить его было нечем¹⁰⁸. Второй признак сельского хозяйства — исключительно низкая урожайность. В целом можно исходить из того, что урожайность составляла 1:3¹⁰⁹. При столь низкой урожайности достаточно было просто худшего урожая, например, 1:2, чтобы доля предназначенного для потребления зерна снизилась почти вдвое. Еще более низкий урожай — 1:1 — ставил людей перед выбором: или начать голодать сразу же, или, израсходовав посевное зерно, обречь себя на голод в будущем году. Хотя при столь низкой урожайности урожай чуть выше среднего приносил существенное улучшение положения с питанием, так что после голодных лет всегда наступали хорошие годы, нельзя оставить без внимания то обстоятельство, что голод и вздорожание продуктов являли собой угрозу постоянную¹¹⁰. Следствием беспрестанного возвращения голодных кризисов¹¹¹ стало и осново-

¹⁰⁸ Это положение изменилось только в XVIII в., когда под давлением нужды, вызванной постоянными неурожаями, картофель, известный с XVI столетия, стал широко распространяться среди населения (*Teuteberg H.-J. Zur sozialgeschichtlichen Bedeutung der Kartoffel und ihrer Eingliederung in die deutsche Volkskost / Ethnological Food Research (Kansatieteellinen Arkisto 26). Helsinki, 1975. S. 237-265.*

¹⁰⁹ Данные приводятся по статье В. Абеля в издании: Н. Aubin, W. Zorn (Hg.). *Handbuch der deutschen Wirtschafts- und Sozialgeschichte. Stuttgart, 1971. Bd. I. S. 102.* Там же см. и о дискуссиях по поводу урожайности в Средние века (S. 104 ff.). Ср.: *Schmitz H.-J. Faktoren der Preisbildung für Getreide und Wein in der Zeit von 800 bis 1350 (Quellen und Forschungen zur Agrargeschichte 20). Stuttgart, 1968. S. 46 ff.; Henning F.-W. Landwirtschaft und ländliche Gesellschaft in Deutschland. Paderborn, 1979. Bd. I. S. 25 ff.*

¹¹⁰ Основной работой по данной проблематике остается *Curschmann F. Hungersnöte im Mittelalter. Leipzig, 1900 (ND Paderborn, 1970).* Ср.: *Schmitz H.-J. Faktoren der Preisbildung für Getreide und Wein in der Zeit von 800 bis 1350. S. 33 ff.*

¹¹¹ О понятии «голодный кризис» см. статью В. Абеля в: Н. Aubin, W. Zorn (Hg.). *Handbuch der deutschen Wirtschafts- und Sozialgeschichte. Stuttgart, 1971. Bd. I. S. 22 ff.; Abel W. Massenarmut und Hungerkrisen im vorindus-*

полагающее членение общества: *potens* — в противоположность к *pauper* — был прежде всего тот, кто всегда мог наесться досыта и в кризисные времена дать еду другим¹¹². Кто не голодал никогда или крайне редко, был «сильным» и не зависел от социальных нужд, которые приносил с собой голод. Голодные кризисы постоянно обострялись тем, что неурожай вследствие плохих погодных условий сопровождался мором скота (*mortalitas animalium*)¹¹³. Падеж скота означал не только дополнительное сокращение ресурсов питания, но и усложнял обработку полей, что приводило к длительному ухудшению положения с питанием.

Голод способствовал распространению всевозможных болезней, жертвами которых становились ослабленные люди. Глубоко изменялось также их психическое состояние и поведение¹¹⁴: снижение предприимчивости, пессимизм и отчаяние — постоянные спутники голодовок. Распространение эпидемий ускорялось вследствие перемещений людских масс, усиления мобильности населения, которые также являются признаками голодных кризисов¹¹⁵, поскольку если запасы израсходованы, голодающие пускаются в путь, часто на дальние расстояния, и стягиваются туда, где есть надежда добыть пропитание: в города или в монастыри, бывшие центрами заботы о бедных. Многие пытались также избежать угрозы обнищания путем грабежа и разбоя¹¹⁶.

Напоминание о монастырях как о центрах призрения бедных поднимает вопрос о помощи и мерах против голода и обнищания в раннее Средневековье.

О систематических мерах в этой сфере со стороны светской власти говорить вряд ли возможно. Только Карл Великий пытался осуществить всеобъемлющую государственную программу при-

---

triellen Europa. Hamburg, 1974.

¹¹² Duby G. L'économie rurale et la vie des campagnes dans l'Occident médiéval. Paris, 1962. Vol. 1. P. 98.

¹¹³ Curschmann F. Hungersnöte im Mittelalter; Schmitz H.-J. Faktoren der Preisbildung für Getreide und Wein in der Zeit von 800 bis 1350. S. 35 ff.

¹¹⁴ Bourdon J. Psychosociologie de la famine / Annales de démographie historique. 1968. P. 9-27; Le Roy Ladurie E. L'aménorrhée de famine (XVII-e-XX-e siècle) / Idem. Le territoire de l'historien. Paris, 1973. Vol. 1. P. 331-348.

¹¹⁵ Curschmann F. Hungersnöte im Mittelalter. S. 60-62 ff; Schmitz H.-J. Faktoren der Preisbildung für Getreide und Wein in der Zeit von 800 bis 1350. S. 34 f.

¹¹⁶ Многочисленные примеры содержит работа: Curschmann F. Op. cit.

зрения бедных, в центре которой стояли именно меры по предотвращению кризисных ситуаций, связанных с голодом¹¹⁷.

Защита *pauperes*, разумеется, относилась к издавна предписываемым государю обязанностям¹¹⁸, так что во многих раннесредневековых текстах король или иной представитель знати прославлялся как «отец» или «утешитель бедных» (*pater pauperum; consolator pauperum*), и подробно описывалась его зачастую удивительная забота о них¹¹⁹. Сословные нормы рыцарства переняли впоследствии требование заботы о бедных из этого канона¹²⁰.

Гораздо более значительной была забота о бедных со стороны епископов, поскольку в церковной сфере, по меньшей мере в зачатках, были созданы институты, обеспечивающие благотворительности определенную длительность во времени¹²¹. Уже с конца V в. в Риме и в Римской церковной провинции существовало правило, по которому четверть церковных доходов предназначалась для бедных¹²². В целом церковное имущество считалось имуществом бедных¹²³. Церковное законодательство каролингского времени еще раз уточнило и отчасти заострило это предписание¹²⁴. Для обеспечения бедных в отдельных епископских Церквях со времен Меровингов велись списки бедняков — *matricula pauperum*¹²⁵. К задачам призре-

¹¹⁷ Об этом подробнее: *Verhulst A.* Karolingische Agrarpolitik. Das *Capitulare de villis* und die Hungersnöte von 792/93 und 805/806 // *Zeitschrift für Agrargeschichte und Agrarsoziologie*. 1965. Hft. 13. S. 175-189; в целом см.: *Boshof E.* Untersuchungen zur Armenfürsorge im fränkischen Reich des 9. Jahrhunderts. S. 331 ff.

¹¹⁸ *Eberhardt O.* *Via regia*. Der Fürstenspiegel Smaragds von St. Mihiel und seine literarische Gattung // *Münstersche Mittelalter-Schriften*. Bd. 28. 1977. S. 432-435 f., 591 f., 650 f.

¹¹⁹ Ср.: *Boshof E.* Untersuchungen zur Armenfürsorge im fränkischen Reich des 9. Jahrhunderts. S. 265 f. (о Карле Великом и Людовике Благочестивом); *Wollasch J.* Gemeinschaftsbewußtsein und soziale Leistung im Mittelalter. S. 275 (о Генрихе IV).

¹²⁰ *Oexle O. G.* Die funktionale Dreiteilung der „Gesellschaft“ bei Adalbero von Laon. S. 37.

¹²¹ Об этом подробнее: *Hauschild W.-D.* Art. „Armenfürsorge II“ / *Theologische Realenzyklopädie*. Bd. 4. Berlin, 1979. S. 18 ff.

¹²² *Feine H. E.* *Kirchliche Rechtsgeschichte*. Die katholische Kirche. 4. Aufl. Köln, 1964. S. 132.

¹²³ *Boshof E.* Untersuchungen zur Armenfürsorge im fränkischen Reich des 9. Jahrhunderts. S. 298 f.

¹²⁴ Ebd. S. 299 ff.

¹²⁵ *Rouche M.* *La matricule des pauvres* / M. Mollat (Ed.). *Études sur*

ния бедных со стороны епископов относилось также учреждение госпиталей. Кроме того, во многих случаях имели место масштабные акции епископов по закупке зерна, часто привозимого издалека, для распределения его между бедняками в голодные времена¹²⁶.

Но больше всего заботились о бедных монастыри. Монахи, обязанные жить в соответствии с евангельской нормой *vita apostolica*, серьезно относились к жизни в бедности и к жизни для бедных. В знаменитом *Правиле Бенедикта* VI в. это сформулировано чрезвычайно четко, поэтому в последующие столетия *Правило* имело столь впечатляющее воздействие на умы современников. Согласно бенедиктинскому уставу, каждый отдельный монах не должен иметь в собственности «ничего, абсолютно ничего», «ни одной книги, ни таблички для письма, ни грифеля, вообще ничего»¹²⁷. Аббат, в соответствии с нормами общего хозяйства и общего владения, выдавал каждому то, что было нужно: *necessaria* — жизненно необходимое¹²⁸. Но всех гостей (*hospites*), прибывающих в монастырь, надлежало принимать, как Христа, и прежде всего — бедных и странников (*pauperum et peregrini*), «поскольку в них больше, чем в других, мы принимаем самого Христа. Богатые же, напротив, уже своим величественным вступлением (*terror*) сами заботятся о том, чтобы их почтили»¹²⁹. Этим уставным предписанием бенедиктинскому монашеству на будущее «была предопределена важнейшая роль» в призрении бедных¹³⁰. На так называемом Санкт-Галленском монастырском плане, являющем собой проект идеального расположения монастыря первой половины IX в., помещение для бедных и паломников (*domus peregrinorum et pauperum*) обозначено как отдельный, замкнутый комплекс построек с пекарней и пивоварней¹³¹.

---

l'histoire de la pauvreté. P. 82-110; *Boshof E.* Untersuchungen zur Armenfürsorge im fränkischen Reich des 9. Jahrhunderts. S. 301.

¹²⁶ Примеры см.: *Irsigler F.* Divites und pauperes in der Vita Meinwerchi. S. 492; *Curschmann F.* Hungersnöte im Mittelalter. S. 77 ff.

¹²⁷ Die Benediktusregel. Cap. 33 f. / Hg. von B. Steidle. 3. Aufl. Beuron, 1978. S. 1221.

¹²⁸ Образцовой нормой была описанная в «Деяниях апостолов» так называемая *vita apostolica* (Act. 2:44 f., 4:32 ff.).

¹²⁹ Die Benediktusregel. Cap 53, 15. Об идентификации бедных с Христом см.: Matth. 25:35 ff.

¹³⁰ *Boshof E.* Untersuchungen zur Armenfürsorge im fränkischen Reich des 9. Jahrhunderts. S. 290.

¹³¹ Ebd. S. 302; *W. Horn, E. Born.* The Plan of St. Gall. Berkeley; Los Ange-

Однако даже если отдельный монах не владел ничем, сами монастыри благодаря дарениям обрели огромные богатства. Хотя это, как тогда все чаще стали признавать, и противоречило нормам монашеской жизни, именно данное противоречие — следует также признать — стало предпосылкой для всесторонней и эффективной деятельности монастырей по призрению бедных: не только потому, что богатство давало им необходимые для этого средства, но и потому, что «само по себе «владение мертвой руки» (т.е. полученное монастырем на основании дарения — прим. перев.) распространялось на гарантированно длительный срок, что было неременным условием благотворительности¹³². Так, в исследованиях в области связи между *memoria* мертвых и призрением бедных у клюнийского монашества отмечается, сколь много было сделано для бедных в одной только сфере *memoria*¹³³. Уже одни только расходы на благотворительность в итоге довели монастыри из ареала клюнийской реформы до предела их экономических возможностей: «мертвые в лице бедных начали поедать живых»¹³⁴. Поэтому существуют весьма многочисленные сообщения о том, как во времена голода монастыри попадали в долги или вынуждены были продавать или закладывать литургический инвентарь, часть церковных сокровищ, а также книги, чтобы и дальше иметь возможность заботиться о бедных в необходимом объеме¹³⁵. Во время большого голода 1196/97 г., охватившего всю Европу, аббат цистерцианского монастыря Гайстербах приказывал ежедневно закалывать быка, а также забивать овец и птицу, чтобы поддержать бедных. В другом монастыре, в Вестфалии, заложили тогда чаши и книги и также забивали скот «для нужды бедняков» (*ob necessitatem pauperum*)¹³⁶. Но существуют примеры и совсем другого поведения. В окрестностях знаменитого монастыря Виконь в Хеннегау, принадлежавшего ордену премонстранцев, в тот же голодный год умирали тысячи бед-

---

les; London, 1979. Vol. 2. P. 139-144.

¹³² Simmel G. Soziologie. S. 353.

¹³³ Подробнее см.: Wollasch J. Gemeinschaftsbewußtsein und soziale Leistung im Mittelalter. S. 278 ff.

¹³⁴ Ebd. S. 282.

¹³⁵ Ebd. S. 282.

¹³⁶ Здесь можно сослаться на сообщение Цезария Гейстербахского. Цит. по: Curschmann F. Op.cit. S. 160.

няков, поскольку аббат и монахи не решились притронуться к монастырским сокровищам. Здесь также последовали совету монастырских экономов и закупили овса в большом количестве — прежде всего для скота, чтобы таким образом обеспечить по меньшей мере будущие урожаи, «так что то, что должно было отдать бедным, отдали скотине», как с осуждением заметил монастырский хронист¹³⁷. Случай такого рода, который, без сомнения, не был единичным, указывает на дилемму средневекового сельского хозяйства, но также и на конфликт между тем, что разумно в экономическом отношении, и тем, что предписывается религиозной этикой с характерной для нее в Средние века заботой о бедных.

Наряду с благотворительностью королей, епископов и монахов, о которой свидетельствуют источники, имели место и другие формы заботы о бедных и предотвращения обнищания. Непосредственная предусмотрительность и забота такого рода постоянно реализуется в «доме», в семье, в кругу естественного родства. Кроме того, существовали группы так называемого «искусственного» родства — свободные, возникающие, как правило, на основе взаимных клятв объединения в гильдии, которым можно приписать все формы «братства». Взаимопомощь во всех мыслимых кризисных ситуациях была существенной целью тех, кто объединялся в гильдии: основополагающей ориентацией их отношений между собой и в отношении к третьей стороне было христианское братство¹³⁸. Уже гильдии галло-франкского сельского клира начала VI–VII вв. ставили своей целью *caritas*¹³⁹. В местных гильдиях каролингского времени клирики и миряне, мужчины и женщины, принося нерасторжимые клятвы, договаривались о взаимной помощи на случай пожара, кораблекрушения, ограбления и других причин, ввергающих человека в бедность¹⁴⁰, в уставах более поздних форм

¹³⁷ *Historia monasterii Viconiensis. Contin. Prima. Cap. 7, 10 / MGH SS. T. 24. S. 302-304.*

¹³⁸ *Oexle O. G. Die mittelalterlichen Gilden: ihre Selbstdeutung und ihr Beitrag zur Formung sozialer Strukturen. S. 215 f.*

¹³⁹ *Oexle O. G. Gilden als soziale Gruppen in der Karolingerzeit / H. Jankuhn (Hg.). Das Handwerk in vor- und frühgeschichtlicher Zeit. Göttingen, 1981. Bd. I. S. 341.*

¹⁴⁰ *Ebd. S. 301.* Милосердие и благотворительность (*caritas*) гильдий даже по отношению к посторонним считались одной из задач их членов, т. е. отнюдь не были следствием влияния на гильдии церковных властей, как полагает Й. Воллаш

объединений типа гильдий содержится целый каталог таких ситуаций. Например, уже в первых параграфах устава купеческой гильдии Сент-Омера (конец XI в.) формулируется, вследствие каких обстоятельств путешествующий купец может непредвиденно обеднеть и взаимная помощь членов гильдии настрого предписывается: это утрата товаров в пути и ответственность перед судом на чужой стороне¹⁴¹. К важнейшим целям возникших в XII в. объединений ремесленников (цехов) относились превентивные меры против бедности и прямая поддержка обедневших членов цеха, а также гарантированная поддержка в случае отзыва заказа, безработицы, болезни¹⁴². Теми же причинами, что и путешествующие купцы, упоминавшиеся выше магистры и школяры Болоньи и Парижа мотивировали создаваемые ими около 1200 г. на основе взаимных клятв *societas* или *universitates*¹⁴³. Также и возникновение гильдий юношей в XIV и XV вв. в целом является следствием специфических кризисных явлений того времени, характеризующихся чрезвычайным ростом смертности и мобильности населения¹⁴⁴. Даже нищие, прокаженные и другие стоящие вне социальных связей «бедные» объединялись между собою в гильдии¹⁴⁵.

IV

С XI в. и особенно в XII в. отмечаются экономические и социальные процессы, последствия которых все более отчетливо указывали на недостаточность прежних форм призрения бедных. Эти процессы и спровоцированный ими быстрый рост числа бедных непосредственно привели к изменениям в сфере благотворительно-

---

(Wollasch J. Gemeinschaftsbewußtsein und soziale Leistung im Mittelalter. S. 270 f.).

¹⁴¹ Espinas G., Pirenne H. Les coutumes de la gilde marchande de Saint-Omer // Le Moyen Age. 1901. Vol. 14. P. 189-196, 192 (§ 1).

¹⁴² Fröhlich S. Die Soziale Sicherung bei Zünften und Gesellenverbänden (Sozialpolitische Schriften 38). Berlin, 1976.

¹⁴³ Oexle O.G. Die mittelalterlichen Gilden: ihre Selbstdeutung und ihr Beitrag zur Formung sozialer Strukturen. S. 219 ff.

¹⁴⁴ Reininghaus W. Zur Entstehung der Gesellengilden im Spätmittelalter (Diss. phil.). Münster, 1980.

¹⁴⁵ Имеются в виду гильдии нищих, нищенствующих калек, прокаженных и других представителей диффамирующих «профессий», которые почти еще не изучены. Ср.: Maschke E. Die Unterschichten der mittelalterlichen Städte Deutschlands. S. 448 f.; Misraki J. Criminalité et pauvreté en France. P. 539 ff.

сти, метко названным «революцией милосердия» (*Révolution de la charité*)¹⁴⁶. Они отчетливо прослеживаются на примере жизни Елизаветы Тюрингской¹⁴⁷.

Рост населения Европы с XI в. — явление огромного исторического значения. При самой осторожной оценке количественных данных для этих столетий можно предположить, что с X по XIV столетия население большинства европейских стран по меньшей мере удвоилось¹⁴⁸. Отчасти можно даже рассчитывать на существенно больший показатель. В Англии с середины XI до середины XIV в. население предположительно выросло с приблизительно 1,5 до 6 млн. человек, во Франции в этот промежуток времени предположительный прирост населения составил от 7 до 8 млн. человек, так что его численность достигла приблизительно 15 млн. человек, подобный прирост можно ожидать и в Германии¹⁴⁹. Как известно, расчистка лесов и освоение окраинных территорий, в том числе и немецкая колонизация восточных земель, в высокое Средневековье были следствием прироста населения¹⁵⁰. Начало специализированного разделения хозяйства, отделение города от аграрных окрестностей и его функциональную организацию также следует связывать с этим процессом. Хозяйственная активность населения и оживление торговли, обусловленные развитием городских рынков, со своей стороны вели к неведомой доселе текучести рабочей силы, как в форме притока крестьян из окрестностей в развивающиеся города, так и в форме перемещения крестьян из перенаселенных регионов в традиционных местах расселения в близлежащие или отдаленные новые области, где условия труда были гораздо выгоднее. К этим переменам добавились и другие формы проявления возрастающей мобильности населения: увеличение числа паломничеств, в том числе и к удаленным целям, таким как Рим, Сант-Яго-де-Компостелла и Иерусалим, мобильность путешествующих купцов

¹⁴⁶ Ср.: *M. Mollat. Les pauvres*. P. 165.

¹⁴⁷ См. об этом : *Vaucher A. Charité et pauvreté chez sainte Elisabeth de Thuringe*. P. 166; *Werner M. Die Heilige Elisabeth und die Anfänge des Deutschen Ordens in Marburg*. S. 124.

¹⁴⁸ Данные приводятся по справочнику: *H. Kellenbenz (Hg.). Handbuch der europäischen Wirtschafts- und Sozialgeschichte*. Stuttgart, 1980. Bd. 2: *Europäische Wirtschafts- und Sozialgeschichte im Mittelalter*. S. 17.

¹⁴⁹ *Ebd.* S. 229, 298, 509.

¹⁵⁰ *Ebd.* S. 510 ff.

и бродячих магистров и школяров и, наконец, вооруженные паломничества, движения крестоносцев, начинающиеся на исходе XI в., но последствия которых сказываются только в XIII столетии¹⁵¹.

Оборотной стороной процесса роста населения и возрастания его мобильности стало беспрецедентное увеличение числа бедных. Далеко не все люди, искавшие возможность освоить новые земли и переселиться туда, смогли найти там безопасность и лучшую жизнь¹⁵². Кроме того, к возросшей сельской бедности в этот момент присоединяется городская. Быстро развивавшиеся большие и малые города притягивали бедняков: «городская бедность подпитывалась сельской»¹⁵³ и в итоге превзошла ее¹⁵⁴. Во времена высокого Средневековья в городах возникло общество, по-новому разделенное на богатых и бедных, на *potentes* и *pauperes*. Городские *pauperes* рекрутировались из наиболее слабых экономически слоев городского населения, людей хозяйственно не самостоятельных, в наименьшей степени пользовавшихся общественным вниманием — наемных работников, ремесленных подмастеров и учеников, поденщиков, прислуги¹⁵⁵. Новая городская беднота была также гораздо более дифференцирована, нежели прежняя сельская¹⁵⁶. Определить ее количество затруднительно, но по меньшей мере половину городского населения в высокое и позднее Средневековье можно причислить к «бедным» в узком и в широком смысле слова¹⁵⁷.

К этим структурным изменениям как усиливающий момент добавились также многочисленные голодные кризисы. В одном только XII в., наряду со многими голодовками локального и регионального значения, голод три раза захватывал всю Западную Европу — в 1125/26, 1144/46 и в 1196/97 годах¹⁵⁸.

¹⁵¹ Cp.: Ebd. S. 26 ff (*J.A. Van Houtte*); ebd. S. 300 f. (*J. Favier*).

¹⁵² *M. Mollat*. Les pauvres. P. 87 s.

¹⁵³ *Mollat M.* En guise de préface: Les problèmes de la pauvreté. P. 18.

¹⁵⁴ *Lindgren U.* Europas Armut. S. 409.

¹⁵⁵ *Maschke E.* Die Unterschichten der mittelalterlichen Städte Deutschlands. S. 368 f.; Cp.: S. 422 ff.

¹⁵⁶ Cp.: *Graus F.* Au Bas Moyen Age: Pauvres des villes et pauvres des campagnes, in: *Annales E.S.C.* Vol. 16, 1961, P. 1053-1065 (P. 1059).

¹⁵⁷ *Maschke E.* Die Unterschichten der mittelalterlichen Städte Deutschlands. S. 424 ff.; *Fischer Th.* Städtische Armut und Armenfürsorge. S. 50 ff.; *Sachsse Ch., Tennstedt F.* Geschichte der Armenfürsorge in Deutschland. S. 27 f.

¹⁵⁸ *Curschmann F.* Hungersnöte im Mittelalter. S. 77 ff., 132-139 ff., 157 ff.

К сожалению, у нас не достает не только количественных данных, но и в большой мере дескриптивных высказываний о бедности в высокое Средневековье. Среди немногих непосредственных и точных свидетельств следует особенно выделить описание работниц шелковой мануфактуры, которое во второй половине XII в. дал в романе «Ивейн» Кретьенн де Труа, а Гартманн фон Ауэ около 1200 г. дословно воспроизвел в своей немецкой версии «Ивейна». В крепости, возвышающейся прямо над городским рынком, работают в «новом и высоком строении» около 300 пленных женщин. Они заняты изготовлением шелка и золотой парчи. Бледные и изможденные голодом и лишениями сидят они за прялками, в грязном платье или полуголье¹⁵⁹. Каждая получает как вознаграждение одну шестидесятую часть стоимости товара, созданного ее трудом¹⁶⁰.

С XI столетия при быстром росте числа бедных и новых форм проявления бедности традиционного призрения бедных со стороны королей, епископов и прежде всего старого бенедиктинского монашества стало недостаточно. Благотворительность местных князей и землевладельцев в XII в. также не вышла за пределы обычного¹⁶¹. Несоответствие монастырской благотворительности необходимому объему помощи бедным обуславливалось отнюдь не недостатком пожертвований или плохой организацией¹⁶². Монастыри просто уже не справлялись с притоком нуждающихся, и разрыв между потребностью и имеющимся в их распоряжении средствами обнаружился очень быстро. Важно также и то, что монастыри находились преимущественно в сельской местности, т. е. уже не там, где теперь в наибольшей степени концентрировались бедные. Кроме того, на фоне роста вынужденной бедности на повестку дня заново встал вопрос о бедности добровольной, вопрос, который заставил «старое» монашество перейти к обороне¹⁶³. Поскольку в XI–XII вв. яв-

¹⁵⁹ *Chrétien de Troyes. Yvain*. V. 5185 ff. / Hg. von T.B.W. Reid. Manchester, 1952. S. 142 ff.; *Hartmann von Aue. Iwein*. V. 6085 ff. / Hg. von G.F. Beinecke, K. Lachmann, L. Wolff. Berlin, 1959. S. 191 ff. О таких рабочих домах для женщин (Gynäceen) см.: *Irsigler F. Divites und pauperes in der Vita Meinwerchi*. S. 482 ff.

¹⁶⁰ *Chrétien de Troyes. Yvain*. V. 5308. S. 145.

¹⁶¹ Ср.: *M. Mollat. Les pauvres*. P. 82 s., 122 s.

¹⁶² Ebd. P. 111 s.

¹⁶³ Ср.: *Bredero A.H. Cluny et Cîteaux au XII-e siècle: les origines de la controverse* // *Studi medievali. Serie terza*. T. 12. 1971. P. 135-175; *Elm K. Die Stellung des Zisterzienserordens in der Geschichte des Ordenswesens / Die Zisterzienser* (Schriften des Rheinischen Museumsamtes. Nr. 10). Köln, 1980. S. 31-40.

ственное, чем прежде, обнаружилось, что «старое» монашество, где отдельно взятые монахи, хотя и были «бедны», поскольку каждому из них, подобно беднякам поневоле, не принадлежало ничего, но как группа имели все, в чем нуждались, — в противоположность бедным поневоле. Поэтому с XI в. движение добровольной бедности все более выступает на первый план как внутри монашества, так и вне его. При этом нельзя оставить без внимания тесное сходство между реальной бедностью и религиозным движением бедности по обету, особенно в период около 1200 г.¹⁶⁴ Удивителен также и характерный для того времени параллелизм между движением религиозно мотивированной бедности и массовыми движениями бедняков. Большое внимание и страх возбудили в 1180-е гг. во Франции клятвенные объединения (*conjuraciones*) так называемых капюшонников (*caputiati*) (т. е. тех, кто закрывал голову капюшоном), изображавшиеся как восстание плебса (*plebei*) против власть предержащих — *superiores* и *potentes*¹⁶⁵. Так же и в Лондоне около 1196 г. дело дошло до крупного объединения на основе клятвы или «заговора» (*conjuratio*) бедных (*pauperes*) против богатых (*divites*) и могущественных (*potentes*). В нем участвовали предположительно до 50 тысяч бедняков¹⁶⁶, руководимых горожанином Вильгельмом, называвшим себя Спасителем бедных. Около 1200 г. охваченные эсхатологическими настроениями бедняки играли все более значимую роль и в движении крестоносцев, о чем красноречиво свидетельствует так называемый крестовый поход детей 1212 г.¹⁶⁷

Популярность знаменитых теологов и проповедников, таких как Петр Кантор (ум. 1197) или Радульф Арденский (ум. 1200), указывает на присущее обществу стремление осмыслить реальную бедность и одновременно — искать новые пути ее преодоления¹⁶⁸.

¹⁶⁴ Mollat M. *Pauvres et pauvreté à la fin du XII-e siècle* // *Revue d'ascétique et de mystique*. 1965. Vol. 41. P. 305-323.

¹⁶⁵ *Historia episcoporum Autissiodorensium*. Cap. 58 // *Recueil des Historiens des Gaules et de la France*. 1822. Vol. 18. P. 729 f. Ср. также: *Duby G. Les trois ordres ou l'imaginaire du féodalisme*. Paris, 1978. P. 393 ss.

¹⁶⁶ *William of Newburgh. Historia rerum anglicarum*. V, 20 / R. Howlett (Ed.). London, 1885. P. 466.

¹⁶⁷ О связи реальной бедности, движения добровольной бедности и движения крестовых походов в эпоху около 1200 г. см.: M. Mollat. *Les pauvres*. P. 96 s., 109 ss.

¹⁶⁸ Этой теме посвящены статьи *Longere J.* и *Pellistrandi Ch.* в: M. Mollat (Ed.). *Études sur l'histoire de la pauvreté*. Vol. 1. P. 255-273; 275-291.

Девизом проповеди крестового похода уже упоминавшегося здесь Фулько из Нейи, ученика Петра Кантора, была мысль о том, что прежние крестовые походы *potentes* окончились неудачно, и что только *pauperes* избраны Богом для освобождения Святой земли¹⁶⁹. Для периода около 1200 г. характерно также основание большого числа новых госпиталей, домов призрения бедных и прокаженных (*hospitalia pauperum et domus leprosorum*)¹⁷⁰. Тогда же упоминавшийся выше Жак де Витри, рожденный около 1160/70 г., стал собирать те впечатления и опыт, которые позднее, в 1220-е гг., изложил в своей *Historia occidentalis*, включив туда и историю движения добровольной бедности начиная с конца XI в.

Жак де Витри показал тесную связь между религиозно мотивированной добровольной и вынужденной реальной бедностью, и он знал, о чем говорил, поскольку сам был одним из выдающихся представителей движения бедности. Прежде чем быть рукоположенным в чин епископа Аккона в 1216 г., он учился в Париже, был в льежском диоцезе священником, членом канониката августинцев в Оиньи (Oignies) в окрестностях Льежа, проповедником крестовых походов. В своей *Historia occidentalis* «он первым увидел и распознал всю широту и многообразие, равно как и общую суть и значение религиозных движений в различных европейских странах в начале XIII столетия»¹⁷¹. Его труд начинается с описания *corruptio* всего западного региона (гл. 1), он живописует жадность и ростовщичество *potentes* (гл. 2), угнетение ими *pauperes* (гл. 3), нравственное разложение различных сословий, в особенности епископов (гл. 4. и 5). Движение бедности было для Жака де Витри знаком всеобъемлющего обновления (*renovatio*) общества в эпоху около 1200 г. В начало своего повествования об этом *renovatio* он помещает, как уже говорилось¹⁷², рассказ об «идиоте» Фулько из Нейи (гл. 6-8). Не случайно, что центральным здесь (в гл. 7) является знаменитое описание состояния города Парижа (*De statu Parisiensis ciuitatis*), который был тогда самым значительным городом севернее Альп, и как столица мощно расцветшей около 1200 г. француз-

¹⁶⁹ Ср.: *Godfrey J.* 1204. The Unholy Crusade. Oxford, 1980. P. 39-43.

¹⁷⁰ *Jakob von Vitry.* *Historia occidentalis.* Cap. 29 / F. Hinnebusch (Hg.). *The Historia Occidentalis of Jacques de Vitry.* P. 146; *Mollat M.* *Hospitalité et assistance au début du XIII-e siècle / D. Flood (Ed.).* *Poverty in the Middle Ages.* P. 37-51.

¹⁷¹ *Grundmann H.* *Religiöse Bewegungen im Mittelalter.* S. 171.

¹⁷² См. I раздел данной работы.

ской монархии и центр нового знания и нового образования притягивал к себе все взоры. Моральное падение жителей этого большого города, полагал Жак де Витри, еще более усугубилось чванством, высокомерием и алчностью ученых магистров и усердно подражающих им юных школяров¹⁷³. Для религиозного движения добровольной бедности города являли собой вызов, что в высшей степени эффектно и было показано в этом описании.

На таком фоне Жак де Витри разворачивает перед взором своего читателя картину движения бедности с конца XI в. в его многочисленных проявлениях, при этом оставляя за рамками еретические или впавшие в ересь группы (например, вальденсов). Он рассказывает о движении еремитов¹⁷⁴, а также о новых формах живущего в соответствии с бенедиктинской традицией монашества (например, о цистерцианцах), о живущих по правилу Августина регулярных каноников и премонстранцах. К этим трем образам жизни — еремитов, монахов и каноников — Жак де Витри добавил затем как четвертую форму благочестивой жизни (*quarta religionis institutio ordo* Франциска Ассизского, *religio* братьев-миноритов (*fratres minores*) и поистине малых, которые в приверженности бедности древней Церкви (*primitiva ecclesia*) и образу жизни апостолов (*vita apostolica*) превосходят всех остальных и нагими следуют нагому Христу. Строго исполняя увещание Христа (Mt. 10:9 *Не берите с собою ни золота, ни серебра, ни меди в поясы свои, ни сумы на дорогу, ни двух одежд, ни обуви, ни посоха, ибо трудящийся достоин пропитания.*), они отказались от всего: «У них нет монастырей или церквей, нет пашен, виноградников или скота, нет домов или иного имущества, ничего, где они могут преклонить свою голову»¹⁷⁵. В этом Жак де Витри усматривал достижение совершенной идентичности с вынужденной бедностью. Впрочем, в движении бедности он видел не только обновление (*renovatio*), он ясно распознал и угрозы, которые оно таило в себе, и не умолчал о сомнительных, даже темных сторонах его истории как истории неосознанного само-

¹⁷³ *Jakob von Vitry. Historia occidentalis. Cap. 7 / F. Hinnebusch (Hg.). The Historia Occidentalis of Jacques de Vitry. P. 90.*

¹⁷⁴ О значении еремитства в движении добровольной бедности с конца XI в. см.: *M. Mollat. Les pauvres. P. 97 ss.*

¹⁷⁵ *Jakob von Vitry. Historia occidentalis. Cap. 32 / F. Hinnebusch (Hg.). The Historia Occidentalis of Jacques de Vitry. P. 158.*

обмана, а также сознательного обмана других¹⁷⁶. С этой точки зрения упоминавшиеся в другой связи противопоставление Фулько из Нейи и Франциска Ассизского и характеристика обоих как «бедных идиотов»¹⁷⁷ обретают более глубокий смысл.

V

С XI в. существенной частью движения бедности, особенно севернее Альп, было женское религиозное движение¹⁷⁸. Оно проявилось не только в стремлении женщин вступать в новые ордена премонстранцев и цистерцианцев¹⁷⁹, но и нашло около 1200 г. — в связи с растущим сопротивлением этих орденов приему женщин¹⁸⁰ — совершенно новое выражение в образующихся повсеместно группах так называемых бегинок. И снова Жак де Витри является для нас тем, кому мы обязаны первым важнейшим свидетельством этого процесса¹⁸¹. Он также был тем, кто как «представитель этого религиозного женского движения в Бельгии, северной Франции и Германии»¹⁸² летом 1216 г. поспособствовал, чтобы папа Гонорий III разрешил благочестивым и бедным женщинам (*pauperes religiosae mulieres*), которых тотчас стали назы-

¹⁷⁶ Ср.: Жак де Витри приводит в своей *Historia occidentalis* причинно-следственную цепочку состояний *religio – paupertas – divitiae* (Cap. 20), а также многочисленные упоминания о мошенниках — псевдопроповедниках, которые богатели на этом движении бедности (Cap. 10), о подобных явлениях в новообразованных госпиталях и домах призрения бедных (Cap. 29), о «ложных канониках» (Cap. 30) и в целом о мотивах людей, использовавших движение бедности в корыстных целях (Cap. 33). См.: F. Hinnebusch (Hg.). *The Historia Occidentalis of Jacques de Vitry*. P. 128 f., 103 ff., 148 f., 152 ff., 163 ff.

¹⁷⁷ *Jakob von Vitry*. *Historia occidentalis*. Cap. 6; 32 / F. Hinnebusch (Hg.). *The Historia Occidentalis of Jacques de Vitry*. P. 89 f., 161 f.

¹⁷⁸ Подробнее см.: *Grundmann H. Religiöse Bewegungen im Mittelalter*. S. 170 ff.; *Elm K., Sprandel R., Manselli R.* Art. „Beg(h)inen“ / *Lexikon des Mittelalters*. Bd. 1. 1980. Sp. 1799–1803.

¹⁷⁹ Яркое описание содержится у Жака де Витри: *Jakob von Vitry*. *Historia occidentalis*. Cap. 15 / F. Hinnebusch (Hg.). *The Historia Occidentalis of Jacques de Vitry*. P. 117.

¹⁸⁰ *Grundmann H. Religiöse Bewegungen im Mittelalter*. S. 175 f., 203 ff., 532 f.

¹⁸¹ Ср. также с написанным Жаком де Витри житием св. Марии из Оиньи (*Acta Sanctorum*. Jun. 4. Venedig, 1743. P. 636 ss.) и с его проповедью о бегинках (*Greven J. Der Ursprung des Beginenwesens // Historisches Jahrbuch*. 1914. Bd. 35. S. 26-58; 291-318 (S. 41 ff.)).

¹⁸² *Grundmann H. Religiöse Bewegungen im Mittelalter*. S. 171.

вать бегинками (*beguinae*)¹⁸³, проживать не только в льежском диоцезе, но и во всей Франции и Германии «вместе в одном доме и подвигать друг друга к добру взаимным наставлением»¹⁸⁴.

Бегинки жили трудом своих рук. Среди них были женщины разных возрастов и из разных социальных слоев, даже представительницы аристократических родов или семей богатых горожан. Часто речь шла о молодых девушках, которые предпочли добровольную бедность выгодному браку, но не реже — и о замужних женщинах, которые разрывали брачные узы, связь с семьей и домом¹⁸⁵, подобно Марии из Оиньи (ум. 1213), которая являла собой «образец и средоточие женского благочестия в диоцезе Льеж около 1200 г.»¹⁸⁶ Жак де Витри описал этот «современный», т. е. новый тип святой (*sancta moderna*) в ее житии, обозначив при этом все основные моменты женского религиозного движения во времена около 1200 г.¹⁸⁷

Здесь прослеживаются явные параллели с жизнью Елизаветы Тюрингской¹⁸⁸. В житии Марии из Оиньи также упоминаются отказ от еды и напитков, происхождение которых связано с несправедливыми доходами¹⁸⁹, непонимание, насмешки, презрение и враждебность родственников, которые так и не смогли понять столь радикальную перемену ее образа жизни: «Миряне и родственники [...] скрипели зубами при виде ее, а те, кто почитал ее раньше в богатстве, презирали и высмеивали ее в бедности, поскольку сами стали для Христа бедными»¹⁹⁰.

¹⁸³ Ebd. S. 181, 185 f., 532.

¹⁸⁴ Ср. с сообщением из письма Жака де Витри от октября 1216 г. — R. V. C. Huygens (Hg.). *Lettres de Jacques de Vitry*. Leiden, 1960. S. 72. Nr. I.

¹⁸⁵ Grundmann H. *Religiöse Bewegungen im Mittelalter*. S. 188 ff.

¹⁸⁶ Ebd. S. 189 f.

¹⁸⁷ См. прим. 181. Цитата содержится в *Прологе* жития (*Acta Sanctorum*. Jun. 4. P. 638).

¹⁸⁸ Grundmann H. *Religiöse Bewegungen im Mittelalter*. S. 196; См. также литературу из прим. 50.

¹⁸⁹ Grundmann H. Op. cit. S. 195 f. О св. Марии и ее спутницах в *Прологе* к житию (*Acta Sanctorum*. Jun. 4. P. 636) сказано, что они жили трудом своих рук: «*labore manuum tenuem victum quaerebant, licet parentes earum multis divitiis abundarent. Ipsae tarnen oblimiscentes populum suum et domum patris sui, malebant angustias et paupertatem sustinere, quam male acquisitis divitiis abundare*».

¹⁹⁰ Vita I, 15: *saeculares et consanguinei <...> dentibus contra eos frende-*

Таким образом, случай Елизаветы не единичный. Благодаря полноте источников на ее примере хорошо просматривается идентичность бедности добровольной и вынужденной. Сама Елизавета идентифицировала себя с бедняками отнюдь не из религиозной наивности, а полностью отдавая себе отчет в своих действиях. Об этом можно судить по замечанию Конрада Марбургского в его небольшом сочинении (1232) о жизни Елизаветы — самом раннем свидетельстве о ней¹⁹¹. По его словам, в своем марбургском госпитале Елизавета приглашала к столу самых ничтожных и презираемых бедняков, за что он попенял ей. Она же ответила, что познала от этих людей своеобразную благодать и смирение, и это впоследствии, при размышлении о всей ее жизни, навело Конрада на мысль, что эта «без сомнения в высшей степени умная женщина» нуждалась в том, чтобы таким способом «сглаживать противоречия противоречиями же» (*contraria contrariis curare*)¹⁹².

Этим программным высказыванием, которое можно считать лейтмотивом всего движения добровольной бедности около 1200 г., Елизавета отринула все традиционные формы призрения бедных. И если ее помощь голодающим во время большого голода в 1220-х гг., когда она приказала раздать бедным весь урожай из амбаров ландграфа¹⁹³, или основание ею госпиталя у подножия Вартбурга¹⁹⁴ еще вписываются в рамки традиционной благотворительности, то уже по

---

bant; et quos prius venerabantur divites, contemnebant et irridebant pro Christo factos pauperes (Acta Sanctorum. Jun. 4. P. 640).

¹⁹¹ Werner M. Die Heilige Elisabeth und die Anfänge des Deutschen Ordens in Marburg. S. 122; Oexle O. G. Art. „Stand, Klasse“.

¹⁹² Huyskens A. Quellenstudien zur Geschichte der hl. Elisabeth, Landgräfin von Thüringen. 1908 (далее в сносках: Quellenstudien). S. 158: *Miserabiliores et magis despectos mense sue apposuit, super quo dum eam reprehenderem, respondit se ab eis singularem redpere gratiam et humilitatem, et quasi mulier indubitanter prudentissima vitam suam anteaquam michi recolligens dixit, sibi necesse esse taliter contrario contrariis curare*. Эта формулировка — *contrario contrariis* (т.е. от противного) — известна уже раннесредневековой аристократической этике и упоминается, например, в наставлении септиманской графини Дуоды своему сыну (Liber manualis. IV, 6. См.: Riché P. Sources chrétiennes. 225. Paris, 1975. P. 222 ss).

¹⁹³ Libellus. S. 27. О голоде 1225/26 гг. см.: Curschmann F. Hungersnöte im Mittelalter. S. 169 ff.

¹⁹⁴ Libellus. S. 28.

работе ее в этом госпитале видна главная характеристика всей деятельности Елизаветы — вкладывать себя целиком, трудиться не щадя сил. Это выражалось в равной мере и в том, как она помогала при родах, и в том, как заботилась о погребении и поминовении мертвых¹⁹⁵, и вылилось впоследствии в осознание полной идентичности с бедными, по образцу которых она стала воспринимать материальные, социальные и даже психические условия жизни.

Благотворительность Елизаветы распространялась при этом на беднейших из бедных¹⁹⁶. Исполнение физической работы, вязание и изготовление сукна (ткать холсты Елизавета не выучилась), приносило ей не только желаемые средства для благотворительности, но было и способом обеспечения собственных жизненных потребностей (*pro victu querendo*), став знаком реальной бедности, в которой жила Елизавета¹⁹⁷. Сюда же относится и та выдержка, с которой она переносила зачастую вызывающий отвращение внешний вид бедных, запах, исходивший от них, их ран и выделений¹⁹⁸. Известен эпизод, когда Елизавета в зеленый четверг привела к себе множество прокаженных и стала мыть им руки и ноги и целовала их ужасные опухоли¹⁹⁹. Такой поцелуй означал не только смирение и самоуничижение, он был прежде всего знаком уравнивания с ними в социальном, психическом и эмоциональном смыслах²⁰⁰. Если обозначать действия такого рода как «стилизацию»²⁰¹, значит в принципе понимать их неправильно.

После переселения в Марбург и основания там госпиталя эти черты проявились у нее еще более явственно. Сохранились молитвенные испрошения Елизаветы марбургского периода ее жизни, которые в определенной степени характеризуют основную направленность ее жизненных целей, как она сама это видела. Во-первых,

¹⁹⁵ Ebd. S. 25 f.

¹⁹⁶ Об этом говорят все старейшие свидетельства о жизни Елизаветы, а также упоминается в цитированном в прим. 192 тексте. Ср. также: *Libellus*. S. 28 f.

¹⁹⁷ *Libellus*. S. 25, 63 f., 68 f. (Цитата с. 68).

¹⁹⁸ Об этом см.: *Libellus*. S. 28 f., 62 (эпизод со служанкой).

¹⁹⁹ *Libellus*. S. 31; Ср. также с сюжетом со с. 62.

²⁰⁰ О ритуальном и в то же время социальном значении поцелуя см.: *Moser D.-R.* Art. „Kuß“ / *Handwörterbuch zur deutschen Rechtsgeschichte*. Bd. 2. Berlin, 1978. Sp. 1320–1322. Ср. также с замечаниями М. Молла: *M. Mollat. Les pauvres*. P. 149 s.

²⁰¹ См. прим. 19.

это обращенная к Господу просьба подвигнуть ее на полный отказ от имущества (*omnium temporalium contemptus*), затем просьба разрешить ее от любви к собственным детям (*ut puerorum dilectionem ei tolleret immoderatam*) и, наконец, просьба укрепить ее душу, чтобы сносить издевательства (*ut inspiraret animum spernendi contumelias*)²⁰². Разрешение от владения имуществом, гарантировавшего обеспеченность, разрешение от всех социальных связей, даже самых тесных из тех, которые есть у человека — всегда было сутью образа жизни по образцу апостолов (*vita apostolica*), поскольку оба эти состояния в высшей степени свойственны бедности. И если Елизавета постоянно молилась о том, чтобы любить собственных детей не больше, чем любого «ближнего», то это отнюдь не свидетельство бедности чувств, безответственности и мрачной аскезы. Поскольку на основании наиболее ранних свидетельств о ее жизни мы не раз убеждаемся, что нежное отношение к детям было весьма характерной чертой ее характера. Уже во время жизни на Вартбурге она заботилась о бедных детях (*pueruli pauperes*), как родная мать, и они называли ее в свою очередь «мамой»: сохранились сообщения, что она старалась порадовать этих детей кукольной посудой и стеклянными колечками²⁰³. Также и в Марбурге ее забота распространялась в первую очередь на детей и подростков, как свидетельствует, например, многократно упоминаемая в разных источниках история о парализованном мальчике, которого она ночами по несколько раз на плечах носила в отхожее место и снова и снова перестилала его испачканную постель²⁰⁴. Ведь не случайно Конрад Марбургский в 1232 г., чтобы дать представление о ее деятельности, привел три примера, как она ухаживала за детьми и молодыми людьми²⁰⁵.

Для обращения Елизаветы с окружающими характерны простые, полные сочувствия жесты: покрыть одеялом, пошутить, дружелюбно поговорить и утешить²⁰⁶. Те, кто жили с нею рядом и были свидетелями ее деятельности, неоднократно подчеркивают, сколь радостно просветленной (*hilaritas, iocunditas*) была ее жизнь в добро-

²⁰² *Libellus*. S. 46. Ср.: ebd. S. 47 (разъяснения самой Елизаветы).

²⁰³ *Libellus*. S. 28 f.

²⁰⁴ Ebd. S. 52, 61; Ср. также с сообщением Конрада Марбургского (*Quellenstudien*. S. 158 f.)

²⁰⁵ *Quellenstudien*. S. 158 f.

²⁰⁶ Ср.: *Libellus*. S. 61 ff.

волью взятой на себя бедности²⁰⁷. Несомненно, эта *hilaritas* имела спиритуальные черты и спиритуальное же значение; но она означала также вовлечение бедного в эмоциональную связь²⁰⁸. Еще недавно опять с уверенностью высказанное предположение, будто «средневековая (т. е. добровольная) бедность» характерным образом столь же редко связана с радостью и просветленностью, как и новозаветная, а чаще — с аскетическим, редко прерываемым мрачным настроением²⁰⁹, больше подходит к духовнику Елизаветы, подверженному страхам и недоверчивому Конраду Марбургскому²¹⁰, но не к ней самой.

Непринужденность и *hilaritas* являются определяющими чертами поведения Елизаветы в совместной жизни с другими добровольно принявшими обет бедности людьми в марбургском госпитале, где она собрала вокруг себя единомышленников, среди которых были также *pauperes* и *ignobiles*, и жила с ними по образцу братского товарищества или общины бегинок²¹¹. Они обращались друг к другу на «ты», ели из одной посуды и имели собственные формы для выражения принадлежности к одному сообществу²¹². Унижения и издевки, на которые Елизавета была обречена благодаря Конраду Марбургскому²¹³, она переносила «с самодисциплиной и выражением высокодифференцированного характера»²¹⁴ и со

²⁰⁷ Ebd. S. 32, 36, 75 f.

²⁰⁸ Весьма характерный сюжет о бедняках у ночного костра содержится в *Libellus* (S. 57 f.).

²⁰⁹ Lindgren U. Europas Armut. S. 401.

²¹⁰ Эта характеристика Конрада Магдебургского подтверждается лаконичными, но вполне однозначными замечаниями из *Libellus* (S. 69) и его собственными самообличающими высказываниями (Quellenstudien. S. 156 ff.).

²¹¹ *Libellus*. S. 72. Об образе жизни ср.: Borst A. Art. „Elisabeth“ / Neue Deutsche Biographie. Bd. 4. 1959. Sp. 452; Werner M. Die Heilige Elisabeth und die Anfänge des Deutschen Ordens in Marburg. S. 131 ff.

²¹² Ср.: *Libellus*. S. 72.

²¹³ Здесь следует напомнить о физических лишениях, о расставании с доверенными спутницами в бедности, задуманном как постепенное и от того нарочито болезненное, об их последующем удалении от нее недружелюбными и высокомерными родственниками, а также о многочисленных примерах сопротивления устремлениям Елизаветы со стороны Конрада как ее духовника — о запрете собирать и подавать милостыню, об осуждении ее общения с беднейшими из бедных. Ср.: *Libellus*. S. 49, 69 ff., а также с высказываниями самого Конрада (Quellenstudien. S. 157 f.)

²¹⁴ Borst A. Art. „Elisabeth“. Sp. 452.

свойственным ей умом. Ее ум, впрочем, проявился не только в идейно насыщенном и эффективном служении бедным, но и в том, как она различала умонастроения в движении добровольной бедности. У нее не было недостатка в житейской мудрости, если речь шла об этом²¹⁵. Во время посещения монастыря, монахи которого жили от милостыни, т. е. приписывали себя к движению добровольной бедности, ей показали драгоценные инкрустированные золотом статуи в церкви. Елизавета отреагировала на это ироническим вопросом, не лучше ли было бы конвенту сразу израсходовать эти деньги на свое содержание и платье, «ведь такие украшения надобно воздвигать в своем сердце», а не в помещении церкви²¹⁶. Познания Елизаветы в медицине, которые она использовала на благо бедным, приводили Конрада в изумление²¹⁷. Когда она еще была ландграфиней, то не только раздавала милостыню, но и дарила бедным крестьянам рабочую обувь и сельскохозяйственный инвентарь, а бедным женщинам — дорогие ткани, но не с тем, чтобы они могли украсить себя ими, а чтобы, продав подарок, помочь себе в самом необходимом и тем самым снова обрести возможность зарабатывать на жизнь своим трудом²¹⁸.

Такого рода частности из жизни Елизаветы Тюрингской — бедной среди бедных — опровергают часто высказываемое мнение, будто средневековое призрение бедных — это «ни что иное, как форма аскезы» или «доброе деяние», которое должно «улучшить судьбу благодетеля на том свете», и что оно обусловлено мотивами, учитывающими «подателя, а не получателя»; что «солипсистская тенденция средневекового типа милосердия», как было сказано, «внутренне ориентировалась, условно говоря, не на бедных», это был тип «полного пренебрежения принципом», который никогда не воспринимался «людьми как просто средство, а всегда — как цель»²¹⁹. То, что в Средние века были люди, понимавшие дело по-

²¹⁵ Об этом подробно сообщает *Libellus* (S. 58).

²¹⁶ *Libellus*. S. 75. Ср.: Maurer W. Die heilige Elisabeth und ihr Marburger Hospital // *Idem*. Kirche und Geschichte. Gesammelte Aufsätze. Göttingen, 1970. Bd. 2. S. 284-319.

²¹⁷ *Quellenstudien*. S. 159.

²¹⁸ *Libellus*. S. 30.

²¹⁹ *Simmel G. Soziologie* S. 348, 353. Аналогично: *Sachsse Ch., Tennstedt F. Geschichte der Armenfürsorge in Deutschland*. S 29: «Мотив учреждения госпи-

мощи бедным только в таком смысле, неоспоримо, равно как и то, что были и такие, кто использовал заботу о бедных для собственного обогащения²²⁰. Но как обобщение — это суждение все-таки ошибочно. Следует опровергнуть и еще одно ошибочное суждение, которое исходит из убежденности, будто бы в Средние века не было никаких «проектов или резолюций», чтобы изменить ситуацию, послужившую причиной несправедливости²²¹. Это мнение, которое, впрочем, распространяется и на Античность, верно только в том отношении, что и античному, и средневековому мировоззрению свойственно представление о совершенном мироустройстве (космосе), которому социальный порядок сопричастен как установленный Богом, а потому он в принципе не может быть улучшен²²². Но если отсюда выводить мнение, будто добровольная бедность около 1200 г. была «чисто моральной», и люди в это время были «неспособны задуматься о данностях, из которых проистекает социальная несправедливость», даже если и признавали приносимый ею ущерб²²³, то это, конечно же, заблуждение. Поскольку это мнение игнорирует свойственное многим людям того времени фундаментальное понимание глубокого противоречия между «бедностью» и «трудом», с одной стороны, и «сословием», с другой, а также его религиозных, социальных и экономических последствий. Это мнение игнорирует также те изменения для бедных в материальном и социальном смысле, которые стали следствием движения добровольной бедности. Как и во многих других подобных случаях, ошибочные суждения такого рода обусловлены трудностью для современного человека усмотреть воздействие религиозных мотивов

талей и завещаний в пользу бедных является преимущественно актом заботы дарителя о собственной душе <...>, а отнюдь не оптимального призрения бедных. <...> Социальное измерение феномена бедности ни в коем случае не было центральной характеристикой практики раздачи милостыни, социальная помощь являла собой скорее ее побочный продукт. Общественные причины бедности в литературном изображении призрения бедных оставались без какого-либо освещения».

²²⁰ См. прим. 176.

²²¹ *Cognar Y.* Zwei Faktoren der Sakralisierung des gesellschaftlichen Lebens im europäischen Mittelalter // *Concilium*. 1969. № 5. S. 520-526 (S. 523).

²²² Об этом подробнее см.: *Oexle O.G.* Art. „Stand, Klasse“.

²²³ *Vaucher A.* Charité et pauvreté chez sainte Elisabeth de Thuringe. P. 173; *Sachsse Ch., Tennstedt F.* Geschichte der Armenfürsorge in Deutschland. S. 29.

вов за пределами сферы религии — в правовой, экономической, общественной жизни.

Сами бедные, как в случае Елизаветы Тюрингской, своим поведением также давали свидетельства существования радикальной альтруистической тенденции в движении бедности. После смерти Елизаветы Марбург — место, где она осуществила свое подвижничество, где умерла и была похоронена — превратился в «место встречи бедных»²²⁴. Масштабы паломничества к мертвой Елизавете свидетельствовали о необычности ее деятельности при жизни. Как известно, предпосылкой паломничеств *pauperes* в Марбург стал церковный культ Елизаветы (с 1235 г.) и ее почитание среди *potentes*, из числа которых к гробу святой вскоре пришли и ее родственники, и, наконец, даже сам император Фридрих II (1236)²²⁵. В формировании контингента бедных паломников отразилась опять-таки специфика бедности того времени. Непосредственно после погребения на могиле Елизаветы произошли первые чудеса²²⁶. Слепые смогли снова видеть, парализованные — ходить, мертвые возвращались к жизни. Однако видно, что среди исцеленных или возвращенных к жизни было исключительно много детей и молодых людей. Как и во многих других подобных случаях, в случае Елизаветы Тюрингской эти чудеса стали предпосылкой причисления ее к канону святых. Но с точки зрения социально-исторической следует, однако, подчеркнуть, что такого рода события были гораздо менее удивительными, нежели добровольное принятие на себя настоящей бедности во всех ее социальных проявлениях.

(Перевод с немецкого Ю. Е. Арнаутовой)

---

²²⁴ Это выражение в аналогичной связи применил и М. Молла: *M. Mollat. Les pauvres*. P. 84.

²²⁵ Ср.: *Werner M. Die Heilige Elisabeth und die Anfänge des Deutschen Ordens in Marburg*. S. 138 f., 143-148 ff.

²²⁶ Первое чудо произошло уже в день ее погребения (*Quellenstudien*. S. 150). О чудесах св. Елизаветы помимо краткого перечня 1232 года. (*ebd.* S. 150) существует подробный отчет инквизиционной комиссии 1233 года (*ebd.* S. 161 ff.).

С. И. Лучицкая

МУСУЛЬМАНСКО-ХРИСТИАНСКИЕ КОНТАКТЫ В XII–XIII ВВ.: СОВМЕСТНОЕ ПОЧИТАНИЕ САКРАЛЬНЫХ ОБРАЗОВ

Об этом чуде поведали многие хронисты XII века: хранившаяся в монастыре Саиднайи, неподалеку от Дамаска, икона Богоматери обрела плоть и начала беспрестанно источать благоуханное масло с запахом бальзама. Почитатели иконы с помощью этого масла исцелялись от разных недугов, причем запас его не уменьшался, сколько бы его ни брали¹.

Начиная с XII в. и вплоть до XVII в. рассказы о чудотворной иконе переходили из хроники в хронику, обрастая новыми фантастическими деталями и воздействуя на воображение средневековых читателей и слушателей. Наиболее подробно легенда о знаменитой иконе была передана Готье де Куэнси, французским автором, написавшим в начале XIII в. сочинение «Чудеса Богоматери»². Вот его рассказ. Святая женщина удалилась в пустыню Дамаска, где жила в отшельничестве и предавалась молитвам во славу Богоматери. Один монах из Константинополя во время паломнического путешествия в Иерусалим воспользовался ее гостеприимством. Она умоляла своего гостя привезти ей из Иерусалима образ Богоматери³. Когда путешествие монаха закончилось, он покинул

---

¹ См.: *Hamilton B.* Our Lady of Saidnaiya: an Orthodox shrine revered by Muslims and Knights Templar at the time of the Crusades // *The Holy Land, Holy Lands, and Christian History* / Ed. R. N. Swanson. Woodbridge, 2000. P. 207-215.

² Источником для Готье де Куэнси послужила поэма, рукопись которой находится в библиотеке г. Тура. См.: *Raynaud G.* Le Miracle de Sardenay // *Romania*. Paris, 1882. Т. XI. P. 529.

³ “Et pour Dieu et pour la vostre ame, / Un ymage de Nostre Dame / De Jherusalem m’aportez...” // “C’est d’un moine qui vout restolir a une none une ymage de Nostre Dame Que il li avoit aporte de Jherusalen miracle versifie par

Иерусалим, так и не вспомнив о своем обещании. Но спустя короткое время он услышал голос с небес, упрекавший его в забывчивости⁴. И тогда монах вернулся и приобрел икону с изображением Богоматери. По пути домой ему встретился свирепый лев-людоед, но, завидев его, лев стал кротким, как ягненок, и начал лизать ему ноги⁵. Как только монах выпутался из этой истории, он попал в руки разбойников, грабивших паломников. Однако голос с небес запретил им причинять зло монаху. Изумленный паломник начинает понимать, что многократной защитой небес он обязан иконе⁶. И потому он решает, минуя обитель отшельницы, отвезти чудотворный образ к себе на родину. Преисполненный решимости завладеть иконой, он садится на корабль в Акре. Внезапно поднимается буря. Монах, чувствуя, что смерть неминуема, намеревается бросить икону в море, но внезапно появившийся ангел запрещает ему это и, напротив, приказывает поднять христианский образ высоко к небесам. Тут же бурное море делается спокойным⁷. Монах начинает сознавать, что он должен непременно посетить святую отшельницу, дабы исполнить божественную волю. Но во время его визита к ней отшельница не узнает своего давнего гостя. Тот, считая свой долг выполненным, решает увезти икону домой и в местной часовне молится о своем благополучном возвращении. Но когда он пытается выйти из молельни, дверь не открывается⁸. Пораженный всеми этими ниспосланными свыше знаками, монах рассказывает о своих приключениях отшельнице. Оба решают хранить в местной церкви образ Богоматери и окружить его всяческим почитанием. Через некоторое время Дева Мария ниспосылает им свидетельство своей благодарности — ее образ начинает источать пахучее масло,

---

Gautier de Coincy / Ed. crit. de Pol Jonas. Helsinki, 1959 (Далее: Gautier de Coincy). P. 77.

⁴ «Mais une voiz dou ciel li vint... / Et dit qu'il fait mout grant folege / Quant il oblie ainsi l'ymage...» // Ibid. P. 83.

⁵ «...Si douz et si simples deviant / Qu'aterre s'est touz plaz couchiez, / Si li baise et leche les piez...» // Ibid. P. 85.

⁶ «Bien set et voit que Nostre Sire / Miracles fait pour cele ymage...» // Ibid. P. 86.

⁷ «Mais prie Dieu d'entier courage / Et vers le ciel lieve l'ymage...» // Ibid. P. 88.

⁸ «Mais il ne ouet pour nul poiir / De la chapele l'uis vooir» // Ibid. P. 92.

которое излечивает больных разными недугами⁹. Отшельница решает переместить чудотворный образ в более пышную церковь и просит священника заняться этим. Но стоило только священнику приблизиться к иконе, как он тут же упал сраженный болезнью и умер через три дня после этого происшествия¹⁰. С тех пор никто не решался прикоснуться к образу или перенести его в другую церковь. Икона продолжала источать чудодейственное масло, и даже султан Дамаска вылечился с ее помощью от слепоты.

Таков в общих чертах рассказ Готье де Куэнси¹¹. История о «воплощенном образе» явилась источником широко распространенной легенды о «сарацине, обращенном под влиянием созерцания иконы Богоматери»¹². Содержание этой легенды таково: некий сарацин приобрел христианский образ, который он очень почитал, но все же не готов был обратиться в христианство, так как отвергал догмат о Воплощении. В один прекрасный день икона обрела плоть. Пораженный этим чудом, сарацин тут же перешел в христианство.

Как известно, то или иное отношение к изображениям было в средние века важным критерием разделения на “своих” и “чужих”. Между христианами и иноверцами — прежде всего евреями, но также отчасти и мусульманами — шла незатухающая полемика по поводу изображений. В средневековых сочинениях часто встречаются рассказы о глумлении иноверцев над христианскими образ-

---

⁹ “...Car mout gramment ne tarda mie /Qu’a süer prist la sainte ymage / Une liqueur qui maint malage /Par le pais asoja...” // Ibid. P. 98.

¹⁰ “Car lues que ses mains I toucherent, /Tantost morurent et secherent; / Et si liprist tex maladie /Qu’il departi de ceste vie...” // Ibid. P. 101.

¹¹ На самом деле, в средневековой традиции существовали две версии легенды об иконе в Саиднайе. Согласно одной из них, икона происходила из Константинополя и была приобретена одним патриархом из Иерусалима, а затем перешла к аббатиссе Саиднайи. Согласно другой — монахиня из монастыря в Саиднайе попросила некоего монаха привезти ей икону Богоматери из Иерусалима. См.: *Kedar B. Z. Convergences of Oriental Christian, Muslim and Frankish worshippers; the case of Saydnaya and the Knights Templar // The Crusades and the Military Orders. Expanding the frontiers of Medieval Latin Christianity. Budapest, 2001 / Ed. by Z. Hunyadi and J. Laszlovsky. Budapest, 2001. P. 92.*

¹² *Bacci M. A Sacred Space for a Holy Icon: the shrine of Our Lady of Saydnaya // Иеротопия. Исследование сакральных пространств. Сост. А.М. Лидов. М., 2004. С. 132.*

ами: сарацины или иудеи мечут в них стрелы, бросают их на землю, топчут ногами и пр.¹³. Чаще всего образы весьма активно защищают себя от надругательств врагов христианства. Согласно топосам церковной литературы, действия иноверцев приводят либо к божественному возмездию и наказанию глумящихся¹⁴, либо — и чаще всего — к обращению иноверцев под влиянием происходящих чудес. Известен рассказ о конверсе Германе Иудее, который перешел в христианскую веру под влиянием созерцания скульптурного изображения Христа¹⁵.

Немалое число агиографических текстов рассказывает и об обращении мусульман в христианство и их последующей мученической смерти от рук бывших единоверцев. Таков случай Антония Рува¹⁶. Он служил при Аббасидском дворе в VIII в. и в свободное время забавлялся тем, что досаждал монахам из монастыря св. Теодора. Как-то раз он метнул стрелу в икону святого. Христианский образ отразил удар, и вернувшаяся обратно стрела больно ранила мусульманина в руку. Целый ряд видений подтвердил Антонию Руву, что это чудо — знамение свыше. Под влиянием происшедшего он отправился к реке Иордан и крестился. После возвращения в Дамаск семья прокляла его как вероотступника, а власти обезглавили его. Неизвестно, является ли этот рассказ фикцией или передает реально происшедшее событие. В данном случае нам важно еще раз отметить существование неких топосов в описании отношения мусульман и христиан к изображениям.

Начиная с XII в. в хрониках и агиографической литературе мы также встречаем рассказы о сарацинах, которые проявляют интерес к христианским образам и святыням. Речь идет, во-первых, о паломническом центре в Египте близ деревни Матарийя, где по преданиям во время бегства в Египет останавливалось святое семейст-

---

¹³ См.: *Луцицкая С. И.* Христианско-мусульманская полемика по поводу изображений в эпоху крестовых походов // *Одиссей. Человек в истории*. М., 2006 (в печати).

¹⁴ *Historia peregrinorum euntium Jerusalem seu Tudebodus imitatus et continuatus* // *RHC. Hist. Occ. Paris*, 1866. Т. III. P. 195-196.

¹⁵ *Schmitt J.-C.* La Conversion d'Hermann le Juif. P., 2003. P. 143-179.

¹⁶ *Dick I.* La Passion arabe de S. Antoine Ruwah neo-martyr de Damas (+ dec. 799) // *Le Museon* 98 (1985). P. 331-374.

во (Матф. 2:14), и во-вторых, о церкви Богоматери в местечке Саидная, где почиталась ее икона. Рассмотрим по порядку эти рассказы средневековых авторов.

Матарийя

Первое подробное описание паломнического центра в Матарийе мы находим в составе «Славянской хроники» Арнольда Любекского. Средневековый автор сообщает, что в 1175 г. император Фридрих I Барбаросса послал некоего Бурхарда Страсбургского в Египет к «королю Вавилона Саладину». Арнольд Любекский вставляет в свою хронику рассказ, якобы написанный этим средневековым послом¹⁷. Бурхард сообщает о прекрасном бальзамовом саде, где находится источник, в котором Богоматерь омыла пеленки младенца Христа. Примечательно, что, по его словам, источник почитают не только христиане, но и сарацины, которые во время омовений приносят к нему ладан и свечи.

«В том саду есть источник, его орошающий, и никаким иным источником он не может быть орошаем. Заметьте также, что нигде, как только в этом месте, растет бальзамовое дерево. Сюда приходили святая Дева Мария и Спаситель, когда скрывались от преследований царя Ирода. Здесь она на некоторое время нашла пристанище и в этом источнике омыла пеленки своего сына, которые в силу его человеческой природы были ему необходимы. По этой причине источник и до наших дней является объектом почитания у сарацин: когда они совершают здесь омовения, то приносят сюда ладан и свечи. Во время праздника Богоявления огромное число людей приходит сюда из всех окрестностей и умываются этой водой»¹⁸.

---

¹⁷ Этот императорский посол в коротком пассаже (5-6 страниц) рассказывает о своем отправлении из Генуи, посещении Александрии, Каира, путешествии к Дамаску через пустыню. Его особое внимание привлекли Александрийский маяк, египетские пирамиды, флора и фауна Ближнего Востока. См.: Arnoldi Lubecensis Chronica Slavorum / Ed. G. Pertz. MGH. SS. München, 1869. T. 21. P. 235-241.

¹⁸ Arnoldi Lubecensis Chronica Slavorum. P. 237-240: «Hic hortus habet fontem unde irrigatur, quia ab alia aqua non potest irrigari. Nota, quod nusquam terrarum nisi in hoc loco balsamum crescit. Ad hunc fontem beata Virgo cum Salvatore nostro Herodis persecutionem fugiens confugerat, et ibi per aliquot tempus lavabat, lavans ad fontem illum pannos pueri, ut natura hominis requirebat. Quapropter

Далее Бурхард рассказывает и о другом объекте почитания — древней финиковой пальме, которая склонилась с тем, чтобы Богоматерь могла собрать плоды с ее веток. Сарацины разрубили дерево, но произошло чудо — дерево вновь выпрямилось. Но, как сообщает Бурхард, в его времена те же сарацины почитают это дерево, объектом их почитания являются и многие другие места, где останавливалось святое семейство:

«Там же, около Каира, есть очень древняя и очень высокая пальма, склонившаяся перед святой Девой Марией, когда та вместе со Спасителем проходила мимо нее: дерево позволило ей собрать с него финики и затем вновь распрямилось. Сарацины, жившие там в то время, испытывая зависть к святой Деве Марии, разрубили дерево на куски. На следующую ночь дерево, прочное и целое, оказалось на прежнем месте, но и сегодня можно видеть на нем рубцы. Сарацины и поныне почитают это дерево; каждую ночь они зажигают около него свечи. Есть несколько мест, в которых святая Дева Мария нашла пристанище во время бегства в Египет, и все они почитаются как христианами, так и сарацинами...»¹⁹.

Рассказ Бурхарда, дополненный новыми деталями или слегка измененный, был воспроизведен в целом ряде средневековых текстов, в частности, в письмах Оливера Кельнского, где он предлагал вавилонскому султану обратиться в христианство. Немецкий писатель упоминает источник, «о котором рассказывает древнее предание и распространяет общая молва, что славная Дева произнесла над ним молитву и омыла в нем детские пеленки Спасителя»²⁰. Оливер

---

usque in hodiernum diem fons illa a Sarracenis in veneratione habetur, deferentes illuc cereos et incensum, quando si ibi lavant. In epyphania vero maxima multitudo illuc confluit de omni confinio et lavat se cum aqua predicta”

¹⁹ “...Item apud Chayr est arbor palme antiquissima et altissima, que se beate Virgini inclinavit, quando cum Salvatori nostro illi transivit, et ab ea dactila collegit, et iterum erigebatur. Hoc tunc temporis Sarraceni videntes beate Virgini invidabant et arborem in duobus locis membratim succidebant. Nocte vero proxima arbor solidata fuit et erecta, et usque in hodiernum diem vulnera succisionis apparent. Hanc quoque arborem Sarraceni in veneratione habent, et candelis omni nocte illuminatur. Sunt alia lica diversa, ubi beata Virgo habitabat, in Egipto a christianis et Sarracenis venerata...” Ibid. P. 237-238.

²⁰ Oliveri Coloniensis Epistola salutaris regi Babilonis ab auctore huius operas conscripta (Epistola 4) // Die Schriften des Kölner Domscholastikers, späteren

Кельнский также очень подробно рассказывает о том, как добывается бальзамовое масло, которое султан дарит своим фаворитам²¹.

Без особых изменений текст Бурхарда отрывочно передан и в «Восточной истории» псевдо-Жака Витрийского. Он сообщает о знаменитом источнике, который почитают сарацины:

«К этому источнику приходила блаженная Дева со Спасителем во время преследований Ирода и там остановилась на некоторое время, омыв в источнике пеленки младенца Христа, как того требовала его человеческая природа. Вот почему до сегодняшнего дня этот источник почитают сарацины, которые, когда омываются его водами, приносят туда свечи и ладан»²².

Bischofs von Paderborn und Kardinal-Bischofs von S. Sabina Oliverus / Ed. H. Hoogweg. Tübingen, 1894. P. 262-263: "Fons est in medio, de quo trahit antiquorum relatio et fama celeberrima divulgatur, gloriosam Virginem ipsum oratione sua produxisse ac pannos infantie Salvatoris in eo lavisse".

²¹ «Осенью они так собирают бальзам: скручивают ветку и натирают мазью и с помощью пресса выжимают капли, которые помещают в небольшие сосуды; затем выпаривают на солнце в течение 20 дней, после чего снимают пену на огне; жидкость же распределяют по ампулам, ведь из всей субстанции после очистки остается совсем немного чистого бальзама... Султан же за большое вознаграждение среди правителей распределяет его в ампулах». Ibid. P. 262: "In autumno balsamum colligitur sic: contorquetur virgula et ungue confriatur et per cocleam preacutam excipitur stilla, que reponitur in vasculis; deinde ad solem excoquitur viginti dies, postmodum ad ignem despumatur; liquor vero dividitur per ampullas, nam de integra substantia post depurationem modicum remanet de balsamo non mixto. Venditores autem et emptores decipere, ideoque apud venditores raro purum invenitur. Soladnus inter principes orbis pro magno munere in ampullis distribuere solet illud".

²² Jacobi de Vitriaco Historia Orientalis seu Hierosolymitana // Gesta Dei per Francos. Hannoviae, 1611. P. 1047-1128: "Hic hortus habet fontem unde irrigatur, quia ab alia aqua non potest irrigari. Nota quod nusquam terram nisi in hoc loco balsamum crescit. Ad hunc fontem beata Virgo cum Salvatore nostro Herodis persecutionem fugiens confugerat, et ibi per aliquot tempus latitabat, lavans ad fontem illum pannos pueri, ut natura hominis requirebat. Quapropter usque in hodiernum diem fons illa a Sarracenis in veneratione habetur, deferentes illuc cereos et incensum, quando se ibi lavant". Краткое сообщение о святом источнике есть и у Марино Сануто, который путешествовал по Восточному Средиземноморью в начале XIV в. См.: Liber secretorum // Gesta Dei per Francos. Hannoviae, 1611 P. 269: "Hic autem ortus non solo fonte foecundari potest, in quo beata Virgo pan-

Чем же объяснить особое отношение сарацин к христианским святыням в Матарийе? Чтобы ответить на этот вопрос, уточним, что сведения об этом паломническом пункте есть не только в западной, но и в восточно-христианской литературе. Так, чрезвычайно много свидетельств об источнике в Матарийе у коптских авторов. В конце XII в. известный коптский автор Абу-ль-Макарим детально описывает место паломничества, рассказывает о культуре бальзамовых деревьев и о всеобщем почитании источника²³. В частности, он сообщает, что посланцы греков, франков, эфиопов и нубийцев приходили ко двору халифа и шли к аль-Матарийе, дабы омыться в водах источника²⁴. Но примечательно, что если Бурхард и другие западные авторы, описывающие собравшихся в Матарийе многочисленных паломников, настаивают на том, что это собрание включает как христиан, так и мусульман, то Абу-ль-Макарим считает это собрание исключительно христианским. Коптский автор также сообщил, что на камне у этого источника христиане причащались²⁵. Напрашивается предположение: не приняли ли западноевропейские паломники и путешественники арабоязычных христиан за мусульман?

Даже если это так, было бы интересно рассмотреть, как средневековые хронисты описывают отношение к христианским изображениям тех, кого они причисляют к нехристям, в какой степени сохраняются в этих описаниях прежние топосы.

---

niculos pueri Iesu lavisse dicitur. Ad hunc fontem in Epiphania, Christiani et Saraceni convenirent; et in eo ex devotione corpora sua lavant"

²³ *Zanetti U.* Matarieh, la sainte famille et les baumiers // *Analecta Bollandiana*. 1993. Т. 111, fasc. 1-2. P. 21-68. В 1966 г. во времена правления Насера бальзамовое дерево в Матарийе было объявлено национальным памятником. Насер издал декрет, согласно которому оно охраняется государством. См.: *Valensi L.* La fuite en Égypte. Histoires d'Orient et d'Occident. Essai d'histoire comparée. P., 2002. P. 132-143.

²⁴ *Tolan J.* "Veneratio Sarracenorum": dévotion commune entre musulmans et chrétiens selon Burchard de Strasbourg, ambassadeur de Frédéric Barberousse auprès de Saladin (v.v. 1175) // *Prouteau N., Sénac P.* (éds.), *Chrétiens et musulmans en Méditerranée médiévale (VIIIe-XIIIe s.) Échanges et contacts*. Poitiers, 2003 P. 190.

²⁵ Об этой святыне сообщали и многие древнерусские авторы — в частности, купец Василий (1465–1466 гг.) и паломник Варсонофий Новгородский (1541–1556 гг.). См.: *Zanetti U.* *Op. cit.* P. 44-45.

На первый взгляд, в рассказах средневековых авторов о почитании святынь иноверцами можно выделить целый ряд топосов, характерных, в частности, для агиографической литературы. Так, упоминаемая Бурхардом финиковая пальма, которая свидетельствует о своем почитании Святого семейства и питает его своими плодами, относится к распространенному типу средневековых легенд: природа, которая чтит своего Творца и служит ему. Эта финиковая пальма имеет свое соответствие в Коране: это пальма, под которой Мариам родила Ису и которая также чудесным образом напитала ее своими финиками²⁶. То, что в рассказе Бурхарда пальма сначала склоняется перед Иисусом и Богородицей, а затем чудесным образом выпрямляется после разрушения ее «сарацинами», является доказательством святости Марии и Иисуса: согласно топосам средневековой литературы это второе чудо должно было бы либо привести к божественному отмщению сарацинам, которые разрушили дерево, либо к подтверждению первого чуда, что обычно ведет к обращению неверных. Но в случае приведенных выше свидетельств из сочинений средневековых авторов может идти речь лишь о частичном обращении сарацин: хотя сарацины и научаются почитать Деву в том самом месте, где произошло это двойное чудо, но они делают это, оставаясь сарацинами, а не обращаясь в христианство. Бурхард же, а вслед за ним другие средневековые писатели, делает из этого чуда легенду о добрых отношениях между христианами и «сарацинами» Египта: эта гармония является ни чем иным, как результатом чуда, которое было произведено Иисусом и его матерью во время их прохода через Египет. Примечательно, что он противопоставляет прежних сарацин, надругавшихся над христианскими святынями, и современных, которые почитают христианские святыни.

Рисуя гармонию в отношениях между сарацинами и христианами, рассказывая о совместном почитании ими святынь, Бурхард, однако, вовсе не сглаживает различий между доктринальными постулатами ислама и христианства. Так, описав благочестие «сарацин», проявляемое по отношению к Богородице в Матарийе, Бурхард предлагает своим читателям следующее объяснение:

---

²⁶ *Valensi L.* Op. cit. P. 132-143.

«Сарацины на самом деле верят в то, что благословенная Дева зачала Иисуса Христа от ангела, что она произвела его на свет. Они говорят, что сын Девы был великим пророком и что он чудесным образом был восхищен на небеса; они отмечают день его Рождества, но они отрицают, что он сын Бога и что он был крещен, распят, умер и погребен. Они утверждают, что именно они следуют учению Христа и апостолов, поскольку они совершают обрезание, в то время как мы этого не делаем. Они верят, что апостолы также были пророками, и они почитают многих мучеников и исповедников»²⁷.

В целом же описание совместного почитания святых является совершенно новым топом средневековой литературы. Эти изменения в описании мусульманско-христианских контактов можно видеть и на примере рассказов о другом паломническом центре — в Саиднайе.

Саиднайя

Этот важный пункт паломничества в XII в. находился в монастыре в местечке Саиднайя неподалеку от Дамаска. В церкви этого монастыря помещался уже упоминавшийся в связи с рассказом Готье де Куэнси образ Богоматери, источавший чудесное масло, с помощью которого представители разных конфессий излечивались от недугов²⁸. Самое раннее и, несомненно, наиболее подробное

²⁷ Arnoldi Lubecensis Chronica Slavorum. P. 238-239: “Credunt autem Sarraceni beatam Virginem per angelum concepisse Iesum Christum, peperisse et post partum virginem permansisse. Hunc filium virginis sanctum prophetam fuisse dicunt et a Deo mirabiliter cum anima et corpore in celum assumptum, celebrans et eius nativitatem. Sed negant eum esse filium Dei et baptizatum, crucifixum, mortuum et sepultum. Certant etiam, se habere legem Christi et apostolorum, quia circumcisi sunt, nos vero maxime. Credunt etiam apostolos propheta fuisse et plures martyres et confessores in venerationem habent”.

²⁸ Прозаическое объяснение этого чуда дал Рейно. С его точки зрения, речь идет скорее всего о гуммиаке, который получался из пахучего дерева, возможно, кедрового дерева, на котором был написан образ Богоматери; затвердевая, испарения образовывали корку. См.: *Raynaud G. Le Miracle de Sardenay // Romania*. T. 11. P. 529: “nous admettons facilement que cette huile n’était originellement autre chose qu’une gomme rendue par un bois odiférant, le cedre peut être, sur lequel avait été peinte l’image; les exsudations de l’arbre en se durcissant avaient produit une sorte de croûte faisant une espèce d’incarnation” (pictura super lignum incarnata est”.

описание этого образа мы находим все в том же сочинении Бурхарда Страсбургского, дошедшем до нас в составе хроники Арнольда Любекского. Вот что пишет императорский посол об образе в Саиднайе:

«В трех милях от г. Дамаска есть место в горах под названием Саиднайа, в котором живут христиане; там находится церковь Богоматери, в которой 12 монахинь и 8 монахов ревностно служат Богу и святой Деве Марии. В этой церкви я видел деревянный образ в полсажени длиной и полсажени шириной; он стоял за алтарем в стене святилища, в окне, обрамленном железной решеткой. На этом образе когда-то было нарисовано изображение Богоматери, но ныне — о чудо! — изображение обрело плоть и беспрестанно источает благоуханное масло с запахом бальзама. Некоторые христиане, сарацины и евреи исцелялись с помощью этого масла от разных недугов. Заметьте, что запас этого масла не уменьшается, сколько бы его ни брали. Не допускают даже того, чтобы кто-либо прикасался к этому образу, потому что, как кажется, он дарован всем людям. Масло это тщательным образом хранится благочестивым христианином, и запасы его только увеличиваются, если его принимают с благочестием и искренней верой, во славу Святой Девы, и несомненно, что тогда можно излечиться от любого недуга. Во время праздников Успения Богоматери и Ее Рождества все сарацины из этой округи приходят сюда вместе с христианами, чтобы помолиться, и сарацины совершают там с великим благочестием свои обряды...»²⁹.

---

²⁹ Arnoldi Lubecensis Chronica Slavorum. P. 239-240: "Item a Damasco ad tria miliaria est locus quidam in montibus situs, qui Saydaneia vocatur et a christianis inhabitatur, et est ibi ecclesia in rupe sita et in honore Virginis dedicata, in qua moniales virgines duodecim et monachi octo assidue Deo serviunt et beate Virgini. In qua ecclesia vidi tabulam ligneam ad mensuram unius ulne longam et latam ad modum dimidie ulne, retro altare in muro sanctuarii in fenestra positam, et ferro laqueariter cancellatim firmatam. In qua tabula effigies beate Virginis aliquando depicta fuit, sed nunc, quod dictu mirabile est picture super lignum incarnata et oleum odoriferum super odorem balsami incessanter ex ea manat. De quo oleo multi christiani, Sarraceni et Iudei de diversibus langouribus sepe liberantur. Nota, quia oleum illud nunquam minuitur, quantumcumque inde accipiat. Nec predicta tabula a quoquam tangi audeatur, videri autem omnibus hominibus conceditur. Oleum vero illud a christiano religioso conservatur, augmentabitur, et pro quacunque re cum devotione et fide sincera sumptum fuerit, pro honore sancte Virginis cum misseque solempnitatibus indubi-

Итак, Бурхард первым отметил факт совместного почитания образа Девы Марии христианами и сарацинами, которые собираются в Саиднайе во время праздников, посвященных Богоматери.

Рассказ Бурхарда дополняет немецкий хронист Альберих Труафонтен. В его повествовании встречаются уже известные нам детали: сообщение о монашке, которой некий паломник подарил образ Богоматери, знаменательная история о том, как изображение Девы Марии не захотело перемещаться в большую церковь; он также отмечает, что мусульманский правитель, излечившийся от слепоты при помощи образа, отблагодарил за это христианскую церковь.

«В то время, когда греки и армяне владели Сирией, была некая монашенка, удалившаяся от мира, служащая Богу в 6 лье от Дамаска в местечке, которое называется Саиднайя. Этой монахине некий монах подарил нарисованный на доске образ прекраснейшей блаженной Девы. Сначала из лица, а потом из всего тела стало сочиться масло. Приходили больные и излечивались с помощью этого масла. Монах построил большую церковь, он призвал на помощь честного священника для того, чтобы перенести названный образ, но образ не мог переместиться из меньшей церкви, а на третий день священник умер. После этого почитание образа возросло, а образ начал источать масло и почти воплотился. Говорят и пишут, что некий эмир Дамаска, утративший глаз, там вновь обрел зрение, по каковой причине этой церкви дарили для светильников и других надобностей 60 мер масла вплоть до времен Саладина, который завоевал эту землю»³⁰.

tanter inpetrabitur. Ad hunc locum in assumptione gloriose Virginis et in festo a natiuitatis sue omnes Sarraceni illius provincie una cum christianis causa orandi confluunt, et Sarraceni ceremonialia sua illuc offerunt cum maxima devotione». Бурхард также вкратце рассказывает историю этого образа: как он был написан в Константинополе и привезен патриархом Иерусалима, как выпросила его для своей церкви аббатисса Саиднайи и как спустя некоторое время образ стал источать священное масло. Ibid. P. 240: «Hec tabula primum Constantinopoli facta fuit et depicta in honore beate virginis, inde a quodam patriarcha Iherusalem transducta. Tunc temporis quidam abbatissa loci supradicti graci orandi descendit Iherusalem et, inpetrata a patriarcha prefata tabula, eam secum ad ecclesiam sibi commissam gaudens deportavit. Fuit autem hoc anno incarnationis dominice 1178 Sed poseta per multa tempora cepit oleum sacrum ex ea manare...».

³⁰ «Tempore quo Greci et Armeni Syriam tenuerunt, fuit quaedam religiosa a seculo remota Deo seruiens ad sex leugas Damasci apud locum, qui dicitur Sarde-

Весьма банальные сведения о святыне в Саиднайе сообщает Титмар, который посетил Святую Землю в 1217 г. Он напоминает читателю историю приобретения иконы монашкой, рассказывает, как образ начал источать масло, и как султан Дамаска с помощью этого масла излечился от слепоты. Он впервые сообщает, что это масло привозят на Запад рыцари-тамплиеры³¹.

Как и прочие христианские авторы, Титмар не преминул заметить, что образ является предметом общего почитания как христиан, так и мусульман. Но попутно он делает ехидное замечание, что Саиднайя изобилует вином, и сарацины приходят сюда, чтобы тайком выпить. Он же сообщает историю сарацинки, которая пришла поклониться Богородице и искренне желала приобщиться к ее чудесам, но не имела сосуда для масла, и Дева Мария даровала ей этот сосуд³².

---

nay. Huic sancti moniali monachus quidam dedit in tabula depicta ymaginem beate virginis pulcherrimam, que primo cepit oleum de facie sudare et postea de toto corpore. Ad quod oleum veniunt infirmi et sanantur. Monialis maiorem ecclesiam statuit, vicinum presbiterum et honestum advocavit ad translationem (936) dicte ymaginis, sed de parva ecclesia ymago removeri non potuit, et die tertia presbiter obiit. Ymago preterea postmodum crescente fidelium devotione cepit inspissari et quasi in carnem commutari. Dicitur etiam et scriptum est, quod quidam admiraldus Damasci oculum preditum ibi recuperavit, qua de causa ipse et eius successores quolibet anno eidem ecclesie dabant ad luminaria et ad alias utilitates 60 mensuras olei usque ad tempora Slahadini, qui terram invasit". (Albrici monachi Trium Fontium Chronicon // MGH SS. 1874. T. 23. P. 935-936. Anno 1234). Далее Альберих Труафонтен рассказывает о сарацинах, которые приходили в этот центр паломничества и «на свой лад» молились Деве Марии. Он также рассказывает историю образа Богородицы, который был изначально изготовлен в Константинополе, а затем приобретен в Иерусалиме неким патриархом: "Et dicitur de oleo ymaginis quantumque dividatur, quod non minuitur, et quod ibi conveniunt Sarraceni in assumptione et in Septembri et orant sanctam Mariam secundum legem suam... Nota, hac tabula Constantinopoli primo facta et delicta fuit in honore beati Virginis et inde a quodam patriarcho Ierosolymam perducta fuit..."

³¹ Académie royale de Belgique. Voyages faits en Terre Sainte par Thietmar, en 1217, et par Burchard de Strasbourg, en 1175, 1189 ou 1225 par le baron Jules de St-Genois. P., 1844. P. 26. Известно, что тамплиеры действительно начиная с 1186 г. очень интересовались этим паломническим центром и привозили отсюда для европейских святынь чудодейственное масло. См.: *Kedar B.Z.* Op. cit. P. 95.

³² Voyages faits en Terre Sainte par Thietmar... P. 18-19.

Немецкий автор Оливер Кельнский в письме от сентября 1221 г. султану аль-Камиллю, предлагая мусульманскому правителю обратиться в христианство, рассказывает об иконе в Саиднае, которую, как он подчеркивает, почитали не только христиане, но и мусульмане³³. Есть свидетельства о совместном почитании иконы и в других источниках — в частности, в итинерариях³⁴.

Как и в случае с паломническим центром в Матариейе, рассказ об иконе в Саиднае встречается не только в западной, но и в восточной традициях. Так, существовали различные арабские версии этой легенды — сирийская, коптская и пр. Д. Бараз обнаружил на Синае рукопись, датируемую 1183 годом, в которой есть рассказ об иконе, в том числе упоминается о ее воплощении³⁵. Эта рукопись является современной самым ранним европейским, в том числе весьма ранней, как считает П. Девос, западной версии, которую он приписал тамплиеру Ги Ша и датировал 1189 годом³⁶. И действительно, первые свидетельства об отправлении чудесной жидкости на Запад датируются 1189 годом. Тем самым было обнаружено недостающее звено в традиции передачи легенды с Востока на Запад.

Как и в случае с центром в Египте, эти тексты подтверждают межконфессиональный характер почитания Девы Марии в Саиднае. Сарацины из соседней провинции участвуют в христианских праздниках Рождества и Успения Богоматери. Описывая центры почитания св. Марии, Бурхард подтверждает, что Дева Мария не делает различия между своими почитателями: благодаря чудесно-

³³ Oliveri Coloniensis Epistola... P. 297-298.

³⁴ Michelant H., Raynaud G. Itinéraires à Jérusalem. Genève, 1882. P. 173-174.

³⁵ Baraz D. The Incarnated Icon of Saydnaya goes West. A reexamination of the motif in the light of new manuscript evidence // *Le Museon*. 1995. T. 108. Fasc. 1-2. P. 181-191. Наличие или отсутствие ссылки на воплощение иконы может быть объяснено гипотезой о том, что различные версии относятся к разным стратам культуры — в диапазоне от ученой к народной. Почитание воплощенной иконы — народная версия, и она была разработана европейцами, которые участвовали в культе иконы на Востоке. Арабские версии более элитарные и ученые, вот почему там нет рассказа о воплощении.

³⁶ Devos P. Le premières versions occidentales de la légende de Saidnaia // *Analecta Bollandiana*. 1947. T. 65. P. 259-272

му маслу христиане, мусульмане и евреи излечиваются от разных недугов. В рассказах средневековых хронистов и путешественников Дева Мария творит чудеса в пользу всех своих почитателей.

* * *

Итак, прежние стереотипные рассказы об обращении иноверцев или божественном возмездии глумящимся над христианскими образами нехристианами сменяются другими — описаниями совместного почитания образов христианами и мусульманами. Чем же объяснить такую толерантность мусульман или во всяком случае изменения в стиле описания совместного почитания образов христианами и мусульманами?

Возможно, Бурхард Страсбургский, давший первое описание паломнических центров, которое послужило источником для других средневековых авторов, будучи послом Фридриха I и имея задачу вести переговоры с Салах-ад-дином, стремился изобразить гармонические отношения между христианским Западом и мусульманским Востоком. И тогда его позитивное описание исламского мира можно объяснить дипломатическими соображениями³⁷. Но все же дело, видимо, не только в этом. Рассказы хронистов и путешественников следует рассматривать в контексте всей предшествующей полемики мусульман и христиан по поводу изображений. Средневековые писатели пытаются показать, что почитание сакральных образов вовсе не ведет к идолопоклонству, и не только христиане, но и мусульмане проявляют благочестивое отношение к христианским изображениям. Но теперь, пытаясь защитить христианскую концепцию образа, средневековые писатели не так, как прежде, рисуют сцены обращения сарацин под влиянием созерцания христианских образов. Они несколько изменяют способ описания: благочестивое отношение мусульман к христианским образам изображается ими как свидетельство их частичного обращения.

---

³⁷ Именно так представляет себе дело Дж. Толан. См.: *Tolan J. "Veneratio Sarracenorum"...* P. 185-195.

ИЗ ИСТОРИИ ВОСПИТАНИЯ И ОБРАЗОВАНИЯ

Т. А. ШАНСКАЯ

СЕМЕЙНОЕ ВОСПИТАНИЕ В РОССИИ НА РУБЕЖЕ XVIII–XIX ВЕКОВ И МИР РЕБЕНКА СЕМЬЯ МУРАВЬЕВЫХ

На рубеже XVIII–XIX веков с появлением культа семьи и осознанием преимуществ частной жизни перед государственной службой воспитание детей все чаще начинает осознаваться как неотъемлемый элемент внутрисемейных отношений. Семейное воспитание не исключает наличие домашнего учителя и даже отдачу ребенка в частное или государственное учебное заведение, но на первом плане в нем, безусловно, присутствуют родители, у которых существует продуманная педагогическая система. Домашний учитель и учебное заведение в этом случае играют подчиненную роль исполнителей.

Эти идеи в конце XVIII – начале XIX вв. уже не были новы. В качестве педагогического принципа их сформулировал Руссо на страницах романа о воспитании «Эмиль»:

«Как настоящая кормилица есть мать, так настоящий наставник есть отец. Пусть они условятся между собой о порядке исполнения своих обязанностей, равно как и о системе; пусть из рук одной ребенок переходит в руки другого. Рассудительный и недалекий отец лучше его воспитает, чем самый искусный в мире учитель, ибо усердием лучше заменяется талант, чем талант усердием»¹.

Руссо же европейская культура обязана и представлением о детстве как особом самодостаточном этапе в жизни человека. Это представление породило и понимание того, что детей важно не столько учить, сколько воспитывать. Но от уяснения важности правильного воспитания до его превращения в неотъемлемый элемент

---

¹ Руссо Ж.-Ж. Педагогические сочинения. Т. I. С. 39-40.

семейной жизни должны были пройти существенные изменения в самой культуре.

Просветители видели в семье «ячейку общества» и на ее модели изучали общественные отношения. Поэтому между семейным и общественным воспитанием для них не было принципиальной разницы, если только речь шла не о реальном испорченном предрассудками обществе, а о некоей теоретической модели, построенной на соблюдении общественного договора. С появлением сентиментализма, в основе которого лежали те же просветительские идеи, произошло смещение акцентов. Семья стала осмысляться не столько как модель общества, сколько как его антипод. А такие категории, как свобода и счастье, стали увязываться в общественном сознании не с наличием тех или иных гражданских институтов, а с возможностью их игнорировать и уйти в мир частной жизни, в центре которой оказывалась семья. В центр семьи помещался ребенок как существо наименее затронутое общественными отношениями и, следовательно, максимально приближенное к природе. За всем этим нетрудно разглядеть те же руссоистские идеи, но с выхолащенной социальной проблематикой.

Итак, семья становится центром культурного пространства и объектом творческих интенций сторонников сентиментализма. Такое положение вещей, говоря языком Руссо, возвращало детям детство. У поколения людей, родившихся на рубеже XVIII–XIX вв., было детство в полном смысле этого слова. И может быть, в этом кроется секрет той огромной роли, которую это поколение сыграло в истории русской культуры. Из поколения, которое А. И. Герцен имел все основания назвать удивительным, вышли Пушкин, декабристы и целая плеяда блестящих деятелей литературы и искусства. О нем написаны сотни исследований и публицистических произведений, но проблема детства данной генерации и тех семейных отношений, которые сопровождали вступление ее представителей в жизнь, до сих пор не только не получила достаточного освещения, но даже не была поставлена как исследовательская задача. В данной работе на примере семьи Муравьевых мы попытаемся обрисовать некоторые контуры этой проблемы.

Михаил Никитич Муравьев был отцом двух будущих декабристов Никиты и Александра. В его личности соединились две магистральные линии XVIII века: идея государственного служения, ко-

торая пока еще для подавляющего большинства дворян не отделялась от службы государю, и осознание себя человеком культуры. И если первое принесло Муравьеву крупные государственные должности: попечитель Московского университета, товарищ министра народного просвещения, сенатор, то второе позволило сановнику ощущать себя независимым человеком, личностью с высокими представлениями о чести и собственном достоинстве. То и другое объединяла его напряженная и постоянная работа по организации «практического» просвещения.

Муравьев рано начал писать и публиковать стихи. Еще будучи солдатом Измайловского полка, он обратил на себя внимание крупнейших поэтов того времени В. И. Майкова и М. М. Хераскова. Среди его друзей юности встречаем И. П. Тургенева, Н. А. Львова, В. В. Ханыкова — людей, имеющих самое непосредственное отношение к литературе. В 1777 г., когда Муравьеву было двадцать лет, Н. И. Новиков пригласил его к сотрудничеству в журнале «Утренний свет». В это время резко расширяются культурные связи Муравьева. Он знакомится с актером и драматургом И. А. Дмитриевским, с драматургами В. В. Капнистом, Я. Б. Княжниным, с поэтом Г. Р. Державиным и др., становится членом Вольного Российского собрания при Московском университете.

Значение Муравьева в литературе росло быстрее его служебного положения. Если 20 лет для известного поэта, а именно таким уже являлся Муравьев — мало, то для прапорщика XVIII в. — это много. Но, как записывает он в дневнике, «дурак я, если стыжусь в мои годы быть прапорщиком; дурак, ежели кто меня почитает по прапорщичеству. Неоспоримые титулы мои должны быть в сердце. <...> Величество мое в душе моей, а не в производстве, не в чинах, не в мнениях других людей. <...> Но служить человечеству, обществу своему есть истинная знатность»².

Именно тогда Муравьев разрабатывает морально-нравственную систему, которую старается последовательно воплотить в жизнь: «Имей сердце, имей душу, будешь человек на всякое время. <...> Одно почтение лестно человеку — душевное, а душевного почтения достоин только тот, кто в чинах не по деньгам, а в знати не по чинам». Требование нравственности как основы жиз-

---

² Цит по: Кулакова Л. И. Поэзия М. Н. Муравьева // *Муравьев М. Н. Стихотворения*. Л., 1967. С. 7.

ни частного человека было своего рода реакцией на характер отношений, царивший при дворе Екатерины II. Фаворитизм, как система власти престарелой императрицы, порождал представление о придворной службе как безнравственном занятии.

«Любимец становится вельможей, — пишет Муравьев отцу, — за ним толпа подчиненных вельмож ползает: его родня, его приятели, его заимодавцы. Все мы теперь находим в них достоинства и разум, которых никогда не видали. Честный человек, который не может быть льстецом или хвастуном, проживет в неизвестности»³.

Сама Екатерина хорошо знала цену своим придворным, но предпочитала их людям независимым и думающим о благе отечества. Впрочем, внуков Александра и Константина она желала воспитать в соответствии с просветительскими идеалами человека, вне разлагающей атмосферы двора. Хорошо известно, с каким вниманием императрица относилась к подбору учителей для юных великих князей. В их числе оказался и прапорщик Муравьев. Этим назначением сама судьба предоставила Муравьеву редкую возможность: не изменяя своим убеждениям и нравственным принципам, сделать приличную карьеру в сфере просвещения. С этого времени педагогика становится главной темой его размышлений и забот.

Педагогика XVIII века шла рука об руку с философией, и Муравьев, стремясь воспитать своих царственных питомцев, внушал им идеи Руссо, Кондильяка, Мабли и Адама Смита. Вместе с тем он не прерывал работу над собственным образованием, много читал на современных и древних языках, делал выписки.

Муравьев в известном смысле был редким баловнем судьбы: блестящая карьера и чистая совесть дополнились женитьбой на любимой девушке, дочери обладателя миллионного состояния, сенатора и барона Ф. Н. Колокольцева. К моменту рождения у Муравьевых сына Никиты Михаил Никитич был уже зрелый, широко образованный и опытный педагог. Его карьера успешно продолжалась. Несмотря на некоторые осложнения, в Павловское царствование он становится сенатором, а Александр делает его товарищем министра народного просвещения и попечителем Московского университета. В это время в семье Муравьевых появился второй сын — Александр.

---

³ Там же. С. 8.

Воспринимая семью как средоточие культурной жизни, Муравьев превратил свой петербургский дом в один из очагов столичной культуры. Среди его постоянных гостей был писатель и историк Н. М. Карамзин, которому попечитель выхлопотал звание придворного историографа⁴ и оказал помощь в подборе материалов для работы над «Историей Государства Российского». В доме Муравьева часто бывали Г. Р. Державин, И. И. Дмитриев, Н. И. Гнедич, В. А. Жуковский, А. Н. Оленин и др. Вместе с детьми хозяина дома воспитывались его племянники: будущий декабрист М. С. Лунин и поэт К. Н. Батюшков. Но главное, пожалуй, в том, что дом Муравьевых ориентирован на детей, и всё, что в нем происходит, так или иначе направлено на воспитание молодого поколения, привитие ему культурных навыков.

Как справедливо заметила Э. А. Павлюченко, «домашнее широко поставленное образование Н. М. Муравьева было своего рода эталоном для богатой семьи начала XIX столетия»⁵. И хотя в этом образовании было задействовано немало домашних учителей, все воспитание в целом находилось под постоянным контролем и в руках родителей. В нём отчетливо выделяются отцовская и материнская линии. Михаил Никитич обеспечивал, главным образом, интеллектуальное развитие. Им была разработана программа обучения, он сам давал уроки и подбирал учителей. Под его наблюдением и при непосредственном участии Никита изучал иностранные языки, читал в оригинале древних и новых авторов, постигал формы государственного устройства. Все это цементировалось внушением ему «непреложных» нравственных ценностей: чувства собственного достоинства, любви к родине, готовности к самопожертвованию и т.д. Отцовское воспитание дополнялось материнской любовью и лаской. Екатерина Федоровна не была широко образованной женщиной. Но она была хранительницей домашнего очага. Она принесла мужу богатство, а детям безбедное существование. Она вносила теплоту и душевность в мир домашней культуры и являлась подлинной хозяйкой литературного салона Муравьевых.

В литературе, посвященной детским годам Никиты Муравьева, широко распространено утверждение, согласно которому отец

⁴ Лотман Ю. М. Карамзин. СПб., 1987. С. 287.

⁵ Павлюченко Э. А. Декабрист Никиита Муравьев. Отступник или подвижник // *Муравьев, Никита*. Письма декабриста. 1813–1826 гг. М., 2001. С. 6.

воспитывал его по системе Руссо. Первая об этом сказала, кажется, внучка декабриста А. Бибикова:

«Что касается его (М. Н. Муравьева. — Т. III.) философии, то это была философия Руссо, перед которой он преклонялся, которой увлекался, воспевал ее и в прозе, и в стихах. <...> Правда, эта философия Руссо, заставившая почтенного сенатора отпустить на волю своих крепостных, не помешала ему быть государственным деятелем, товарищем министра народного просвещения, веселым и милым светским человеком; но та же философия, пересаженная на душу сына, привела последнего к каторге и ссылке»⁶.

Эту же мысль охотно повторяют и современные исследователи. Так, например, Г. Г. Лисицына и Э. Н. Филиппова пишут: «Книга Ж.-Ж. Руссо “Эмиль, или О воспитании” занимала в формировании личности братьев особое место, на ней воспитывался вначале Никита, позже — Александр»⁷. Между тем это не совсем так. М. Н. Муравьев, действительно, высоко ценил Руссо как мыслителя и хорошо знал его произведения, в том числе «Эмиля», и, наверняка, использовал некоторые его рекомендации в своей педагогической практике. Но воспитательная система Руссо как таковая была для него явно неприемлема. Для Руссо принципиальным было то, что его воспитанник — «это дикарь, с тою лишь разницей, что Эмиль, более размышлявший, чаще сравнивавший, ближе видевший наши заблуждения, более строг к самому себе и судит лишь о том, что ему знакомо»⁸. «Я преподаю своему воспитаннику — признается автор “Эмиля” — искусство очень обширное, очень трудное, вам, конечно, неизвестное, — искусство быть невеждой»⁹. Поэтому самая подходящая среда для руссоистской педагогики — это природа.

Вся же система Муравьева строится на том, что ребенок с самого детства погружен в мир культуры. Никита живет в мире многочисленных гостей своих родителей.

«Их большой дом на Караванной улице, — вспоминает А. Бибикова, — был всегда открыт для друзей и родственников,

---

⁶ Бибикова А. Из семейной хроники // Декабристы в воспоминаниях современников. М., 1988. С. 142.

⁷ Лисицына Г. Г., Э. Н. Филиппова. Декабрист Александр Михайлович Муравьев // Муравьев А. М. Записки и письма. Иркутск, 1999. С. 9.

⁸ Руссо Ж.-Ж. Педагогические сочинения. Т. 1. С. 287.

⁹ Там же. С. 137.

которые, по тогдашнему обычаю, приезжая из провинции, иногда целыми семьями, подолгу жили у гостеприимной и бесконечно доброй Екатерины Федоровны. По воскресеньям были у них семейные обеды, и случалось, что за стол садились человек семьдесят. Тут были и военные генералы, и сенаторы, и безусая молодежь, блестящие кавалергарды и скромные провинциалы, и все это были родственники, близкие и дальние»¹⁰.

Среди гостей Муравьевых были не только взрослые. Их дом полон детей — всё это многочисленная родня Михаила Никитича, или, как он сам ее называл, *муравейник*: дети его двоюродных братьев Ивана Матвеевича Муравьева-Апостола и Захара Матвеевича Муравьева — Матвей, Сергей, Артамон; дети Николая Николаевича Муравьева — Александр, Николай, Михаил. Почти все они, включая и более старшего кузена Лунина, в недалеком будущем станут организаторами и членами тайного общества.

Михаил Никитич, вопреки Руссо, явно не желал, чтобы его сын рос невеждой и дикарем. Поэтому идеи Руссо в общей системе воспитания занимают место в ряду педагогических наблюдений и рекомендаций А. Коменского, Фенелона, аббата Белегарда, Герта и Бецкого¹¹. В воспитательной системе М. Н. Муравьева Руссо присутствует опосредованно. Его идеи сливаются со многими близкими и в то же время отличными от них системами. Так, культ природы и сельского уединения, которому Муравьев отдал обильную дань в своей поэзии, имеет не столько руссоистскую, сколько гораццианскую подкладку. Характеризуя сходства и различия Муравьева и Руссо, Г. А. Гуковский писал:

«У Руссо <...> идея человека, высшей ценности личных стремлений и чувств, стремится разбить оковы феодального строя. Его идеал — свободная личность, и он проповедует принципиальную свободу человеческих стремлений. Идея личности для Муравьева и потом для Карамзина — это трагический результат крушения феодального мировоззрения, это попытка уйти от социальной проблематики, от социальных связей. Руссо и Муравьев — люди враждебных лагерей, и все же Муравьев считает Руссо одним из учителей его эпохи, и все же они связаны единым движением мысли и чувства их времени»¹².

¹⁰ Бибикова А. Указ. соч. С. 143.

¹¹ Дружинин Н. М. Революционное движение в России в XIX в. М., 1985. С. 52.

¹² Гуковский Г. А. Русская литература XVIII в. М., 1939. С. 306-307.

Если отмеченное Гукковским сходство Муравьева и Руссо не вызывает сомнений, их действительно объединял единый культурный язык, созданный Руссо для изображения человеческих чувств, то различия между ними отмечены недостаточно четко.

Социология Руссо исходила из идеи общественной свободы за счет ущемления индивидуальных прав и свобод отдельных личностей. Заключая общественный договор, люди, по Руссо, утрачивают свои *человеческие* права и сливают свои индивидуальные воли с единой общей волей. Свобода мыслится Руссо, прежде всего, как свобода социума в целом. Для Муравьева свобода и счастье являются неотъемлемыми правами личности, лежащими вне сферы компетенции государства и общества. Идеал общественной свободы для него не столь актуален, как идеал личной независимости.

Теорию общественного договора М. Н. Муравьев преподавал сыну в значительно трансформированном виде. В его изложении суть этого радикального учения Руссо звучала вполне примиренчески. Люди в силу свое природной слабости соединились в общество для того, чтобы легче было трудиться и выживать. Однако безначалие вызвало в их среде раздоры. Поэтому было решено избрать себе сначала судью для решения спорных вопросов, потом законодателя для составления общих законов и, наконец, правителя, в которых соединились все эти функции. Но поскольку каждая смена правителя сопровождалась новыми ссорами, то решено было сделать власть наследственной. Так родилась идея наследственной монархии — наиболее оптимальная форма государственного устройства¹³.

Особую роль в воспитании сына М. Н. Муравьев отводил истории, в которой он видел собрание нравоучительных примеров, способствующих всестороннему развитию личности. В его изложении истории соединялись характерный для просветителей культ античности и религиозное морализирование, почерпнутое из Священного писания.

Хорошо зная древнегреческий и латинский языки, Никита ребенком в оригинале прочел Геродота и Диодора, а Плутарх стал его настольной книгой. В пятнадцатилетнем возрасте он перевел «О нравах германцев» Тацита. Античные герои будоражили воображение мальчика, который полностью был погружен в их мир и жил их

---

¹³ Дружинин Н. М. Указ. соч. С. 52.

представлениями. Этому способствовали не только уроки отца, но и сама атмосфера, царившая в семье. В семействе Муравьевых, которое, по воспоминаниям В. А. Олениной, было «совершенно семейство Гракхов», «долго еще повторяли слова Н[икиты] М[ихайловича] еще ребенком. На детском вечере у Державиных Ек[атерина] Ф[едоровна] заметила, что Никитушка не танцует, пошла его уговаривать. Он тихонько ее спросил «Maman, est-ce qu' Aristide et Caton ont dansé?» Мать на это ему отвечала: «Il faut supposer qu'oui à votre âge». Он тотчас встал и пошел танцевать»¹⁴. При всем увлечении «характерами Брута, Гракхов etc.», Муравьев, по словам той же В. А. Олениной, «был нервно, болезненно застенчив и скрытен»¹⁵.

Но, пожалуй, сильнее всего на юного Никиту действовала сама личность его отца. В той литературно-аристократической среде, в которой протекало его детство, сложился своеобразный культ Михаила Никитича. На него смотрели как на воспитателя целого поколения¹⁶. К. Н. Батюшков, который, по его собственным словам, «ему обязан всем»¹⁷, стилизовал его образ под античного мудреца:

«Казалось, в его виде посетил землю один из сих гениев, из сих светильников философии, которые некогда рождались под счастливым небом Аттики для разлития практической и умозрительной мудрости, для утешения и назидания человечества красноречивым словом и красноречивейшим примером»¹⁸.

М. Н. Муравьев скончался в 1807 г., когда Никите было 12 лет, а Александру — 5. Однако воспитание детей на этом не только не прервалось, оно стало постоянной заботой матери и наиболее близких друзей покойного отца. Образованность и способности Никиты давали основания смотреть на него как на продолжателя просветительской деятельности Михаила Никитича. Подобная надежда неоднократно звучит в письмах Батюшкова.

---

¹⁴ Оленина В. А. Письма к П. И. Бартеневу // Летописи Государственного литературного музея. М., 1933. Кн. 3. С. 484-485.

¹⁵ Там же. С. 484-488.

¹⁶ См. об этом: Кошелев В. А. К. Н. Батюшков и Муравьевы. К проблеме формирования декабристского сознания // Новые безделки. Сб. статей к 60-летию В.Э. Вацура. М., 1995–1996. С. 117-138.

¹⁷ Батюшков К. Н. Сочинения: В 2 т. М., 1989. Т. 2. С. 309.

¹⁸ Там же. Т. 1. С. 37.

«Конечно, сбудутся мои надежды, — пишет он Екатерине Федоровне 11 августа 1815 г., — из него будет человек достойный своих родителей. В таких людях имеет нужду общество»¹⁹.

В середине декабря того же года, советуя В. А. Жуковскому «познакомиться покороче с Муравьевым, с редким человеком», Батюшков так рекомендует своего родственника: «Он живой портрет отца своего во многих отношениях, по сердцу и уму»²⁰. И, наконец, в 1818 г. в письме к Екатерине Федоровне Батюшков как бы резюмирует: «Он вырастет Михаилом Никитичем, наш милый брат Никита. С этой стороны вы осчастливлены»²¹.

Итак, Муравьев-отец взял на себя как общее руководство воспитанием сына, так и выработку у него наиболее фундаментальных основ мировоззрения. Что касается всего остального, то этим занимались домашние учителя. Навыкам светского общения и манерам поведения учили мальчика гувернеры-иностранцы, которые не только не были людьми случайными, но фактически стали членами семьи Муравьевых. Особо близкие отношения сложились с французом Майером, сыном компаньонки Екатерины Федоровны, которого Ф. Ф. Вигель в своих мемуарах характеризовал как «сорванца», «якобинца», который «вкрался в ея (т. е. Е. Ф. Муравьвой. — Т. Ш.) доверенность и заразил <...> воображение отрока, но не мог испортить его сердца»²².

Другим учителем и близким человеком стал швейцарец Петра. Он вместе с Никитой посещал занятия в Московском университете, о чем свидетельствует письмо Екатерины Федоровны Батюшкову: «Никотинька и М-г de Petra тебе кланяются. Они ездят в университет по обыкновению». В этом же письме от 6 марта 1812 г. Екатерина Федоровна проявляла заботу о воспитателе, который фактически выполнил свои функции и нуждается в новом месте. Она спрашивает Батюшкова нельзя ли «поместить М-г de Petra в библиотеку или куды-нибудь в другое место»²³. Через полтора месяца Петра «заболел нервической горячкой и в 9 день умер». Сообщив эту печальную весть сестре, Батюшков восклицает: «Какой удар

¹⁹ Там же. Т. 2. С. 343.

²⁰ Там же. С. 365.

²¹ Там же. С. 500.

²² Вигель Ф. Ф. Записки. М., 1892. Ч. IV. С. 140.

²³ Цит по: Кошелев В. А. Указ. соч. С. 121.

для К<атерины> Ф<едоровны> и для Никиты. Они будут безутешны...»²⁴. И в тот же день он пишет письмо-утешение Никите, для которого хочет быть не просто родственником и другом, но и человеком, взявшим на себя заботы о его воспитании. Последнее обстоятельство не может не показаться несколько странным. Никите Муравьеву уже 17 лет, он студент Московского университета, и по всем меркам той поры домашнее воспитание для него закончилось. Но Батюшков настолько привык видеть в нем объект педагогического воздействия и настолько чувствует себя обязанным его отцу, что невольно ставит себя на место покойного родителя. 30 мая 1812 г. он пишет Никите как наставник воспитаннику, активно используя глаголы в повелительном наклонении: «утешай маменьку», «пиши обо всем, что делаешь, чем занимаешься и как проводишь свое время», «береги себя, ходи более пешком, особливо по утрам» «или, по крайней мере, почаще ездь верхом», «пиши более по-русски и читай Нестора и летописи» и т. д.²⁵.

Кроме иностранных гувернеров были еще учителя по различным предметам. На следствии Муравьев не считал нужным называть имена своих наставников, ограничившись туманным пояснением: «воспитывался я сначала дома, а так как имел много учителей часто перемняющихся, то не могу упомянуть их имен»²⁶. Между тем Муравьев хорошо помнил имя своего учителя русского языка П. И. Соколова, которому неизменно передавал приветы в своих письмах к матери. Помнил он и своих учителей математики Лукина и Денисова. В письме к Е. Ф. Муравьевой, написанном во время заграничного похода 1 декабря 1813 г., он, проявляя заботу о воспитании своего младшего брата Александра, напоминал: «когда захотите учить Сашу геометрии, тогда не забудьте кадетского корпуса учителя Денисова»²⁷.

Младший сын Муравьевых не получил такого блестящего и систематического образования, как Никита. Михаил Никитич умер раньше, чем Александр вступил в ученический возраст. К тому же война 1812 года, заграничные походы, беспокойство за Никиту, принимавшего в них участие, отвлекали Екатерину Федоровну от воспитания подрастающего Александра. Основную роль здесь, ви-

²⁴ Батюшков К. Н. Сочинения. Т. 2. С. 211.

²⁵ Там же. С. 217.

²⁶ Восстание декабристов. Материалы. М.; Л., 1925. Т. I. С. 294.

²⁷ Муравьев, Никита. Указ. соч. С. 59.

димо, играли иностранные гувернеры. Позже на следствии А. М. Муравьев покажет: «Уже в детстве внушал мне свободный образ мыслей мой бывший дядька — швейцарец *Бидо*»²⁸. Кроме Бидо, среди учителей Александра были известные петербургские профессора: по истории, географии и латыни Ф. Ф. Гедике, по политической экономии К. Ф. Герман, он же учитель П. И. Пестеля²⁹, и профессор Э. В. Раупах, в 1822 г. высланный из России за «вредное» влияние на студентов³⁰. Домашнее воспитание для младшего Муравьева стало отправной точкой для дальнейшего постоянного самообразования, которым он будет заниматься под наблюдением старшего брата. Сохранилось его письмо к Никите, в котором он, оправдываясь, отчитывается в своих интеллектуальных занятиях:

«Любезный брат, ты требуешь от меня отчет в моих занятиях. Я теперь объявляю тебе, что я не заслуживаю название “любезного ленивца”, ибо я целое утро сижу в твоей библиотеке и перевожу “Эмиля”. Я нарочно выбрал Руссо для перевода, ибо он труднее прочих французских авторов, он так богат мыслями и имеет такую быстроту в изложении оных, что очень трудно выразить их на другом языке. До сих пор я не могу пожаловаться на мой выбор. По возвращении моем в полк я намерен заняться переводом Франклина»³¹.

Пока Никита воевал, юный Александр проводил время в роскошной библиотеке своего отца, где занимался чтением и переводом книг. В дальнейшем, как это видно из приведенного письма, круг его чтения будет постоянно расширяться. В уже цитированном выше следственном показании он напишет:

«Возмужав, был я прельщен читая *Ж.-Ж. Руссо, Вольтера, Монтескье, Мирабо, Сея, Бентама, Франклина, Мюллера, Герена, жизнь Вашингтона и пр.*, стихотв[орения] *Шиллера, Гете, Кернера, Бейрена, Делавиня*»³².

Война 1812 года подвела черту под домашним воспитанием Никиты Муравьева. То, что он вырос, он дал понять сам, причем

²⁸ Восстание декабристов. Документы. М., 1976. Т. XIV. С. 395.

²⁹ См.: Сыроечковский Б. Е. Из истории движения декабристов. М., 1969. С. 14-58.

³⁰ Лисицына Г. Г., Филиппова Э. Н. Указ. соч. С. 12-13.

³¹ Муравьев А. М. Записки и письма. Иркутск, 1999. С. 115.

³² Восстание декабристов. Документы. М., 1976. Т. XIV. С. 395.

довольно неожиданным образом. После взятия французами Смоленска Муравьев бежал из дома в действующую армию. Этот поступок очень быстро получил широкую огласку в обществе и стал одним из символов патриотического воспитания. Сохранилось несколько довольно сильно различающихся версий этого события. Для реконструкции того, что произошло на самом деле, необходимо остановиться на их сравнительном анализе, тем более, что в биографической литературе, посвященной Н. М. Муравьеву, это событие обычно пересказывается в соответствии с одной из версий без должной критики источника. Бегство Муравьева на фронт, на первый взгляд, не имеет прямого отношения к проблеме его домашнего воспитания. Однако оно очень ярко свидетельствует о его результатах. Сугубо книжный характер воспитания, проецируясь на жизненную ситуацию, становится одним из ярких проявлений юношеского патриотизма военных лет. Наиболее подробно этот эпизод описан в мемуарах А. Н. Муравьева:

«В несколько дней пребывания моего с раненым и больным братом моим Михаилом в Москве узнал я о скорбном происшествии, случившемся с дальним моим родственником, почтенным Никитой Михайловичем Муравьевым. Он был тогда юношею лет 16-ти, проживал в Москве с матерью своею вдовою Екатериною Федоровною, женою известного Михаила Никитича Муравьева. Пылая желанием защитить свое Отечество принятием личного участия в войне, он решился явиться к главнокомандующему Кутузову и просить у него службы. Избрав для сего единственное к достижению своего намерения [средство], он достал карту России и по неопытности имел при себе особую записку, на которой находились имена французских маршалов и корпусов их; снабдив себя этими сведениями, он тайно ночью ушел из дому и пошел по направлению к Можайску. На дороге перехватили его крестьяне, боявшиеся шпионов, и, связав его, повезли в свой земской суд. Сколько Никита ни объявлял о себе и своем положении, они ничему внять не хотели: его связанного повезли в Москву к главнокомандующему столицею графу Ростопчину, которой до справки велел посадить его в яму. Дорогой, когда вели его туда, увидел его гувернер швейцарец m-г Petra, которому, говорящему с ним по-французски, не только не отдали, но разъяренный народ, осыпав обоих бранью, повел их в яму, называя их шпионами. Petra³³, как-то вырвавшись из толпы, побежал к Екатер[ине] Федор[овне],

³³ Ошибка мемуариста — гувернера Петра уже несколько месяцев как не было в живых.

которая сейчас же бросилась к г. Ростопчину, умоляя его о возвращении ей ни в чем не виноватого сына; но граф сначала ничего ни слышать ни знать не хотел и отказал ей, не уважив материнских ее слез. Продержав таким образом юношу два дня в яме и сделав нужные о нем справки, хотя он коротко знаком был с богатым и известным их домом и хорошо знал все семейство, наконец приказал выпустить его из ямы и возвратить матери. После сего они скоро уехали также в Нижний Новгород, т.е. почти в одно время с раненым братом Михаилом; но так были сами напуганы, что, торопясь не оказывали ему никакой дорогой ни помощи, ни внимания. Этот случай доведен был впоследствии до сведения императора Александра, так ему понравился, что через два года он приказал Никиту Муравьева принять в службу прямо офицером в Генеральный штаб»³⁴.

Этот рассказ в числе многих аналогичных свидетельств следует признать основным, так как он непосредственно восходит к описываемой ситуации. В семье Муравьевых это событие излагалось несколько по-иному. Родной брат Никиты Муравьева А. М. Муравьев, которому в 1812 г. было 10 лет и который помнил лишь момент возвращения старшего брата домой («я был очень молод тогда, но эта трогательная сцена возвращения, объятия, слезы матушки живы и по сей день в моей памяти»), в своих мемуарах, сгущая патриотические тона всего эпизода, излагает явно позднейшую версию, очищенную от «случайных» осложнений: «Успехи, которых враг добился над нами, отступление нашей армии до самого сердца империи причиняли глубокое страдание моему брату. Он ежедневно докучал матушке, добываясь от нее позволения поступить в военную службу. Он стал грустным, неразговорчивым, потерял сон. Матушка, хотя и была встревожена его состоянием, не могла дать ему столь желанное разрешение по причине слабого с детства здоровья; она и мысли не допускала, что он сможет перенести тяготы утомительного похода». Причина ареста Муравьева крестьянами объясняется тем, что он был «без паспорта, хорошо одетым, — при нем находят карту театра военных действий и бумагу, на которой изображено расположение сражающихся армий». Спасает Муравьева сам Ростопчин, который «призывает его и допрашивает. Удивленный таким патриотизмом в столь юном возрасте, он возвращает его матушке, поздравляя ее с сыном, воодушевленным столь благородными и возвышенными

---

³⁴ *Муравьев А. Н. Сочинения и письма. Иркутск, 1986. С. 116-117.*

чувствами»³⁵. В этом рассказе отсутствует все, что снижает патриотический ореол данного события: французская речь и отказ Ростопчина отдать ребенка матери. Правнучка Н. Муравьева А. Бибикова приводит еще одну версию этого события:

«Бродя пешком в окрестностях Москвы, он был схвачен и обыскан казачьим разъездом. На нем нашли географическую карту и путевые записки на французском языке. Этого было вполне достаточно, чтобы принять его за шпиона, и с ним собирались уже покончить, когда проезжавший мимо профессор Московского университета, часто бывавший в доме его отца, узнал его и спас»³⁶.

В этой версии отсутствует Ростопчин, и в роли спасителя выступает безымянный профессор Московского университета.

П. Н. Свистунов в своей «Отповеди» историю бегства Муравьева рассказывает по-своему:

«Никита Михайлович Муравьев, 17-летний студент Московского университета, неотступно просил у матушки своей Екатерины Федоровны позволения вступить в ряды защитников отечества. Нежно его любившая мать не могла решиться на такое пожертвование. Однажды докладывают ей, что сын ее, отлучившись из дому на рассвете, не возвращался. Посылают всюду его искать и не находят. Это было вскоре после взятия Смоленска. Он в легком платье, с типографической картой в кармане, отправился пешком по смоленской дороге в надежде добраться до какого-либо отряда нашего войска. Усталость и голод заставили его зайти в деревню отдохнуть. Он попросил хлеба и молока, за которые по неопытности вздумал расплатиться золотой монетой, что возбудило подозрения крестьян. Найденная у него карта как бы обличала его. Признали его за шпиона, связали ему руки и привезли в Москву. В городе толпа народа сопровождала его, осыпая ругательствами и угрозами. Обер-полицмейстер, найдя у него список французских маршалов с их новыми титулами, не усомнился в его измене, и, не выслушав, беспощадно укорял и посадил в яму. Когда его привезли к графу Ростопчину, тот с первых его слов признал в нем восторженного юношу и, радуясь такому порыву любви к отечеству, отослал в родительский дом и в письме к обрадованной матери сказал ей, что она таким сыном в праве гордиться»³⁷.

³⁵ Муравьев А. М. Записки и письма. Иркутск, 1999. С. 87-88.

³⁶ Бибикова А. Указ. соч. С. 146.

³⁷ Воспоминания и рассказы деятелей тайных обществ 1820-х годов. М., 1933. Т. II. С. 285.

Ростопчину здесь возвращена роль спасителя, первым признавшего патриотический порыв юноши, но введена фигура обер-полицмейстера, посадившего Муравьева в яму. Так же, как и в семейной версии, отсутствует швейцарский гувернер и французская речь, зато указывается, что у Муравьева был с собой список наполеоновских маршалов.

И, наконец, еще одним источником могут служить воспоминания А. П. Керн:

«Никита, несмотря на влияние матери, бежал было в 12-м году из-под ее ферулы с целью поступить в военную службу и быть в рядах патриотов, защищавших отечество, но так как он говорил в детстве только на английском и на родном языке изъяснялся, как иностранец, то его крестьяне приняли за француза и представили Ростопчину. А тот возвратил его матери»³⁸.

В рассказе Керн данный эпизод имеет анекдотический характер. Муравьев — не патриот, а всего лишь юноша, желающий «быть в рядах патриотов». При этом причины такого желания коренятся не в высоких помыслах, а в материнской строгости («феруле»), от которой пытается убежать юноша. Окончательную комическую ноту в этот рассказ вносит английский язык, который крестьяне принимают за французский, и сам факт того, что несостоявшийся патриот «на родном языке изъяснялся, как иностранец».

На основе этих источников ситуацию можно реконструировать следующим образом. После оставления Смоленска, но еще до Бородина Никита Муравьев пытается бежать из дома в действующую армию, но едва он успевает выбраться из Москвы, как попадает в руки крестьян, которые передают его московским властям, скорее всего обер-полицмейстеру, от которого он затем попадает к Ростопчину. Изначально это событие имело характер семейного скандала. Именно так его сразу воспринял Ростопчин, к которому привели арестованного юношу. Нет ни малейшего сомнения, что Ростопчин сразу узнал, кто перед ним. На это прямо указывает рассказ А. Н. Муравьева. Но как человек, привыкший постоянно менять свои решения в зависимости от требований момента, он прежде всего думал о том, какой политический капитал можно извлечь из всей этой истории, и действительно держал Муравьева какое-то

---

³⁸ Керн А.П. Воспоминания. Дневники. Переписка. М., 1974. С. 119.

время под арестом. Возможно ему первому, хотя и не сразу, пришла в голову мысль представить поступок Муравьева как пример патриотизма и с благодарностью возратить его матери. Понятно, что чистота патриотической версии требовала удалить иностранную речь и список наполеоновских маршалов. Всего этого, как мы видели, нет в семейной версии, но об этом недвусмысленно свидетельствуют остальные мемуаристы.

В действительности, патриотический порыв юного Муравьева сочетался с французским образованием, и для него, как и для многих молодых людей той поры, Наполеон и его маршалы были не только врагами, но и героями, достойными подражания. Их яркие судьбы и головокружительные карьеры будоражили честолюбие юноши, воспитанного на высоких образцах античности.

Подведем некоторые итоги. В истории семьи Муравьевых мы сталкиваемся скорее не с типичным, а наиболее ярким и впечатляющим примером домашнего дворянского образования рубежа XVIII–XIX вв. То, что в большинстве семей было представлено фрагментарно, поверхностно и порой карикатурно, здесь дано выпукло и впечатляюще. Эффективность этого воспитания прежде всего заключается в его семейном характере. Во главе стоит отец, один из образованнейших и добрейших людей своего времени, имеющий четкое представление о том, как следует воспитывать детей. Обеспечиваемая им интеллектуальная и нравственная сторона воспитания дополняется душевным влиянием матери, создающей атмосферу домашнего уюта. Занятия по конкретным предметам обеспечиваются приглашенными учителями, которые органично включаются в атмосферу дома. Такое воспитание при кажущейся тепличности и оторванности от жизни, на самом деле было ориентировано на ее преобразование. Но если Муравьев-отец преобразование понимал как прежде всего нравственную задачу, его дети начали мыслить политическими категориями. Внушаемый им с детства принцип незыблемости наследственной монархии был опровергнут самим ходом истории, низвергающей, восстанавливающей и снова низвергающей европейские престолы. И если сама жизнь сделала из братьев Муравьевых политиков, то умеренность их политических амбиций объясняется в первую очередь их высоким нравственным и культурным обликом, заложенным в них семейным воспитанием.

Л. А. ДАШКЕВИЧ

ГИМНАЗИИ В КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ ПРОВИНЦИАЛЬНОГО ГОРОДА ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX ВЕКА

(ПО МАТЕРИАЛАМ УРАЛА)

Культурную жизнь провинциального города можно пока отнести к числу малоизученных проблем. Недостаточное внимание к провинции в какой-то степени можно объяснить негативным восприятием самого термина «провинция» или «периферия». Историко-графическая традиция при определении термина «периферия» исходит из противопоставления ей центра как носителя институтов власти и культурных символов. Провинция рассматривается лишь как «место действия» центральной власти, а не как равноправный участник общественно-политических и культурных процессов. Исторически сложившееся пренебрежение к периферии оставило за кадром исследований многие проблемы бытования культуры в обществе, глубинные факторы сохранения традиций и распространения культурных новаций, особенно в сфере просвещения.

Значимая роль в процессе формирования социокультурного потенциала провинциального общества в XIX в. принадлежала гимназиям. История губернских гимназий берет свое начало в период реформ Александра I. Уставы и правила, разработанные просвещенными реформаторами в начале XIX в. («Предварительные правила народного просвещения» от 24 января 1803 г., университетские уставы 1804 г., «Устав учебных заведений, подведомственных университету и попечителям округов» от 5 ноября 1804 г.), декларировали гуманистические начала в обучении и воспитании, бессловность и бесплатность образования, преемственность программ учебных заведений разного уровня. Дети городских сословий впервые обрели возможность получать не только начальное, но и среднее, а затем высшее образование. Страна была разделена на учебные округа, административными и учебно-методическими центрами которых стали университеты. Система образования получила свой руководящий орган (министерство народного просве-

щения) и частичное бюджетное финансирование, что весьма положительно сказалось на развитии народного просвещения.

Создавая обширную разветвленную школьную сеть, правительство надеялось на активизацию образовательного процесса в провинции. В «Предварительных правилах народного просвещения» 1803 года было заявлено: «Ни в какой губернии спустя пять лет по устройении в округе, к которому она принадлежит, на основании сих правил училищной части никто не будет определен к гражданской должности, требующей юридических и других познаний, не окончив учения в общественном или частном училище»¹. На деле, однако, проведение реформы растянулось на долгие годы, что было обусловлено целым рядом объективных и субъективных факторов.

Главным препятствием для широкого развития образовательных учреждений в провинции, как и прежде, было отсутствие достаточной материальной базы, включая проблемы финансирования. Реформаторы признали необходимость выделения государственных средств на школу, в этом историки видят основное отличие реформы начала XIX века от прежней политики финансирования образования. Но объемы этого финансирования были совершенно недостаточны для успешного развития общеобразовательной школы. Отчисления из государственного бюджета на нужды народного образования в первой четверти XIX века, как признают исследователи, оставались мизерными и имели тенденцию к сокращению². Гарантированный необходимый минимум средств из казны получали лишь высшие ступени общеобразовательной школы (гимназии и уездные училища). Приходские же училища, как и прежде, могли рассчитывать только на щедрость помещиков и городских обществ.

Существенным фактором было также равнодушие к проблемам просвещения провинциального городского общества. Вновь образованная в начале XIX века Пермская гимназия, по словам одного из первых исследователей ее истории, директора училищ Пермской губернии В. Н. Шишонко, в первой четверти XIX века «не пользовалась хорошей репутацией в обществе»³. Численность учащихся в ней

¹ ПСЗ-І. Т. 27. № 20597. Ст. 24.

² Сысоева Е. К. Народная школа // Очерки русской культуры XIX века. Т. 3. Культурный потенциал общества. М., 2001. С. 16.

³ Шишонко В. Н. Материалы для описания развития народного образования в Пермской губернии с указанием времени открытия учебных заведений. Екатеринбург, 1879. С. 124.

к 1826 г. была в несколько раз меньше, чем в прежнем главном народном училище. Основной костяк их составляли дети чиновников низших рангов (обер-офицеров) и кантонисты местного военно-сиротского отделения (см. таблицу 1). Кантонисты были допущены в гимназию после высочайшего распоряжения 1820 года с целью занятия ими в будущем учительских должностей по своему ведомству⁴.

Небогатое купечество и мещанство Перми не видело необходимости в широком гимназическом образовании для своих детей и практически не посылало их в высшие классы средней школы. «Безвременно» отвлекали своих детей от учебы в гимназии и бедные жители-мещане, особенно матери сирот. Причиной того, как указывал директор гимназии Н.С. Попов, была потребность «снискать пособие в хозяйстве, а иногда и самое пропитание». Пренебрегали гимназией и богатые дворяне и чиновники, жившие в губернском городе. Как указывал в той же записке директор Н. С. Попов, «достаточнейшие из жителей Перми» предпочитали обучать своих детей дома, «призывая для того студентов здешней семинарии, немногие — учителей гимназии». Чиновники стремились поскорее пристроить своих детей к службе, причем, по словам директора, они делали это «не столько для получения жалованья, сколько для ранней заслуги чинов». Любопытно, что отвращало благородные сословия от обучения детей в гимназии, помимо прочего, еще и опасение публичных наказаний. Н. С. Попов указывал, что если исключать питомцев гимназии «за все шалости и нерадение, то число учеников чрезвычайно уменьшится, ибо многие родители, особливо благородные, не станут вовсе отдавать детей, опасаясь стыда, чтобы дети их не попали в число исключенных»⁵.

Подобные причины культурно-психологического характера были обычными для провинции того времени⁶. Большое значение, помимо того, имели и факторы субъективного свойства, особенно отношение к учебному делу руководителей местной администра-

---

⁴ *Алешинцев И. А.* История гимназического образования в России (XVIII и XIX век). СПб., 1912. С. 91.

⁵ *Сухомлинов М. И.* Материалы для истории образования в России в царствование императора Александра I. Ч. 1. СПб., 1865. С. 121.

⁶ *Артамонова Л. М.* Общество, власть и просвещение в русской провинции XVIII – начала XIX вв. (Юго-Восточные губернии Европейской России). Самара, 2001. С. 233.

ции. В 1810 г. директор училищ Пермской губернии Н. С. Попов жаловался попечителю Казанского учебного округа на Пермского гражданского губернатора Б. А. Гермеса, уверяя, что тот знает не хочет попечителя учебного округа и его распоряжений, чем «огорчает его до слез»⁷. Надо заметить, впрочем, что и сам Никита Савич Попов не пользовался особым авторитетом в местном обществе. Его «несостоятельность» в должности директора, с точки зрения В.Н. Шишонко, была одной из главных причин слабого притока учащихся в Пермскую гимназию.

Никита Савич Попов был одним из самых опытных педагогов в Перми, он работал здесь учителем с самого момента основания училищ. В начале XIX века его назначили директором Пермского главного народного училища. Обучался Н. С. Попов сначала в Пермской семинарии, а затем в Петербургской учительской семинарии Ф. И. Янковича де Мириево. Известно, что во время учебы он посещал лекции ученых Российской Академии наук, а после возвращения в Пермь стал одним из первых исследователей местного края. В 1800 г. Н. С. Попова привлекли к созданию Атласа Пермской губернии⁸. За составление «Историко-географического описания губернии», приложенного к Атласу, учителя наградили досрочным повышением в чине. По именному указу Павла I 37-летнего Н. С. Попова произвели в восьмой класс по табели о рангах, что дало ему права потомственного дворянства⁹. В 1802–1803 гг. Н. С. Попов трудился над составлением «Хозяйственного описания Пермской губернии». Этот двухтомный капитальный труд, разработанный по программе Вольного экономического общества, до сих пор является одним из лучших источников по истории Урала. В 1807 г. за составление научного труда Н. С. Попов был назначен адъюнктом Казанского университета. В 1812 г. его приняли в члены Казанского Общества любителей словесности¹⁰.

⁷ Зверев А. В. Старейшее учебное заведение города Перми: К столетию Пермской мужской гимназии (1808–1908). Пермь, 1908. С. 35.

⁸ Калинина Т. А. Развитие народного образования на Урале в дореформенный период (80-е гг. XVIII – первая половина XIX вв.): Учеб. пособие. Пермь, 1992. С. 11.

⁹ Национальный архив Республики Татарстан (далее — НАРТ). Ф. 92. Оп. 1. Д. 95. Л. 149.

¹⁰ Уральская историческая энциклопедия. Екатеринбург, 1998. С. 422.

Личные качества Н. С. Попова, однако, как и его административные способности, оставили не столь приятные воспоминания у жителей Перми. В своих мемуарах весьма нелестную характеристику Никите Савичу дал один из воспитанников его пансиона Д. Смышляев, жестоко избитый учителем за незначительный проступок. Небольшим уважением, очевидно, директор пользовался и в среде учителей Пермской гимназии. Материалы, опубликованные В. Н. Шишонко, свидетельствуют о постоянных стычках Н. С. Попова с подчиненными. Как выяснила ревизия, директор гимназии «имел обыкновение при выдаче жалованья учителям брать себе, без достаточного законного основания, 100 рублей серебром ежемесячно». Отчеты его о расходовании казенных сумм были столь запутанными, что он вынужден был заплатить после ревизии по казенному взысканию 113 рублей серебром. Нарекания по службе привели к тому, что Н. С. Попов, прослуживший в учебном ведомстве почти 41 год, был уволен из училища без назначения пенсии и испытывал на старости такую нужду, что пермский губернатор хотел даже принять его на должность заседателя в совестном суде с годовым окладом в 300 рублей, чтобы он «не умер в нищете, не имея насущного хлеба»¹¹.

Пермская гимназия была торжественно открыта 29 июня 1808 г. Разместилась она в здании главного народного училища, которое украшало Пермь еще с конца XVIII века. Большую помощь училищному ведомству в создании местной гимназии оказали уральские заводладельцы. Надо отметить, правда, что суммы благотворительных взносов на Урале никогда не достигали размеров дворянской и купеческой благотворительности в российских столицах. Богатые дворянские семьи, владевшие заводами и земельными владениями на Урале, в XIX веке в своих имениях почти никогда не появлялись, они предпочитали проводить время в столицах или за границей. Именно там, вдали от Урала, многие из них (Демидовы, Строгановы, Лазаревы, Голицыны и др.) оставили о себе память как крупнейшие меценаты и благотворители. Впрочем, просьбы о финансовой помощи пермского губернатора они тоже почти никогда не оставляли без ответа.

---

¹¹ *Шишонко В. Н.* Указ. соч. С. 123.

В 1806 г. Вятский и Пермский генерал-губернатор К. Ф. Модерах предложил «здешней губернии господам заводчикам» сделать какое-либо пожертвование на содержание вновь создающейся гимназии. В ответ на эту просьбу поступили денежные взносы от владельцев Авзяно-Петровских и Сергинско-Уфалейских заводов М. П. Губина (1500 рублей), Верх-Исетских заводов А. И. Яковлева (1000 рублей), его ближайшего родственника подполковника С. С. Яковлева, владевшего Алапаевскими заводами (500 рублей). Тысячу рублей ассигнациями передал для гимназии Н. Н. Демидов, посетивший свои Нижнетагильские заводы в 1806 г. Сумма, образовавшаяся в результате благотворительных взносов (4000 рублей), была отправлена для приращения процентами в Московский опекунский совет Воспитательного дома. Известие об этих пожертвованиях решено было напечатать в периодической печати, благотворители же получили благодарственные письма лично от министра просвещения Петра Васильевича Завадовского¹².

После создания гимназии благотворительные взносы на ее содержание продолжали ежегодно поступать от разных слоев населения. Список благотворителей, отправленный Советом императорского Казанского университета попечителю учебного округа в 1819 г., например, числил среди них заводовладельца Григория Александровича Строганова, пермских чиновников, горных офицеров, надзирателей питейных сборов и других городских жителей. Взносы, поступающие от жителей Перми (всего ведомость зафиксировала 17 человек) были невелики (от 5 до 50 рублей асс.), в целом, однако, и они составили достаточно большую для того времени сумму (475 рублей 50 копеек асс.). Любопытно, что небольшие суммы пожертвований перечисляли даже весьма небогатые местные учителя: в 1819 г. это был учитель Пермской семинарии Бенедиктов, отдавший гимназии 50 копеек серебром¹³.

Местная интеллигенция пополняла учебные кабинеты гимназии. В 1819 г., например, инспектор Пермской врачебной управы Федор Христофорович Граль передал директору училищ Пермской губернии «спиртовый термометр с реомюрным делением». В 1820 г. старший учитель Василий Грибовский принес в дар гимназии гербарий, составленный им из растений, имеющих распространение в

¹² НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 175. Л. 1, 5, 7, 10, 13.

¹³ НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 977. Л. 20.

Пермской губернии и зарубежных странах. Уральские растения (340 видов) он собирал сам, зарубежные же (300 видов) приобрел в Санкт-Петербургских ботанических садах. По решению Совета Казанского университета сообщение об этом полезном подарке было напечатано в Московских и Санкт-Петербургских Ведомостях¹⁴.

В целом, денежная сумма, отпускавшаяся на нужды Пермской гимназии в первой четверти XIX в. составляла около 6300 рублей ассигнациями. Это были средства из казны (3666 рублей 66 копеек), от приказа общественного призрения (2000 рублей), проценты с благотворительного капитала, хранившегося в московском опекуновском совете, пожертвования горожан. Не отказались от своего обязательства поддерживать гимназию после издания указа 1804 года и заводовладельцы Строгановы. Ежегодное пособие в 400 рублей они начали передавать Пермскому главному народному училищу еще в XVIII веке¹⁵.

Вятская гимназия начала работу несколько позднее Пермской. Причиной тому были трудности с размещением учебных площадей. Местное главное народное училище ко времени реформы, в отличие от Пермского, не имело собственного дома. Однако «приверженность к просвещению» жителей в старинной Вятке оказалась несравненно выше, чем в Перми. Согласно данным ведомости, отправленной ректору Казанского университета, по численности учащихся Вятская гимназия в начале 1826 г. почти вдвое превосходила Пермскую. Купечество и мещанство Вятки практически не уступало местному чиновничеству в желании дать своим детям среднее образование (см. Таблицу 1). Причину этого местные историки XIX века видели в личной инициативе, энергии и настойчивости вятского гражданского губернатора Федора Ивановича Фон-Брадке, сменившего на этом посту Василия Ивановича Болгарского¹⁶.

Вступив в должность, Ф. И. Фон-Брадке стал вести активную переписку по поводу открытия в губернском центре гимназии. Сохранились его письма с просьбой о содействии в открытии гимна-

¹⁴ НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 1220. Л. 1-2.

¹⁵ Зверев А. В. Указ. соч. С. 33.

¹⁶ В 1807 г., после четвертой сенаторской ревизии, открывшей огромные злоупотребления в управлении Вятской губернией, Болгарский был отдан под суд. См.: Васильев М. Г. История Вятской гимназии за сто лет ее существования. Вятка, 1911. С. 5.

зии попечителю Казанского университета, министру народного просвещения, Вятскому и Пермскому генерал-губернатору. Неоднократно губернатор обращался и к местному обществу, призывая его «обогащать детей своих науками, яко капиталом наследственным, которого никакой случай, никакое несчастье от них отнять не может». По инициативе Ф. И. Фон-Брадке по всей губернии была открыта подписка к пожертвованию на устройство гимназии. Она принесла училищному ведомству достаточно крупную сумму в 13624 рубля 85 копеек асс. Наиболее крупное пожертвование на нужды образования внес уржумский купец Матвеев (5 тысяч рублей), за что ему была вручена золотая медаль с надписью «За полезное». Собранные деньги дали возможность купить для гимназии собственное помещение. На одном из аукционов был приобретен у купца Масленникова каменный дом за 5341 рубль 20 копеек¹⁷.

21 ноября 1811 г., после торжественного акта открытия, Вятская гимназия начала прием учащихся. В день открытия она вновь получила от горожан 1112 рублей¹⁸. Денежные средства и материальные пожертвования от горожан на нужды гимназии продолжали поступать и после ее официального открытия. Во время открытого испытания воспитанников гимназии в 1816 г., например, проверяющие чиновники пожертвовали гимназии 335 рублей, а учитель рисования подарил школе портрет епископа Вятского и Слободского Гедеона¹⁹.

Училищное здание, купленное казной у купца Масленникова, однако, оказалось не совсем удобным для размещения учебных площадей, поэтому в 1815 г. решено было обменять его на более просторный дом купца Аршаулова. Купец получил не только прежний училищный дом, но и достаточно большую доплату за него (11200 рублей) с условием передать в собственность гимназии землю, на которой расположено здание, а также доставить для его перестройки тысячу бревен и сто тысяч кирпичей. Каменный двухэтажный дом, дополненный вновь выстроенными двумя флигелями, был готов к началу занятий 21 ноября 1815 г. Перестройка здания

¹⁷ Васильев М. Г. Указ. соч. С. 6-7.

¹⁸ Историко-статистические сведения об учебных заведениях Вятской губернии. 1780–1880: Сборник материалов к истории Вятского края. Т. 2. Вятка, 1881. С. 623.

¹⁹ НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 645. Л. 3 об.

обошлась казне в 7360 рублей. По просьбе губернатора материальную помощь в строительстве здания оказали Холуницкие заводы. В 1816 г. управитель заводов Ефим Васильевич Ваганов передал строительному комитету около 25 пудов связного железа²⁰. Старания вятского губернатора Ф. И. Фон-Брадке не остались незамеченными. За свои заботы об открытии гимназии он был удостоен звания почетного члена императорского Казанского университета²¹.

Первым директором Вятской гимназии, как и в Перми, стал бывший директор местного главного народного училища Тимофей Титыч Рапинов. Судя по воспоминаниям выпускников гимназии, большими дарованиями этот человек не выделялся. «Не слишком достаточен» он оказался и в науках, не знал ни одного иностранного языка. Местные жители, жертвователи гимназии, были очень недовольны этим обстоятельством и просили губернатора найти нового директора. Училищный комитет Казанского университета порекомендовал на эту должность Ивана Вильгельмовича Глейнига. В 1812 г. он занял пост директора гимназии и руководил ею и всеми подчиненными учебными заведениями до 1819 г.

В отличие от Рапинова, Глейниг был человеком весьма образованным для того времени. Выходец из прусских дворян на русской службе, он закончил курс обучения в Кенигсбергском университете, некоторое время состоял на военной службе, участвовал в турецких войнах. Во время директорства И. В. Глейнига Вятская гимназия процветала. Высоко оценил деятельность этого человека попечитель Казанского учебного округа С. Я. Румовский. В 1815 г. он представил Глейнига к награде, отметив, что «усердием и деятельностью он перед всеми директорами округа отличается». Отметил директора Вятской гимназии и новый попечитель округа Михаил Александрович Салтыков. Осмотрев учебные заведения Вятской губернии в 1815 г., он поставил его в пример всем прочим директорам²².

Самой длительной и сложной оказалась реализация нового школьного Устава в Оренбургской губернии. Как ни странно,

²⁰ НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 645. Л. 17.

²¹ Андреевский А., Бехтерев Н., Спасский Н. Краткая летопись событий и законоположений, касающихся Вятской губернии за первое столетие с открытия наместничества // Столетие Вятской губернии. 1780–1880: Сборник материалов к истории Вятского края. Т. 1. Вятка, 1880. С. 346, 358, 359.

²² Васильев М. Г. Указ. соч. С. 11.

именно в «дворянской» Оренбургской губернии интерес к гимназии, этой, по сути, дворянской школе, оказался наименьшим. В силу ряда обстоятельств учебная администрация здесь не пошла по традиционному пути преобразования главного народного училища в гимназию. К началу XIX века Оренбургское главное училище размещалось в уездном городе Оренбурге, где занимало тесный и холодный дом. Визитаторы И. И. Запольский и П. С. Кондырев, посетившие его в 1809 г., отметили, что ни жить, ни учить детей в нем невозможно — «за худобою и крайним холодом классической (т. е. классной комнаты. — *Л. Д.*) учителя зимою, кое-как теснясь, учили детей попеременно в своих жилых комнатах»²³. Для создания гимназии необходим был новый, более просторный и удобный дом. С самого начала возник вопрос о том, где же его строить? Оренбург, как уже говорилось, был в то время уездным городом. Приказ общественного призрения, непосредственно ведавший народными училищами, находился в Уфе. Вдали от местного гражданского начальства, главное училище оказалось забытым и заброшенным. Визитаторы считали необходимым перенести гимназию в центр губернии. Этому же мнения придерживался и военный губернатор края князь Г. С. Волконский. Он готов был содействовать переводу главного народного училища в Уфу, в Оренбурге же — учредить особое «училище для азиатцев и всех вообще иррегулярных войск», дав ему название Неплюевского²⁴.

Гражданский губернатор М. Ф. Веригин, располагавшийся в Уфе, однако, оказался не столь большим сторонником распространения просвещения. Университетским визитаторам он, правда, обещал помощь в устройстве гимназии и даже заявил, что уже назначил для нее дом. Но дом этот, как отметили ревизоры, «почти так же неудобен и ветх и неуделан, и клонится к падению, как настоящий». В разговоре с университетскими ревизорами по поводу оренбургских школ губернатор заметил, что «государь император между всеми богоугодными заведениями приказа училища соизволяет почитать в числе последних». Трактую столь своеобразно политику верховной власти в сфере просвещения, гражданский гу-

²³ Булич Н. Н. Из первых лет Казанского университета (1805–1819). Рассказы по архивным документам Н. Булича. Изд. 2-е. Ч. 1-2. СПб., 1904. С. 494.

²⁴ Мирсаитова С. Г. Народное образование на Южном Урале в первой половине XIX века. Ч. 1. Екатеринбург, 2000. С. 29, 70.

бернатор не оказывал особой поддержки в деле преобразования народных училищ, что было достаточно ощутимой причиной задержки выполнения школьной реформы в Оренбургской губернии.

Некоторое понимание представители училищного ведомства встретили в Уфе только у губернского предводителя дворянства Саввы Осоргина. Тот считал, что учреждение гимназии губернскому городу необходимо, так как в губернии много бедных дворян: воспитание детей вдали от родины для них чрезвычайно затруднительно. Предводитель дворянства был уверен в том, что дворянство охотно будет выделять благотворительные взносы на устройство гимназии. Сам он обещал всевозможную помощь в сборе пожертвований²⁵. О сборе благотворительных взносов на устройство в Уфе гимназии дворянству было объявлено в 1809 г. Дворянство в ответ пообещало выделить на эти цели 10 тысяч рублей, предполагая собрать эту сумму за три года с помещичьих крестьян (по 30 копеек с души)²⁶. В мае 1810 г. первый взнос от дворянского общества (3333 рубля 33 копейки) поступил в училищное ведомство и был направлен в приказ общественного призрения для приращения процентами. Оставшиеся деньги, однако, долгое время были в недоимке, так как дворяне не видели особой активности властей в деле устройства гимназии, да и сами в ней особой необходимости не ощущали²⁷.

Дело сдвинулось с мертвой точки только после приезда в Оренбург нового военного губернатора графа Петра Кирилловича Эссена. В 1817 г. он обратился к гражданскому губернатору и губерньскому предводителю дворянства с предложением «принять ревностное участие в приглашении дворян и граждан на пожертвование для заведения гимназии и уездных училищ, кто чем заблагорассудит». Богатым заводовладельцам и дворянам-помещикам П. К. Эссен направил личные письма с просьбой об оказании пособия делу народного просвещения в крае. Оренбургское общество достаточно активно откликнулось на инициативу военного губернатора. К сентябрю 1820 г., судя по донесению визитатора Розанова, в Оренбургском приказе общественного призрения находилось уже 23127 рублей, пожертвованных на устройство в Уфе гимназии²⁸.

²⁵ Булич Н. Н. Указ. соч. С. 505.

²⁶ Мирсаитова С. Г. Указ соч. С. 71.

²⁷ НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 832. Л. 2-3.

²⁸ В эту сумму, очевидно, вошли 10 тысяч рублей, пожертвованные дворянством Оренбургской губернии в 1805 г. на устройство в Казани военного

Среди жертвователей гимназии были заводовладельцы, помещики, чиновники, офицеры, казаки, купцы. Кроме того, дворянин И. Е. Демидов выделил для строительства средней школы 778 бревен строевого леса²⁹. В том же 1820 г. в пользу вновь создающейся гимназии было передано крупное частное пожертвование: помещик Бугурусланского уезда, коллежский советник П. Я. Тоузаков передал в гимназический капитал 10 тысяч рублей³⁰.

Собранных денег оказалось достаточно для начала строительства гимназического помещения в Уфе. По проекту здесь предполагалось возвести каменное трехэтажное здание, которое могло вместить в себя и гимназию, и уездное училище. Смета строительных работ составила 145708 рублей — сумма, весьма внушительная для училищного ведомства того времени. Долгое время, прежде всего из-за дороговизны работ, строительство здания затягивалось. В 1823 г. отыскался подрядчик (чухломской купец Василий Юдин, прибывший в Уфу из Костромы), согласившийся выстроить здание за 135 тысяч рублей. На эти расходы казна согласилась: в 1823 г. деньги, дополнившие благотворительные средства, были перечислены Казанскому учебному округу из строительного капитала департамента народного просвещения. В 1825 г. гимназическое здание в Уфе было отстроено. 9 июня 1826 г. министр народного просвещения А. Шишков предписал принять его в училищное ведомство. Дом, однако, оказался очень непрочным, скоро в его стенах обнаружили большие трещины, которые пришлось устранять. Нашлись и другие неполадки, что затянуло начало занятий еще на два года. Торжественное открытие Уфимской гимназии состоялось лишь 11 ноября 1828 г.³¹

Отношение дворян к гимназическому образованию в провинциальных центрах было весьма прохладным. Дореволюционный исследователь гимназического образования И. Алешинцев даже назвал

училища. После того, как власти отказались от создания этого училища, деньги были перечислены в Оренбургский приказ общественного призрения. В 1820 г. Правление императорского Казанского университета обратилось к попечителю округ М. А. Салтыкову с просьбой ходатайствовать перед правительством о переводе этих денег на нужды вновь учреждаемой гимназии (НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 893. Л. 4).

²⁹ НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 832. Л. 4.

³⁰ НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 1019. Л. 18.

³¹ НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 2071. Л. 40.

их поведение по отношению к государственным общеобразовательным школам «пассивной забастовкой». Важной вехой в преодолении этого препятствия развитию среднего образования стал указ от 6 августа 1809 г., написанный на основе обстоятельного доклада Александру I его ближайшего помощника М. М. Сперанского. Указ ввел в России экзамены на чины. Лица с университетским образованием, согласно закону, стали получать существенные преимущества при продвижении по служебной лестнице. Чин же коллежского асессора, который давал право на потомственное дворянство, могли приобрести лишь чиновники, выдержавшие экзамен в университете. Указ этот, как писал И. Алешинцев, вызвал небывалый переполох в чиновничье-дворянском мире и возбудил жгучую ненависть к его автору. Но отступить от своего привычного поведения дворяне были вынуждены. «Пассивная забастовка» их по отношению к гимназиям кончилась, и будущие чиновники стали учиться³².

Нельзя сказать, однако, что и к середине XIX века проблема приобщения дворянства к среднему и высшему образованию была решена окончательно. Несмотря на указы, в провинции многие представители привилегированного сословия по-прежнему «гнушались гимназией». По подсчетам Л. В. Мерзляковой, проанализировавшей формулярные списки чиновников Вятской губернии за 1855–1857 гг., подавляющее большинство их (68,7%) и к этому времени имело домашнее образование. Высшим образованием обладали лишь 1,7% чиновников, средним — 14,3%, казенным начальным — 15,2%³³.

Частное образование составляло серьезную конкуренцию казенной школе. Домашнее обучение детей в то время было обычным во всех слоях городского населения. Уровень образования зависел от потребностей семей и заметно отличался в дворянской, купеческой и мещанской среде. Любопытную характеристику традиций домашнего воспитания приводит в одном из своих очерков учитель Пермской гимназии Н. А. Фирсов. По уровню и приемам обучения он выделяет семьи богатых дворян («аристократический круг»), средние слои (чиновники и купечество) и низшие слои городского общества (мел-

³² Алешинцев И. А. Указ. соч. С. 43, 55.

³³ Мерзлякова Л. В. Чиновничество Вятской губернии первой половины XIX века (Опыт социально-политической характеристики): Дисс. ... канд. ист. наук. Ижевск, 1997. Приложение. Таблица 13.

кие чиновники, низшее духовенство, мещанство)³⁴. Обеспеченные дворяне предпочитали давать своим детям общее образование в объеме гимназии, приглашая для преподавания учителей гимназии (происходило это, впрочем, только в губернских городах). Средние городские слои ограничивались объемом уездных и приходских школ. Низшие — уровнем элементарной грамотности.

Согласно Уставу 1804 года частные пансионы могли возникать только после представления свидетельств об аттестации содержателей пансионов и преподавателей по тем предметам, которым они собирались учить. Учебный план и учебники пансионов при этом не могли отличаться от употребляемых в государственных училищах³⁵. На деле, однако, эти требования редко исполнялись. Домашние учителя часто не имели необходимых свидетельств и аттестатов, работали по старинке.

С. А. Нурминский приводит в своем очерке о народных училищах Вятской губернии сведения о работе частных преподавателей в 1812 г. Собраны они были директором училищ по распоряжению попечителя учебного округа. В городах Вятской губернии в это время работали 43 частных учителя. У них обучалось 194 мальчика и 65 девочек. В самой Вятке в это время преподавали 9 домашних учителей, они обучали 83 мальчика и 32 девочки; в Сарапуле — 8 учителей обучали 23 мальчика и 13 девочек; в Нолинске — 3 учителя обучали 11 мальчиков и 2 девочки; в Слободском — 17 учителей обучали 42 мальчика и 12 девочек; в Елабуге — 6 учителей обучали 35 мальчиков и 6 девочек). Надо учесть, что данные эти были, конечно же, неполны: подобное обучение существовало и в других городах.

Об уровне знаний, получаемых детьми в частных школах, можно судить по составу преподавательских кадров. В Вятке, например, частным учительством занимались: брандмейстер Головщиков, вдова священника Прасковья Акишева, мещанин Петр Свешников, крестьянская девка Евдокия Мотина, крестьянская девка Василиса Трофимова, солдатская дочь Степанида Ускова, дьякон Дмитрий Бердников, почтальонша Варвара Ермолаева, иерей Дмитрий Юферев. Из всех означенных преподавателей обучал

---

³⁴ Фирсов Н. А. Очерк воспитания девиц в Пермской губернии. СПб., 1858. С. 35-70.

³⁵ Алешинцев И. А. Указ. соч. С. 36.

истории, русской грамматике и арифметике только дьякон Бердников, все остальные — читать и писать³⁶.

К сожалению, нам не удалось обнаружить подобных сведений по Пермской и Оренбургской губерниям, но домашнее учительство в них, конечно, тоже существовало. Об этом, в частности, свидетельствуют данные, приведенные в историческом очерке В. Иконникова, посвященном юбилею Ирбитского уездного училища. В. Иконников обнаружил в делах архива Ирбитского училища за 1814 год донесение учителя Ирбитской малой народной школы Соломона Алексеевича Карпинского смотрителю училища, в котором тот ратует против недозволенного внеучилищного обучения детей. Смотритель просит городничего распорядиться, чтобы всем домашним учителям, не имеющим аттестатов, запрещено было вести дело обучения, а отцам, дети которых обучаются в частных школах, объявить, чтоб они отдавали своих детей в существующее народное училище. Просьба эта была повторена через десять лет, в 1824 г. картина, однако, изменилась мало. Из собранных полицией сведений видно, что в это время частным обучением детей в городе занимались четыре мещанина, две мещанки и отставной солдат. В следующем, 1825 г., смотритель доносит, что у одного мещанина обучалось 20 учеников, у другого — тоже 20, у третьего — 15, у мещанки — четыре, у отставного солдата — два (всего — 61 чел.). В это же время в уездном училище с приготовительным классом числилось всего 37 учеников³⁷.

Пытаясь каким-то образом ограничить конкуренцию домашних учителей, министерство народного просвещения добилось принятия высочайшего повеления от 1 мая 1811 г. о взыскании с каждого содержателя частного пансиона ежегодного налога — по 5% с платы, получаемой за содержание школьников. 23 декабря 1811 г. повеление это было дополнено особым циркуляром, в котором пояснялось, что подобный налог должен собираться не только с содержателей частных пансионов, но и с других домашних учителей. Ограничения коснулись и иностранцев, преподававших в

---

³⁶ *Нурминский С. А.* Народные училища в Вятской губернии // Столетие Вятской губернии. 1780–1880: Сборник материалов к истории Вятского края. Т. 2. Вятка, 1881. С. 712.

³⁷ *Иконников В. И.* Пятидесятилетие Ирбитского уездного училища (1820–1870). Тюмень, 1871. С. 5, 24.

частных домах. 19 января 1812 г. было высочайше утверждено мнение министра о необходимости требовать от домашних учителей письменных свидетельств об их способностях и знаниях от российских училищных начальств. Известно, что в Шадринске против незаконно работавших частных учителей были предприняты достаточно строгие меры. В 1814 и 1817 гг. шадринский городничий Подушкин собрал у них подписки «о неучении» незаконно городских детей. Подписки эти были взяты у отставного дьячка Ивана Бирюкова, бывшей просфорни Анны Григорьевны Мельниковой и отставного дьячка Евстафия Толшина. У всех этих лиц тогда обучалось 12 мальчиков и 4 девочки³⁸.

Во многих других городах, однако, деятельность служащих Министерства народного просвещения, направленная против частных школ, встретила сопротивление. В литературе встречаются сведения о том, что даже представители власти — полицейские чиновники и исправники — иногда отказывались помогать учебному ведомству в сборе налога с частных учителей и содержателей пансионов. Слободской исправник в Вятской губернии, например, отозвался, что «хотя и обучаются крестьянские дети грамоте, или у церковнослужителей, или у подобных себе поселян, или навывают к тому при писарях по правлениям, но чтобы и сим закрыть учение, я почитаю невозможным, сколько потому, что, кроме чтения и письма, никаких предметов им не преподается, столько и к уважению того, что крестьяне отсылать детей своих в город для обучения, по отдаленности и по бедному своему состоянию, не могут»³⁹. Правительство, впрочем, и само скоро отошло от взимания дополнительного налога с частных учителей. Рескриптом на имя А. Н. Голицына от 5 декабря 1816 г. пятипроцентный сбор был отменен, ибо оказалось, что содержатели пансионов обращают его на родителей⁴⁰.

Крупным недостатком общеобразовательных государственных учебных заведений была оторванность их программ от жизненных потребностей населения. Первые перемены в этом отношении были предприняты попечителем Санкт-Петербургского учебного округа С. С. Уваровым. Он предложил исключить из программы гимназий ряд предметов, которые, по его мнению, были не по силам ученикам

---

³⁸ Перов В. Е. Шадринское уездное училище (1812–1881 гг.). Екатеринбург, 1898. С. 35.

³⁹ Нурминский С. . Указ. соч. С. 713.

⁴⁰ Алешинцев И. А. Указ. соч. С. 76.

среднего учебного заведения (политическую экономию, коммерческие науки, финансы, эстетику, философическую грамматику). С точки зрения попечителя, особое внимание в гимназиях необходимо было уделять тем предметам, которые необходимы для подготовки юношества к слушанию академических или университетских курсов, и, прежде всего, классическим языкам. Помимо этого, С. С. Уваров считал необходимым вернуть в план гимназий Закон божий (краткий катехизис и священную историю). 7 ноября 1811 г. план С.С. Уварова был утвержден и применен в виде опыта в Петербургской гимназии. Программа Уваровской гимназии была гораздо более согласована с университетом и отвечала потребностям дворянства. С 1819 г. она стала вводиться во всех русских гимназиях.

Учебный план Пермской и Вятской гимназий в 1825 г. включал: закон божий и церковно-библейскую историю, латинский, немецкий и французский языки, прикладную математику, геометрию и алгебру, естественную историю, опытную физику, российскую словесность, историю (древнюю и российскую), географию, статистику общую и российскую, логику, риторику, а также (в Пермской гимназии) ботанику и минералогию. Помимо этого, ученики занимались рисованием⁴¹.

Учительский корпус губернских гимназий существенно отличался от екатерининских главных народных училищ, заполненных в основном выходцами из местного духовенства. Надо отметить, правда, что статус учительской должности в первой четверти XIX века мало изменился по сравнению с ушедшим XVIII веком. Образованных людей, носителей новой, европеизированной культуры в уральских городах было слишком мало, для провинциального городского общества они по-прежнему были «чужими» — удивительными, а иногда и забавными людьми. Не случайно многие из учителей, получивших образование в университетах или Петербургском учительском институте, попав в унылый мир уральской провинции, искали забвения в алкоголе. «Учителя жили между собою дружно, но весьма скудно — вспоминает об этом времени директор училищ Вятской губернии И. М. Глебов, — посещали друг друга, а с обществом знакомы были мало»⁴².

⁴¹ НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 1956. Л. 41, 94.

⁴² Историко-статистические сведения об учебных заведениях Вятской губернии // Столетие Вятской губернии. 1780–1880: Сборник материалов к истории Вятского края. Т. 2. Вятка, 1881. С. 627.

Слабость к крепким напиткам имели в то время очень многие учителя. Известный своими литературными произведениями учитель Пермской гимназии Василий Тихонович Феонов был замечен в пьянстве еще в годы своей учебы в Вятской семинарии. Известно, что за подобное пристрастие он был уволен из духовного учебного заведения и разжалован из учеников в хлебопеки. Как рассказывает автор одного из очерков, помещенных в «Пермском сборнике», целый год В. Феонов исполнял эту работу, занимаясь вечерами самообразованием — он читал, размышлял и через год смог получить сведений больше, чем ему мог дать семинарский курс. В 1815 г. В. Т. Феонов отправляется в Казань и, как пишет автор, «по простоте старых времен», подает документы в местный университет⁴³. После приемного экзамена талантливого юношу принимают на этико-филологический факультет. Окончив его (со степенью кандидата), В. Т. Феонов попадает в Пермскую гимназию, где с успехом преподает латинский язык. В 1818 г. учебное начальство награждает его 25 рублями «за ревностное исполнение должности», а в 1821 г. выносит благодарность. В 1826 г. В. Т. Феонову поручают должность учителя в классе риторики и российской словесности⁴⁴.

В. Т. Феонов с большим сарказмом относился к окружающему его губернскому обществу. Из-под его пера вышло немало сатирических стихов и басен, жало которых было направлено против представителей местной элиты: губернатора К. Я. Тюфяева, епископа Дионисия, винного откупщика Д. Пономарева и др. Стихи учителя были весьма талантливо написаны и помещались в различных газетах и журналах — Петербургском «Вестнике Европы», Казанском «Заволжском муравье» и пр. В пермском образованном обществе В. Т. Феонов пользовался большой популярностью. Выпускник университета, он был не только прекрасным знатоком древнего языка и культуры (в университете он изучал их под руководством профессора Брауна), но и способным преподавателем. В 1821 г. визитатор училищ П. А. Словцов с восторженностью отзывался о его учениках — юных латинистах⁴⁵. Справедливости ради надо заметить, правда, что в 1828 г., при новой визитации

⁴³ О Феонове // Пермский сборник. Кн. 2. М., 1860. С. 24.

⁴⁴ НАРТ. Ф. 977. Оп. «Училищный комитет». Д. 1241. Л. 407.

⁴⁵ *Смышляев Д.* Материалы для истории города Перми // Сборник статей о Пермской губернии. Пермь, 1891. С. 68-69.

П. А. Словцов дал ему далеко не столь благосклонный отзыв. В журнале осмотра Пермской гимназии Словцов записал: «Феонов имеет по своей части достаточные познания, но не ровен себе в усердии к должности»⁴⁶. Преподавал Василий Тихонович Феонов в это время логику и российскую словесность.

Причиной визитации П. А. Словцова в Пермскую губернию стало «бедственное положение» дел в местной дирекции училищ. Осмотрев Пермскую гимназию, визитатор отметил, что учебная часть в ней находится в упадке. Доказательство тому он видел в малом числе обучающихся здесь учеников и их слабых знаниях. Испытания учеников в древней истории, географии, минералогии, логике и риторике оказались малоуспешными. Плохо знали ученики и иностранные языки. Немецкий язык им преподавался лишь в течение одного года, и читали на нем только десять учеников. Учителя же французского языка не было вовсе.

Главными причинами такого положения дел визитатор считал недостатки управления дирекцией, происходившие «от нерадения наставников, а в особенности от слабости, преклонных лет и невнимания директора статского советника Попова»⁴⁷. По подсчетам П. А. Словцова, из числа воспитанников уездных училищ в это время в гимназию попадало менее четверти выпускников (36 человек из 147)⁴⁸. Впрочем, выводы визитатора о работе гимназии не были совсем безутешными. «Я уверен, — писал он, — что гимназия Пермская, заключая в себе многих учителей способных, не замедлит взойти на приличную степень учебного совершенства»⁴⁹.

Похвальных слов заслужил учитель естественной истории Василий Осипович Грибовский, который был, по словам визитатора, «довольно знающ, добропорядочен и в жизни правилен». Именно на нем, как считал П. А. Словцов, «почти основывался ход гимназии». Хорошими познаниями и способностями обладал также и учитель физики и математики Александр Андреевич Токарев. По-прежнему хороши были знания учеников в латинском языке. Учитель латинского языка Николай Юрьевич Козловский заслужил особую благодарность визитатора. Успехи учеников Пермской

⁴⁶ НАРТ. Ф. 977. Оп. «Училищный комитет». Д. 1225. Л. 221 об.

⁴⁷ Там же. Л. 15.

⁴⁸ Там же. Л. 215 об.

⁴⁹ Там же. Л. 217.

гимназии в преподаваемом им предмете, с точки зрения П. А. Словцова, были вполне очевидны, что, впрочем, неудивительно. Учитель Н. Ю. Козловский имел большой опыт преподавания и употребления латинского языка. Выходец из дворян Волынской губернии, он получил образование в Луцком уездном училище, а затем Виленском университете. Закончил свое образование Н. Ю. Козловский в учительской семинарии, куда поступил на казенное содержание. После окончания семинарии, в 1821 г., его направили учителем латинского языка в Ковенское, а затем Житомирское уездное училище. Еще будучи студентом, в Вильне, Н. Ю. Козловский примкнул к существовавшему там тайному обществу филаретов, за что, после прихода к власти Николая I, был выслан в отдаленную Пермскую губернию⁵⁰.

Выводы Совета университета по итогам визитации пермских училищ были достаточно быстрыми. Директор Н. С. Попов вскоре был отстранен от управления дирекцией, а учителя получили замечания или благодарности. Надо отметить, что похвал заслужили лишь два учителя: В. Грибовский — за классы рисования и ботаники, а также «за старание показывать ученикам новейшие открытия», а также Н. Козловский — за преподавание латинского языка⁵¹.

Иначе обстояло дело в Вятской гимназии. Среди воспитанников университетов и педагогических институтов, попавших в Вятку после создания гимназии, было много прекрасных преподавателей. Научную и просветительную деятельность здесь в первой четверти XIX века вели и новые учителя, и старые педагоги, преподававшие еще в бывших главных и малых народных школах. Одним из них, Александра Ивановича Вештомова, учителя Вятской главной народной школы, биограф назвал «Вятским Карамзиным»⁵². Как и директор Пермской гимназии Н. С. Попов, А. И. Вештомов начал свою работу в училищах с самого момента их основания. Он был воспитанником местной семинарии, после окончания которой, по направлению епархиального начальства, попал в Вятское главное народное училище. Здесь А. И. Вештому дали необходимые сведения и навыки работы по классно-урочной системе, а затем направили преподавать в Сарапульское малое народное училище.

⁵⁰ НАРТ. Ф. 977. Оп. «Училищный комитет». Д. 1241. Л. 412.

⁵¹ Там же. Д. 1225. Л. 257.

⁵² Бердинских В. А. Уездные историки. М., 2003. С. 330.

Сохранились свидетельства о том, что службу свою в учебном ведомстве А. И. Вештомов начал с большим старанием и усердием. Во время уроков он старался пробудить в детях любознательность, оживить изучение предметов. В свободное от занятий время ученики вместе с учителем ходили на экскурсии, собирали травы, семена дикорастущих деревьев. Своих учеников А. И. Вештомов воспитывал в духе вольнолюбивых идей екатерининской эпохи. Выходец из среды духовенства, он сам, по словам другого замечательного вятского историка А. С. Верещагина, к духовенству не очень-то благоволил и «был отчасти вольтерьянцем». Публичные речи учителя, сохранившиеся в Кировском архиве, пропитаны верой в мощь человеческого разума, природное равенство всех людей.

После десятилетней службы в Сарапульском малом народном училище талантливый педагог был переведен в Вятку. Здесь-то и началась его научная работа. В 1807–1809 гг. А. И. Вештомов написал первое в истории края обобщающее историческое повествование «История вятчан со времени поселения их при реке Вятке до открытия в сей стране наместничества». Книга, давшая начало местной историографии, при жизни автора не была напечатана, более 100 лет она хранилась в библиотеке Вятской мужской гимназии и была выпущена в свет только в 1907 г. в Казани, по определению Совета общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете.

В 1807 г. вятский учитель начал работу над вторым своим замечательным произведением — описанием флоры Вятского края, положив в основу его книгу Г. Ф. Соболевского «Петербургская флора». Двухтомное описание (с приложением атласа растений) было представлено на рассмотрение в Главное правление училищ и получило заслуженную награду. Решением правления А. И. Вештомов был награжден денежной премией в 500 рублей.

В 1806 г. за многолетнюю добросовестную службу в учебном ведомстве А. И. Вештомов был удостоен чина титулярного советника (9 класс по Табели о рангах). Скромное учительское жалованье, однако, не могло удовлетворить нужд большой семьи А. И. Вештомова. В 1808 г. он с интересом встретил предложение перейти на службу в форстмейстеры Вятской округи. С этого времени началась его долгая история с увольнением из учебного ведомства. Попечитель Казанского учебного округа не соглашался на отставку до тех пор, пока не бу-

дет найден новый учитель. Лишь в 1810 г. просьба А. И. Вештомова была удовлетворена и он перешел на другую службу.

Новые неприятности А. И. Вештомува принес его сын Платон, оставшийся на учительской должности. В 1811 г. выяснилось, что он украл из минц-кабинета гимназии, которым долгое время заведовал его отец, серебряные и медные монеты. Отец вернул эти монеты в училище, однако, о деле было сообщено в местную полицию. Платон бежал из дома, но был найден и посажен в арестантскую при полиции. Для А. И. Вештомова это было большим ударом. Он получил тяжелое нервное потрясение и заболел. Из-за тяжелой болезни бывший учитель вынужден был бросить новую службу. Семья «сшедшего с ума» А. И. Вештомова оказалась в нищете. Умер он в 1831 г.⁵³

Исследования А. И. Вештомова продолжил учитель истории, географии и статистики Вятской гимназии Василий Яковлевич Баженов, выпускник Ярославской семинарии, а затем Педагогического института. В Вятской гимназии он проработал около 10 лет (с 1811 по 1820 гг.). В 1814 г. Министерство народного просвещения поручило учителям Вятской гимназии произвести проверку сведений «Всеобщего землеописания Российской империи» в той его части, которая касается Вятского края. Научное исследование поддержал местный губернатор Ф. И. Фон-Брадке. Он послал всем подведомственным учреждениям предписание доставлять в гимназию все необходимые для работы сведения. Такое же предписание, по просьбе В. Я. Баженова, он сделал и смотрителям местных уездных училищ. Летом 1815 г. для сбора историко-статистических сведений в уезды Вятской губернии были командированы учителя Вятской гимназии: Завьялов отправился в Глазов, Попов — в Орлов и Котельнич, Некрасов — в Яранск, Уржум и Малмыж. Все собранные материалы они сдали В. Я. Баженову, который обработал их и привел в порядок. В мае 1818 г. Комитет ученых записок дал самый лестный отзыв об этой работе и представил В. Я. Баженова к награде в 100 рублей. После завершения этого большого труда В. Я. Баженов продолжил исторические, статистические и топографические исследования. Некоторые из них были напечатаны в «Ученых записках Казанского университета». В. Я. Баженов был не только прекрасным исследователем, но и известным педагогом. Его уроки истории, географии и статистики с большим удовольствием вспоминали учени-

---

⁵³ Бердинских В. А. Указ. соч. С. 330-349.

ки, выпускники гимназии. В 1818 г. В. Я. Баженов был избран членом Казанского общества любителей словесности, а в 1820 г. его перевели на службу в Казанский университет⁵⁴.

Замечательные научные труды оставил преподаватель естественной истории Вятской гимназии Александр Яковлевич Некрасов (в гимназии он работал с 1811 г. до своей смерти в 1821 г.). В течение долгих лет А. Я. Некрасов занимался изучением вятской флоры и фауны. Результатом этих исследований явились труды: «Вятская флора» в двух томах и «Описание насекомых Вятского уезда». В дополнение к «Вятской флоре» А. Я. Некрасов изготовил и доставил в Казанский университет Атлас из 50-ти видов растений, срисованных им с натуры в Вятском и Уржумском уездах. Ботанический сад Казанского университета получил от учителя семена 127 видов дикорастущих трав.

Занимался А. Я. Некрасов и геологическими изысканиями. В 1816 г., по поручению правления Казанского университета, он, вместе с директором вятских училищ И. В. Глейнигом совершил большую исследовательскую поездку по Вятской губернии, целью которой было исследование местных месторождений серебряных, медных и железных руд. Результатом этой экспедиции стало описание десяти неизвестных ранее месторождений разных руд. А. Я. Некрасовым были подготовлены и другие научные работы. Помощниками его в исследованиях были ученики. Каждую весну учитель совершал вместе с ними экскурсии по разным уездам Вятской губернии. Дети помогали ему составлять коллекции растений и насекомых, изготавливать наглядные пособия для учащихся.

Один из профессоров Казанского университета, ревизовавший Вятскую гимназию в 1816 г., замечал, что В. Я. Баженов и А. Я. Некрасов своим «ревностным и бескорыстным служением для пользы общественной немало содействовали утверждению общего благорасположения к гимназии»⁵⁵. Высокий профессионализм учителей и преданность их делу снискали Вятской гимназии большое уважение в обществе. Сюда, в отличие от Пермской гимназии, стремились отдать своих детей жители не только Вятки, но и других отдаленных мест губернии⁵⁶.

⁵⁴ Васильев М. Г. Указ. соч. С. 24, 31.

⁵⁵ Васильев М. Г. Указ. соч. С. 23, 33, 34.

⁵⁶ Юрьев В. П. Вятская гимназия (1811–1819) // Календарь Вятской губернии на 1888 год. Вятка, [б. г.]. С. 248–249.

Надо заметить, правда, что после ухода из Вятской гимназии директора училищ И. В. Глейнига и замечательных педагогов В. Я. Баженова и А. Я. Некрасова уровень преподавания там несколько снизился. П. А. Словцов, ревизовавший гимназию в 1828 г., нашел успехи ее учеников по многим предметам неудовлетворительными. Во время испытания ученики не показали особых успехов в географии и статистике. Кроме того, как отметил визитатор, большинство воспитанников в это время едва-едва читало по-немецки и по-французски⁵⁷.

Период временного упадка учебного дела в Вятской гимназии совпал с директорством Федора Яковлевича Попова (1819–1835 гг.). Судя по воспоминаниям бывшего ученика гимназии И. М. Глебова, Ф. Я. Попов был плохим педагогом. Уроки он посещал редко и ограничивался выслушиванием зазубренных учениками уроков. Тем не менее, с учителями он жил в ладу, очевидно, не требуя от них многого. Сын директора М. В. Полиновского, сменившего Ф. Я. Попова на посту директора, вспоминал, что это был «человек вообще кроткий и добрый, сердившийся только тогда, когда гимназисты устраивали генеральное сражение и нарушали послеобеденный сон добряка-директора»⁵⁸.

Обучавшийся в то время в гимназии И. М. Глебов вспоминал, что учение происходило тогда «не слишком удовлетворительно и мало имело влияния на развитие учащихся; уроки готовились учениками и требовались учителями в долбежку и задавались некоторыми без объяснения «от сих до сих», как например, законоучителем, учителем истории Лопатиным, учителями языков латинского Брусьяновым и новейших Зибергаром. Последний более в классе пел и повесничал, чем занимался делом, хотя он и знаком был хорошо с обоими языками и хорошо говорил по-русски»⁵⁹.

«Добряк-директор», однако, пользовался большой благосклонностью училищного начальства, особенно попечителя Казанского учебного округа М. Л. Магницкого. Хорошо шла его служба

⁵⁷ НАРТ. Ф. 977. Оп. «Училищный комитет». Д. 1225. Л. 63.

⁵⁸ Спицын А. А. Директора, инспектора и преподаватели Вятской гимназии (1811–1865) // Памятная книжка Вятской губернии и календарь на 1905 год. Вятка, 1905. С. 56.

⁵⁹ Историко-статистические сведения об учебных заведениях Вятской губернии // Столетие Вятской губернии. 1780–1880. Сборник материалов к истории Вятского края. Т. 2. Вятка, 1881. С. 627.

и при следующем попечителе М. Н. Мусине-Пушкине. В 1830 г. он даже получил в награду за свою службу высочайший подарок (бриллиантовый перстень с аметистом за 1000 рублей), а в 1832 г. — благодарность за умножение училищ. Его предшественник, Иван Вильгельмович Глейниг, напротив, раздражал чиновников своей самостоятельностью. По словам А. А. Спицына, Глейниг постоянно состоял «в боевой переписке с училищным комитетом, почему и получал от него и попечителя неоднократно выговоры, пока это ему не надоело». В 1819 г. Глейниг оставил училищную службу и, очевидно, при содействии губернатора Ф. И. Фон-Брадке, перешел в соляное отделение Вятской казенной палаты.

Служба Ф. Я. Попова закончилась в 1835 г., после доноса о том, что он неверно оформлял подряды на постройку каменных зданий. Попова уволили без пенсии. Донос, правда, оказался необоснованным, и пенсию бывшему директору восстановили. Однако вплоть до 1848 г. из нее вычитали значительную сумму за денежные упущения, сделанные директором при постройке канцелярского училища⁶⁰.

Несмотря на многие недостатки, работа губернских гимназий стала заметным фактором культурного развития провинции. Учителя гимназий составляли совершенно новый разряд преподавателей общеобразовательной школы. Введение в средние учебные заведения предметов университетского курса потребовало от них знаний, соответствующих уровню высшей школы.

С целью подготовки высококвалифицированных кадров, в соответствии с университетскими уставами, были открыты педагогические институты при Московском (1804), Харьковском (1811) и Казанском (1812) университетах. Несколько отличался от них по своей программе двухгодичный педагогический институт при Дерптском университете, который начал действовать в 1803 г. (в 1820 г. он был преобразован в педагогико-филологическую семинарию). В том же 1803 г., по предложению министра народного просвещения П. В. Завадовского, была возрождена Учительская семинария в Санкт-Петербурге. Учрежденная еще при Екатерине II, семинария к началу XIX века фактически прекратила свою

---

⁶⁰ Спицын А. А. Директора, инспектора и преподаватели Вятской гимназии (1811–1865) // Памятная книжка Вятской губернии и календарь на 1905 год. Вятка, 1905. С. 54, 56.

работу и существовала только формально. 20 мая 1803 г. было издано постановление о преобразовании семинарии в Учительскую гимназию. Через год, указом 1804 года, на базе гимназии был создан Педагогический институт как «отделение имеющего учредить-ся в Санкт-Петербурге университета»⁶¹.

Санкт-Петербургский педагогический институт занял особое место среди других аналогичных заведений. Университетские педагогические институты в учебных округах не имели автономных прав, они управлялись попечителем округа и советами университетов. Санкт-Петербургский педагогический институт создавался как специальное учебное заведение для подготовки учителей. Указ от 23 февраля 1816 г. утвердил его «в особенном и неперменном существовании своем под названием Главного педагогического института»⁶². Санкт-Петербургский Главный педагогический институт имел широкую программу преподавания, приближенную к университетской. Он готовил научные кадры высшей школы, а также учителей для губернских гимназий. 25 октября 1817 г. при Институте был образован его второй разряд — для подготовки учителей уездных и приходских училищ с четырехлетним курсом обучения.

В 1819 г., по решению правительства, произошло преобразование Главного педагогического института — он получил права университета, профессора и воспитанники института были переведены в число университетских. Второй разряд Института стал самостоятельным, его преобразовали в Учительский институт. Учительский институт, однако, не обладал возможностями прежнего высшего учебного заведения. После ухода С. С. Уварова с поста попечителя Петербургского учебного округа в 1821 г., при его преемнике Д. П. Руниче Учительский институт был закрыт⁶³. Как признал позднее Комитет по устройству учебных заведений, с закрытием педагогических институтов качество подготовки школьных учителей существенно ухудшилось⁶⁴. Впрочем, в первой четверти

---

⁶¹ Сборник постановлений по министерству народного просвещения. Т. 1. СПб., 1875. С. 233-235.

⁶² Сборник постановлений по министерству народного просвещения. Т. 1. СПб., 1875. С. 830.

⁶³ *Рождественский С. В.* Основы социальной организации педагогического труда в XVIII–XIX веках // Архив истории труда в России. Кн. 8. Пг., 1923. С. 46.

⁶⁴ Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР. XVIII в. – первая половина XIX в. / Отв. ред. М. Ф. Шабаева. М., 1973. С. 279.

XIX века выпускники Педагогического института практически не были представлены на Урале: во всех уральских гимназиях и уездных училищах их было лишь трое (см. Таблицу 2).

Основную часть учительского персонала уральских гимназий составляли выпускники Казанского университета. Помимо них, были тут и воспитанники духовных семинарий, гимназий, главных народных училищ, встречались и лица с домашним образованием. Полностью штат преподавателей Пермской и Вятской гимназий заполнен не был. Общее число преподавателей в них составляло около 80% штатного состава.

В отличие от екатерининских главных народных школ, гимназии включили в свой состав представителей разных мест и сословий. В Пермской гимназии работали учителя из Пермской, Новгород-Северской, Волынской губерний, в Вятской гимназии — из Вятской, Волынской, Санкт-Петербургской, Ярославской и Казанской губерний. Уроженцы далекой Волынской губернии (учитель естественных наук Вятской гимназии Ф. В. Лозинский и учитель латинского языка Пермской гимназии Н. Ю. Козловский) оказались на Урале после высылки из родных мест. Федор Васильевич Лозинский был сослан как известный карбонарий, член тайных масонских обществ филаретов и филوماتов, существовавших в Вильне. К этим обществам он примкнул в студенческие годы и впоследствии занимал там достаточно видную роль. Судя по сведениям формулярного списка, в Обществе филаретов Ф. В. Лозинский был «великим маршалом двора начальника общества Зана, советником и проводником розового союза». Н. Ю. Козловский столь видных постов не занимал, в обществе филаретов он был лишь рядовым членом, но также не избежал ссылки. По высочайшему повелению, в 1826 г. бывшие виленские студенты были отправлены «в отдаленные от Польши губернии для употребления по училищной части»⁶⁵.

Учитель немецкого языка Пермской гимназии Ф. Бокельман, выходец «из иностранцев» получил свидетельство на право гимназического преподавания в Казанском университете, где трудился ранее в университетской типографии. Типографскому искусству он обучился в Дерптском университете⁶⁶. Основам знаний Ф. Бокельман обучался дома. Преподаватель немецкого и французского языков Вятской гимназии Н. И. Зибенгар получил образование в

⁶⁵ НАРТ. Ф. 977. Оп. «Училищный комитет». Д. 1241. Л. 284, 412.

⁶⁶ НАРТ. Ф. 977. Оп. «Училищный комитет». Д. 1241. Л. 414.

Санкт-Петербургской гимназии, где состоял на иждивении императрицы Марии Федоровны.

Любопытные наблюдения позволяют сделать анализ сословного состава преподавателей уральских гимназий. Как свидетельствуют послужные списки, преобладали среди них, как и в XVIII в., выходцы из духовного сословия (в 1825 г. они составляли 47,3% учительского корпуса гимназий). Но существенно увеличилась доля выходцев из личных дворян (обер-офицеров). Отдавали своих детей на казенную учебу для приготовления к учительским должностям сами учителя и другие малообеспеченные чиновники. Среди учителей уральских гимназий дети обер-офицеров составляли около 31%. Появились в рядах учителей и выходцы из податных сословий (мещанства, купечества). Правительство разрешило принимать их на учительскую службу в 1812 г., стараясь восполнить недостаток преподавателей⁶⁷. Процент выходцев из городских сословий среди преподавателей уральских гимназий, правда, в это время был совсем небольшим. К 1825 г. они составляли лишь 6,3% учительского корпуса⁶⁸.

В первой четверти XIX в. учительская служба стала более привлекательной для выходцев из привилегированных сословий. Устав 1804 года причислил преподавателей казенных училищ к числу государственных служащих. Теперь они имели с самого начала службы возможность получить определенный чин в Табели о рангах, в то время, как раньше получали его только в форме отличия. Вся иерархия училищных служащих распределялась следующим образом: директор училищ имел 7-й, старшие учителя гимназий — 9-й, младшие — 10-й, учитель рисования — 12-й классы⁶⁹. Высочайше утвержденное мнение Государственного совета от 27 января 1822 г. установило общий четырехлетний срок выслуги по учебной службе для производства в классные чины.

Улучшилось и материальное положение учителей. В соответствии с разрядами классных должностей, Устав 1804 года почти в

---

⁶⁷ *Рождественский С. В.* Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. 1802–1902. СПб., 1902. С. 134.

⁶⁸ НАРТ. Ф. 977. Оп. «Училищный комитет». Д. 1241. Д. 256-268, 293-306, 417-451.

⁶⁹ *Шишонко В. Н.* Указ. соч. С. 121.

три раза увеличил заработную плату учителей гимназий, в два раза — учителей уездных училищ. Однако, эти средства, как признавали и сами руководители учебного ведомства, были недостаточны для безбедной жизни. К тому же они были рассчитаны только на учителей казенных школ. Учителя приходских школ не могли рассчитывать на попечение государства и получали заработную плату, согласно возможностям городских и сельских обществ.

Важным новшеством стало введение пенсионных правил для училищных чиновников. Указ о пенсиях был издан 7 октября 1805 г. Пенсионный капитал для поощрения учительской службы составлялся из суммы в 30 тысяч рублей, которая в течение 20 лет ежегодно должна была отпускаться на эти цели казной. На единовременные выплаты казна отпускала 20 тысяч рублей⁷⁰. Согласно указу, за «беспорочную» 30-летнюю службу учителя могли теперь рассчитывать на пенсию, равную их полному жалованью. 25 лет службы давали право на отставку с половиной, а 20 лет — с одной третьей частью их прежнего жалованья. Вдовы чиновников, умерших на службе, получали: за 20-летнюю службу мужей — одну шестую, за 25-летнюю службу мужей — одну треть, за 30-летнюю службу мужей — половину прежнего жалованья училищного чиновника⁷¹. 28 декабря 1818 г. пенсионные права вдов учителей были распространены на их несовершеннолетних детей, с тем ограничением, что при жизни матерей они не могли получать отдельных пенсий.

В целях пополнения учительских доходов министерство народного просвещения разрешило учителям в 1816 г., «по сложившемуся обыкновению», выполнять одновременно несколько должностей. При этом им полностью выплачивались все должностные оклады⁷². В школах Казанского учебного округа, кроме того, учителям разрешалось для улучшения условий жизни заводить на училищных землях огороды⁷³. Занимались учителя и частным преподаванием.

При крайнем недостатке образованных людей в провинции частные уроки существенно помогали учителям гимназий поддержи-

⁷⁰ *Рождественский С. В.* Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения... С. 68, 138.

⁷¹ *Шишонко В. Н.* Указ. соч. С. 121.

⁷² *Рождественский С. В.* Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения... С. 136, 139.

⁷³ *Иконников В. И.* Указ. соч. С. 7.

вать свое материальное благополучие. В 1890 г. «Исторический вестник» опубликовал очень интересные записки по этому поводу Н. Я. Афанасьева — сына учителя Якова Ивановича Афанасьева, работавшего в начале XIX в. в соседней с Уралом Тобольской гимназии. Н. Я. Афанасьев замечает о своем отце: «В Тобольске в то время он был единственным учителем, который мог преподавать предметы, входившие в курс тогдашней гимназии. Нечего и говорить, что время его было всегда нарасхват, так что жил он не только безбедно, но даже роскошно, держал лошадей и т.д.»⁷⁴.

Учитель Я. И. Афанасьев, судя по воспоминаниям сына, получил прекрасное образование, он воспитывался в доме князя И. М. Долгорукова наравне с его родными сыновьями, страстно любил музыку, сам хорошо играл. Эти редкие в глуши свойства привлекли к нему внимание местной красавицы — дочери тобольского миллионера купца Бессонова, в доме которого Я. И. Афанасьев вел уроки (помимо гимназии). Между молодыми людьми вспыхнула любовь, но о согласии родителей на брак нечего было и думать. В глазах сибирского (да и уральского) общества учительское звание не имело никакого значения. К тому же, как отмечают записки, родители девушки видели во всяком музыканте «отверженное существо, нечто вроде скомороха». «Они смотрели на музыку, — пишет Н. Я. Афанасьев, — совершенно так же, как смотрели на нее наши предки, приписывавшие действие музыки дьявольскому наваждению»⁷⁵. История любви, однако, закончилась для молодых людей достаточно счастливо. Учитель похитил девушку из дома родителей и тайно венчался с нею. После этого они жили весело и спокойно, не заботясь о родительском гневе. Рассказанная современником романтическая история была, конечно, весьма необычной. Отношение горожан к учителям казенных школ в первой четверти XIX века было, как правило, недружелюбным и подозрительным.

* * *

Подводя итоги, можно заметить, что, несмотря на все старания училищного ведомства, культурная среда уральских провинциаль-

---

⁷⁴ Воспоминания Н. Я. Афанасьева // Исторический вестник. 1890. Т. XLI. С. 25.

⁷⁵ Воспоминания Н. Я. Афанасьева... С. 25.

ных городов в первой четверти XIX века изменилась мало. Современные исследователи, характеризуя культурный путь провинции XIX века, указывают, что первые два десятилетия этого столетия трудно назвать временем значительным. «Государственная мобилизация в годы Отечественной войны и безразличие монарха и правительства к провинции, — пишут В. Н. Козляков и А. А. Севастьянова, — не позволяли развиваться ее культуре как самодостаточной, не нуждающейся в средствах и поводах»⁷⁶. Это утверждение вполне справедливо и для уральских губерний.

Училищным властям не удалось преодолеть традиционные для средних слоев города инерцию и прагматизм. Социальная потребность в просвещении и образовании на Урале формировалась очень трудно и медленно, встречая противодействие и убежденных крепостников, и самих жителей. Причину тому историки видят в молодости российской культуры нового времени, неукорененности новой культурной традиции. Тем не менее, конечно же, определенные успехи в развитии просвещения были достигнуты. Численность учащихся государственных общеобразовательных учебных заведений в уральских городах в первой четверти XIX века выросла почти втрое. В два с половиной раза возрос и штат преподавателей. В центрах уральских губерний появились средние общеобразовательные учебные заведения. Среди их преподавателей появились высококвалифицированные люди, выпускники педагогических институтов и университетов. Учителя стали неотъемлемой частью местного образованного общества, формировавшего новую культуру, новое мировоззрение. Их усилия, как и меры местной бюрократии, работали в пользу широкого распространения школьного образования.

---

⁷⁶ Козляков В. Н., Севастьянова А. А. Культурная среда провинциального города // *Очерки русской культуры XIX века*. Т. 1. Общественно-культурная среда. М., 1998. С. 140.

ТАБЛИЦА 1. СОСТАВ (ПО ПРОИСХОЖДЕНИЮ) УЧАЩИХСЯ УРАЛЬСКИХ ГИМНАЗИЙ В 1825 ГОДУ*

Наименование учебного заведения	Социальное происхождение учащихся									Всего
	Из дворян (штаб-офицерские дети)	Из обер-офицерских детей	Из приказно-служительских детей	Из купцов	Из мещан	Из государственных крестьян	Питомцы Приказа общественного призрения	Кантонисты	Из крепостных (дети господских служителей)	
Пермская гимназия: чел.	4	18	1	-	2	-	2	10	2	39
%	10,3	46,2	2,6	-	5,1	-	5,1	25,6	5,1	100,0
Вятская гимназия: Чел.	3	36	2	14	16	4	-	-	-	75
%	4,0	48,0	2,7	18,7	21,3	5,3	-	-	-	100,0
ИТОГО: чел.	7	54	3	14	18	4	2	10	2	114
%	6,1	47,3	2,6	12,3	15,8	3,5	1,8	8,8	1,8	100,0

* Источник для составления таблицы: Ведомости о составе гимназий, составленные директорами училищ Пермской и Вятской губерний ректору Казанского университета в 1826 г. (НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 2003. Л. 7-8). В таблице не учтены учащиеся Уфимской гимназии, так как она в это время еще не была открыта.

ТАБЛИЦА 2. ЧИСЛЕННОСТЬ И СОСТАВ (ПО ОБРАЗОВАНИЮ) УЧИТЕЛЕЙ
УРАЛЬСКИХ ГИМНАЗИЙ В 1828 ГОДУ*

Наименование учебного заведения	Учебные заведения, в которых получили образование учителя гимназий	Численность учителей	
		Чел.	%
Пермская гимназия	Домашнее образование	1	12,5
	Пермская семинария	1	12,5
	Санкт-Петербургская учительская семинария (гимназия)	1	12,5
	Педагогический институт		
	Казанский университет	1	12,5
	Виленский университет	3	37,5
		1	12,5
	Итого в гимназии учителей	8	100,0
	В том числе:		
-	с высшим светским образованием	5	62,5
-	со средним светским образованием	1	12,5
-	со средним духовным образованием	1	12,5
-	с домашним образованием	1	12,5
Вятская гимназия	Вятское главное народное училище	1	12,5
	Вятская семинария	1	12,5
	Санкт-Петербургская гимназия	1	12,5
	Педагогический институт	1	12,5
	Казанский университет	3	37,5
	Виленский университет	1	12,5

	Итого в гимназии учителей	8	100,0
	В том числе:		
-	с высшим светским образованием	5	62,5
-	со средним светским образованием	1	12,5
-	со средним духовным образованием	1	12,5
-	с начальным светским образованием	1	12,5
	ВСЕГО УЧИТЕЛЕЙ	16	100,0
	В том числе:		
-	с высшим светским образованием	10	62,4
-	со средним светским образованием	2	12,5
-	со средним духовным образованием	2	12,5
-	с начальным светским образованием	1	6,3
-	с домашним образованием	1	6,3

* Источник для составления таблицы: Послужные списки учителей и чиновников Пермской и Вятской дирекций училищ за 1828 год (НАРТ. Ф. 977. Оп. «Училищный комитет». Д. 1241. Л. 273-293; 407-417). В составе учителей учтены директора гимназий и законоучители. Учителя Оренбургской гимназии не учтены, так как гимназия была открыта в 1828 г. и к моменту составления формулярных списков ее состав еще не был укомплектован.

ИНСТИТУТЫ ПАМЯТИ: ИСТОРИЯ В АРХИВАХ

Ю. Г. МуРИН

О ДЕЛОПРОИЗВОДСТВЕ И АРХИВАХ ОБЩЕГО ОТДЕЛА ЦК КПСС В 1960-Х – 1980-Х ГОДАХ

Данная статья не претендует на полное изложение затронутой темы. Это скорее обобщение опыта моей работы в Едином архиве ЦК КПСС (VII сектор Общего отдела ЦК) и в VI секторе (Архив Политбюро) того же отдела. Архив Политбюро являлся одним из старейших, самых секретных архивов ЦК, зарождение и становление которого относится к началу 1920-х годов. История становления и развития этого архива является отдельной темой исследования¹¹. Единый архив ЦК КПСС был создан в 1968 г. и, по замыслу руководства Общего отдела, должен был стать организационным и методическим центром по работе с архивными документами структурных подразделений всего аппарата ЦК КПСС. Идея эта была не нова. Известно, что создание Единого архива замыслили еще в 1920-е – 30-е годы, но по ряду причин оно не было доведено до организационного завершения.

К началу 1960-х годов в подразделениях аппарата ЦК стали возникать серьезные проблемы с обработкой постоянно увеличивающихся архивных документов и сроками их хранения в текущем делопроизводстве. Положение изменилось после октябрьского (1964 г.) пленума партии, когда Генеральным секретарем ЦК КПСС был избран Л. И. Брежнев. Заведующим Общим отделом в 1965 г. становится К. У. Черненко²¹, который до этого в течение пяти лет

---

¹ В журнале «Источник. Вестник Архива Президента Российской Федерации», 2001/5 опубликована юбилейная статья «Архив Президента Российской Федерации 1991–2001 гг.», где кратко охарактеризована история Архива Политбюро, ставшего составной частью АП РФ.

² Черненко К. У. (1911–1985) — с 1939 г. на партийное работе:

работал начальником Секретариата Президиума Верховного Совета СССР, считался опытным аппаратным работником, был правой рукой и доверенным лицом Л. И. Брежнева, что позволяло оперативно решать многие организационные вопросы. Уже в следующем 1966 году по инициативе Общего отдела Секретариат ЦК принимает постановление «О приведении в порядок архивов ЦК КПСС».

Разумеется, что для осуществления такой масштабной работы усилий архивистов Общего отдела ЦК было недостаточно. Поэтому на временную работу (в основном для обработки архивных дел) были привлечены сотрудники Центрального партийного архива при ЦК КПСС и центральных государственных архивов Главного архивного управления при Совете Министров СССР. Основными условиями для работы с архивными документами в аппарате ЦК было: наличие опыта работы с архивными документами, допуска к секретной работе и членство в партии.

При организации и осуществлении данной работы Общий отдел столкнулся с рядом трудностей (отсутствие помещения для архивов, ряда методических правил, таких как перечень документов постоянного и временного хранения, сроков хранения документов в текущих архивах, их микрофильмирование, наличие экспертных комиссий, не было даже единого списка фондов, учета дел и т. д.). По поручению Общего отдела ЦК ЦПА при ЦК КПСС подготовил «Положение об архивном фонде КПСС», утвержденное постановлением Секретариата ЦК КПСС 28 декабря 1966 года. В постановлении отмечалось: «Архивные фонды центральных органов и учреждений партии хранятся в ЦПА при ЦК КПСС и в других партийных архивах создаваться и находиться не должны». Срок хранения документов в архивах ЦК КПСС определялся «три созыва, но не свыше 15 лет».

Зав. отделом райкома партии, директор краевого Дома партийного просвещения, зам. зав. отделом, секретарь Красноярского крайкома партии. В 1945 г. окончил Высшую школу парторганизаторов при ЦК ВКП(б) и в 1953 г. — Кишиневский педагогический институт. С 1945 г. — секретарь Пензенского обкома партии, с 1948 — зав. отделом ЦК КП(б) Молдавии, с 1956 — в аппарате ЦК КПСС. В 1960–1965 гг. — начальник секретариата Президиума Верховного Совета СССР. В 1965–1982 гг. — зав. Общим отделом ЦК КПСС, одновременно с 1976 г. — секретарь ЦК КПСС. В феврале 1984 г. был избран Генеральным секретарем ЦК КПСС. Одновременно — с апреля 1984 г. — Председатель Президиума Верховного Совета СССР.

В соответствии с этим постановлением в последующие годы в ЦПА при ЦК КПСС были переданы документы ряда съездов и пленумов по XVIII созыв включительно. Однако, в архивах Общего отдела оставались документы Секретариата и Политбюро ЦК за 1918–1919 гг. и последующие годы. Назревала необходимость создания в структуре Общего отдела ЦК нового подразделения, которое координировало бы всю работу по методике архивного дела и передаче архивных дел в ЦПА при ЦК КПСС.

Такое постановление Секретариата ЦК КПСС было принято 30 июля 1968 г. и называлось «О создании Единого архива ЦК КПСС». Единый архив создавался на правах VII сектора Общего отдела, кроме того на правах VIII сектора учреждалась лаборатория по микрофильмированию документов вместе с мастерской по переплету и реставрации. Таким образом, этими постановлениями определялась материальная база для приведения в порядок архивов ЦК КПСС.

Роль Общего отдела в аппарате ЦК КПСС

Рабочим органом Секретариата и Политбюро ЦК являлся аппарат (администрация) ЦК КПСС. В середине 80-х годов в аппарате ЦК существовало 25 отделов, в том числе Управление делами ЦК, а также Центральная Ревизионная Комиссия КПСС и КПК при ЦК КПСС. Отделы занимались всеми вопросами внутренней и внешней политики советского государства, руководили народным хозяйством, осуществляли кадровую политику во всех сферах жизни страны. Особое место в аппарате Центрального Комитета партии занимал Общий отдел, который обычно курировал Генеральный секретарь ЦК. Через Общий отдел проходила самая важная информация о наиболее значимых событиях внутри страны и за рубежом. По этой информации принимались решения, имеющие силу закона. Кроме того, Общий отдел контролировал архивы аппарата ЦК. В Общем отделе сосредотачивались документы съездов, пленумов, протоколы заседаний Политбюро и Секретариата ЦК КПСС, личные фонды генсеков и др. партийных и государственных деятелей страны. Общий отдел делился на сектора и подотделы.

I сектор осуществлял обслуживание и документирование съездов, пленумов и заседаний Политбюро. В обязанности сотрудников I сектора входила подготовка стенограмм съездов, пленумов

ЦК, протоколов заседаний Политбюро, рассылка постановлений заседаний Политбюро исполнителям, контроль за их своевременным возвратом. После завершения работы с оформлением протокола все документы передавались в VI сектор «Общего отдела» (Архив Политбюро ЦК). **II сектор** выполнял обслуживание и документирование заседаний Секретариата ЦК. В обязанности работников II сектора входило оформление протоколов заседаний Секретариата ЦК, рассылка постановлений Секретариата исполнителям и контроль за их своевременным возвратом. После каждого заседания Секретариата все документы вместе с протоколами передавали в VII сектор «Общего отдела» (Единый архив ЦК). **III сектор** занимался приемом, регистрацией документов, поступающих в ЦК КПСС, направлением их на исполнение или для информации в соответствующие структуры аппарата ЦК, а также контролировал их возврат. **IV сектор** — шифровальный. В его ведении были прием, регистрация и расшифровка шифротелеграмм, поступавших в аппарат ЦК, направление их на исполнения или для информации, контроль за возвратом. **V сектор** осуществлял контроль за ходом выполнения постановлений съездов, пленумов ЦК, Политбюро и Секретариата ЦК, отдельных поручений Генерального Секретаря и членов Политбюро и Секретарей ЦК КПСС. По результатам контроля за ходом выполнения постановлений и поручений сектор должен был периодически подготавливать аналитические записки для членов Политбюро и Секретариата ЦК. **VI сектор** (Архив Политбюро). **VII сектор** (Единый архив). **VIII сектор** — лаборатория микрофильмирования, реставрации, переплета архивных дел. При лаборатории имелась типография для изготовления этикеток, карточек для картотек, бланков, обложек архивных дел. В дальнейшем сектор был преобразован в подотдел технического обслуживания ЦК КПСС. **IX подотдел писем** занимался приемом, регистрацией писем граждан, адресованных ЦК или съездам партии, а также направлением писем на исполнение, контролем за ходом исполнений жалоб и заявлений граждан, приемом граждан по личным вопросам, подготовкой аналитических записок по письмам граждан для членов Политбюро и Секретариата ЦК. В дальнейшем подотдел писем был преобразован в отдел писем ЦК. **Информационно-вычислительный центр** (с 1984 г.) был

образован на правах подотдела Общего отдела ЦК. Центр занимался разработкой аналитических программ, внедрением компьютерных систем в делопроизводство и архивное дело аппарата ЦК КПСС.

Делопроизводство

Организация делопроизводства осуществлялась в строгом соответствии с «Инструкцией по работе с секретными документами в аппарате ЦК КПСС», которая периодически обновлялась. Так, инструкция 1972 года была дополнена в 1980 г., последующая дополнительная редакция и изменения последовали в 1984 г. (Общие положения инструкции 1984 года см. в приложении 1). Инструкция регламентировала все виды работ с документами: от обязанностей работников аппарата ЦК по сохранению партийной и государственной тайны до правил по уничтожению служебных документов.

В соответствии с инструкцией прием, учет, рассылку документов осуществлял III сектор Общего отдела. В среднем за год в III сектор поступало 70-80 тыс. документов с грифом «совершенно секретно» и 5-6 тыс. — «совершенно секретно особой важности» («Особая папка»). Прием и учет документов с грифом «Особая папка» вела отдельная группа сотрудников. Несекретные документы, направлявшиеся в ЦК для сведения, регистрировались синим штампом. После направления их в отделы ЦК и по миновании надобности эти документы могли быть там уничтожены по внутреннему акту с последующим направлением его в III сектор. На всех секретных входящих документах проставлялся красный штамп, с входящим номером, датой регистрации и надписью: «Подлежит возврату в III сектор». На каждый документ, подлежащий возврату оформлялись два экземпляра учетных карточек. На карточках указывались регистрационные номера, краткое содержание документа, количество листов и экземпляров данного документа.

Секретная корреспонденция вместе с карточками доставлялась в запечатанном конверте в соответствующий отдел ЦК, как правило, офицерами фельдсвязи или спецкурьерами Общего отдела. В секретариате отдела сотрудник расписывался на обеих карточках, после чего с курьером карточки возвращались в III сектор, где один экземпляр карточки вливался в структурную картотеку (т. е. карто-

теку, образованную по структуре аппарата ЦК), а другая карточка в номерную картотеку (образованную по порядку регистрационных номеров документов). Документу, поступившему в секретариат отдела, присваивался регистрационный номер отдела и после доклада руководству отдела передавался исполнителю под расписку. Отдел или отделы в соответствии с поручением подготавливали записку со своим заключением и предложениями по данному вопросу и вместе с проектом постановления, отпечатанном на бланке Секретариата или Политбюро ЦК, направляли их соответственно во II или I сектор Общего отдела, где поступившие проекты вместе с инициативными документами вновь регистрировались. Перед регистрационным номером проставлялись буквы: «Ст» — для Секретариата и «П» — для Политбюро.

Для членов Политбюро проекты постановлений вместе с материалами к ним рассылались в виде ксерокопий. Для секретарей ЦК рассылались только проекты, вносимые на заседания Секретариата, проекты же постановлений для голосования в рабочем порядке (в круговую) осуществлялись на самом бланке постановления.

Первый протокол заседания Секретариата или Политбюро ЦК начинал свое существование, как только новый состав членов Центрального Комитета, избранный на очередном съезде, на своем первом пленарном заседании избирал секретарей, членов и кандидатов в члены Политбюро, Генерального секретаря ЦК.

В пределах созыва (т. е. до очередного съезда) велась порядковая нумерация протоколов. Пункты постановления Секретариата, принятые на заседании, обозначались цифрой с добавлением буквы «с», к пунктам постановлений, решенным в рабочем порядке (проголосованным в круговую) добавлялись буквы «гс». Пункты заседаний Политбюро обозначались римскими цифрами, пункты, принятые в рабочем порядке, обозначались буквой «г». Протокол закрывался датой заседания. Однако, при рассылке выписок из протоколов, учитывалась дата принятия решения.

В I и II секторах на бланках подлинных постановлений осуществлялась разметка для их рассылки исполнителям еще до оформления всего протокола. Если постановление направлялось большому количеству адресатов, то к документу подкладывали специальную разметку. В разметке указывалось, кому и в каком

объеме следует направлять данное постановление. Если в постановлении были пункты с грифом «Особая папка» (далее ОП), то вместо этого пункта указывалось «пункт такой-то — решение ОП». То же самое указывалось в протоколе, когда все постановление имело гриф ОП. (Тогда в протоколе значилось «п. 135 — Вопрос Министерства обороны СССР. Решение — Особая папка»). Все документы с грифом ОП подлежали передаче из отделов, секретарям и членам ПБ только через особо доверенных людей — сотрудников Общего отдела ЦК. Они же сдавали эти документы в архивы VII и VI секторов. Протокол с постановлениями ОП печатался и оформлялся отдельно от протокола с постановлением с грифом «Сов. секретно».

В протоколах Секретариата ЦК отдельных протоколов с грифом ОП не существовало. Сам термин «Особая папка» появился, судя по протоколам Политбюро, в 1923 г. и присваивался документам, содержащим наивысшую партийную и государственную тайну. Легенда о начале существования грифа «Особая папка» связана с именем Сталина. В начале 1920-х годов, когда Сталин стал Генеральным секретарем, существовал следующий порядок обращения с секретными документами ЦК. Любой партийный руководитель, член ЦК, нарком могли в Центральном Комитете ознакомиться с теми или иными постановлениями и документами. Тогда же была заведена «Особая папка», содержащая решения Секретариата, Оргбюро, Политбюро ЦК, знакомить с которой можно было только с разрешения ведущего Секретаря ЦК. В дальнейшем этот термин становится официальным грифом документа совершенно секретно особой важности («Особая папка»).

Наряду с постановлениями Секретариата и Политбюро ЦК существовал еще один вид распорядительной документации. Известно, что в протоколах Политбюро за 1930–50-е гг. содержалось много мелких вопросов. В дальнейшем большая часть этих вопросов перешла к Секретариату ЦК. Многие вопросы стали решаться голосованием без записи в протокол. Уже в начале 1970-х годов II сектор вместе с Единым архивом решили обозначить эти документы как «Записки министерств, ведомств и др. организаций с согласием секретарей ЦК». (Образец записки см. в приложении 2). Прохождение этих записок велось по упрощенному делопроизводству:

III сектор направлял документ в соответствующий отдел. В свою очередь, отдел подготавливал заключение по данному вопросу с обязательной припиской: «просим согласия». На записке ведущий секретарь писал резолюцию: «Согласиться». В зависимости от содержания рассматриваемого вопроса, документ мог быть направлен всем или отдельным секретарям. После окончания голосования документ докладывался сотрудником II сектора зав. Общим отделом, который, в свою очередь, по телефону сообщал в соответствующий отдел, что согласие секретарей имеется. После чего документ передавался в архив. В год таких записок поступало в архив от 350 до 400 штук. И еще один вид документов, не включавшихся в протокол — это проекты постановлений, снятые отделом с рассмотрения Секретариата ЦК. Отдел, готовивший постановление, направлял свою просьбу в Секретариат ЦК о снятии с рассмотрения проекта постановления с объяснением причины.

Одновременно с разметкой и рассылкой постановлений в I и II секторах проводилось оформление самого протокола. По своему предназначению один и тот же протокол имел следующие наименования: подлинный, подписной, копияный (справочный) и рассылочный. В делопроизводстве создавались как бы два подлинных протокола — подлинный и подписной: один — состоящий из бланков подлинных постановлений, другой — перепечатанный на вечной бумаге с подлинных постановлений, но заверенный подписью Генерального секретаря и печатью Политбюро, а для Секретариата — подписью ведущего секретаря и печатью секретариата. Копийные протоколы предназначались для повседневной работы. Рассылочный протокол в сокращенном виде направлялся для сведения секретарям обкомов партии, ЦК КП союзных республик, министрам, послам и т. д.

Особым мероприятием для работников всего аппарата была подготовка и проведение пленумов и съездов партии. Накануне съезда и в дни его проведения в несколько раз увеличивался поток писем трудящихся в адрес съезда, содержащих просьбы, жалобы, различные предложения и т. д. Для обработки писем дополнительно привлекались десятки работников из различных партийных организаций. Сотрудники I сектора оперативно работали над той же документацией и выпуском постановлений прямо в секретариате и

президиуме съезда. На работников I сектора возлагалась организация стенографирования и записи на звукозаписывающих аппаратах всех выступлений делегатов съезда. Сотрудники VI сектора должны были в период работы съезда обеспечивать необходимыми справками членов секретариата и президиума съезда, собирать тексты выступавших делегатов, бюллетени съезда и даже экземпляры газеты «Правда», освещавшей съезд. Работники VI сектора составляли дневник с хронометрированием всех мероприятий и событий, происходивших на съезде, а также принимали и отправляли в архив всю документацию съезда.

Исторически сложилось так, что на съезде подготавливали три вида одной стенограммы: 1) стенограмма первоначальная, направленная; 2) редакционная — для печати (ее готовила редакционная комиссия); 3) авторская (первоначальную стенограмму с текстом своего выступления правил сам автор, заверял ее своей подписью и передавал в секретариат съезда одновременно с текстом своего выступления). Аналогично оформлялись стенограммы пленумов ЦК.

Скажем кратко об истории создания авторской стенограммы на съезде. Для выступления на последнем XXVIII съезде КПСС, проходившем в июле 1990 г., записалось много делегатов. Для того, чтобы дать возможность выступить если не всем, то большинству записавшихся, было решено создать отдельные секции по следующим направлениям: идеологии, организационно-партийной работы, аграрной, международной деятельности КПСС. Рабочая группа секции должна была подготовить стенограмму в виде брошюры, с тем, чтобы к вечернему заседанию съезда на следующий день она была роздана всем делегатам для ознакомления. Мне поручалась подготовка стенограммы «Международная деятельность КПСС» вместе с группой стенографисток и редакторов. Работа секции была проведена 5 июля, присутствовало вместе с приглашенными 124 человека. Основным докладчиком был Е. М. Примаков. В начале заседания председательствующий Г. Г. Гумбаридзе (первый секретарь ЦК КП Грузии) предупредил: «После расшифровки стенограммы, как и на самом съезде, просьба ознакомиться с выступлениями и проверить правильность записи». Стенографирование было организовано так, что при возвращении на свое место после выступления, делегат через несколько минут уже имел гото-

вый машинописный текст, который за своей подписью должен был к концу заседания вернуть в секретариат съезда. В то же время редакторы работали с направленной стенограммой для бюллетеня съезда, который затем ночью печатался в типографии. Все шло гладко, но после окончания заседания выяснилось, что не сдал в секретариат текст своего выступления один адмирал флота. Мне пришлось срочно его разыскивать и даже звонить министру обороны Д. Т. Язову.

Шестой сектор (Архив Политбюро ЦК)

Архив Политбюро ЦК осуществлял прием из текущего делопроизводства оформленных протоколов съездов и пленумов и материалов к ним, протоколов заседаний Политбюро и материалов к ним. В архив принимались на хранение и формировались в самом секторе личные фонды известных партийных и государственных деятелей. В архиве проводилась научно-техническая обработка архивных документов, их учет и хранение, а также справочная работа и досылка постановлений Политбюро по запросам заинтересованных лиц. В соответствии с видами работ архив Политбюро имел следующую структуру:

1. Оперативная группа. В ее функции входили прием и регистрация документов, поступивших из I сектора. Документы из I сектора поступали в архив Политбюро вместе с реестрами, в которых принимающий расписывался за количество экземпляров и листов каждого экземпляра подлинников и копий постановлений. Затем поступившие документы регистрировались на карточках для учетной картотеки. Подлинники постановлений отделялись от сопутствующего материала. На место подлинного постановления подкладывалась рассылочная копия. Подлинники постановлений формировались в подлинный протокол, а материалы с копией постановления в соответствии с имеющимся классификатором, оформлялись в тематические группы (т. н. досье). В дальнейшем поиск этих документов по запросам проходил с помощью шифров классификатора. Сам классификатор представлял собой солидный справочник, включавший 47 или 48 основных разделов, таких как: «Партия», «Государство», «Народное хозяйство», «Армия. Оборона» и т. д. В свою очередь группы делились на разделы, подразде-

лы, рубрики. В среде работников существовала легенда, что идею формирования дел по темам подал сам Сталин или Товстуха³ в начале 1930-х годов.

На оперативную группу возлагались все вопросы использования архивных документов: ответы на телефонные звонки руководства отдела, подготовка справок для заседаний Политбюро об аналогичных вопросах, рассматривавшихся ранее, досылка выписок из протоколов заседаний Политбюро тем лицам, кому это постановления уже направлялись. Во время международных встреч или визитов генсека готовился перечень документов с кратким обзором о взаимоотношениях с тем или иным государством или партией.

2. Группа НТО (научно-технической обработки), хранения и учета. Научно-техническая обработка фонда Политбюро ЦК (фонд № 3) и личных фондов особой сложности не представляла. Оставалось только разбить сложившиеся группы на отдельные дела, составить типовой заголовок, подготовить внутреннюю опись, заверитель и внести дело в листовую опись. Внутренняя опись (копии с материалами к протоколам) печаталась в 2-х экз. Один экземпляр подкладывался в соответствующее дело, а другой экземпляр описи в папку-накопитель по порядку номеров дел. После съемки обработанных дел на микрофишу создавалась стандартная кассета с 30-ю микрофишами, которые кодировались с помощью упомянутого классификатора. Справочным аппаратом к кассетам были внутренние описи из папки-накопителя соответственно зашифрованные с помощью того же классификатора. Вся дальнейшая работа по использованию документов проводилась с помощью просмотровых аппаратов.

В архиве Политбюро ЦК также находился 51 личный фонд, в число которых входили документальные комплексы всех генеральных (первых) секретарей, членов Политбюро ЦК, других видных политических и государственных деятелей Советского Союза.

Планомерно и методично работа по формированию личных фондов проводилась в основном применительно к документам И. В. Сталина (ф. 45), а также других генеральных секретарей партии. Все остальные личные (скорее, именные) фонды образыва-

---

³ Товстуха И. П. (1889–1935) — в 1921–24 и в 1926–30 — в аппарате ЦК партии, с 1931 г. — зам. директора Института Маркса — Энгельса — Ленина.

лись в результате выделения документов из имевшихся на хранении архивных дел в ходе их НТО, или передавались в архив в виде обособленного комплекса материалов после прекращения деятельности или смерти фондообразователя. Большое число документов, включенных позднее в личные фонды, поступали после изъятия их у арестованных и репрессированных лиц. В воспоминаниях жены Н. И. Бухарина А. М. Лариной это довольно ярко описано:

«...Пришел целый отряд, человек 12-13... Обыском руководил Борис Берман, в то время начальник следственного отдела НКВД, позже он был расстрелян... Берман попросил показать, где хранится архив Бухарина. Я решила уточнить, что он подразумевает под архивом. Оказалось, абсолютно все. Я отправилась вместе с ним в кабинет... в кабинете застала толпу мужчин и двух женщин. Все принялись за работу. Из сейфа вытащили протоколы заседаний Политбюро, стенограммы пленумов ЦК, опустошили все ящики письменного стола, шкафы с документами, связанными с многолетней работой Бухарина в "Правде", Коминтерне, НИСе, "Известиях". Забраны были книги, брошюры, написанные Бухариным, его опубликованные речи... из комнаты взяли папку с письмами Ленина... Как я ни просила Бермана оставить принадлежащие мне письма... — мне было в этом отказано. Так было забрано все, все до клочка... Затем подогнали к черному ходу грузовую машину, наполнили ее до верха (я видела это из окна кухни) и увезли, очевидно, в НКВД»⁴.

В последующем уже на моей памяти такое «комплектование» проходило по-другому. Документы изымались в основном на квартирах и дачах умерших партийных и государственных деятелей. С этой целью комиссия в составе представителей КГБ и Общего отдела ЦК выезжала на место и в присутствии родственников умершего изымала служебные документы и переписку. У маршала Г. К. Жукова были изъяты, например, черновые рукописи и варианты его книги «Воспоминания и размышления», некоторая часть его переписки с читателями и сослуживцами, поздравительные письма и открытки. По поручению секретаря ЦК М. А. Сулова Единый архив подготовил записку в ЦК с обзором состава и содержания поступивших документов. Записку по поручению зав. сектором К. А.

---

⁴ Ларина (Бухарина) А. Незабываемое. М., 1989. С. 353.

Емельянова пришлось готовить мне (см. Приложение 2)⁵. В дальнейшем такие комиссии изымали документы у покойных Молотова, Гречко, Маленкова, Кагановича.

Приведу другой случай неудавшегося комплектования, если не личного, то именного фонда. Во время работы в редакции мне показали ксерокопию стенограммы выступления К. У. Черненко на служебном совещании с зав. секторами Общего отдела 28 июня 1976 г. Была высказана просьба прокомментировать документ с точки зрения бывшего работника Общего отдела. На документе стоял гриф «Сов. секретно». Спрашиваю, как к нам попал этот документ. Мне ответили, что документ из архива Волгогонова⁶, хранящегося ныне в библиотеке конгресса США. Стоимость листа ксерокопии 20 центов. Я решил позвонить в архив (тогда еще ЦХСД) и узнать, рассекречен ли этот документ. Из архива ответили что документ не рассекречен и публиковать его нельзя, так как гриф «Сов. секретно» не снят⁷. Еще один документ посерьезнее. Это дневниковая запись Волгогонова от 31 августа 1993 г., купленная там же, в Библиотеке Конгресса США.

«Тайны власти. 31. 08. 93

На днях, 24 августа, когда у меня были члены американской части делегации по розыску сгинувших на территории СССР граждан США, в конце беседы полковник Пар и с ним еще один американский дипломат попросили несколько минут конфиденциального разговора.

---

⁵ В 1996 г. эту записку прислали в журнал «Источник» для публикации в качестве исторического документа (Источник. 1996/6. С. 152). К сожалению, документ был опубликован без соблюдения общепринятых археографических правил.

⁶ Волгогонов Дмитрий Антонович (1928–1995), генерал-полковник, член КПСС с 1951 по 1991 год. В 1985 г. избирался депутатом ВС РСФСР. В 1990 г. победил на выборах народных депутатов России. В 1993 г. избран депутатом Государственной Думы (фракция «Выбор России»). В 1987 г. был смещен с должности зам. начальника Главного Политуправления МО, в 1989 г. за «очернение советской истории» уволен с должности начальника Института военной истории МО СССР. Доктор философских наук (1971), доктор исторических наук (1990). Автор тридцати книг. Член Президентского Совета. Член Комиссии по высшим воинским назначениям, Председатель Комиссии при Президенте РФ по военнопленным, интернированным и пропавшим без вести.

⁷ Источник. 1999/5. С. 90.

Пар сказал, когда мы остались втроем: “Посол США Пикеринг просил конфиденциально передать, что надежный источник в Москве их информирует, что в октябре оппозиция предпримет попытку переворота, возможно, парламентского, с тем, чтобы сместить Президента Ельцина. Мы не можем ни подтвердить, ни опровергнуть этой информации. Возможно, будут подняты люди, обвинен Президент в нарушении Конституции, а затем последует объявление о лишении его власти. Возможно, и на съезде. ... Ведется интенсивная подготовка. Вот такая информация”.

Я поблагодарил и при очередной встрече сказал сначала Филатову⁸, Ильюшину⁹ (двум близким к Президенту людям), а затем и Б. Н. Он был спокоен:

— Этого следовало ожидать...

Думаю, что это лишь один из вариантов готовящегося переворота, коммунистического Термидора...»¹⁰.

Сюда можно добавить тексты выступления маршала Г. К. Жукова на собрании партийного актива Министерства обороны и Московского гарнизона 2 июля 1957 г. «По итогам июньского (1957 г.) Пленума ЦК КПСС об “Антипартийной группе Маленкова, Кагановича, Молотова”»¹¹. Этот документ также извлечен из коллекции Волкогонова, хранящейся в Библиотеке Конгресса США.

Я неоднократно встречался с Д. А. Волкогоновым в Архиве Президента, где по его просьбе помогал в поисках того или иного документа, нужного ему для работы. Однажды он мне лично сказал, что у него образовался целый архив, который он хотел бы передать в Архив Президента Российской Федерации. Но вскоре Д. А. Волкогонов серьезно заболел и умер в декабре 1995 г. Оставшийся архив был продан родственниками в США.

Группа документов «Особая папка»

В эту группу поступали документы с грифом «Сов. секретно особой важности. («Особая папка»)). Группа состояла из трех со-

---

⁸ Филатов Сергей Александрович — в то время руководитель Администрации Президента РФ.

⁹ В документе ошибка. Правильно: Илюшин Виктор Васильевич — в то время первый помощник Президента РФ.

¹⁰ Volkogonov Collection. Library of Congress. Washington DC. USA. См. также Предсказание полковника Пара // Родина. 1994/4. С. 76.

¹¹ Опубликован в журнале «Источник». 2000/6. С. 51-54.

трудников, располагалась в помещении, обособленном от других рабочих комнат, все документы ОП хранились в сейфах. Доверенные лица сдавали документы ОП в архив под расписку в журнале учета. Затем поступившие документы регистрировались в журнале учета, заведенном в группе, и документу присваивался учетный номер с добавлением букв ОП и составлялось необходимое количество карточек в соответствии с существующим классификатором. Один экземпляр карточек без раскрытия основного содержания передавался в центральную картотеку архива.

Для обеспечения секретности некоторых документов с грифом «ОП» применялась система закрытых пакетов, когда документы передавались в архив в запечатанных пакетах. Например, на закрытом пакете № 1 была запись «О поляках», постановление Политбюро П13/144 от 5. III. 40 г., записка Берии, март 1940 г. О том, что в закрытом пакете находятся документы, относящиеся к расстрелу польских офицеров в 1940 г., можно было только догадываться. Закрытый пакет № 1 надлежало вскрыть только с разрешения Генерального секретаря ЦК КПСС.

Были закрыты в пакеты журналы с краткими записями заседаний Политбюро ЦК за 1965–1986 гг. В закрытом пакете находились письма членов Компартии Чехословакии советскому руководству с просьбой о помощи и вводе советских войск в Чехословакию. На пакете с решением Политбюро о вводе ограниченного контингента советских войск в Афганистан было написано «О положении в Афганистане». В пакеты закрывались наиболее важные решения по выпуску новейших образцов военной техники, испытаний ядерных зарядов, пуске ракет и т. д.

Таких закрытых пакетов насчитывалось свыше 1500 шт. В настоящее время комиссией все они вскрыты и приобщены к соответствующим делам Политбюро. Документы в закрытых пакетах из группы ОП выдавались под расписку на карточке учета доверенному лицу только по указанию зав. Общим отделом ЦК. Все виды архивных работ, в том числе печатание на машинке, производились в группе.

В 1989 г. мне пришлось принимать участие в создании одного из закрытых пакетов. Речь идет о секретных статьях так называемого пакта Молотова — Риббентропа.

В настоящее время мы знаем, что секретные статьи советско-германского пакта 1939 года находились на хранении в Архиве Политбюро ЦК КПСС, занимавшем комнаты бывшей квартиры Сталина в Кремле. В начале же 1986 г., когда я был переведен со Старой площади (Архив Секретариата ЦК) на работу в VI сектор Общего отдела ЦК (Архив Политбюро), о наличии секретных статей пакта было известно только сотрудникам архива.

Приближалось 50-летие начала второй мировой войны. Работая над выявлением документов по истории советско-германских отношений за предвоенный период, я обратил внимание на несколько дел (два или три), небольших по объему, относящихся к советско-германскому пакту 1939 года. Это были подлинники секретных статей пакта, получившего название «пакт Молотова — Риббентропа». Запомнились подписи Молотова, Риббентропа, а также росчерки Сталина и Риббентропа на карте раздела сфер влияния.

Номера дел с секретными статьями и картой оказались литературными. Это означало, что дела были включены в опись уже после ее оформления. Дела с секретными статьями пакта и карта находились на обычном, а не на специальном хранении. Сотрудники архива разъяснили, что документы были якобы переданы из МИДа, где хранились в личном сейфе Молотова.

Как истинные хранители «кремлевских тайн», мы с зав. VIII сектором Л. А. Мошковым решили изъять эти документы с обычного хранения и передать их на особое, в запечатанном пакете. В конце июня или начале июля 1987 г. зав. Общим отделом ЦК КПСС В. И. Болдин затребовал «секретные статьи пакта». Через некоторое время документы были возвращены с устным указанием никому никаких справок по ним не давать. На пакете Л. А. Мошков, помнится, сделал запись, что документы докладывались В. И. Болдину.

В 1987–1989 гг. средства массовой информации стали чаще вспоминать о «белых пятнах» истории, в том числе о подлинниках секретных статей советско-германского пакта 1939 года. 28 марта 1989 года состоялось заседание комиссии ЦК КПСС по вопросам международной политики. В выступлениях ученых — В. Кудрявцева, А. Чубарьяна, Ф. Ковалева, Г. Арбатова и других — не отри-

цалось существование статей пакта, так как в ФРГ сохранилась их фотокопия, однако судьба подлинников оставалась загадкой. По официальным заявлениям МИД, КГБ, ЦК и Министерства обороны, подлинников не находили. Высказывались предположения о возможном их уничтожении. М. С. Горбачев на I съезде народных депутатов СССР 1 июня 1989 года твердо сказал: «Мы давно занимаемся этим вопросом. Подлинников нет, есть копии, с чего — не известно...». Через некоторое время меня вызвал Л. А. Мошков для обсуждения дальнейшей судьбы «секретных статей пакта Молотова — Риббентропа».

- Положение очень серьезное, — сказал он, — руководство спрашивает наше мнение о возможности уничтожения этих документов.
- Но о существовании подлинников знают другие сотрудники.
- Возьмем подписку о неразглашении.

После обсуждения пришли к твердому решению доложить В. И. Болдину о нашем крайне отрицательном отношении к данному предложению. В. И. Болдин принял к сведению наши доводы и ни на чем не настаивал. Казалось, что документы надежно спрятаны. Но в нашем обществе происходили перемены, и события развивались стремительно. Прошли дни ГКЧП и «форосское сидение» М. С. Горбачева. Во второй половине декабря 1991 года, перед самым уходом с поста Президента СССР, на бывшем квартире Сталина в Кремле появился М. С. Горбачев в сопровождении помощника и охраны. Его прихода ждали. На сдвинутых во всю длину комнаты столах лежали документы, составлявшие государственную тайну. Речь шла о надежном их сохранении от возможной утраты при смене власти. Получилось так, что на некоторые вопросы М. С. Горбачева о составе документов пришлось отвечать мне. Решаюсь, в свою очередь, задать вопрос и я:

- Михаил Сергеевич, везде говорилось, что подлинные секретные статьи пакта 1939 года в архивах не обнаружены, а они хранились здесь, и мы об этом знали.
- Ну что ж, — ответил М. С. Горбачев, — мы же объявили их с самого начала недействительными.

Михаил Сергеевич ушел, а архив получил распоряжение срочно передать наиболее важные документы в архив Генштаба. За 2-3

дня часть документов в опломбированных мешках перевезли в здание Министерства обороны. Прошло немного времени, и от нового начальства мы получили указание вернуть все на старое место, что было также оперативно исполнено.

В октябре 1992 года средства массовой информации на весь мир заявили, что подлинники секретных статей пакта 1939 года наконец-то найдены, и тогда же состоялась их публикация наряду с другими рассекреченными документами. Такова судьба одного из закрытых пакетов.

Единый архив ЦК КПСС (VII сектор)

После принятия постановления секретариата ЦК КПСС от 30 июля 1968 г. начались работы по реконструкции одного из зданий, принадлежавших аппарату ЦК на пересечении ул. Куйбышева и проезда Владимирова. Реконструкция проходила по последнему слову техники. Заменялись деревянные перекрытия, усиливались несущие конструкции, в кирпичную кладку стен монтировались железные листы, создавалась современная система пожаротушения. На авиационном заводе заказывались специальные контейнеры из легкого и прочного материала, на мебельной фабрике — мебель для рабочих комнат. Одновременно проводилась методическая работа: составлялся список фондов, готовилось положение о Едином архиве, перечень документов постоянного и временного хранения, правила ведения централизованного учета документов и микрофильмов и другие методические пособия.

Подлежащими хранению в Едином архиве определялись следующие фонды:

- Фонд № 1 — Документальные материалы съездов, конференций.
- Фонд № 2 — Документальные материалы пленумов ЦК.
- Фонд № 3 — Документальные материалы Политбюро ЦК.
- Фонд № 4 — Документальные материалы Секретариата ЦК.
- Фонд № 5 — Документальные материалы отделов ЦК.
- Фонд № 6 — Документальные материалы КПК при ЦК КПСС.

С учетом личных фондов список включал 80 наименований.

В соответствии с положением, в Едином архиве должны были храниться протоколы Оргбюро ЦК ВКП(б), Секретариата ЦК

РКП(б) — ВКП(б) — КПСС, Бюро ЦК КПСС по союзным республикам, отделов и Управления делами ЦК КПСС, ЦРК КПСС, фонотграммы с записями заседаний съездов, пленумов, международных совещаний, выступлений государственных и общественных деятелей, микрофильмы документов. В то же время протоколы, персональные дела членов партии, заведенных ЦКК ВКП(б) — КПК при ЦК КПСС; протоколы, постановления и др. материалы Комиссии по выездам за границу, преобразованной в Отдел ЦК КПСС по работе с заграничными кадрами и выездам за границу, оставались на своих местах и в Единый архив не передавались.

Один любопытный факт. В положении о Едином архиве отсутствовала расшифровка фондов, хранящихся в Архиве Политбюро. На мой вопрос — почему нельзя упомянуть об этих фондах, мне было разъяснено, что даже в положении с грифом «Секретно» фонды Архива Политбюро не должны фигурировать в силу их особой важности.

Первоначально в положении о Едином архиве определялись сроки хранения архивных документов во II секторе до пяти лет, в III секторе до трех лет. Но затем практика работы внесла поправку — из II сектора документы стали поступать еженедельно, после каждого заседания Секретариата, а по завершении созыва проводилась их НТО. В ф. 4 каждый созыв оформлялся в виде отдельной описи. Из III сектора документы передавались после завершения каждого делопроизводственного года вместе с картотеками — структурной и номерной.

В 1974–75 гг. Единый архив стал принимать документальные материалы, прошедшие научно-техническую обработку во II секторе и отделах ЦК, а также из III сектора вместе с научно-справочным аппаратом (описями и картотеками). В архиве оживилась справочная работа. По инструкции, в архив за справками и просьбами о выдаче документов могли обращаться только зав. секретариатами отделов или помощники секретарей ЦК. Все звонки по правительственному телефону поступали к зав. секторам (он же зав. архивом). Если запрашивалась выписка из протокола и указывался номер, то это было несложно. Брали запасную копию выписки, снимали с нее ксерокопию, печатали внизу фамилию того, кто запрашивал, дату и отправляли во II сектор, который заве-

рял печатью данную выписку и направлял адресату. II-й же сектор контролировал своевременный возврат выписки, а затем уничтожение ее по акту. Эта процедура проходила в том случае, если из разметки на подлинном постановлении было видно, что такая выписка первоначально уже направлялась данному лицу или организации. Если не направлялась, или запрашивался документ с грифом ОП, то зав. сектором или лицо его замещающее докладывали об этом зав. Общим отделом ЦК, с просьбой о разрешении послать документ. Если в запросе не содержалось номера постановления, а только тема или фамилия, то обращались к тематической или персональной картотеке.

Особенности построения картотеки. Классификатор. До начала 70-х годов, еще во II секторе, для картотеки использовался полный текст постановления Секретариата ЦК. Карточка представляла собой половинку стандартного листа, на которую наклеивался первый лист постановления, а все последующие листы подклеивались в виде столбца, собирались в гармошку и закреплялись на карточке бумажным обручем. Карточки становились большими по объему и занимали много места. В дальнейшем, с появлением лаборатории, содержание постановления переснималось на такой же размер карточки в уменьшенном виде.

Заседания Секретариата ЦК проходили, как правило, по вторникам, после рассылки постановлений и формирования протокола, все материалы к концу недели сдавали в архив. Вместе с материалами передавали несброшюрованный экземпляр копийного протокола, по которому дежурный в пятницу вечером и в субботу днем производил разметку постановлений протокола для пополнения справочных картотек. Разметка производилась в соответствии с имевшимся классификатором.

Структура VII сектора. Сектор делился на секции. I секция — комплектование, НТО, хранение и использование документов Секретариата, II секция — документов III сектора и отделов ЦК; один сотрудник являлся куратором архива КПК, один ведал учетом, один занимался фонограммами, один сотрудник — документами «Особая папка».

После приема обработанных документов из II сектора и III сектора, как уже говорилось, в Единый архив стали поступать

документы из текущего делопроизводства. Обработка поступающих документов проводилась по открытой описи.

Таким образом, система организации Единого архива и Архива Политбюро имела много общего, а также свои плюсы и минусы.

1. Оба архива одинаково комплектовались документами из текущего делопроизводства.
2. Организация документов в Архиве Политбюро была удобнее для справочной работы и выявления документов для публикации, так как при поступлении документов в архив сразу же проводилась их систематизация по существующей схеме.
3. В то же время передача на постоянное хранение архива Политбюро по частям разрушала сложившуюся тематику.
4. Документы Секретариата ЦК исторически откладывались по хронологии (в последовательности созывов и нумерации протоколов внутри созыва). Справочная работа осуществлялась с помощью тематической и персональной картотек. При такой схеме передача дел не вызывает затруднений. Неудобство заключалось в том, что документы по одной и той же теме находились в разных делах.

В 1985 г. Информационно-вычислительный центр при Общем отделе начал активную разработку программы по внедрению компьютеров в делопроизводство и архивное дело. В 1986 г. программа начала действовать в текущем делопроизводстве Общего отдела, за исключением участков с документами «Особая папка» и I сектора. Приступили к кодированию постановлений Секретариата ЦК в VII секторе. Однако вся работа по компьютерным программам была прекращена в августе 1991 года.

Использование документов из архива Политбюро в открытой печати

Активная публикация документов из архивов ЦК КПСС и архива Политбюро ЦК началась в 1989 г. с выходом журнала «Известия ЦК КПСС». Вышло всего 20 номеров, журнал был закрыт после августа 1991 г. Наиболее важные документы, опубликованные в журнале:

- Доклад Н.С. Хрущева на XX съезде партии в феврале 1956 г. «О культе личности и его последствиях».
- Стенографический отчет (Октябрьского) 1987 г. пленума ЦК КПСС, связанный с обсуждением проекта доклада М. С.

Горбачева к 70-летию Октябрьской революции и известное выступление Б. Н. Ельцина.

- Подборка документов о борьбе партии с троцкистской оппозицией после выхода статьи Л. Троцкого «Уроки Октября».
- Регулярно из номера в номер публиковались документы по истории Великой Отечественной войны. Впервые были опубликованы страницы из журнала записей посетителей кабинета Сталина в Кремле, относящиеся к первым дням войны.

В свое время ходили разные версии, в том числе о высказывании Н. С. Хрущева, что И. В. Сталин в первые дни войны был в полной прострации, исчез из Кремля, уехал на дачу и т.д. Записи в журнале (Известия ЦК КПСС. 1990 № 5. С. 216-220) свидетельствуют о том, что 21 июня 1941 года, примерно с 18²⁷ до 23⁰⁰ в кабинете Сталина шли непрерывные заседания, а 22 июня с 5⁴⁵ члены Политбюро, наркомы, военачальники вновь стали собираться в кабинете Сталина (Молотов, Берия, Тимошенко, Мехлис, Жуков) остальные подходили с 7³⁰ до 16⁴⁵. Далее, с 23 июня заседания продолжались непрерывно до 28 июня включительно. За 29–30 июня записи отсутствуют и вновь возобновляются 1 июля.

Записи в журнале посетителей кабинета И. Сталина впоследствии активно использовались нашими историками¹². А немецкие историки через Льва Александровича Безыменского даже предложили материальную помощь для факсимильного издания журнала. Однако руководство архива отклонило это предложение, и полный текст этого источника был опубликован в ряде номеров журнала «Исторический архив».

Публикацию документов архива Политбюро продолжили журналы: «Новая и новейшая история», «Вопросы истории», «Исторический архив», «Источник», «Вестник Архива Президента РФ», «Родина» и др.

Первым журналистом, попавшим в архив Политбюро ЦК, был Валентин Скорятин, который долгие годы разыскивал следственное дело по факту самоубийства поэта В. Маяковского в 1930 г. Это следственное дело хранилось в личном фонде Ежова (ф. 57).

---

¹² В №№4 и 5 журнала «Источник» за 2003 год был опубликован журнал посетителей кремлевского кабинета Н. С. Хрущева за 1958–1964 гг., который явился ценным документом для детализации таких событий, как развитие Карибского кризиса 1962 г.

Вместе с делом в фонде хранился в качестве вещественного доказательства бельгийский браунинг, гильза от патрона и пуля, извлеченная из тела Маяковского, а также письмо Лили Брик Сталину от 1935 г. с жалобой о том, что произведения Маяковского не издают. На письме Л. Брик значится резолюция И. Сталина: «Тов. Ежов! Очень прошу Вас обратить внимание на письмо Брик. Маяковский был и остается лучшим и талантливейшим поэтом нашей советской эпохи. Безразличие к его памяти и его произведениям — преступление...». Еще в начале 1990-х годов о местонахождении документа с данной резолюцией ничего не было известно даже специалистам.

Сопоставление журнала записей посетителей кремлевского кабинета Сталина, направленной стенограммы февральско-мартовского (1937 г.) пленума ЦК ВКП(б), письма Бухарина Сталину и др. позволяют выяснить некоторые факты по делу убийства С. М. Кирова¹³.

В присутствии Сталина на очной ставке Радека с Бухариным последний заявил, что о принадлежности убийцы Кирова к зиновьевской оппозиции он узнал лично от тов. Сталина 2-го декабря. Бухарин допускает здесь незначительную оговорку, и Сталин моментально ею воспользовался: он возразил, что этого не могло быть, так как в ночь с 1-го на 2 декабря он выехал в Ленинград, и что это было скорее всего на седьмой день. В действительности же запись в журнале за этот период показывает, что Бухарин был у Сталина дважды. Первый раз не 2 декабря, как сказал на очной ставке Бухарин (здесь Бухарин ошибся, а Сталин был прав), а 1 декабря в 21¹⁰ в день убийства Кирова, вместе с Суловым и Мехлисом. Второй раз Бухарин был у Сталина 8 декабря 1934 г.

Если продолжить тему, связанную с убийством Кирова по материалам Политбюро, то здесь обнаруживается еще один документ, на который историки не обращают внимания¹⁴. Это направленная стенограмма февральско-мартовского (1937) пленума ЦК ВКП(б). В докладе на пленуме Ежов процитировал документ, который дол-

---

¹³ Родина. 1995/10. С. 62; см. также: Родина. 2005/3. С. 87 («Гибель Кирова. Факты и версии»).

¹⁴ Имеется в виду кн. А. Кирилиной «Неизвестный Киров» (СПб., 2002), где она неоднократно цитирует мою публикацию «Убийство Кирова» из журнала «Родина» (1995/10).

жен был подтвердить связь Бухарина с одним из главных обвиняемых по делу Николаева И. И. Котолыновым. Ежов привел письмо Бухарина начальнику УНКВД по Ленинградской области Медведю, написанное в начале 1934 г. В этом письме Бухарин, с чьей-то подачи, просит Медведя проверить Котолынова на предмет «оппозиционных грешков» с последующим предоставлением Котолынову работы в качестве помощника к одному из ученых в Ленинграде. На пленуме Бухарин попытался объяснить первопричину написания этого документа, но его прервали, буквально заткнули рот. И уже в письме Сталину из тюрьмы Бухарин пояснил, что его попросил написать это письмо крупный ученый-физик Талмуд (умер в 1950 г.), бывший к тому же агентом НКВД.

Возникает вопрос: обращение агента НКВД к Бухарину о Котолынове — это случайное совпадение, или одно из звеньев плана мероприятий НКВД по разгрому зиновьевской оппозиции в Ленинграде, одновременно с бухаринской? Кстати, Бухарин знал, что его ученик Астров тоже был агентом НКВД. Стенограмма очной ставки Бухарина с Астровым в январе 1937 г.¹⁵ и текст черновика письма, написанного Бухариным Сталину после этой очной ставки, позволяют уточнить, как получилось, что после ареста в марте 1937 г. в течение трех месяцев ни Бухарин, ни Рыков не признавали своей вины и только 1 июня дали письменные заявления на имя Ежова с пожеланием дать показания о своих якобы «преступлениях».

После очной ставки с Астровым Бухарин пишет письмо Сталину со своими объяснениями выдвинутых против него обвинений (черновик от 16. 01. 37 сохранился в личном фонде Бухарина). В черновике Бухарин вычеркивает фразу, которой не оказалось в окончательном варианте письма. Вот эти слова:

«Ты сказал мне об оклеветании некоторых военных товарищей. Я не знаю, кто, как оклеветал, кто допрашивал клеветников и т.д. Все это крайне важно. Но это не для меня в моем положении. Я хочу сказать вот что. Вспомни старую теорию Троцкого о том, что нужно стравливать членов ЦК. Теперь это делается на расширенной основе и ядовитейшими методами. Они хотели ударить по верхушке армии. Понятно, почему»¹⁶.

---

¹⁵ Источник. 2001/2. С. 89.

¹⁶ Источник. 2001/3. С. 27.

Вероятно, Сталин хотел проверить реакцию Н. И. Бухарина на судьбу арестованных еще в августе 1936 г. комкоров Примакова и Путну, разделявших до 1927 г. троцкистские взгляды. Известно, что арестованные в течение продолжительного времени упорно отрицали все возводимые следователями обвинения, называя их клеветой. И только после применения к ним в начале 1937 г. физических мер воздействия дали письменные показания о существовании в армии военно-фашистского заговора, во главе которого, якобы, стоял Тухачевский. Арестованный Тухачевский, в свою очередь, 29 мая 1937 г. дал показания о связях по заговору с Бухариным, Рыковым, Караханом, Пятаковым, Ягодой и др.

Полагаю, когда Бухарину и Рыкову предъявили протокол допроса Тухачевского, то они были сломлены и 1 июня подписали упомянутое заявление.

Бурный расцвет публикаторской деятельности по документам бывшего архива Политбюро наступает в 1992 г. Здесь я выхожу за хронологические рамки статьи, так как это в какой-то мере, как я полагаю, отразилось на моей дальнейшей служебной карьере.

В начале 1992 г. (апрель или май) Ю. Петров, в то время руководитель администрации Президента РФ, предложил Архиву Президента оказать помощь редакции журнала «Родина» в публикации исторических документов. Я тогда же посоветовал редакции начать публикации с предсмертного письма Н. Бухарина своей жене А. М. Лариной от 15 января 1938 г. Я знал, что она жива, хотя и не совсем была здорова. Анна Михайловна дала согласие на публикацию и даже обещала прокомментировать это письмо в виде ответного послания. В журнале «Родина» эта публикация прошла в № 8-9 за 1992 г., а 13 октября его опубликовали газета «Известия» одновременно с итальянской газетой «Стампа». Кстати, «Известия» разыскали единственного из оставшихся в живых учеников Бухарина — Астрова.

В общем первая публикация вызвала большой интерес. В журнале стали появляться публикации из переписки Сталина с членами семьи, письма Шолохова Сталину и др. Стали выходить из печати сборники документов «Иосиф Сталин в объятиях семьи», «Писатель и вождь», «Военные архивы», вып. I, «Кремлевский самосуд» и др. Эти публикации, а также публикации тех авторов, которые

получали доступ к документам Архива Политбюро, вызвали определенную, прямо скажем, негативную реакцию некоторых работников Комитета по делам архива.

В газете «Известия» от 13 июля 1994 г. появилась статья Э. Максимовой «Продавцы сенсаций из архива Президента». И с ее же подачи — статья В. Соколова «Как Сталин Шолохова на Политбюро вызывал» от 10 сентября 1994 г. Автор статьи утверждала, что работники Архива Президента активно публикуют документы из фонда Политбюро, причем моя фамилия упоминалась семь раз, автор возмущалась, что к фонду Сталина нет свободного допуска исследователей, что допускаются только Д.А. Волкогонов и профессор Принстонского университета С. Коэн.

Мне приходилось иметь дело как с тем, так и с другим. С профессором С. Коэном я познакомился после передачи А. М. Лариной ксерокопий произведений, написанных Н. Бухариным в тюрьме, о которых он (Бухарин) упомянул в своем последнем письме к жене. С. Коэн — автор книги «Политическая биография Бухарина», к тому же он являлся доверенным лицом семьи Лариных по работе с документами Н. И. Бухарина. Естественно, мне пришлось несколько раз встречаться с профессором С. Коэном и комментировать переданные документы. 17 августа 1994 г. С. Коэн направил письмо в редакцию газеты «Известия» о своей бескорыстной причастности к работе с документами бывшего Архива Политбюро, причем назвал мою фамилию и с благодарностью отозвался о той помощи, которая ему была оказана в комментировании переданных документов.

И все бы ничего. Но в сентябре того же года президент Ельцин поехал в США, а С. Коэн в газете «Интернэшнл геральд трибюн», опубликовал статью под заголовком, в которой были, в частности, такие слова: «Лично мое мнение: наследием Ельцина не будет обещанный переход к демократии, свободной рыночной системе или даже народное согласие на движение в этом направлении. Наследием будет ожесточенно разделенная нация». 4 октября 1994 г. эту статью С. Коэна перепечатала газета «Советская Россия», а 10 октября меня вызвали и сказали, чтобы подавал заявление об уходе на пенсию, так как моя должность сокращается. Случайно это совпадение или не случайно? Сказать трудно.

Кремлевская группа

Сотрудники I и II секторов Общего отдела ЦК неофициально именовались «Кремлевской группой». С документами Политбюро ЦК на протяжении десятилетий работал стабильный коллектив квалифицированных специалистов делопроизводства и архивного дела. Как правило, эти сектора укомплектовывались только теми сотрудниками, которые уже имели определенный опыт работы с секретными документами в других отделах аппарата ЦК. В Общем отделе вплоть до 1980-х годов продолжали работать некоторые ветераны Особого сектора Техсекретариата ЦК, например, К. А. Емельянов, В. И. Контарева, Т. К. Силина, А. Ф. Холина и др. Впоследствии все они занимали ответственные посты в Общем отделе: Т. К. Силина — зав. VI сектором, А. Ф. Холина — зам. зав. VI сектором, К. А. Емельянов — зав. VII сектором. В. И. Контарева занимала должность референта VI сектора.

Валентина Ивановна Контарева перед войной училась в Ленинградском педагогическом институте им. Покровского, одновременно закончила курсы медсестер. В 19 лет с первых дней войны добровольцем ушла на фронт, участвовала в обороне Ленинграда. В одном из боев осенью 1942 г. заменила раненого наводчика орудия и подбила немецкий танк. Награждена медалью «За отвагу». В боях под Нарвой (1944 г.) была ранена, а после выздоровления демобилизована и вернулась в Москву к родителям. Когда в 1946 или 1947 г. был объявлен набор на замещение технических должностей в аппарате ЦК ВКП(б), она прошла по конкурсу и несколько лет работала секретарем в отделе пропаганды ЦК, а затем была рекомендована в Особый сектор Техсекретариата ЦК. Со Сталиным несколько раз встречалась в кремлевских коридорах, он был приветлив, всегда здоровался, иногда бросал шутливую фразу: «Куда бежишь? Смотри, не упади!».

Еще один участник войны, Константин Александрович Емельянов, вспоминал, как работников Особого сектора по распоряжению Сталина отправили на отдых в Крым. Из Москвы в Крым и обратно доставили на самолете. В Крыму отдыхали несколько дней на госдаче.

Следующий участник войны — Александра Федоровна Холина. Она была переведена в Архив Политбюро в 1953 г. До этого А. Ф. Холина работала в Архиве Коминтерна, находясь в распоряжении Общего отдела ЦК. Александра Федо-

ровна вспоминает времена Хрущева. В один из дней июня 1953 г. комендатура предупредила, что в ближайшие часы не следует выходить из кабинетов в коридор. Вопросы не задавали, не положено. Позднее узнали, что с заседания Совмина по кремлевским коридорам проводили арестованного Берия. Другой случай был при ее встрече с Н. С. Хрущевым. Александра Федоровна шла по коридору в свой сектор, когда увидела идущего навстречу Н.С. Хрущева вместе с членами правительства. «Я ускорила шаг, — вспоминает она, — и поспешно скрылась за дверь». Н. С. Хрущеву это показалось странным. Он зашел следом и спросил: «Кто только что вошел сюда!» Ему сказали: «Шура».

— Шура! Подойдите сюда!

— Почему вы так поспешно нырнули в дверь! Кого испугались?

Заступилась Т. К. Силина: «Шура торопилась, я ее вызвала по срочному заданию».

Стабильным был и руководящий состав Архива Политбюро. С 1921 по 1991 г., т. е. за 70 лет в истории архива остались три фамилии. Так, первым заведующим Архива Политбюро с 1921 по 1933 г. был Дементьев. О нем ничего не известно. Долгожителем и бесшменным заведующим архива Политбюро и личного архива Сталина с 1933 по 1977 г. была Т. К. Силина, а последним заведующим VI сектором с 1977 по 1991 г. был Лолий Александрович Мошков.

Татьяна Константиновна Силина родилась в 1901 г., по профессии учительница, пришла на работу в Техсекретариат ЦК в 1923 г. За 10 лет прошла путь от технического сотрудника до заведующей Архивом Политбюро. Мне не пришлось работать с Т. К. Силиной, но все, кто с ней работал, в один голос заявляют что она была строгим, но справедливым руководителем. Силина обладала уникальной памятью, хорошо знала документы Политбюро. Поскребышев ценил ее как незаменимого работника в быстром поиске необходимой архивной информации.

Т. К. Силина иногда вспоминала и рассказывала сотрудникам один курьезный случай. Однажды поздним вечером, после напряженного рабочего дня, она услышала, как кто-то открывает дверь ее кабинета. Не отрывая глаз от документа, недовольно проворчала: «Кого там еще черт несет?» В дверях стоял Сталин: «Это меня черт несет». От извинений отмахнулся — на работе всякое бывает. Сотрудники рассказывали, что видели фотографию, на которой запечатлен момент вручения Стали-

ным в присутствии Молотова правительственной награды Т. К. Силиной.

Большое значение Т. К. Силина придавала воспитательной работе с вновь пришедшими сотрудниками. Их не только знакомили с секретными инструкциями, пособиями и другими нормативными документами, но и с неписаными правилами: что «можно», а что «нельзя» допускать на работе. Работающим в одной комнате сотрудникам, например, запрещалось обсуждать и знакомить друг друга с содержанием архивных документов. «Когда выходите из ворот, — часто повторяла Силина, — забудьте все, что узнали здесь». К неписаным правилам относилось заблаговременное появление на работе, и в то же время считалось неприличным уходить ровно в 18 часов.

Особые требования предъявляла Силина к внешнему виду сотрудников. Сотрудники (в основном сотрудницы) должны быть скромно одеты и не носить никаких украшений. Известен такой случай, рассказанный очевидцем: примерно в 1970 г. на работу в VI сектор из шифровального сектора была переведена новая сотрудница, одетая достаточно скромно, но с обручальным кольцом. Указывая на кольцо, Силина ей сказала: «Алла, здесь это не принято. Кольцом вы можете повредить документы». Порой Силина проявляла твердость и отказывалась от кандидатур, которые ей пытались навязать. Одной молодой женщине, явившейся в VI сектор по рекомендации «сверху», Силина прямо заявила: «Здесь архив, и если хочешь работать, то снимай свое модное платье да надевай халат. Видишь, мы все здесь в халатах работаем». И рекомендованную кандидатуру вскоре отозвали.

И уже в редких случаях (но они были) из архива изгонялись те, кто допускал грубые ошибки в работе. «Вы нас не устраиваете», заявила Силина одному сотруднику, когда обнаружила, что он неправильно формирует и обрабатывает архивные дела. Об этом случае рассказал мне сам потерпевший. Он не был новичком в архивном деле. Участник войны, сотрудник ЦПА при ЦК КПСС, во время заграничных командировок в Монголию обучал местные кадры архивному делу. Однако специфику делопроизводства Политбюро не усвоил и допустил ошибки. И главное, будучи не прав, слишком запальчиво возражал Силиной.

Исполнение заданий руководства отдела по поиску документов в Архиве Политбюро всегда было на первом месте. Запросы, как правило, поступали по правительственному телефону «вертушке». Причем найти требуемый документ или дать справку нужно было в считанные минуты, особенно когда речь шла о

подготовке документов к заседанию Политбюро. В таких случаях Силина применяла простой способ. Было известно, что количество звонков в архив достигало своего пика за 1–2 дня до начала заседания Политбюро. Изучая повестку предстоящего заседания Политбюро, Силина заранее старалась спрогнозировать характер запросов и подбирала соответствующие документы.

Подборки документов, тематические дела с закладками располагались на столе. Такая система себя оправдала, и необходимые сведения в случае запросов немедленно сообщались по кремлевскому телефону, а сами документы направлялись через офицеров фельдсвязи. Конечно, всего предусмотреть было невозможно. Если необходимых документов на столе не оказывалось, тогда Силина сразу же указывала своим сотрудникам (обычно двум дежурным), в каком сейфе и на какой полке можно найти требуемый документ.

Помню, как на служебных совещаниях К. У. Черненко говорил нам работникам Общего отдела ЦК: «Нужно работать так, как работает Т. К. Силина. Когда бы не позвонил в архив, всегда получаю от нее быстрый и точный ответ».

В 1977 г. перед уходом на пенсию Т. К. Силина была награждена орденом «Октябрьская революция». Награду вручал К. У. Черненко. Ей был выписан постоянный пропуск в Кремль и выделен рабочий стол в VI секторе.

В последующие годы новый заведующий VI сектором Л. А. Мошков начал проведение реформы в архиве с внедрения техники и создания справочного аппарата на новой основе.

ПРИЛОЖЕНИЕ № 1.

ИНСТРУКЦИЯ ПО РАБОТЕ С СЕКРЕТНЫМИ ДОКУМЕНТАМИ В АППАРАТЕ ЦК КПСС

1. ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ

1. Настоящей Инструкцией определяются правила работы с секретными документами в аппарате ЦК КПСС.

Основные положения Инструкции распространяются также на работу с документами, имеющими гриф «Для служебного пользования», несекретными служебными документами и письмами трудящихся.

2. Документы в аппарате ЦК КПСС по степени секретности делятся на совершенно секретные особой важности («Особая папка»), совершенно секретные и секретные.

Гриф «Совершенно секретно особой важности» («Особая папка») ставится на документах, содержащих сведения, составляющие особо важную партийную и государственную тайну.

Гриф «Совершенно секретно» ставится на всех других документах, содержащих сведения, составляющие партийную и государственную тайну.

Гриф «Секретно» ставится на документах, не содержащих сведений, составляющих партийную и государственную тайну, но раскрывающих методы работы аппарата ЦК КПСС.

Степень секретности документов определяют отделы ЦК, которые готовят документы.

3. Гриф «Для служебного пользования» ставится на документах, которые содержат несекретные, но не подлежащие опубликованию в открытой печати, использованию в передачах по радио и телевидению сведения. В отдельных случаях на таких документах, направляемых ЦК КПСС партийным комитетам, министерствам, ведомствам и организациям, может ставиться гриф «Не для печати».

4. Ответственность за организацию и состояние работы с секретными документами Политбюро и Секретариата ЦК КПСС возлагается на Общий отдел; ответственность за состояние работы с секретными документами в отделах ЦК — на заведующих отделами и заведующих секретариатами отделов.

5. В отделах ЦК КПСС обеспечивается сохранность секретных документов, своевременное их исполнение, соблюдение требований настоящей Инструкции и указаний ЦК КПСС по работе с документами.

Секретариаты отделов ЦК организуют учет и прохождение секретных документов, периодически информируют руководство отделов о состоянии их исполнения, инструктируют сотрудников по вопросам работы с документами в аппарате ЦК КПСС.

Проверка наличия секретных документов в отделах ЦК возлагается на Общий отдел ЦК КПСС.

ПРИЛОЖЕНИЕ № 2

ЗАПИСКА ОБЩЕГО ОТДЕЛА В ЦК КПСС О ЛИЧНОМ АРХИВЕ Г. К. ЖУКОВА

11 февраля 1975 г.

В конце июня 1974 г. в Общий отдел ЦК КПСС для научно-технической обработки был передан личный архив Маршала Советского Союза Г. К. Жукова. В Едином архиве эти документы учтены по фонду № 73, научно-техническая обработка которого в настоящий момент завершена. На постоянное хранение в Едином архиве оставлено 189 единиц

хранения (дел). В архив Министерства обороны СССР предполагается передать 106 документов.

Документальные материалы фонда № 73 сгруппированы в VIII разделов.

В первом разделе собраны все машинописные и ротаторные экземпляры рукописи глав книги «Воспоминания и размышления». Они имеют по несколько редакций и вариантов, которые по своему содержанию отличаются от глав, опубликованных в первом издании книги. Так, в ряде рукописных глав отдельные вопросы, связанные с подготовкой страны и Советских Вооруженных Сил к отражению фашистской агрессии, автор освещает в негативном плане, слишком большое внимание уделяет репрессиям 1937–1938 гг. по отношению к военным кадрам армии, дает субъективные характеристики некоторым советским военачальникам.

Во втором разделе собраны отдельные черновые заметки и машинописные листы с авторской правкой, относящиеся к различным главам книги. Среди этих рукописей сохранились тезисы главы о И. В. Сталине, где автор пытался раскрыть причины появления и развития культа личности. Имеется отдельная заметка о неправильной оценке И. В. Сталиным донесений посла СССР в Германии Деканозова и советского разведчика Р. Зорге; была написана глава о работе советского тыла в годы войны, не вошедшая в книгу, имеется ряд других рукописей, в том числе рукопись о причинах военных неудач Красной Армии в начальный период войны.

В третьем разделе собраны тексты докладов, выступлений, интервью Г. К. Жукова, отдельные его статьи и рецензии. В числе документов имеются записи бесед Г. К. Жукова с президентом США Д. Эйзенхауэром 20 и 23 июля 1955 г. о причинах обострения советско-американских отношений, записи бесед с начальником штаба ВВС США генералом Туайнингом, с министром авиации Великобритании Н. Берч, с начальником Генерального штаба ДРВ генералом Ван Тьен Зунгом, с командующим ВВС Турции генералом Учанэр. Текст беседы с генералом Учанэр 27 июня 1956 г. рассылался на ознакомление членам Президиума ЦК, кандидатам в члены Президиума ЦК и Секретарям ЦК КПСС.

Одним из наиболее ранних документов этого раздела является текст доклада о характере современных наступательных операций, с которым Г. К. Жуков выступил на совещании высшего командного состава Красной Армии в декабре 1940 г. В разделе имеется текст проекта выступления Г. К. Жукова на сессии Верховного Совета СССР по Государственному бюджету на 1956 г.; текст выступления на торжественном заседании, посвященном 39-й годовщине Вооруженных Сил СССР, а также тексты выступлений Г. К. Жукова на приемах иностранных военных и правительственных делегаций.

В III раздел включена переписка Г. К. Жукова с центральными издательствами, редакциями газет и журналов о подготовке к печати книги «Воспоминания и размышления», статьи о событиях военных лет, рецен-

зии и замечания на проекты статей В. И. Чуйкова, С. М. Штеменко, И. С. Конева, М. С. Шумилова др., а также на статьи, опубликованные в печати.

Среди документов имеется переписка Г. К. Жукова и Н. А. Антипенко с редакцией «Военно-исторического журнала» по поводу письма в редакцию В. И. Чуйкова от 18. V. 1965 г. в ответ на статьи Г. К. Жукова и Н. А. Антипенко, опубликованные в «Военно-историческом журнале» №№ 3 и 6 за 1965 г. с критикой высказываний В. И. Чуйкова о возможности овладения Берлином в феврале 1945 г.

В данный раздел помещены письма советских граждан с откликами на статьи и интервью Г. К. Жукова, опубликованные в советской печати, а также машинописные тексты статей Г. К. Жукова «О военной стратегии Советского Союза в 1941–1942 г.г.» и «Берлинское сражение».

В четвертом разделе собраны статьи различных авторов, вырезки из газет и журналов, переводы из зарубежной прессы, присланные Г. К. Жукову в 1946–1973 гг.

В разделе представлена большая подборка статей из иностранных газет и журналов «Таймс», «Франкфурте Альгемайне Цейтунг», «Шпигель», «Аль-Гумхурия», «Франкфуртер Рундшау» и др. за 1969 г. с изложением биографии Г. К. Жукова и содержания его книги «Воспоминания и размышления». Авторы большинства статей буржуазной прессы приходят к выводу, что публикация книги Маршала Советского Союза Г. К. Жукова реабилитирует Сталина как военачальника и дипломата.

Автор предисловия к югославскому изданию книги Г. К. Жукова «Воспоминания и размышления» П. Якшич дает высокую оценку мемуарам Г. К. Жукова, и в то же время много внимания уделяет негативной оценке роли И. В. Сталина в подготовке и ведении войны. П. Якшич считает самым противоречивым и слабым местом в мемуарах «попытки Г. К. Жукова показать здесь понимание и отчасти оправдание Сталина».

В разделе описаны очерки и статьи с изложением биографии Г. К. Жукова, написанные К. Фединым, С. Смирновым, Н. Светлишиным, письма Г. К. Жукова в связи с подготовкой к печати книг «Записки адъютанта» и «Заметки адъютанта».

В пятом разделе собраны поздравления руководителей партии и Советского государства, маршалов и генералов Г. К. Жукову по случаю праздников и дней его рождения за 1966–1972 гг., отзывы на книгу «Воспоминания и размышления». Имеются, в частности, письмо П. Н. Демичева с благодарностью Г. К. Жукову за книгу «Воспоминания и размышления» и письмо В. П. Мжаванадзе с отзывом на книгу «Воспоминания и размышления», копии писем Г. К. Жукова руководителям Коммунистической партии и Советского государства с поздравлениями по случаю праздников, юбилеев; отдельные копии писем (тов. Л. И. Брежневу от 11. XII. 1967 г. и 23. II. 1968 г.) с просьбами об ускорении издания книги «Воспоминания и размышления», копия письма П. Н. Демичеву от 27. VII. 1971 г. с критическими замечаниями на роман А. Чаковского «Блокада».

Два письма (авторы Н. А. Антипенко и Ф. И. Букштымов) адресованы в редакцию журнала «Коммунист» и Генеральному секретарю ЦК КПСС Л. И. Брежневу о необходимости официальной реабилитации и объективной оценки деятельности И. В. Сталина и Г. К. Жукова, об отмене решения октябрьского (1957 г.) Пленума о Г. К. Жукове. В разделе имеется подборка писем деятелей литературы и искусства, адресованных Г. К. Жукову с откликами на книгу «Воспоминания и размышления», с просьбами дать отзывы на свои статьи и книги, подготовленные к печати, принять в дар их произведения, с приглашениями на творческие вечера, с поздравлениями по случаю праздников и дней рождения (письма Е. Долматовского, Л. Ошанина, А. Первенцева, Б. Полевого, К. Симонова, С. Смирнова, В. Соколова, И. Стаднюка, Р. Кармен, Е. Вучетича и др.).

Большое количество писем было прислано Г. К. Жукову различными учреждениями и предприятиями, а также советскими гражданами с поздравлениями по случаю праздников, юбилеев, с просьбами выслать книгу, автограф, личную фотографию.

Ряд писем советских граждан, адресованных Г. К. Жукову, содержит просьбы о награждении, улучшении жилищных условий, о пенсиях и др. вопросах.

В шестом разделе собраны письма и телеграммы партийных государственных деятелей, военных министров и военных атташе Народной Республики Болгарии, Венгерской Народной Республики, Демократической Республики Вьетнам, Германской Демократической Республики, Корейской Народно-Демократической Республики, Монгольской Народной Республики, Польской Народной Республики, Чехословацкой Социалистической Республики, Социалистической Федеративной Республики Югославии, ЦК Компартии Венесуэлы. Имеются письма, подписанные В. Ульбрихтом, Х. Чойбалсаном, Ю. Цеденбалом, П. Ярошевичем, Э. Герекком, Л. Свободой, Х. Фария, а также письма и телеграммы отдельных граждан социалистических и капиталистических стран. В письмах содержатся поздравления Г. К. Жукову с праздниками, юбилеями, днями рождения, правительственными наградами, дается высокая оценка военных заслуг Г. К. Жукова, содержатся отзывы на книгу «Воспоминания и размышления».

В этот раздел описи включены письма государственных деятелей капиталистических стран. (Письмо Д. Эйзенхауэра и его жены от 19. V. 1955 г. Г. К. Жукову с пожеланием здоровья и просьбой выслать семейную фотографию, письмо бывшего министра обороны Индии М. Тьяги от 18. IX. 1957 г., с просьбой принять подарок и прислать автограф, письмо министра национальной обороны Сирии А. Раслана от 29. XII. 1956 г. с просьбой принять подарок.)

Среди писем, присланных Г. К. Жукову из Италии, имеется письмо вице-президента Национальной Ассоциации партизан Италии Дино Роберто с резким протестом против участия Советской Армии в подавлении контрреволюционного мятежа в Венгрии в 1956 г.

В седьмом разделе собраны документы, относящиеся к биографии Г. К. Жукова, а также документы личного характера: удостоверение члена ЦК КПСС Г. К. Жукова, копия постановления Совета Министров СССР от 27. II. 1958 г. и копия приказа министра обороны СССР от 4. III. 1958 г. об увольнении в отставку и материальном обеспечении Маршала Советского Союза Г. К. Жукова; письма исполкомов, горсоветов о присвоении Г. К. Жукову звания почетного гражданина городов Калуги, Ельни, Наро-Фоминска, проекты писем Г. К. Жукова т.т. Л. И. Брежневу, А. Н. Косыгину, А. А. Гречко по личным вопросам; письма Г. К. Жукову от родственников и близких друзей.

В восьмом разделе собраны альбомы и фотографии Г. К. Жукова. Большую часть материалов этого раздела предполагается передать в архив Министерства обороны СССР. На хранении в Едином архиве остаются следующие материалы: индивидуальные фотографии Г. К. Жукова за 1923–1943 гг., групповые фотографии, где изображен Г. К. Жуков в момент вручения 10 июня 1945 г. фельдмаршалу Монтгомери, генералу Эйзенхауэру и генералу Баркеру советских военных правительственных наград, альбом с фотоснимками членов советской правительственной делегации во время пребывания в Польской Народной Республике с 11 по 14 мая 1955 г.; групповые фотографии, на которых изображены Н. С. Хрушев, Н. А. Булганин, А. И. Микоян, А. И. Кириченко, Г. К. Жуков среди моряков крейсера «Адмирал Нахимов»; групповые фотографии, на которых изображены Л. И. Брежнев и Н. В. Подгорный в момент вручения Г. К. Жукову правительственных наград.

Опись документальных материалов фонда № 73, подлежащих хранению в Едином архиве, и перечень документов, подлежащих передаче в архив Министерства обороны СССР, прилагаются*.

Просим согласия**.

Зав. Общим отделом ЦК КПСС К. Черненко

11 февраля 1975 г.

ЦХСД. Ф. 5. Оп. 68. Д. 2180. Л. 1-5. Подлинник. Машинопись.

* Не публикуются.

** На документе имеются записи: «т. Емельянову К. А. Доложено т. Сулову М. А. (согласие получено). К. Черненко»; «Ознакомился. Принято к исполнению. К. Емельянов. 14.02.75 г.».

ПУБЛИКАЦИИ

ФОКС, ЧАРЛЬЗ ДЖЕЙМС

ИСТОРИЯ РАННЕЙ ЧАСТИ ПРАВЛЕНИЯ ЯКОВА II ВСТУПИТЕЛЬНАЯ ГЛАВА*

Предисловие

Одним из наиболее ярких проявлений свободы мысли и слова в Европе Нового времени стали воззрения основоположника нового вигизма Чарльза Джеймса Фокса (24. 01. 1749, Лондон — 13. 09. 1806 Чисвик, Девон). Фокс — знаменитый защитник народных свобод, первый министр иностранных дел Британии — являлся постоянным политическим противником Георга III¹, возглавляя слабейшую оппозицию за всю историю Британии, представленную группировкой «фокситов», как по-иному называют новых вигов. Последователи Фокса сформировали весьма своеобразную для своего времени и достаточно стойкую политическую культуру, которая предвосхитила идеи либерального движения XIX века².

Единственный исторический труд, принадлежащий перу Ч. Дж. Фокса, это «История раннего периода правления Якова II»³. Он был начат не позднее 1797 года⁴ и должен был составить часть «Всеобщей истории», однако так и не был завершен. Первая,

---

* *Fox Ch. J. A History of the Early Part of the Reign of James II / Ed. H. Morby. L.; P.; N Y.; Melbourne, 1888. Introductory chapter.*

¹ Фокс постоянно находился в оппозиции и, по сути, он пребывал в Кабинете в общей сложности менее года.

² Подробнее о Фоксе и фокситах см.: *Осипьянц П. И. Принципы и ценностные ориентиры политической культуры новых вигов на рубеже XVIII и XIX вв. // Диалог со временем: альманах интеллектуальной истории. Вып. 13. М., 2004. С. 286-303.*

³ *Fox Ch. J. Op. cit. 192 p.*

⁴ Публикация содержит письма Фокса к Чарльзу Грею, графу Лодердейлу, Малькольму Лэингу (историку), сержанту Хэйвуду о написании «Истории...», что позволяет дать примерную датировку начала работы над текстом.

«Вступительная» глава рассматривает истоки Славной революции и дает общий обзор изучаемого предмета от Генриха VII до Карла II. Вторая глава открывается правлением Якова II и охватывает события раннего периода его царствования, причем особое внимание уделяется политике и положению политических партий в Англии. Третья глава обращается к событиям в Шотландии и обрывается на описании казни герцога Монмута. Далее следует раздел «Фрагменты», состоящий из краткого набора отдельных параграфов, которые, по мнению первого издателя «Истории», племянника Фокса лорда Голланда, предназначались для работы над четвертой главой. Книга завершается четырьмя приложениями — документами, которыми пользовался Фокс при написании труда: переписка между Людовиком XIV и М. Барийоном по английским делам, переписка между графом Сандерландом и епископом Оксфордским о Локке, «Билль об охране Королевской Персоны» и «Описание Памбольда» из рукописных воспоминаний лорда Фонтенолла. «История раннего периода правления Якова II» переиздавалась в 1846 и 1886 годах, а затем после более чем столетнего перерыва в 2002 году.

Ниже приводится перевод фрагмента «Вводной» главы, в котором Фокс рассматривает исторический период от Генриха VII до Кромвеля. Эта часть «Истории раннего периода правления Якова II» представляет особый интерес, поскольку в ней Ч. Дж. Фокс на богатом материале, причем не только английской истории, высказывает свои воззрения относительно природы королевской власти и власти вообще, а также о пресловутом соотношении цели и применяемых для ее достижения средств.

Вводная глава

Предварительные размышления — Первый период, от Генриха VII до 1588 года — Второй период, с 1588 по 1640 гг. — Созыв Парламента — Возмещение обид — Обвинение Страффорда в государственной измене — Начало Гражданской войны — Соглашение на острове Уайт — Казнь короля — Власть Кромвеля, его характер — Безразличие нации в выборе форм правления

В изучении истории любой страны бывают определенные периоды, перед которыми разум естественным образом останавливается, чтобы рассмотреть их и обдумать в свете не только их непосредствен-

ных влияний, но также и более отдаленных последствий. После войн Мария и Суллы и окончательного подчинения Италии Римуⁱ мы не можем не остановиться для обдумывания последствий, которые станут вероятным результатом этих важных событий; и в этом примере мы обнаруживаем их таковыми, каких можно было ожидать.

Правление нашего Генриха VIIⁱⁱ является областью более сомнительных предположений. Каждый, кто обращается к войнам Йорков и Ланкастеровⁱⁱⁱ и отмечает стабилизирующее воздействие политики этого правителя, обязан понимать, что такая политика неизбежно должна была привести к крупным и важным изменениям в управлении, однако под большим вопросом остаются тенденции этих перемен и, более того, методы их осуществления. В наши дни широко принято допустимое, как я считаю, мнение, что установления того правления являются истоком как неограниченной власти Тюдоров^{iv}, так и свобод, вырванных нашими предками у Стюартов^v, что тирания была их непосредственным, а свобода — отдаленным последствием; однако тот, кто способен убедить себя в том, что, не зная последующих событий, он смог бы из рассмотрения причин предвидеть последовательность столь различных результатов, должен иметь огромную уверенность в собственной проницательности.

Другим периодом, предоставляющим широкое поле для размышлений такого рода, является промежуток между 1588 и 1640 годами, эпоха почти непрерывного спокойствия и мира. Общий подъем во всех сферах науки и искусства и, прежде всего, удивительный прогресс литературы являются наиболее удивительными из основных особенностей этого периода и сами по себе представляют причины, достаточные, чтобы произвести значительнейшие результаты. Страна, язык которой был обогащен произведениями Хукера^{vi}, Рэли^{vii} и Бэкона^{viii}, не могла не испытать ощутимое изменение в нравах и в стиле мышления; и даже употребление в устной речи языка, на котором писали Спенсер^{ix} и Шекспир, выглядело достаточным оправданием, чтобы не называть общины Англии «неотесанными»^x, как обращался к ним Генрих VIII^{xi}. Среди отдельных результатов этого общего подъема, мне кажется, наиболее существенными и заслуживающими внимания являются частота дебатов в палате общин и увеличившаяся ценность получения места в этом собрании.

Эти обстоятельства могут побудить проникательного наблюдателя ожидать значительных перемен и дать ему возможность предвидеть, что палата общин будет главным орудием осуществления этих перемен. Но каков будет образ действий этой палаты? Удовольствуется ли она своим обычным участием в осуществлении законодательной власти и влиянием, от которого она не может отказаться всякий раз, когда старается оказать давление на другие ветви законодательной власти и на власть исполнительную, или она будет дерзко (возможно, опрометчиво) претендовать на власть, соразмерную с естественными правами народного представительства? Если она должна так поступить, не поддержит ли она свои притязания вооруженной силой? И сколько времени такая сила будет в ее подчинении? Как долго, до того как последует обычному порядку всех армий и выстроится под единым хозяином? Если такой хозяин должен появиться, установит он наследственное или избираемое управление? Если первое — что будет достигнуто сменой династии? Если второе, не будет ли армия, так же как она выбрала первого короля или протектора^{xii} (наименование не имеет значения), в действительности выбирать и всех его преемников? Или он потерпит неудачу, и произойдет реставрация, обычно наиболее опасная и наихудшая из всех революций? На некоторые из этих вопросов ответы, исходя из опыта минувших времен, могут быть легкими, но с большинством из них гораздо сложнее. И истолковывать историю с большей пользой будет тот, кто наиболее детально разбирает вопросы такого рода, особенно, если он может на время лишить свой разум памяти о событиях, каковые в действительности последовали.

Следующий период требует более подробного изучения, поскольку он непосредственно предшествует началу этой истории [истории правления Якова II] и одновременно богат по содержанию, как для отображения, так и для размышлений. Между 1640 годом и смертью Карла II мы имеем возможность рассмотреть положение почти во всем разнообразии обстоятельств. Религиозные разногласия и политическая борьба во всех их формах и на всех уровнях, от открытых партийных выступлений и безнравственных интриг оппозиции до насилия и гражданской войны, деспотизма, сначала в лице узурпатора, а затем наследственного короля, самые памятные и благотворные усовершенствования законов и

самое непоследовательное их применение — в общем, всё, что могло произойти с государством, славное или горестное, входит в удивительную и поучительную картину этой эпохи.

Начало этого периода отмечено активностью народа через его представителей в палате общин, не только законной в принципе, но и направленной на лучшие цели и использующей наиболее рассудительные методы. Многие из лидеров палаты были в значительной мере сведущи, как в современном, так и в античном знании, и даже имели восторженную привязанность к великим личностям древности, однако они никогда не задумывали безумного проекта уподобления управления Англией афинскому, спартанскому или римскому. Они довольствовались применением к английскому устройству и английским законам духа свободы, который вдохнул жизнь в античные республики и прославил их. Их первой целью было получить возмещение прежним обидам и оказать соответствующее внимание пострадавшим индивидуумам; следующим было предотвращение повторения подобных бедствий при помощи отмены тиранических трибуналов, действующих в уголовном судопроизводстве по произвольным принципам и весьма неуместно названных судами. Затем они принялись утверждать основной принцип всех свободных правлений, охрану представителей и денежных средств народа. И хотя, возможно, существовало большое расхождение во мнениях по поводу предложенных ими предписаний в отношении милиции^{xiii}, все же, несомненно, что когда столкновение можно было предвидеть, они не могли, в соответствии с благоразумием, допустить, чтобы сила оружия всецело осталась в руках враждебной партии.

Судебное преследование лорда Страффорда^{xiv}, или, скорее, методы его проведения менее законны. Несомненно, он был серьезным правонарушителем и вполне заслужил строжайшее наказание, но ничто, не имеющее очевидно достоверного доказательства самозащиты, не может оправдать или извинить отступление от священных принципов уголовного права. Ибо, действительно, нечасто может случиться так, что вред, который следует ожидать от позволения какому-нибудь преступнику, сколь угодно виновному, спастись, может сравниться с подобным отступлением, происходящим из нарушения правил, которым невинный обязан безопасностью всего, что ему дорого. Если подобные ситуации и суще-

ствовали, они должны были иметь место в случаях, когда судебное разбирательство было абсолютно невозможным, как в ситуации Цезаря и других тиранов; однако, когда человек однажды оказывается под судом, а его личность — во власти обвинителей и судей, он больше не представляется опасным в степени, оправдывающей (если что-то вообще может оправдать) нарушение основных норм уголовного преследования.

Относительно разжигания Гражданской войны, так невыдержанно названной лордом Кларендоном и другими авторами-тори «мятежом»^{xv}, как мне кажется, должен возникнуть существенный вопрос: были ли приложены парламентом и его лидерами достаточные усилия, чтобы не допустить таких последствий? То, что, согласно основным нравственным нормам, справедливость была на их стороне, явно не подвергается сомнению, но в полной ли мере они следовали великому изречению Туллия^{xvi} по поводу гражданских конфликтов, в котором он выражает предпочтение миру, даже несправедливому, перед самой праведной войной? Полностью ли они оценили опасности, которые могли иметь место даже в случае победы, опасности, в подобных обстоятельствах ненамного менее грозные для дела свободы, чем те, которые последовали бы за поражением? Приняли ли они во внимание, что почитателям Помпея и гражданских войн в Риме^{xvii} присущ взгляд на события, описываемый тем же Туллием: в случае поражения — проскрипция, в случае победы — рабство? Следует ли приписывать провал переговоров с королем на острове Уайт^{xviii} справедливым подозрениям в его искренности или честолобию парламентских лидеров? Если лицемерие короля было истинной причиной, не следовало ли предотвратить беды, ожидаемые вследствие его неискренности, путем заключения соглашения, чем сослаться на это лицемерие, как на повод для внезапного прекращения переговоров. Поистине, печально будет состояние мира, если мы никогда не будем мириться с врагами, чью искренность мы имеем повод поставить под сомнение. Сами причины подобных подозрений возникают слишком часто, а когда они не сбываются, склонность человека к обвинению своих врагов в порочных чертах и злом умысле сама представит поддельные основания. В данном случае подозрение в неискренности действительно было справедливо настолько, чтобы освободить

даться от сомнений. Пример «Петиции о праве» был достаточным доказательством того, что король не считал обязательным для себя придерживаться уступок, которые он полагал вырванными у него^{xix}, и если историк-философ, пишущий через столетие после этих событий, может счесть использованное в качестве предлога грубое обращение, с которым столкнулся Карл, достаточным оправданием для нарушения его обещания в этом случае, то сам правитель, со всеми его предубеждениями и представлениями о собственном божественном праве, тем более, должен был считать законным отказ от уступок, которые ему, без сомнения, казались гораздо более неблагоприятными, чем «Петиция о праве», и к которым, по его мнению, он был еще в большей степени принужден. Эти соображения, вероятно, были причиной того, почему парламент так долго отсрочивал свое решение о принятии королевского предложения как основы соглашения, однако, к сожалению, они откладывали так долго, что, когда, наконец, приняли его, обнаружилось, что у них нет сил, чтобы привести его в исполнение. Армия, определенная быть слугой парламента, стала его хозяином и под полным влиянием Кромвеля дала начало тому, что, собственно говоря, можно назвать новым правлением. Последующие меры и, среди прочих, следовательно, казнь короля, должны рассматриваться как действия не парламента, а Кромвеля, а великие и уважаемые люди, заседавшие в Высоком суде^{xx}, в таком случае, должны рассматриваться не в качестве действующих самостоятельно, а скорее как исполнители этого узурпатора.

Казнь короля, хотя и гораздо менее насильственная мера, чем казнь лорда Страффорда, является событием столь единственным в своем роде, что мы не должны удивляться тому, что оно стало самым сенсационным в анналах Англии. Эта иллюстрация реального правосудия, как это было названо некоторыми, — или, как считали другие, [проявление] чудовищной злобы, — должна рассматриваться с двух точек зрения. Во-первых, была ли она сама по себе обоснованна и необходима? Во-вторых, был ли этот пример благотворным или, скорее, пагубным? В отношении первого из этих вопросов мистер Хоум, возможно непреднамеренно, дает лучший ответ, говоря, что, пока Карл жил, планируемая республика не была в безопасности. Но, чтобы оправдать лишение индивидуума жизни на основе принципа самозащиты, угроза должна быть не сомнительной и отда-

ленной, а очевидной и непосредственной. В этом случае опасность не была таковой, и заключение или даже изгнание Карла, вероятно, предоставило бы республике достаточную для любого правления степень безопасности. С другой стороны, следует признать, что если бы правительство республики позволило королю бежать, это было бы совершенно беспримерным актом справедливости и благородства, и даже сохранение ему жизни стало бы одним из самых редких проявлений добродетели. Краткий промежуток между свержением и смертью правителей вошел в поговорку, однако, все же существуют редкие примеры и другого исхода; когда же дело касается жизни отстраненного монарха, я не уверен, что может быть найден хоть один пример дарования ему свободы. Без сомнения, из способов уничтожения людей в подобной ситуации тот, который выбрал Кромвель и его сторонники, наименее позорный. Эдуард II^{xxi}, Ричард II^{xxii}, Генрих VI^{xxiii}, Эдуард V^{xxiv} не долго прожили после своего свержения. В рассматриваемом же случае это был первый пример, по крайней мере в нашей истории, когда об этом действии можно справедливо сказать, что оно не было совершено исподтишка.

Что касается второго вопроса, являлось ли преимущество, получаемое из примера, достаточным, чтобы оправдать подобный акт насилия, мне кажется, что для полного его решения следует заметить, что в отношении Англии (а я не знаю, на каких основаниях мы должны устанавливать примеры для других народов, или, другими словами, брать в свои руки мировое уголовное судопроизводство) [такой пример] был абсолютно бесполезен, так как бессмысленно было устанавливать пример для королей, в то время как было намерение уничтожить сам институт королевской власти, а, следовательно, ни один человек не столкнулся бы с ситуацией, в которой учел бы этот образец в качестве принципа своего правления. Кроме того, страдания, сопутствующие поверженному королю, кажутся достаточными, чтобы удержать любого правителя, задумывающегося о последствиях, от риска оказаться в такой же ситуации, а если смерть — единственное бедствие, способное сдержать его, судьба прежних тиранов, низложенных подданными, никоим образом не потворствует его надежде избежать даже такой развязки. Насколько мы можем судить из дальнейших событий, этот пример был не слишком эффективен, поскольку, даже не забывая о печальной уча-

сти отца, оба сына Карла не боялись притеснять свободы подданных даже в большей степени, чем пытался он сам.

Если мы рассмотрим вопрос о примере в более расширенном виде и взглянем на общий эффект, произведенный на умы людей, вне всякого сомнения, предоставленная Карлу возможность проявить свою непоколебимость и набожность предала его памяти больше уважения, чем он мог бы заслуживать при других условиях. Почтение и сочувствие страдальцу, с одной стороны, и ненависть к его врагам, с другой, вскоре вызывает соответственно одобрение первого и неприятие действий последних; и поэтому, даже если допустить, что некоторые преимущества, возможно, были достигнуты в деле свободы путем вызывающего страх примера, воздействующего на умы правителей (что сомнительно), такая выгода весьма перевешивается воодушевлением, которое восхищение добродетелью и жалость к страданиям — лучшие страсти человеческого сердца — пробудили в поддержку королевского дела. Даже в беллетристике и в поэзии считалось опасным для морального состояния человечества заставлять нас симпатизировать героям, чей образ действий заслуживает порицания, но насколько более значителен эффект, когда в реальной истории наши чувства расположены в поддержку монарха, принудившего своих подданных к вооруженной борьбе за свою свободу? Однако, в конце концов, вопреки тому, что более рассудительная часть человечества может думать по этому поводу, весьма сомнительно, чтобы этот своеобразный судебный процесс в той же мере, сколь и любое другое обстоятельство, не послужил подъему репутации английской нации в общеевропейском мнении. Тот, кто читал и, более того, тот, кто слышал дискуссии иностранцев по этому предмету, должно быть, ощущал, что даже в умах осуждавших само деяние, впечатление, созданное им, внушало скорее уважение и восхищение, чем отвращение и ужас. Истина в том, что чувство вины за это деяние — то есть лишение короля жизни, — это то, чему подверглось бы большинство людей на месте Кромвеля и его сообщников; немногие способны хвалиться тем, в чем заключается благородство и великодушие этого [действия], я имею в виду публичность и формальность процесса. То, что высылка герцога Глостера^{xxv} была примером почти беспрецедентного великодушия в истории урегулирования дел по-

добного характера, является фактом, принижающим человеческую природу.

Со времени казни короля до смерти Кромвеля правление имело, с некоторыми вариациями форм, абсолютно-монархическую сущность, каковую почти неизменно будет иметь любое правление, установленное военной силой, особенно когда проявления этой силы продолжают в течение некоторого промежутка времени. Если следовать этому общему правилу, то наш собственный век и народ, происхождение и близкая связь с нами которого практически дает право называть его собственной нацией, представляют собой великолепное и, возможно, уникальное исключение; нам следует отметить не только тот факт, что совокупность присущих Вашингтону положительных качеств, столь успешно связанных между собой и полностью чистых от любых пороков, с трудом может быть обнаружена на страницах истории, но также и то, что даже сам Вашингтон, возможно, не смог бы сыграть самую славную из ролей без наличия удивительно благоприятных обстоятельств, возможно исключительно присущих стране, которая должна была стать его театром. Добродетель, подобная этой, действительно не зависит от времени или места, однако, несмотря на то, что ни в какой стране или эпохе он не унился бы до какого-нибудь Писистрата^{xxvi}, или Цезаря, или Кромвеля; он, возможно, разделит бы судьбу Катона^{xxvii} или Де Витта^{xxviii}, или, как Лудлоу^{xxix} или Сидней^{xxx}, в изгнании оплакивал бы потерянные свободы своей страны.

Вместе с жизнью протектора почти одновременно закончилось и правление, которое он установил. Замечательные таланты этой необычайной личности поддерживали в течение его жизни систему, осуждаемую как разумом, так и предубеждением: разумом, требующим свободы, и предубеждением, [отрицавшим] узурпацию; следует признать хорошим свидетельством его гениальности то, что, несмотря на радикальные дефекты этой системы, благородство его характера и подвиги представляет эпоху протектората одной из наиболее блистательных в истории Англии. Действительно, его управление в области внешней политики благоприятно выделяется по сравнению с его предшественниками и последователями. Если он и сделал ошибку, поддержав интересы Франции, а не Испании, нам следует вспомнить, что при рассмот-

рении этой проблемы мы должны полностью лишить наш разум всех соображений, которые предлагает нам знание последующего состояния этих двух империй, перед тем, как мы можем стать беспристрастными судьями в этом вопросе, и во всяком случае мы должны признать его правление, в отношении к европейским делам, как самое славное в сравнении с малодушием Якова I, с легкомыслием Карла I и корыстной посредственностью двух последних правителей из дома Стюартов. В целом, характер Кромвеля должен всегда стоять высоко в списке тех, кто возвысился к верховной власти силой своего гения; и среди них, даже в отношении моральной добродетели, он был бы одним из наименее предосудительных, если бы он не был поражен самым гнусным и унижительным из всех человеческих пороков — лицемерием.

Краткий интервал между смертью Кромвеля и реставрацией являет картину нации, столь утомленной переменами, что не ощущает, или столь покоренной военной силой, что не смеет показать какой-либо заботы или хотя бы предпочтения в отношении формы правления. Все зависело от армии, и эта армия, стечением столь случайных обстоятельств, которому история учит нас не удивляться, попала в руки человека, низменнее которого не было и в низших ее чинах. Кажется, единственным достоинством Монка^{xxx1} было лишь личное мужество; резерв и обман составляли всю его мудрость. Но именно этого человека искала нация, готовая получить с его приказами форму правления, которую он должен был предписать. В соответствии с общими пристрастиями как пресвитериан, так и кавалеров есть основание считать монархию предметом желаний и тех, и других; однако достойно внимания, что хотя парламент, в противоположность принципу, по которому он был создан, был составлен из множества общепризнанных роялистов, никто не смел намекать на реставрацию короля до тех пор, пока не было получено разрешение или, скорее, команда Монка — принять и рассмотреть его послания.

Изучая эту сделку, невозможно не отметить, что генерал, достигший своего звания, репутации и общественного положения на службе республике и тому, что он, как и прочие, ошибочно называл делом свободы, без колебаний, в отсутствие единого условия в пользу этого, поверг нацию к ногам монарха; и если обещание га-

рантии от ответственности может доказывать, что некоторое внимание было уделено, по крайней мере, безопасности его товарищей по оружию, то последующий образ его действий дает основания полагать, что даже эта мера предосторожности происходит не из благородных чувств его души, а, скорее, из других причин. Ведь впоследствии он не только уступил выпадам, столь подло направленным против знаменитого случая с телом Блейка^{xxxii}, под чьим покровительством и руководством он исполнял наиболее похвальную службу в своей жизни, но и в судебном процессе над Арджилом^{xxxiii} он [Монк] предъявил дружеские письма и [использовал] доверие, чтобы лишить жизни дворянина, чьи старание и сердечность в сотрудничестве с ним, доказанные документами, стали основным поводом для его казни, таким образом, добровольно превосходя тех несчастных негодяев, которые для спасения своих жизней иногда считают необходимым под присягой обвинить своих сообщников.

Комментарии

ⁱ Подразумевается Союзническая война 90–88 гг. до н.э., в результате которой путем разобщения союзников италийские общины были присоединены к Риму. Луций Корнелий Сулла (138–78 гг. до н.э.) и Гай Марий (ок. 157–86 гг. до н.э.), консулы и политические противники, участвовали в войне в качестве легатов.

ⁱⁱ Генрих VII (28. 01. 1457–21. 04. 1509), король с 1485 г., основатель династии Тюдоров, кандидат Ланкастеров. Предпринял ряд мер по ограничению феодальной знати: конфискации земельных владений, роспуск военных дружин, создание чрезвычайных судов для расследования дел о заговорах. Создал зависимую от короля т.н. «тюдоровскую аристократию».

ⁱⁱⁱ Войны Алой и Белой розы (1455–1485) — кровопролитная борьба за английский престол между двумя линиями династии Плантагенетов: Ланкастерами и Йорками. Завершилась восхождением на престол ставленника Ланкастеров Генриха VII и объединением двух кланов (женился на наследнице Йорков Елизавете).

^{iv} В I пол. XVI в. происходило идейное оформление абсолютистских притязаний короны — разрабатывалась официальная доктрина королевского суверенитета. Король провозглашался главой независимого национального английского государства. Власть монарха объявлялась божественной по происхождению, а сам он — наместником Христа на земле. Отвергались все институты, ограничивавшие королевскую власть.

^v Стюарты — королевская династия в Англии (1603–1649, 1660–1714, в т. ч. и Яков II [1685–1688]) шотландского происхождения. Результатом их абсолютистской политики стали Английская революция середины XVII века и «Славная революция» (1688–1689 гг.).

^{vi} Ричард Хукер (ок. 1554–1600). Писатель, знаменитый своим блестящим стилем. В своей главной работе «О законах духовного государства» атаковал пуритан и пресвитериан, яростно защищал с философских позиций доктрину «Елизаветинского урегулирования». Один из основоположников англиканской теологии.

^{vii} Сэр Уолтер Рэли (Рэлей) (ок. 1552–29. 10. 1618) — поэт, политический деятель, путешественник, историк, яркий деятель английского Возрождения. Фаворит Елизаветы I. Участвовал в разгроме «Непобедимой армады» (1588), основал в Америке колонию «Виргиния» (1583–1585), совершил плавание в район реки Ориноко (1595). Был обвинен в причастности к заговору против Якова I и приговорен к казни. В Тауэре писал «Историю мира», занимался химическими опытами (изобрел систему опреснения морской воды). В 1616 г. представил проект разработки золотых рудников в Гвиане, назначен руководителем эскадры. Казнен в результате провала экспедиции.

^{viii} Бэкон, Фрэнсис (1-й Барон Верулам, 1-й Висконт Сент-Олбанс) (1561–1626) — государственный деятель, гуманист, философ, родоначальник эмпирического метода в науке. Автор философских работ («Новый Органон» и др.), исторических трудов («История Генриха VII»). Критиковал схоластику, сторонник абсолютной монархии английского типа.

^{ix} Эдмунд Спенсер (ок. 1552–1599), крупнейший поэт английского Возрождения. Лирика представлена гимнами, сонетами. Эпическая поэма «Королева фей». Творчество исполнено светского, гуманистического содержания, стихи отличаются живой образностью, мелодичностью, новаторской изящностью формы. Первым из английских поэтов обратился к жанру оды, в области строфики ввел образец, известный впоследствии как «спенсеровская строфа».

^x В тексте — “*brutes*”.

^{xi} Генрих VIII Тюдор (1509–1547). В его правление была проведена Реформация, в 1534 г. провозглашен главой английской церкви, 1536 и 1539 — секуляризация монастырей. Войны с Францией и Шотландией привели к расстройству финансов. Жесткая централизация, фавориты (Тайный совет), преобразовал судебную систему: организованы Суды Королевской Скамьи, Общих прошений; рост значения Звездной палаты, сформирован Канцелярский суд, Суд Прошений.

^{xii} Лорд Протектор — титул, традиционно применяемый в случае несовершеннолетия короля, основным назначением является уклонение от предос-

тавления полной королевской власти, которое имеет место при регентстве. Титул Протектора использовался Хэмфри Глостерским (1422–1429), Ричардом Йоркским (1454–1455), Ричардом Глостерским (будущим Ричардом III) (1483) и Эдвардом Сеймуром, герцогом Сомерсета (1547–1549). Несмотря на печальные прецеденты, этот титул был также применен Оливером Кромвелем в 1654–1659 гг. для разрешения проблемы управления, возникшей вследствие междуцарствия.

^{xiii} Подразумеваются три Акта о Милиции, принятые в начале правления Карла II (1661–1663) и установившие законность милиции под неограниченной властью короля. Служба в милиции (как и в ее кавалерийском эквиваленте, территориальной коннице — *yeomanry*) стала по существу добровольной, за исключением случаев угрозы вторжения. Будучи весьма неэффективна с военной точки зрения, милиция занимала в местной политической жизни роль региональной «конституционной силы» в качестве противовеса постоянной армии.

^{xiv} Томас Вентворт (Барон и виконт Вентворт, 1-й граф Страффорд) (1593–1641). Министр по делам Ирландии, знаменит борьбой с коррупцией. Сторонник Петиции о праве. В борьбе парламента и короля поддержал последнего. Реформировал парламент с целью сокращения числа чиновников, поддерживал развитие мануфактур, торговлю с Испанией, усилил армию. Однако методы проведения его реформ были крайне непопулярны в народе. Благодаря постоянной поддержке короля Вентворт стал символом устоев абсолютной монархии, и когда парламенту понадобилось пошатнуть монархию, он обрушился на Вентворта, а Карлу I ничего не оставалось, кроме как подписать смертный приговор своему верному соратнику. Через восемь лет король, в последних словах перед своей собственной казнью, сказал, что это — кара за предательство Вентворта.

^{xv} Кларендон — Эдуард Хайд, граф Кларендон (1609–1674). Лорд-канцлер Англии в 1660–1667 гг., в годы революции — один из лидеров роялистов. Автор первой истории революции (написана с роялистских позиций).

^{xvi} Туллий — Марк Туллий Цицерон.

^{xvii} Помпей — Гней Помпей Великий (106–48 до н.э.), римский полководец, входил в состав Первого Триумvirата (с Крассом и Цезарем), после его распада воевал против Цезаря, был разбит при Фарсале.

^{xviii} Переговоры на о-ве Уайт. В 1644 г. созданная Кромвелем армия нового образца начинает разбивать роялистские войска. Потерпев окончательное поражение в битве при Нэйзби 11 июня 1645 г., Карл I бежит на север и сдается в плен шотландцам. 1 февраля 1647 г. шотландцы за плату выдают Карла парламентским уполномоченным; после этого парламент пытается достичь договоренности с королем. В сентябре Кромвель начинает переговоры с

королем с целью добиться от него согласия на установление конституционной монархии. 11 ноября 1647 г. Карл бежит на остров Уайт и начинает переговоры с шотландцами. В разных частях Англии поднимаются роялистские восстания, начинается вторая гражданская война. Пресвитерианская часть парламента, стремившаяся к компромиссу, в августе 1648 г. посылает на остров Уайт делегацию для переговоров. Карлу предлагают весьма мягкие условия мира, но он затягивает переговоры, ожидая поддержки из Франции и Ирландии. В Лондоне сторонники решительных действий одерживают верх, переговоры прерываются, и в начале декабря 1648 г. Карла I переводят в замок-тюрьму Херст (Хемпшир). 6 декабря происходит изгнание из парламента пресвитериан, 23 декабря палата общин постановляет, что Карл I является главным виновником несчастий страны, и начинает готовить суд над королем.

^{XX} Петиция о праве — документ, созданный в 1628 г. в парламенте как адрес Карлу I. Явился одной из предпосылок гражданской войны. Направлен против: принудительных займов, произвольных арестов, заключения в тюрьму в противоречии с Великой хартией вольностей, своевольного нарушения прав частной собственности, отмены акта *Habeas Corpus*, принудительного размещения войск на постой, навязывания законов военного положения, освобождения чиновников от законной ответственности. Петиция проводилась сэром Эдуардом Коуком и Джоном Пимом как подтверждение правовых норм, применяемых со времен Нормандского завоевания. Из-за финансовых затруднений королю пришлось принять этот документ. Однако впоследствии он не придерживался зафиксированных в нем положений.

^{XX} Высокий Суд — часть судебной системы Англии и Уэльса, рассматривает дела важнейшего значения или с наибольшим ущербом. Управляет остальными судами Англии и Уэльса (кроме Судебной комиссии Палаты Лордов).

^{XXI} Эдуард II (1284–1327), английский король с 1307 г., из династии Плантагенетов. Был в постоянном конфликте с баронами. Во время одного из выступлений баронов, которых поддержали рыцарство и горожане (недовольные ростом налогов), был низложен и впоследствии тайно убит в заключении.

^{XXII} Ричард II (1367–1400), король Англии (1377–1399) — последний из династии Плантагенетов. Сын «Черного принца», внук короля Эдуарда III. Оказался на престоле в возрасте 10 лет после смерти Эдуарда III. Правление Ричарда II было ознаменовано деятельностью Виклифа и восстанием Уота Тайлера, в подавлении которого Ричард II принял непосредственное участие (1381). В 1397 г. он установил единоличное правление. Был крайне непопулярен среди дворянства и городских буржуа, не имел серьезной опоры в английском обществе. В 1399 г. изгнал из Англии сына Джона Гонта — крупнейшего барона Англии Генриха Болингброка, герцога Ланкастерского. В 1399 г. узнав о мятеже крупных феодалов севера во главе с Генрихом Ланкастером, Ричард II поспешил вернуться из Ирландии, но почти все его сторонники уже

перешли к герцогу Ланкастерскому. Ричарду II осталось только сдаться, что и произошло у Флинт Касла. 29 сентября 1399 г. в Лондоне он отрекся от престола в пользу Генриха Болингброка, своего двоюродного брата. После избрания новым королем Англии Генриха Ланкастера (Генрих IV), был отправлен в Тауэр и тайно умерщвлен по приказу Генриха IV (по другой версии, умер от голода).

^{xxiii} Генрих VI (1421–1471), король Англии (1422–1461, 1470–1471) — был отстранен от трона Эдуардом IV и убит как последний представитель рода Ланкастеров.

^{xxiv} Эдуард V (1470–1483?), английский король с апреля по июнь 1483 г., из династии Йорков. Отстранен своим дядей, будущим королем Ричардом III. По одной из версий, убит в Тауэре.

^{xxv} Глостер — вероятно, имеется в виду Генрих Стюарт, герцог Глостер, брат Карла II, родившийся в 1640 г. Разделил изгнание остальных Стюартов.

^{xxvi} Писистрат — афинский тиран в 560–527 гг. до н.э. Несколько раз изгонялся из Афин, но вновь возвращался с помощью военной силы. Проводил раздачу земель сельской бедноте, чеканил государственную монету, создал наемное войско, организовал общественное строительство (храмы, водопровод, гавань и др.).

^{xxvii} Катон — Катон Младший (или Утический) (95–46 гг. до н. э.). Республиканец, противник Цезаря, сторонник Гнея Помпея. После победы Цезаря в 46 г. над приверженцами Помпея покончил с собой. Стал символом поражения дела республики.

^{xxviii} Де Витт — Ян де Витт (1625–1672). Голландский государственный деятель, фактический правитель Республики Соединённых провинций (Нидерландов) в 1650–1672 гг. Выражая волю голландской купеческой олигархии, проводил курс на отстранение принцев Оранских от управления страной и на обеспечение гегемонии Голландии в республике. В войнах с Англией, Португалией, а затем с англо-франко-шведской коалицией (1672) стремился отстоять торговые и колониальные позиции Голландии. Военные неудачи, вторжение в страну французской армии в 1672 г. послужили поводом к народному восстанию, во время которого де Витт был убит.

^{xxix} Лудлоу — Эдмунд Лудлоу (1617?–1692), член английского парламента. В гражданскую войну командовал кавалерийским полком, подписал смертный приговор Карлу I. Поддерживал пуритан-республиканцев и выступал против как протектората Кромвеля, так и реставрации Стюартов. В 1660 г. бежал в Швейцарию. Когда он вернулся в Англию в 1689 г., власти выписали ордер на его арест как цареубийцы, и ему пришлось вновь отправиться в эмиграцию. Автор мемуаров.

^{xxx} Сидней — Эджернон Сидней (1622–1683), сын графа Лейстера, военный, политик и публицист, сторонник парламента. Воевал в парламентской армии, был назначен членом суда над королем, но отказался и даже открыто выступил против узурпации власти Кромвелем. После реставрации он отправился в добровольное изгнание, но затем, когда дела потребовали его возвращения, обратился к королю с просьбой о помиловании и получил разрешение вернуться в 1677 г. Спустя шесть лет после возвращения в Англию, казнен за участие в заговоре против короля.

^{xxxI} Монк — Джордж Монк, впоследствии 1-й герцог Олбемэрльский (1608–1669) — генерал и политик, сторонник Кромвеля. Умело используя военную силу, стал одним из главных деятелей, непосредственно участвовавших в восстановлении на английском престоле в 1660 г. династии Стюартов. После Реставрации пожалован герцогством.

^{xxxII} Блейк (Blake) Роберт (1599 Бриджуотер Сомерсетшир — 17. 8. 1657 около Плимута). Сподвижник Оливера Кромвеля. Во время гражданских войн 1642–1646 гг. и 1648 г. командовал отдельными кавалерийскими отрядами, действовавшими против роялистов. С 1649 г. на командных должностях во флоте. В 1650 г. разбил роялистскую эскадру при Картахене. В 1651 г. руководил захватом островов Силли и Джерси. Во время англо-голландской войны 1652–1654 гг. командовал эскадрой в проливе Ла-Манш и в Северном море, в 1654–1656 гг. — эскадрой в Средиземном море, руководил боевыми действиями на море против Испании. В апреле 1657 г. разбил испанскую эскадру при Санта-Крус (остров Тенерифе). В 1660 г., после восстановления династии Стюартов, монархисты уничтожили гробницу Блейка в Вестминстерском аббатстве и выбросили гроб с телом адмирала в Темзу. Позднее гроб был извлечен из реки и захоронен в церкви Сент-Маргарет в Лондоне.

^{xxxIII} Арджилл — Арчибальд Кэмпбелл, 8-й граф, 1-й маркиз Арджилл, (ок. 1607–1661), глава влиятельного клана Кэмпбеллов (1638). Состоял в оппозиции церковной политике английского короля Карла I (был ярким пресвитерианином и противником усиления епископата), выдал бежавшего в Шотландию монарха английскому парламенту за 400 тысяч фунтов стерлингов. Поддержал Кромвеля, однако потерял влияние в Шотландии. Пытаясь восстановить Карла II как пресвитерианского короля, короновал его в Шотландии в 1651 г. Выступил против вторжения Шотландии в Англию и был выдан Английской республике в 1652 г. Казнен за предательство в 1661 г., хотя его приговор еще не был подписан. Единственным основанием для обвинения послужили частные письма Арджилла к Монку.

*Перевод, предисловие и комментарии
П. И. Осипьянца.*

С. А. ЭКШТУТ

БЕСТУЖЕВ-ДРАГУН И РЫЖИЙ МИШКА РИСУНКИ ИЗ АЛЬБОМА П. И. ЧЕЛИЩЕВА

ОН, К МОДНЫМ ЗНАНИЯМ СТРЕМЯ ДАРЫ НАТУРЫ,
БЫЛ МАСТЕР РИСОВАТЬ ОДНИ КАРИКАТУРЫ

Тот, кто хотя бы однажды держал в руках акварельные и карандашные рисунки XIX века, никогда не забудет исходящей от них ни с чем не сравнимой магии. В фондах Государственного Литературного музея в мои руки попали фотокопии рисунков из альбома Челищева. Имя Платона Ивановича Челищева (1804–1859) хорошо известно знатокам русской дворянской культуры. Потомок древнего дворянского рода с 1823 года служил юнкером в гвардии, в марте 1825 года был пожалован прапорщиком лейб-гвардии Преображенского полка, принял участие во всех войнах николаевской эпохи — от турецкой кампании 1828–1829 гг. до обороны Севастополя 1854–1855 гг. — и закончил свою карьеру генерал-майором¹. Всю жизнь Челищев самозабвенно рисовал и в качестве модного великосветского карикатуриста оставил свой след в анналах истории старейшего полка русской императорской гвардии.

«Платон Иванович Челищев был одарен прекрасным талантом: он великолепно рисовал карикатуры. У него был большой альбом прелестно схваченных с натуры личностей всего Гвардейского корпуса, не исключая и высокопоставленных особ того времени. Личности, изображенные им в его альбоме, хотя и были писаны в карикатурных видах, но были неподражаемой и восхитительной прелести. Сходство, манеры, поза — так всё было мастерски схвачено, что каждый тотчас узнавал себя»².

---

¹ Корнилова А. В. Мир альбомного рисунка: Русская альбомная графика конца XVIII – первой половины XIX века. Л.: Искусство, 1990. С. 146.

² Колокольцев Д. Г. Лейб-гвардии Преображенский полк в воспоминаниях его старого офицера. (1831–1861) // Русская Старина. 1883. Т. 38. № 6. С. 621.

Среди персонажей, запечатленных карандашом Челищева был и Александр Сергеевич Пушкин, что автоматически обеспечило Платону Ивановичу почетное место в справочных изданиях, посвященных великому поэту³. Этот рисунок Челищева был неоднократно воспроизведен и обстоятельно изучен. Однако никому не пришло в голову заняться проблемой идентификации других персонажей, чей облик донес до нас карикатурист.

Имена двух из них не вызывают у меня ни малейшего сомнения. В 1836 г. капитан лейб-гвардии Преображенского полка Челищев, отчаявшись получить в обозримом будущем густые штаб-офицерские эполеты и чин полковника, отправился в годичную командировку на Кавказ, где шли непрерывные боевые действия с горцами. Здесь судьба свела его с «государственным преступником» декабристом Александром Бестужевым, широко известным всей читающей России под псевдонимом Марлинского. Александр Александрович Бестужев, штабс-капитан лейб-гвардии Драгунского полка и адъютант герцога Александра Виртембергского, брата императрицы Марии Фёдоровны, талантливый прозаик, популярный поэт и удачливый издатель, с 1824 года был членом Северного тайного общества. Что же заставило этого блестящего гвардейского офицера пополнить собой ряды заговорщиков? «Язык, воображение, а не сердце, — говорил он, — вовлекли меня в Общество»⁴. Однако первоначально он не принадлежал к числу ревностных северян. Видя холодность товарища к делам Северного общества, Кондратий Рылеев и князь Евгений Оболенский часто упрекали Бестужева его удачно складывавшейся карьерой в гвардии. Друзья насмешливо повторяли: «Ты отдашь всё общество за густые эполеты и флигель-адъютантский аксельбант»⁵. Но именно штабс-

---

³ А. С. Пушкин и его время в изобразительном искусстве первой половины XIX века. Всесоюзный музей А. С. Пушкина. [Авторы вступительной статьи Г. П. Балог, А. М. Мухина.] Л.: Художник РСФСР, 1985. Ил. 193 [214]; *Черейский Л. А.* Пушкин и его окружение. Л.: Наука, 1989. С. 484; *Павлова Е. В.* А. С. Пушкин в портретах. М.: Советский художник, 1989. С. 51-53.

⁴ *Боровков А. Д.* Из «Автобиографических записок» // Писатели-декабристы в воспоминаниях современников: В 2-х тт. Т. 2. М.: Худож. лит., 1980. С. 95.

⁵ Там же. С. 95-96.

капитан Бестужев 14 декабря 1825 года проявил себя как один из самых активных членов Северного общества. Вместе с братом Михаилом и князем Щепиным-Ростовским он вывел на Сенатскую площадь лейб-гвардии Московский полк. Так началось восстание декабристов. Тайное общество мало надеялось на эту гвардейскую часть, и Александр Бестужев сознательно «избрал это место как нужнейшее» (ВД. Т. I. С. 452). Риска закончить жизнь на солдатских штыках, он сумел жаром своего красноречия увлечь за собой солдат. «Говорил сильно — меня слушали жадно — и двинулись с криком: “Ура, Константин!”» (ВД. Т. I. С. 437). На Сенатской площади он построил каре москвичей и, несмотря на сильный мороз, сбросил с себя шинель с дорогим бобровым воротником, представ перед строем солдат в нарядном адъютантском мундире. Внешний вид разряженного как на бал адъютанта внушил солдатам уверенность в правоте их дела и лучше любых слов убедил в необходимости твердо стоять до конца. Когда император Николай I стал посылать к мятежникам парламентариев с предложением сдаться на милость победителя, то Бестужев «отвращал сделанные начальством предложения»⁶ и убеждал солдат не поддаваться на посулы императора. Николай I не знал, что был обязан Бестужеву жизнью. Вечером 13 декабря Александр Бестужев уговорил капитана Якубовича и отставного поручика Каховского, обещавших Рылееву совершить цареубийство, не покушаться на жизнь царя. Поэтизм не жаждал крови. Во время восстания он спас от неминуемой гибели будущего начальника штаба Гвардейского корпуса генерал-адъютанта Нейдгардта, будущего члена Следственного комитета по делу декабристов генерал-адъютанта Левашова и безымянного капитана лейб-гвардии Павловского полка.

Когда ему говорили накануне о весьма вероятном трагическом исходе восстания, Александр Бестужев возражал: гибель за отечество не может быть напрасной, она позволит, подобно снаряду, прорваться в историю (ВД. Т. XIV. С. 98, 454). Александр Бестужев был готов отказаться от успешной карьеры и даже ценой своей гибели заплатить за право попасть на страницы Истории. «О нас в

---

⁶ Декабристы: Биографический справочник. М.: Наука, 1988. С. 225.

истории страницы напишут» (ВД. Т. I. С. 70), — убеждал он колеблющихся и сомневающихся накануне восстания.

В жизненной позиции Александра Бестужева было существенно не только хорошо осознанное стремление стать, пусть даже ценой собственной жизни, исторической личностью, но и его твердая уверенность: восстание (при любом исходе!) не может быть бессмысленным и бесполезным делом. Члены тайного общества в случае поражения восстания принесут себя в жертву будущему, а такая жертва никогда не бывает напрасной: она открывает путь к славе, путь к бессмертию.

Увидев, что дело Тайного общества проиграно, штабс-капитан Бестужев добровольно явился в Зимний дворец и принес государю повинную голову. Император не только хорошо запомнил, но и посчитал нужным увековечить этот яркий эпизод для Истории. «Мучимый совестью, он прибыл прямо во дворец на комендантский подъезд, в полной форме и щеголем одетый. Взошел в тогдашнюю знаменную комнату, он снял с себя саблю и, обошед весь дворец, явился вдруг к общему удивлению всех во множестве бывших в передней комнате. Я вышел в залу и велел его позвать; он с самым скромным и приличным выражением подошел ко мне и сказал:

— Преступный Александр Бестужев приносит Вашему Величеству свою повинную голову»⁷. Штабс-капитана арестовали. Он сам скомандовал конвою «марш!» и пошел с ним в ногу. Император был поражен и пообещал мятежнику свою милость. Раскаяние Бестужева было искренним, а показания чистосердечными. «Часто я вспоминал наши храбрые дела, когда мы смело и решительно устраивали новое правление в России, сводили государей с трона, делили между собой министерства и войска, я стыдился самого себя. Мы, почти юноши, не знавшие своего отечества, хотели улучшить то, чего не ведали. Куда же девалась моя храбрость — почему же теперь только я понял свое бессилие?...»⁸. Александр Александрович Бестужев был осужден по I разряду «к смертной казни отсечением головы» и по конфирмации приговорен в каторжную работу на 20 лет,

⁷ Записки Николая I // Николай I. Муж. Отец. Император. М.: Слово, 2000. С. 68-69.

⁸ Шукин Н. С. А. Бестужев-Марлинский в Якутске // Писатели-декабристы в воспоминаниях современников: В 2-х тт. Т. 2. С. 146.

спустя полтора месяца срок был сокращен до 15 лет. Царь сдержал свое слово и избавил декабриста от каторги. После годичного заключения в крепости лишенный чинов и дворянства «государственный преступник» Александр Бестужев по особому высочайшему повелению был обращен прямо на поселение в город Якутск.

31 декабря 1827 года Бестужева доставили в Якутск. Он находился под надзором полиции, но никто не думал стеснять его свободу: Александр Александрович охотился, занимался хозяйством и много читал. В 1828 г. Пушкин так написал о царе Николае:

Его я просто полюбил:
Он бодро, честно правит нами;
Россию вдруг он оживил
Войной, надеждами, трудами⁹.

В это же время Бестужев обратился к государю с прошением направить его солдатом в действующую армию. Он надеялся, что начавшаяся война с Турцией даст ему шанс отличиться и заслужить прощение. 13 апреля 1829 года последовало высочайшее повеление: «Александра Бестужева определить рядовым в действующие полки Кавказского корпуса с тем, чтобы и в случае оказанного им отличия против неприятеля не был он представляем к повышению, но доносить только на высочайшее благовоззрение, какое именно отличие им сделано»¹⁰. Бестужев оказался в своей стихии: «солдат в душе» (как называл он себя) всегда был в бою первым и даже обосновал это правило в одном из писем. «По-моему, впереди всех есть самое безопасное место в деле, потому что, видя вблизи себя отважного неприятеля, враг или заторопится метить, или от робости не выстрелит цельно, между тем как издали он спокойно наводит... и имеет к тому досуг»¹¹. И в войне с турками, и в схватках с горцами рядовой Бестужев отличился не один, а несколько раз. Его безуспешно представляли и к награждению солдатским Георгиевским крестом, и к производству в унтер-офицеры — «высочайшее благовоззрение» на это не последовало.

---

⁹ Пушкин А. С. Друзьям // Полное собрание сочинений: В 19-ти тт. Т. 3, ч. 1. М.: Воскресенье, 1995. С. 89.

¹⁰ Русская Старина. 1881. № 12. С. 886-887.

¹¹ Левкович Я. Л. Судьба Марлинского // Звезда. 1975. № 12. С. 161.

Почти шесть лет рядовой Бестужев тянул солдатскую лямку. Лишь 4 июня 1835 года он был произведен в унтер-офицеры и отправлен «в один из Черноморских линейных батальонов, находившийся в экспедиции против горцев». Во время одной из таких экспедиций произошла встреча Челищева с Бестужевым. Откомандированный на Кавказ гвардеец изобразил Александра Александровича Бестужева в мундире, края воротника которого обшиты широким галуном — знаком унтер-офицерского достоинства его владельца. Некогда блестящий гвардеец-драгун, отпускавший и чернивший небольшие усыки, став армейским унтер-офицером, отпустил пышные большие усы, по моде зачесывал их вверх и фабрировал чёрной краской. Челищев сумел передать обворожительную доброту Бестужева, которую не удавалось отобразить другим портретистам. «Это был мужчина довольно высокого роста и плотного телосложения, брюнет, с небольшими сверкающими карими глазами и с самым приятным и добродушным выражением лица. Здесь замечу, что все гравированные его портреты, какие мне случалось видеть, нисколько на него не похожи: они изображают его каким-то суровым человеком тогда как лицо у него было самое доброе и симпатично. ...И в голосе его, и в выражении лица, и в тоне разговора было какое-то чарующее обаяние!»¹² — так написал о декабристе его современник, дважды встречавшийся с ним (в июне 1833 года и в феврале 1834 года) в Дербенте.

В день 14 декабря 1825 года Платон Челищев и его младший брат Иван, оба прапорщики лейб-гвардии Преображенского полка, остались верны императору Николаю I¹³. В этот же день среди участников восстания на Сенатской площади были члены Северного тайного общества Александр, Михаил, Николай и Пётр Бестужевы. «Нас было пять братьев, и все пятеро погибли в водовороте 14 декабря»¹⁴. Платон Иванович Челищев не мог не знать всех этих обстоятельств, но он не уклонился от встречи с «государственным

---

¹² *Костенецкий Я. И.* Из «Воспоминаний» // Писатели-декабристы в воспоминаниях современников: В 2-х тт. Т. 2. С. 162.

¹³ 14 декабря 1825 года. Воспоминания очевидцев. СПб.: Академический проект, 1999. С. 453, 741.

¹⁴ Бестужев М. А. Братья Бестужевы // Воспоминания Бестужевых. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1951. С. 51.

преступником». Были ли они знакомы по службе в гвардии? Скорее всего, да. Елена Бестужева с нескрываемой гордостью рассказывала о своих братьях-декабристах. «Когда у меня полицеймейстер 14-го декабря спрашивал, кто знакомый их, “пол-Петербурга их любит”, — отвечала я совершенно справедливо»¹⁵. Вероятно, встреча бывших сослуживцев по Гвардейскому корпусу была исключительно дружественной и сердечной. Наговорились они всласть. Впрочем, говорил, вероятно, один Александр Александрович. Под рисунком сделана ироническая подпись: «Фе-враль, враль-фе... / Par Vestoujjeff — c'est fait». Дословный перевод заключительной строчки русско-французского двустишия звучит так: «Бестужевым это сделано». *Смешенье языков французского с нижегородским* усилено каламбурной рифмой, комизм которой заключается в её звуковой омонимической точности. Не исключено, что каламбур сочинён самим Бестужевым. «Бестужев любил пускать остроты; так, перешагнув однажды порог Рылеева кабинета, он сказал: “Я переступаю Рубикон, т.е. руби, кого ни попало“»¹⁶. Первое слово каламбура позволяет предположить, что портрет декабриста появился в альбоме Челищева в феврале 1836 года. Именно в феврале унтер-офицер Бестужев принял участие в экспедиции, во время которой мог встретиться с гвардии капитаном Челищевым. Но в любом случае, эта встреча должна была состояться не позднее конца весны 1836 года, ибо 3 мая 1836 года унтер-офицер 3-го Черноморского линейного батальона Бестужев за отличие был произведен в прапорщики. Обыкновенный ход корреспонденции из России достигал трех месяцев. Однако весть об этом производстве каким-то чудом всего лишь на 19-й день достигла крепости Геленджик, где дислоцировался батальон, и прапорщик Бестужев незамедлительно был отпущен в Керчь для приобретения офицерского обмундирования¹⁷. Если судить по портрету, то Челищев встретился с Бестужевым до его производства в офицеры.

¹⁵ Рассказы Е. А. Бестужевой // Воспоминания Бестужевых. С. 410.

¹⁶ Боровков А. Д. Из «Автобиографических записок» // Писатели-декабристы в воспоминаниях современников: В 2-х тт. Т. 2. С. 96.

¹⁷ А. А. Бестужев — Н. А. и К. А. Полевым. Керчь, июня 19-го дня 1836 г. // Трудные годы. Декабристы на Кавказе. Краснодар: Краснодарское книжное издательство, 1985. С. 155.

Почему же слово «враль» применено к Александру Александровичу? В первой трети XIX века это слово означало не только лгуна и обманщика, но и говоруна, забавного пустослова, шутника, балагура. Именно в таком смысле употреблено оно в альбоме Челищева. Сошлюсь на свидетельства современников. «Красноречив и говорлив он был необыкновенно; если к [герцогу] Виртембергскому долго не шли с докладом, то он прямо говорил: “Верно Бестужев дежурит — с ним заговорились”»¹⁸. «Вист и шахматы среди всевозможной болтовни, анекдотов и рассказов (по части которых А. Бестужев был большой мастер) не прерывались; шуму и хохоту было много». «Бестужев не любил говорить о своих сочинениях, да и вообще разговоры его были большей частью шутливые и веселые, редко серьезные». «Он был очень некрасив; но франт, говорил много, красно»¹⁹.

Декабрист не терял надежды на то, что боевые отличия позволят ему вернуть утраченный офицерский чин и обрести хоть небольшие, но всё-таки права. Эта надежда оказалась иллюзорной. «Государственному преступнику» и в бытность его рядовым солдатом было разрешено публиковать написанные им художественные произведения в журналах. Однако он был вынужден делать это не под своим именем, а под псевдонимом Марлинский. (Лейб-гвардии Драгунский полк квартировал в Петергофе, а сам Александр Александрович до восстания декабристов жил в небольшом дворце Марли.) Вся просвещенная публика восторгалась романтическими повестями Александра Марлинского. «Сочинения его были “зачитаны” и “затрепаны” буквально до тряпья», — вспоминал М. И. Семевский²⁰. Популярный беллетрист получал баснословные по тем временам гонорары, но мало кто знал его настоящее имя. Известный издатель Смирдин только в 1834 г. заплатил ему десять тысяч рублей за три тома повестей и рассказов. 2400 экземпляров

¹⁸ Рассказы Е. А. Бестужевой // Воспоминания Бестужевых. С. 408.

¹⁹ Гангеблов А. С. Из «Воспоминаний декабриста»; Костенецкий Я. И. Из «Воспоминаний»; Вольховская М. В. Из воспоминаний // Писатели-декабристы в воспоминаниях современников: В 2-х тт. Т. 2. С. 150; 165; 170.

²⁰ Цит. по: Левкович Я. Л., Мушина И. Б. Писатели-декабристы в восприятии современников // Писатели-декабристы в воспоминаниях современников: В 2-х тт. Т. 1. М.: Худож. лит., 1980. С. 30.

разошлись в течение нескольких дней. Александр Марлинский занял ведущее положение в русской прозе. Современники ставили его в ряд лучших европейских писателей и ценили выше Бальзака и Пушкина. «Повести Александра Бестужева считались тогда бриллиантом нашей словесности, Мы выставляли его против Бальзака, знаменитого тогдашнего беллетриста, и радовались, что победа осталась на нашей стороне»²¹. Учитывая благоприятную конъюнктуру Александр Александрович вполне бы мог существовать за счет литературного труда. Получив вожделенный чин прапорщика, Бестужев не обрел сопряженных с ним прав. И речи не могло идти о том, чтобы отныне выпускать в свет произведения под своим собственным именем. Он не мог ни перейти в статскую службу, ни выйти в отставку. Даже хлопоты графа Воронцова ни к чему не привели и вызвали нескрываемое раздражение императора. Генерал-губернатор граф Воронцов обратился к царю с просьбой о переводе прапорщика Бестужева в Керчь «с употреблением на службу при тамошнем градоначальнике». Об этом же сам Бестужев просил графа Бенкендорфа: декабрист по-прежнему находился под «тайным и бдительным надзором» III Отделения — тайной политической полиции. 20 сентября 1836 года император Николай I наложил на докладе графа Бенкендорфа следующую резолюцию: «Мнение гр. Воронцова совершенно неосновательно; не Бестужеву с пользой заниматься словесностью; он должен служить там, где сие возможно без вреда для службы. Перевести его можно, но в другой батальон»²². Последовал перевод из одного линейного батальона в другой, из Гагр — в Кутаис. Именно с этого момента декабрист перестал надеяться на царскую милость, а его брат Михаил без обвиняков утверждал о «заметном намерении правительства вывести его в расход»²³. 7 июня 1837 года прапорщик 10-го Черноморского линейного батальона Александр Бестужев погиб в стычке с горцами на мысе Адлер. Тело его найдено не было.

---

²¹ Шукин Н. С. А. Бестужев-Марлинский в Якутске // Писатели-декабристы в воспоминаниях современников: В 2-х тт. Т. 2. С. 141.

²² Цит. по: Зильберштейн И. С. Художник-декабрист Николай Бестужев. М.: Изобразительное искусство, 1988. С. 361.

²³ Бестужев М. А. Воспоминания об А. А. Бестужеве // Воспоминания Бестужевых. С. 223.

Прошло полтора года. В последние дни уходящего 1838 года вышел из печати и стал рассылаться подписчикам первый том задуманного А. Ф. Смирдиным капитального издания «Сто русских литераторов». В книге были опубликованы три ранее неизвестных в печати произведения Александра Марлинского и воспроизведен гравированный портрет автора в бурке, которая традиционно ассоциировалась с Кавказом. Под портретом факсимиле беллетриста: «Александр Бестужев». Так была официально раскрыта тайна псевдонима «бриллианта нашей словесности». Смирдин и на сей раз не поскупился: гравюру выполнили и отпечатали в Англии. Младший брат царя разразился по этому поводу каламбуром: «Тех, кого следовало бы повесить, теперь развешивают»²⁴.

Портрет автора этого каламбура мы можем найти в альбоме Челищева. Этот рисунок считался портретом неизвестного офицера. Однако рисунок Челищева легко поддается идентификации. На нем карикатурист мастерски изобразил великого князя Михаила Павловича — младшего брата императора Николая и грозу всего Гвардейского корпуса. Гвардия была обречена испытать на себе его неумолимую строгость в соблюдении воинских форм и за глаза прозвала великого князя «рыжим Мишкой»: «Рыжий Мишка куролесит, / И по-прежнему — развод»²⁵. Челищев хорошо знал великого князя. В тот момент, когда Платон Челищев определился юнкером в лейб-гвардии Преображенский полк, Михаил Павлович уже командовал 1-й гвардейской пехотной бригадой, в состав которой входили полки Преображенский и Семеновский. В 1825 г. Челищев был произведен в прапорщики — вырос по службе и великий князь, получивший под своё начальство гвардейскую дивизию. Великий князь Михаил Павлович самозабвенно любил заниматься фрунтом и был непревзойденным знатоком «фрунтовой акробатики». Числясь высочайшим шефом лейб-гвардии Московского полка, великий князь отдал 17 декабря 1824 года приказ, отмечавший достоинства и недостатки в строевой подготовке москвитин. «В роте моего имени успеху весьма много, одеты чисто и ловко, выправка некоторых людей не оставляет желать ничего лучшего и

²⁴ Зильберштейн И. С. Художник-декабрист Николай Бестужев. С. 364.

²⁵ Русская эпиграмма (XVIII – начало XX века). Л.: Сов. писатель, 1988. С. 359.

вообще хороша: в маршировке, вынос ноги развязен, шаг плавлен и ровен, в особенности на тихом шагу, ставят ногу прекрасно и подают на оную весь корпус, но на скором шагу иные люди подают внутрь колена. В 1-й и 2-й фузилёрных ротах я нашел выправку не совсем ровную. На маршировке в первой роте качается корпус, во второй взмахивают ногою. Вообще нахожу, что не дано никаких правил»²⁶. Эта выдержка из приказа лучше любых рассуждений дает исчерпывающее представление о системе ценностей Михаила Павловича. Штабс-капитан лейб-гвардии Московского полка Михаил Бестужев накануне восстания декабристов принял под свое командование 3-ю фузилёрную роту, носившую имя августейшего шефа москвичей. Спустя без малого полвека он вспомнил о том, как проводил ротное учение в присутствии великого князя: «Взводы заходят, как графлений рапорт...»²⁷. Командуя ротой, штабс-капитан прекрасно обходился без телесных наказаний нижних чинов: «...Я с первого же дня уничтожил употребление не только шомполов, но даже палок и розог». Ни один из его подчиненных даже не был записан в штрафную книгу. Обнаружив это, великий князь едва не лишил штабс-капитана командования ротой своего имени и в конечном счете объявил Михаилу Бестужеву строгий выговор «за потворство к подчиненным»²⁸. Через несколько месяцев штабс-капитан Бестужев вывел свою роту на Сенатскую площадь. За его ротой последовал почти весь полк.

Павел Бестужев, единственный из пяти братьев, не был на Сенатской площади. Он учился в офицерском классе Артиллерийского училища, основанного великим князем Михаилом Павловичем, и готовился после экзамена поступить в гвардейскую конную артиллерию. На следующий день после восстания декабристов «великий князь Михаил во время парадного выхода обнял его, поцеловал <и> сказал:

— Для меня — ты не брат бунтовщиков. Я тебя знаю как хорошего офицера и постараюсь забыть что ты называешься Бестужевым. Это было лобызание Иуды...»²⁹.

²⁶ Цит. по: Воспоминания Бестужевых. С. 701-702.

²⁷ Рассказы М. А. Бестужева // Воспоминания Бестужевых. С. 393.

²⁸ Там же. С. 61.

²⁹ Там же. С. 57.

Павел Бестужев не был членом тайного общества, но по приказу великого князя Михаила Павловича его арестовали, около года продержали в крепости и направили на Кавказ рядовым. Вскоре после ареста юноши великий князь просил заверить мать Павла, что её сын не пострадает, а она не будет лишена последней подпоры в старости. Михаил Павлович не сдержал великокняжеское слово. Павел Бестужев пострадал за принадлежность к семье мятежников: «Бедный брат всё-таки обречен был искупить роковое имя Бестужевых»³⁰. Павла упрекали за то исключительное хладнокровие, с которым он принял несправедливое наказание и свою судьбу. Власть ждала от него слёз и унижений, но просчиталась. Один из его начальников имел бестактность сказать об этом Прасковье Михайловне Бестужевой — матери декабристов. «На это мать смело отвечала:

— Что же, вы хотите, чтобы он убивался? Никогда этого не дождётесь. А и великий князь, обманувший меня, даст ответ Богу!»³¹.

Великий князь прожил безрадостную жизнь. В его руках была сосредоточена огромная военная власть. В начале 1830-х годов он носил звания: генерал-адъютанта, генерал-фельдцейхмейстера, генерал-инспектора по инженерной части, командира Отдельного Гвардейского корпуса, главного начальника Пажеского, всех сухопутных кадетских корпусов и Дворянского полка. Он добровольно принял на себя роль пугала Петербурга — гвардейской столицы империи: Михаил Павлович был убежден, что подтягивая гвардию, он помогает своему старшему брату управлять страной. «Государь должен миловать, а я карать» — таков был девиз великого князя. Генералы, офицеры, юнкера, кадеты и солдаты неожиданную встречу с великим князем расценивали как роковое испытание. Сам он прекрасно знал об этом. Когда будущий генерал-фельдмаршал Дмитрий Алексеевич Милютин после окончания Императорской Военной академии получил чин поручика и назначение состоять при штабе Гвардейского корпуса, то великий князь сказал ему полшутя, полусерьёзно: «А, опять попал под мой утыг!»³². Милютин утверждал, что великий князь поддерживал порядок и дисциплину

---

³⁰ Там же. С. 58.

³¹ Рассказы Е. А. Бестужевой // Воспоминания Бестужевых. С. 412.

³² Воспоминания генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина. 1816–1843. М.: Студия «Тритэ», Российский Архив, 1997. С. 162.

при помощи «служебного террора». Его брак с великой княгиней Еленой Павловной, красавицей и умницей, был исключительно неудачен. Супруги беспрестанно ссорились. Рассказывают, что когда адъютант осведомился, намеривается ли его императорское высочество праздновать 25-летний юбилей своей свадьбы, то Михаил Павлович ответил: «Нет, любезный, я подожду ещё пять лет и тогда отпраздную годовщину моей тридцатилетней войны!»³³. Чего-чего, а уж остроумия великому князю было не занимать. Он был неистощим на каламбуры и остроты.

Можно предположить, когда Челищев создал свой рисунок. На шее Михаила Павловича висит большой белый крест — орден св. Георгия 2-ой степени, а Георгиевская звезда ромбовидной формы хорошо различима на левой стороне его груди: именно она надета ниже двух других звёзд, Андреевской и Владимирской. Ордена св. Георгия 2-ой степени, исключительно высокой и редкой военной награды, великий князь был удостоен в 1828 г. за взятие турецкой крепости Браилов. Великокняжеский мундир украшен генерал-адъютантским аксельбантом, а воротник — свитским шитьём. Звание генерал-адъютанта его императорского величества Михаил Павлович получил в 1831 г. за участие в усмирении польского мятежа и штурм Варшавы. Эти детали и помогают уточнить датировку рисунка. Портрет великого князя был создан Челищевым в интервале между 1831 и 1836 гг., до его командировки на Кавказ. Весь 36-й год капитан Челищев провел на Кавказе, а в декабре 1837-го вышел в отставку в чине полковника и покинул Гвардейский корпус. Карикатурист мастерски передал характерную позу августейшего командира Гвардейского корпуса. Чтобы в этом убедиться, достаточно сравнить рисунок Челищева со свидетельством современника. Вот как изобразил великого князя граф В.А. Соллогуб: «грозный, нахмуренный, с треуголкой, надвинутой на самые брови, заложив руки за спину, сердито расхаживал он между толпами гуляющих»³⁴.

³³ Долгоруков П. В. Петербургские очерки. Памфлеты эмигранта. 1860–1867. М.: Новости, 1992. С. 130.

³⁴ Цит. по: Дневник А. С. Пушкина. 1833–1835. С комментариями Б. Л. Модзалевского, В. Ф. Саводника, М. Н. Сперанского. М.: Три века, 1997. С. 337.

Карикатура прекрасно корреспондируется и с «нравственно-политическим» отчетом III Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии за 1838 год. Шеф жандармов граф Бенкендорф докладывал государю: «Его высочество, по возвращении Своем прошедшею осенью в С.-Петербург произвел в умах Гвардейского корпуса самое невыгодное впечатление чрезмерною взыскательностью и строгостию, изъявлением неудовольствия Своего в выражениях едва ли приличных, и оскорблении даже многих Генералов. — Много роптали, некоторые негодовали, и всеми овладело уныние...»³⁵.

Император Николай I надолго запомнил своих молодых «друзей 14 декабря» и сделал соответствующие выводы: он не только не спешил выдвигать молодежь, но и постоянно всё выше и выше поднимал планку возрастного и служебного ценза, необходимого для получения ответственных постов как в гвардии, так и в армии. Государь сознательно стремился к тому, чтобы искоренить тот человеческий тип, к которому принадлежали молодые и честолюбивые члены тайных политических обществ. Он достиг поставленной цели. Граф Бенкендорф в «нравственно-политическом» отчете III Отделения за 1841 год не скрывал своей озабоченности перед будущим:

«Вообще замечают, что дух войска вовсе не тот, как был за 25 и за 30 лет перед сим. В массе офицеров заметно какое-то уныние, какая-то неохота к делу. Общая страсть критиковать все меры и общая мода жаловаться на тяжесть службы, на дурное обхождение и на излишнюю строгость.

Нет прежней беспечности, веселости, удалства, сопряженных с воинским званием.

Теперь почти нет Генералов, ни в Гвардии, ни в Армии, о которых можно бы было сказать, что они обожаемы офицерами и солдатами, но при всём том тишина и порядок в войсках примерные»³⁶.

---

³⁵ ГА РФ. Ф. 109. Оп. 223. Д. 3. Л. 103 об. — 104.

³⁶ ГА РФ. Ф. 109. Оп. 223. Д. 6. Л. 152 об. — 153.

ВЗГЛЯДОМ ПРИСТРАСТНОГО ЧИТАТЕЛЯ

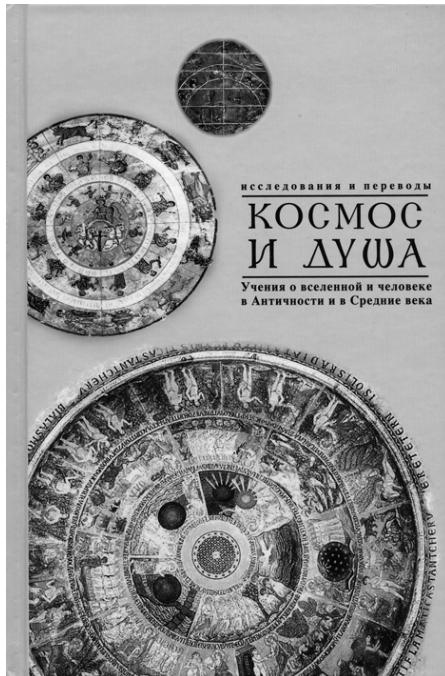
О КНИГЕ

«КОСМОС И ДУША: УЧЕНИЯ О ВСЕЛЕННОЙ И ЧЕЛОВЕКЕ
В АНТИЧНОСТИ И В СРЕДНИЕ ВЕКА»

Важным событием в научной жизни прошедшего 2005 года стал выход в издательстве «Прогресс-Традиция» книги, озаглавленной «Космос и Душа. Учения о вселенной и человеке в Античности и в Средние века» (под редакцией П. П. Гайденко и В. В. Петрова). Как следует из введения одного из ее редакторов, это издание «концептуально, тематически, а во многом и по составу участвующих авторов», продолжает книгу «Философия природы в Античности и в Средние века», вышедшую в 1999 году (с. 13).

Действительно, столь представительный по объему сборник (880 стр.) содержит не только основополагающие статьи ведущих специалистов России, занимающихся философскими проблемами истории античной и средневековой науки, но и откомментированные переводы философской классики (как в отрывках, так и полностью), что, несомненно, вносит существенный вклад в историко-философские исследования вообще.

Цель настоящей заметки — привлечь внимание читателей

к этой книге, появление которой, как представляется, уже вызвало живое обсуждение. Во всяком случае об этом свидетельствует полемика в Интернете¹ как среди гуманитариев, причисляющих себя к различным профессиональным сообществам, так и среди самых разных читателей, интересующихся проблемами, затронутыми авторским коллективом — в целом, в книге говорится об античных и раннехристианских представлениях о Космосе и месте человека в нем, о сотворении мира. Однако хотелось бы, чтобы на этом фоне появились — уже в периодических изданиях — профессиональные рецензии на эту книгу.

На наш же взгляд — взгляд заинтересованного читателя — немаловажным достоинством сборника является его структура. Так, открывая книгу² (а это первое впечатление), мы видим увязанные между собой рубрики: собственно «Космос», «Космос и Абсолют», «Космос и Душа», «Душа и Ум», «Душа и Тело». Действительно, неразрывность «макро-» и «микромира», универсального и индивидуального красной нитью проходит по многим работам настоящего сборника: человек и окружающий его мир представлены не как изолированные элементы, а как взаимодействующее целое. Такая структура гармонирует с разбираемыми в книге учениями

---

¹ Анонс книги, ее подробное содержание см. на сайте «Patriarchia.ru» по адресу <http://www.patriarchia.ru/db/text/58981.html> (ноябрь, 2005); обсуждение см. на сайте <http://users.levjournal.com> (ноябрь, 2005).

² Немаловажно и то, что книга великолепно оформлена. И здесь отметим работу художника И. Н. Граве, выполнившего дизайн обложки книги и хорошо отразившего замысел составителей. На обложке изображен Космос в представлении античных людей: для них Космос — это шаровое пространство, заключенное внутри сферы неподвижных звезд. Миром правит Солнце (это бог Гелиос, который перемещается на квадриге) и оно же олицетворяет собой Ум (Душу) мира. Гелиос-Солнце в диадеме, в левой руке у него держава. Божественные силы излучаются из центра, проходя через планеты и Зодиак в установленном и четком порядке, чтобы влиять на дела людей. На внешнем круге изображены знаки Зодиака. Под ними написаны названия месяцев, соответствующие данному знаку. Верхнее изображение, в отличие от предыдущего, олицетворяющего «день», представляет собой карту звездного неба, на которой (в зеркальном отображении) нарисован пояс Зодиака. На нижнем рисунке показан процесс творения Богом мира, как он описан в Книге Бытия. В трех концентрических кругах изображены сцены из книги Бытия, иллюстрирующие стадии творения мира и историю грехопадения.

Античности и Средневековья, не отрывавшими человека от мира, поскольку в науке того времени антропология и психология органично сочетались с космологией и физикой.

В целом, все работы книги делятся на две группы. В первую входят те, которые вводят в научный оборот новые переводы, например, текстов таких выдающихся мыслителей, как Аристотель («О памяти и припоминании») и Плотин («Против гностиков», «О природе, созерцании и едином», «О трех начальных сущностях» и «О возникновении и порядке того, что вслед за первым»). Вторую группу составляют собственно исследования, которые посвящены рассмотрению одной или многих проблем, возникающих при изучении конкретного сочинения (или корпуса сочинений) античного или средневекового автора. Некоторые из них зачастую сопровождаются переводами фрагментов античных текстов (мы назовем их «иллюстрациями»), позволяющим автору продемонстрировать читателю полученные результаты³.

Заметим, что опубликованные в сборнике переводы (за исключением малых трактатов Роберта Гроссетеста и двух сочинений неизвестных авторов круга Фомы Аквинского) снабжены вынесенной на поля нумерацией строк или же включенной в текст рубрикой абзацев, что свойственно академическим изданиям и не только позволяет найти нужное место в оригинальном тексте, но и свидетельствует о качестве помещенных в книгу переводов — ведь не секрет, что многие изданные в последнее время переводы античных и средневековых авторов не содержат привязки к изданиям оригинала.

---

³ Например, исследование С. В. Месяц «Дискуссии об эфире в Античности» (с. 63-101) содержит фрагменты из «Против пятой сущности» Ксенарха Селевкийского (с. 102-104), «Ответов на возражения Ксенарха» Александра Афродисийского (с. 105-108), а также из текста Аттика, выступавшего «Против тех, кто пытался толковать Платона через Аристотеля» (с. 109-113); за работой В. В. Петрова «О трудностях XLI Максима Исповедника» (с. 147-271) следует выполненный С. В. Месяц перевод рассмотренного в статье «Затруднения» (с. 280-288); статья А. В. Серегина «О началах I, 4, 3-5 и оригеновское понимание вечности творения» (с. 779-820) сопровождается приложением, в котором приводится искомый фрагмент (с. 821-822), и др.

Но это лишь первое впечатление. А что же можно сказать по существу об опубликованных в сборнике работах? Более подробно мы скажем о тех из них, которые вызвали наш интерес и которые оказались полезными при проведении собственных изысканий. Прежде всего, это обстоятельные исследования Т. Ю. Бородой и Ю. А. Шичалина, посвященные философии Плотина⁴ и разбору его трактатов (II. 9; III. 8 и V. 1-2), за которыми следуют сопровождаемые научными комментариями⁵ их новые переводы, о которых следует сказать особо.

Как представляется, появление перевода любого античного сочинения всегда является событием. И если текст переведен на русский язык впервые, то это как минимум «интеллектуальный прорыв». Если же сочинение переводится повторно, то читатель, как правило, начинает сравнивать новый перевод с уже существующим (или существующими), обращая внимание не столько на содержание текста, сколько на язык, методы и способы передачи переводчиком сложных понятий и терминов. Во всяком случае на фоне имеющихся переводов и переложений на русский язык трактатов Плотина⁶, а также стремительно вышедшем в 2004–2005 гг. полном собрании Платиновых «Эннеад» в основном в переводе

⁴ В целом, эти работы связаны между собой, поскольку в них исследуется платиновское понимание природы, как неразумной энергии мировой души и как совокупности пространственно-временного сущего. Рассматривается критика Платином платоновского учения о творении мира и платоновской негативной оценки видимой вселенной.

⁵ Например, комментарии Ю. А. Шичалина посвящены не только философским, но и филологическим, источниковедческим и историографическим вопросам. В частности, в примечаниях к III. 8 Ю. А. Шичалин указывает на текстуальные параллели между Платином и Платоном («Тимей», «Федр», «Парменид», «Пир»), а также Аристотелем («Никомахова этика», «Физика») и его комментаторами — Симпликием и Александром Афродисийским (с. 513-515); а его примечания к V. 1 и V. 2 содержат результаты скрупулезного анализа наиболее авторитетных комментированных переводов рассматриваемых трактатов Плотина на новоевропейские языки и разбор терминов, традиционно употребляемых в философском языке II–III вв. (е. г. *ὑπόστασις* — с. 562-563; *ἀρχικός*; — с. 561-562), с указанием на сложность их передачи на русский язык.

⁶ *Плотин. Сочинения. Плотин в русских переводах* / Сост. М. А. Солопова. СПб: Алетейя – М.: ГЛК, 1995.

Т. Г. Сидаша⁷, тексты Плотина, опубликованные в настоящем сборнике, заслуживают пристального внимания.

Читая новые переводы Платиновых текстов (впрочем, это относится ко всем переводам вообще) всегда следует помнить, что перевод это интерпретация; он никогда не может быть полностью адекватным оригинальному тексту. И здесь задача переводчика — не «отойти» от исходного текста, но подыскать для передачи порою непередаваемых терминов и понятий подходящие эквиваленты и фразеологические обороты, проявив чуткость к терминологической специфике.

В этой связи подход Ю. А. Шичалина к переводу трактатов Плотина — а их выбор не случаен и обусловлен тематикой сборника (о чем мы скажем ниже) — представляется наиболее правильным. Очевидно автор перевода ставил перед собой задачу передать Платинов текст как можно более точно, сохранив стиль и манеру письма античного мыслителя. Собственно, уже передача на русский язык Порфириевого названия трактата Плотина *Περὶ τῶν τριῶν ἀρχικῶν ὑποστάσεων* (V. 1) не может остаться без внимания⁸. Несмотря на присутствие в нем слова *ὑπόστασις*, мы читаем «О трех начальных *сущностях*»⁹. И это решение представляется обоснованным, поскольку сам Плотин, говоря о первопринципах, не употреблял подобного слова¹⁰. Принятый термин «сущность» свиде-

⁷ См.: *Плотин. Эннеады*: Первая Эннеада; Вторая Эннеада; Третья Эннеада; Четвертая Эннеада; Пятая Эннеада; Шестая Эннеада (трактаты I–V); Шестая Эннеада (трактаты VI–IX). СПб.: Изд. О. Абышко, 2004–2005.

⁸ Напомним, разрозненные тексты Плотина записал, систематизировал и озаглавил его ученик, Порфирий. См.: *Порфирий. Жизнь Плотина* 24 и 25.

⁹ Так, Т. Г. Сидаш дает не вполне корректное название трактату — «О трех изначальных Ипостасях». См. *Плотин. Эннеады. Пятая Эннеада*. С. 5. Другой вариант, предложенный Г. В. Малеванским, на наш взгляд, более удачен: «О трех первых началах, или о субстанциях». См. *Плотин. Сочинения*. С. 52.

¹⁰ У Плотина «Благо» (*τἀγαθόν*) является одним из наиболее распространенных определений для Единого (см.: *Sleeman G. H., Pollet P. Lexicon Plotinianum*. Leiden – Louvain, 1980 — s. v. *ἀγαθός*, d; см. также: *Порфирий. Hist. Philos. Fr. 15* (ap. *Cyril: Contra Iulian. I // PG 76, 549AB*); *Он же. Fr. 16* (ap. *Cyril: Contra Iulian. VIII // PG 76, 916B*); *Он же. Fr. 18* (ap. *Cyril: Contra Iulian. I // PG 76, 552BC*). Вторым определением является — «Единое» (*τὸ ἕν*) (см.

тельствует о том, что переводчик мыслит в русле Платиновской интеллектуальной традиции.

При чтении переводов Ю. А. Шичалина нельзя не обратить внимание на слог, который непосвященному читателю может показаться сумбурным. Но как было отмечено выше, переводчик пытается точно воспроизвести стиль Платиновых рассуждений — рассуждений, понятных его ученикам, образованным современникам-единомышленникам или, напротив, оппонентам, несогласным с учением Платона. Важно и то, что наряду со смысловыми и стилистическими выражениями, автор перевода уловил и ритмический рисунок исходного текста, который попытался тщательно передать на русском языке. Тексты Платина в переводе Ю. А. Шичалина соединяют в себе и понятийную точность, и, насколько это возможно, ритмическое соответствие оригиналу.

Скажем и о частностях. Так, автор перевода не пренебрегает вводными словами и фразами, что свидетельствует о точном следовании оригиналу. Например, переводчиком сохранены такие часто встречающиеся слова и фразы, как «скажем» (е. г. V. 2. 1 [v. 8]) или «так сказать» (е. г. см. V. 2. 1 [v. 2, 7]; V. 2. 2 [v. 5]), которые, как правило, опущены или, лучше сказать, не видны в ранее вышедших и хорошо знакомых отечественному читателю предыдущих изданиях русских переводов Платиновых текстов. Ю. А. Шичалину удалось передать дух рассуждений Платина, «...приходивших ему в голову и записанных собственноручно, без заботы о красоте букв на письме и без перечитывания»¹¹.

Помимо этого, в переводах Ю. А. Шичалина отчетливо просматривается традиционно воспринятый Платином сократовский метод философствования в форме диалога — однако, что очевидно, диалога с необозначенным в беседе лицом или лицами. Во всяком случае, вопросы задает сам Плотин как бы от лица невидимого собеседника — возможно, ученика или своего отверженца, или оппонента (е. г. V. 2. 1 (22); V. 2. 6 (20); V. 2. 12 (1) et cet.) — и сам же

Sleeman, Pollet — s. v. εἶς, α; см. также: *Порфирий. De Abstin.* I, 57, 3; II, 49, 1; *Он же. Hist. Philos. Fr.* 15 (ap. *Cyril: Contra Iulian.* I // PG 76, 549AB); *Он же. In Parm.* I, 3–35.

¹¹ См. *Порфирий. Жизнь Платина* 8, 13 и 14.

доходчиво на них отвечает, иногда, кратко, а иногда — неспешно и неторопливо (e. g. V. 2. 1 (25-35) et seq.), разъясняя «непосвященным» все трудности, нюансы и сложности, часто возвращаясь к рассмотренному или сказанному ранее для пояснения (V. 1. 7 [1]; V. 1. 10 [1]).

Не случаен и выбор Ю. А. Шичалиным трактатов V. 1 и V. 2. Темы «Космоса и Души» являются основными для них, хотя, как замечает исследователь, эти проблемы находят свое отражение и в других трактатах Плотина¹². Во вступительной статье Ю. А. Шичалин обращает внимание читателя на то, что Плотин в III. 2 (47), говоря о появлении мира благодаря Уму-демиургу, не прибегает к понятию души (с. 527). Соответственно, далее исследователем предпринимается попытка уяснить, когда и в каком качестве Душа появляется у Плотина, какова ее роль в управлении миром, является ли она необходимым элементом системы (с. 528-532). Попутно ставятся частные вопросы, например, является ли душа материей ума. Их решение дается посредством анализа текстов как самого Плотина, так и его предшественников — Платона и Аристотеля.

Проблема влияния Аристотеля на Плотина рассматривается и в другом исследовании Ю. А. Шичалина (с. 488-494), предваряющем перевод трактата III. 8 (30) — «О природе, созерцании и Едином». Обозначив важную роль натурфилософской концепции Аристотеля для Плотина, Ю. А. Шичалин показывает, как Плотин в своих рассуждениях, с одной стороны, отвергает его учение (с. 492), а с другой стороны, сочетает его с общеплатоническими представлениями и насколько Плотин зависит от Аристотеля (с. 489).

Вопрос как Плотин понимает «природу» ставит Т. Ю. Бородай в своем исследовании (с. 443-449), предваряющем перевод трактата «Против гностиков» (II. 9), и замечает, что у самого Плотина в теме природы усматриваются два значения: 1) природа как творческая сила, которая ответственна за возникновение и сохранение Вселенной и каждого ее существа, и 2) природа как, собственно, Вселенная (с. 443-444).

---

¹² Ю. А. Шичалин указывает на первые девять (по хронологии) трактатов Плотина (с. 519-521), которые посвящены Душе, а также на 47 (III. 2), в котором описано появление Космоса (с. 524-526).

Т. Ю. Бородай обращает внимание и на то, что Плотин, будучи платоником, в своем учении о творении и иерархии первоначал опирается на Аристотеля (что, в некотором смысле продолжает общую тему «Плотин и Аристотель», затронутую Ю. А. Шичалиным). Например, согласно Т. Ю. Бородай, влияние Аристотеля проявляется в тех местах рассуждения Плотина, где он пытается совместить утверждение о том, что Душа создала мир по доброй воле в преизбытке своего бытия и блага, с представлением о ее равнодушии к судьбам низшего мира (с. 445). В итоге Т. Ю. Бородай приходит к выводу, что в первом значении природа у Плотина (который в этом следует Аристотелю) является порождающей и организующей силой, она — действие Мировой Души. Ее место в иерархии бытия — между Душой и телесным космосом. Во втором же значении, природа у Плотина представлена в платонической традиции. Она — Космос, Небо, Вселенная, Большое существо (с. 447-448).

Важно отметить тот раздел исследования Т. Ю. Бородай, который посвящен критике положений гностиков, радикализирующих Платоновскую метафизику, представляющих ее в виде дуалистической системы и полагающих, что весь мир и всё, что в нём — безусловное зло (с. 450-451)¹³. В этой части работы Т. Ю. Бородай показывает, какие именно гностические положения Плотин опровергал и каким образом, а также насколько сам Плотин, будучи платоником, расходился с Платоном в трактовке его учения о творении. Свое рассуждение Т. Ю. Бородай завершает фразой о том, что Плотин трактат «Против гностиков» возможно рассматривать как своеобразный гимн и нашей видимой Вселенной, и самой Природе.

Еще один опубликованный в сборнике перевод выполнен С. В. Месяц. Этот текст принадлежит Аристотелю и называется

---

¹³ Укажем, что в настоящем сборнике проблеме зла в Античности, в частности у Аристотеля, посвящено специальное исследование Ж.-М. Нарбонна (Университет Лавалья, Квебек, Канада), озаглавленное «Аристотель и Зло» (с. 130-146), в полном переводе с французского языка, выполненном А. В. Пахомовой. Впервые эта работа была опубликована в 1997 г. См.: *Narbonne J.-M. Aristote et la mal // Documenti E Studi Sulla Tradizione Filosofica Medievale VIII. 1997. P. 87-103.*

«О памяти и припоминании»¹⁴. Это сочинение уже переводилось на русский язык. И, поскольку речь идет о новом переводе (с. 391) уже знакомого читателю трактата, к нему, соответственно, предъявляются другие требования как самим переводчиком, так и его читателем. Как представляется, заслуга С. В. Месяц уже состоит в том, что она (в отличие от предыдущих переводчиков) выполнила перевод по последнему критическому изданию (Д. Росс, 1955, перепеч. 1970), с учетом предложенных в нем разночтений. Точно следуя оригинальному тексту, С. В. Месяц тщательно передала все особенности Аристотелевой философской лексики в соответствии с нормами русского языка.

Во вступительной части предваряющей перевод статьи С. В. Месяц отмечает принадлежность трактата «О памяти и припоминании» к так называемым *Parva naturalia* — малым естественнонаучным произведениям, объединяющим восемь трактатов Аристотеля и примыкающим к его же «О душе». Они продолжают начатые в нем Аристотелем изыскания (с. 391). С. В. Месяц упоминает о существовании традиции изучения этих текстов, свидетельствующей о многовековом интересе к подобным работам античного философа. В частности, она говорит о появлении названия *Parva naturalia* в конце XIII в., указывая при этом на роль теолога и комментатора Аристотеля Эгидия Римского; приводит перечень трактатов, вошедших в *Parva naturalia*, в той последовательности, в которой они даны в выполненном И. Беккером издании (1831–1870); пишет о попытках и различных способах их систематизации¹⁵; выделяет спорные моменты, касающиеся как заключительного трактата цикла «О дыхании»¹⁶, так и хронологии появления всех работ,

¹⁴ Это сочинение уже неоднократно переводилось на русский язык. См. пер. О. С. Гаврюшкиной и В. Л. Ивановой, опубликованный в Вестнике Русского Христианского гуманитарного института. Вып. 1 (СПб. 1997) в разделе «Студенческие работы», или см. пер. Е. В. Алымовой, в кн.: *Аристотель. Протрептик. О чувственном восприятии. О памяти*. СПб, 2004. С. 137–151.

¹⁵ Например, как указывает С. В. Месяц, согласно анализу большинства манускриптов, число вошедших в *Parva naturalia* трактатов составляет 8, а с учетом имеющихся в латинских комментариях данных их могло быть 10 (с. 392).

¹⁶ Этот трактат, как отмечает С. В. Месяц, многие исследователи, в отличие от И. Беккера, рассматривают в качестве составной части предыдущего трактата перечня «О юности и старости, жизни и смерти, дыхании».

вошедших в *Parva naturalia*. С. В. Месяц доказывает, что все трактаты связаны между собой, представляя собой единое целое (и это соответствовало замыслу Аристотеля); их последовательность не случайна и имеет свой смысл (с. 393-394). Это, в свою очередь, позволяет С. В. Месяц обозначить место рассматриваемого текста Стагирита в числе других его натурфилософских работ (и шире — всего корпуса его сочинений).

В самом сочинении «О памяти и припоминании» С. В. Месяц выделяет две части; первая из которых посвящена рассмотрению вопроса о том, что такое память с точки зрения Аристотеля, каковы ее причины и какой части души она принадлежит; вторая — охватывает те же самые проблемы, но уже по отношению к припоминанию. На наш взгляд, важно и интересно то, что С. В. Месяц рассматривает трактат Аристотеля в двух отношениях. С одной стороны, она «помещает» его в контекст других сочинений античного философа¹⁷. С другой стороны, она позиционирует его «вне» их, привлекая к своему рассуждению и другие сочинения, как противников Стагирита — платоников (например, Олимпиодора, Дамаския, Немесия Эмесского и др.), так и его последователей и комментаторов¹⁸ (например, Фемистия) (с. 395 сл.).

В этом плане значима работа М. А. Солоповой, посвященная Фемистию и его «Комментарии к 'О душе' Аристотеля», в которой ставятся и решаются частные вопросы античной комментаторской традиции¹⁹. Изложив краткие биографические сведения о Фемии-

---

¹⁷ Например, с целью лучшего понимания концепции памяти Аристотеля, С. В. Месяц разбирает связанные с памятью и припоминанием фрагменты из III книги «О душе», а также из других трактатов цикла *Parva naturalia*.

¹⁸ Очевидно, что подобные сочинения имеют прямое отношение к текстам Аристотеля, составляя перипатетическую традицию. Однако мы рассматриваем «Комментарии» как самостоятельные произведения, поскольку они находятся в двойственном отношении к искомому тексту: во-первых, Комментарии зависят от авторитетного текста, от имени которого они говорят, во-вторых, они преобразуют и перестраивают ситуацию, внутри которой предполагается читать искомый текст.

¹⁹ В целом, то, что связано с изучением комментаторской традиции, ее проблемным полем, представляется на сегодняшний день важным и актуальным, как в связи с отсутствием основополагающих работ на эту тему, так и в связи с возрастанием интереса к собственно «Комментарии» среди специали-

стии, М. А. Солопова указывает на существование различных типов Комментариев — комментариев-парафразов и комментариев-построчных, говорит об их эволюции, выделяя ранние и более поздние, что в целом позволяет ей определить место Фемистия и его текста в комментаторской традиции его времени. Далее рассматривается структура Фемистиевого «Комментария»: его деление на смысловые части, их содержание.

Избранный М. А. Солоповой подход представляется оправданным, поскольку при изучении комментариев необходимо учитывать исторический контекст, в котором создавалось сочинение — а именно: кем и в какое время был написан текст, каким целям мог следовать его автор, для кого он его писал, что являлось традиционным в его тексте, а что «оригинальным», каковы основные, дополнительные, явные или косвенные источники автора и т. д. (с. 422-425)²⁰. Таким образом, М. А. Солопова не только знакомит читателя с Фемистием и с фрагментами его «Комментария» (кн. II, гл. 1-2), но и намечает пути его дальнейшего изучения.

Очевидно, что в упомянутых выше работах исследователями в той или иной степени затрагивается тема понимания, восприятия и интерпретации учения Аристотеля. В этой связи важное место в книге занимает открывающая сборник работа П. П. Гайденко, озаглавленная «Натурфилософия Аристотеля» (с. 17-62). Это исследование, посвященное изучению онтологических принципов античного мыслителя, основано на анализе таких его естественно-научных сочинений, как «Физика», «О небе», «О возникновении и уничтожении», «Метеорологика» (при этом первому из них П. П. Гайденко уделяет особое внимание).

Во введении автор отдает дань традиции, говоря о накопленном в зарубежной и отечественной историографии опыте в изучении философского наследия Аристотеля, отмечая вклад отечест-

---

ств разных областей знания, о чем свидетельствует состоявшаяся в Москве конференция (апрель 2006 г.): «Комментарий в культуре: история и современность».

²⁰ Например, М. А. Солопова отмечает, что Фемистий не был «профессиональным» философом, а его ученики не составляли философской аудитории, мотивируя такое заключение выбором Фемистия тех трактатов, которые характерны для начального обучения философии (с. 422 и прим. 5)

венных ученых, В. П. Зубова и И. Д. Рожанского, посвятивших свои труды натурфилософской проблематике (с. 17).

В целом, в работе П. П. Гайденко учение Аристотеля о природе представлено в самых разных аспектах: это учение о движении (с. 17-20), проблема непрерывности и теория континуума (с. 20-27), понятие бесконечного (с. 27-33), категории «место» и «пространство» (с. 33-42), категория «время» (в том числе «время» как число движения, с. 42-50), соотношение математики и физики (с. 50-53), физики и биологии (с. 53-62).

Ниже мы обратим внимание на выявленные П. П. Гайденко методы самого Стагирита, решавшего проблемы трактовки такой сложной философской категории как «движение», а также на особенности построения П. П. Гайденко собственных рассуждений о взглядах Аристотеля и изложения ею полученных выводов. Заметив вначале статьи, что для Аристотеля вопрос «что такое движение и как его определить» представлял собой большие трудности²¹, П. П. Гайденко говорит о критическом отношении Стагирита к попыткам предшественников (Платона и его последователей) дать определение движению, анализирует рассуждения Аристотеля, противопоставляя их рассуждениям платоников, отмечает недостатки концепции Аристотеля; показывает, что движение у Аристотеля тесно связано с понятием вечности (с. 18-19).

П. П. Гайденко затрагивает также и проблему соотношения у Аристотеля таких дисциплин, как математика и физика, физика и биология (с. 50-62). Речь идет о том, каким образом Аристотель обосновал математику через собственное учение о сущности. Разъяснив, почему Аристотель выделял физику как науку, предпочитая ее математике, П. П. Гайденко, реконструируя учение Аристотеля об органическом мире и анализируя систему его понятий при классификации живых существ, показывает, что с точки зрения Аристотеля имеет отношение к предмету биологии и почему эта наука тесно связана с физикой.

---

²¹ П. П. Гайденко объясняет сложившуюся ситуацию тем, что мыслитель был вынужден описывать ту проблемную ситуацию, которая существовала в науке его времени жизни и которая его неудовлетворяла (с. 18).

На протяжении всей работы П. П. Гайденко показывает, в какой степени тот или иной довод Аристотеля влиял на мысль поздней Античности, Средних веков, Нового времени (с. 19, 20-21, 25, 33, 38, 42-43, 45, 53, 56, 59, 62), что становится важным при «чтении» статьи в ином ракурсе — ракурсе последующей рецепции античного знания.

Тему изучения натурфилософских взглядов Аристотеля продолжает статья С. В. Месяц «Дискуссии об эфире в Античности» (с. 63-101), в которой имеется специальный раздел, посвященный эфирной теории античного мыслителя (с. 75-83). Говоря о традиционно приписываемой Аристотелю концепции о пятом элементе, С. В. Месяц встраивает ее в античную интеллектуальную традицию, предварительно показав, что античные авторы понимали под эфиром до Аристотеля, а что после него (с. 66-75). Далее, подробно проанализировав сочинения философа, в которых имеются сведения о пятом элементе (это трактаты «О небе», «Метеорологика», «Метафизика», диалог «О философии»), С. В. Месяц приходит к заключению, что Аристотель рассматривал эфир с точки зрения движения естественных тел. Выполнив реконструкцию учения Аристотеля о пятом элементе и вычленив из него стоическую составляющую, С. В. Месяц указывает на имеющиеся в концепции Аристотеля противоречия и трудности, которые, в свою очередь, спровоцировали последующих авторов на ее критику. Таких критиков, на основании анализа их взглядов, С. В. Месяц разделяет на три категории — платоников (с обозначением двух противоположных групп: эклектиков и борцов за чистоту платоновской доктрины); комментаторов Аристотеля (таких как Ксенарх и Александр Афродисийский) и синтезаторов предшествующего знания (в лице Прокла).

Избранный автором подход и полученные результаты исследования позволяют рассматривать статью С. В. Месяц не только в аспекте того, какими были дискуссии об эфире в Античности, но и применительно к вопросу становления, утверждения и дальнейшего развития античной комментаторской традиции; а также в историко-источниковедческой парадигме (когда, например, становится важным, в какой степени последующие авторы использовали текст Аристотеля, как он был ими изменен, являются ли их текстуальные заимст-

ования у Аристотеля явными или опосредованными и т. д.) и в плане рецепции Аристотелева знания в последующие эпохи — Средних веков и Нового времени.

В этой связи немалый интерес представляет статья В. В. Петрова, посвященная изучению концепции о теле воскресения Оригена в контексте современной ему интеллектуальной традиции (с. 577-615). Вначале автор статьи справедливо указывает на факт свободного заимствования и переименования Оригеном наиболее привлекательных и важных с его точки зрения теорий, отметив что всякое изложение взглядов Оригена является реконструкцией.

Указав на гипотетичность (без которой не обходится ни одна из научных реконструкций), В. В. Петров последовательно излагает теорию Оригена о разумной душе и ее телах (с. 578-585), выявляет ее важнейшие положения, показывая какие из них соответствуют представлениям платоников (ближайших предшественников Оригена), а какие — представлениям раннехристианских авторов, тем самым демонстрируя трансформацию античной интеллектуальной традиции.

В ракурсе изучения теории Оригена в контексте интеллектуальной традиции его времени для В. В. Петрова важны и критика ее отдельных положений (например, Мефодием Олимпийским, понимавшим эйдос не как «сущностную», а как «качественную» форму, [с. 585-586]), и соотношение Оригеновых построений о телесном эйдосе с учением о внутриматериальных эйдосах и логосах у современных ему философов и богословов — Александра Афродисийского, Плотина, Григория Нисского. Как представляется, выполненный В. В. Петровым анализ психологического учения Оригена способствует лучшему пониманию эсхатологии и психологии христианских платоников в целом.

Отметим также, что сопровождаемые статью Приложения вполне можно позиционировать и как самостоятельные статьи. В частности, в них В. В. Петров акцентирует внимание читателя не только на философских вопросах (например, понятийных), но и филологических. Так, рассматривая оригинальный фрагмент из трактата «Об устройении человека» Григория Нисского, В. В. Петров анализирует его в языковом отношении, сравнивает существующие переводы на английский и русский языки, указывает на

содержащиеся в них неточности и ошибки (с. 619-621 и прим. 123-128). Анализируя редко встречаемое у Оригена понятие «смертный эйдос» (с. 624), В. В. Петров встраивает его в соответствующую интеллектуальную традицию, что позволяет ему не только показать его использование такими разными авторами, как Еврипид, Григорий Богослов и др. (с. 624-631), но и «высветить» дополнительные смысловые оттенки самой теории Оригена.

Работа В. В. Петрова насыщена немалым количеством культурологических параллелей (например, «телесные рубцы» из рассуждения Оригена о телесном эйдосе увязываются В. В. Петровым со знаменитым рубцом на ноге Одиссея [с. 621], ранами Христа и мучеников, пострадавших за веру [с. 622-623]).

Тему изучения взглядов Оригена продолжает работа А. В. Серёгина (с. 779-820), посвященная реконструкции и анализу концепции вечности творения и существования множественности миров (эонов), которая сопровождается прежде не переводившимся на русский язык фрагментом трактата «О началах» (I, 4, 3-5 [с. 821-822]).

Вначале работы А. В. Серёгин показывает, какие представления о вечности творения мира были характерны (для платонизма и христианского теизма) во времена жизни Оригена (с. 779-780). Так, и те, и другие учили о неизменности Бога и его атрибутов, однако христианские платоники полагали, что тварный мир не совечен Богу и имеет временное начало бытия. Рассматривая отдельные фрагменты сочинения Оригена «О началах», А. В. Серёгин пишет о том, как сам Ориген мог решить столь сложную проблему, с одной стороны, отнеся представление о вечности тварного миропорядка не к актуальному творению, а к провиденциальному (т. е. к совокупности идей творения, помещаемых во второй ипостаси христианской Троицы), а с другой стороны, выдвинув собственную гипотезу хронологической последовательности существования множества миров (с. 780-781).

А. В. Серёгин акцентирует внимание на противоречивости взглядов Оригена в отношении вечности тварного миропорядка, указывая на трудности при филологической и историко-философской интерпретации Оригеновой теории (с. 780-785). Отметим гипотетичность выполненных зарубежными исследователя-

ми (такими, как Г. Карпп²², Е. De Faye, Н. Koch, А. Крузель, Л. Грубер, П. Дзамаликос) реконструкций Оригеновой идеи вечности творения и отсутствие у них единой точки зрения по этому вопросу (с. 785), А. В. Серёгин, анализируя и сравнивая их мнения, выделяет четыре подхода к рассмотрению вопроса творения, с указанием доводов, которые тот или иной исследователь принимал за первостепенные (с. 785-790). Суммируя их суждения и аргументы, А. В. Серёгин выделяет две противоположные точки зрения, существующие в настоящее время в зарубежной историографии, а именно: допущение Оригеном вечности творения (которой следует большинство ученых) и полное отрицание того, что у Оригена вообще могла быть хотя бы какая-либо теория на этот счет (ее придерживается греческий исследователь П. Дзамаликос [с. 790]). Критике и отвержению мнения П. Дзамаликоса (основанного на оспаривании аутентичности рассматриваемых фрагментов текста Оригена), А. В. Серёгин посвящает большую часть своей работы (с. 790-820), формулируя в заключении собственные выводы в отношении натурфилософских взглядов Оригена (с. 820).

Следует сказать и об избранной А. В. Серёгиным методике «прочтения» текста Оригена, позволившей ему не только реконструировать теорию Оригена о вечности творения, но прояснить ход его мысли. На основании тщательного анализа и сопоставления отдельных строк рассматриваемого фрагмента, А. В. Серёгин обозначил возможную полемику Оригена с его гипотетическими оппонентами (с. 779-784), что, в свою очередь, дало ему возможность выявить дальнейшие противоречия между христианским учением о творении мира из ничего и общей тенденцией платонического подхода к проблеме вечности мира (с. 782-783).

С одной стороны, выводы Оригена о вечности творения и множестве миров соотносятся А. В. Серёгиным со взглядами платони-

---

²² При рассмотрении концепции Г. Карппа, А. В. Серёгин упоминает работу Л. П. Карсавина «Святые отцы и учителя Церкви» (с. 785, прим. 17), указывая в библиографии дату ее переиздания (1994 г.), что, очевидно, нарушает историографическую картину изучения наследия Оригена в России. То же имеет место и на с. 787, в прим. 24, где приводится ссылка на сочинение Г. Флоровского, и на с. 791-792, в прим. 33, в котором упомянута работа В. В. Болотова.

ков, современников Оригена (с. 782), а с другой стороны, его теория помещается им в контекст поздних христианских представлений. Такое сопоставление «намечает» иные пути изучения концепции Оригена, например, в ракурсе вычленения из нее сугубо платонических элементов, что, в свою очередь, тесно связано с изучением «среднего платонизма».

Непрерывность и трансформация античной интеллектуальной традиции в Средние века является темой двух других статей сборника, посвященных анализу таких умозрительных понятий, как «Абсолют» (С. В. Месяц, «Трансформация античного понимания Абсолюта в христианском богословии IV века [с. 823-858]») и «Время» (П. П. Гайденко, «Понятие времени в Античности и в Средние века» [с. 321-390]).

Так, С. В. Месяц проводит параллель между латинским словом *absolutum* и греческим выражением *αὐτὸ καθ' αὐτό* («само по себе»), объясняя смысл последнего в греческой философии и отмечая его совпадение со смыслом понятия абсолюта в Новоевропейской философии (с. 824), и дает определение понятию абсолюта: «он должен быть отдельным от всего вообще и вне его не должно существовать ничего» (с. 826).

Анализируя диалоги Платона «Софист», «Парменид», IV книгу трактата «Государства» и отмечая взаимосвязь таких понятий как «бытие», «идея», «множество идей», их «переплетение» (*συμπλοκὴ εἰδῶν*)²³, «единое» и «благо» (с. 826-832), С. В. Месяц пишет о возможных предпосылках, которыми Платон пришел к необходимости говорить о некоем сверхсущем и от всего отдельном начале, от которого зависит всё (т. е. о Первоедином-Благе), что, как полагает С. В. Месяц, подходит под определение абсолюта. Далее, на примере детального рассмотрения двух первоначал (Ума и Единого) из триады Плотина (с. 832-837), С. В. Месяц реконструирует процесс развития этого учения, одновременно показывая насколько представления Плотина соответствовали взглядам Платона о Первоедином-Благе или отличались от них (с. 837-838),

---

²³ Такое «переплетение идей», как указывает С. В. Месяц, впоследствии превратилось в «мир идей» (*διάκοσμος τῶν εἰδῶν*), представляющий собой единое целое (с. 827).

и делает вывод о том, что у Плотина абсолют в подлинном смысле — это Единое (с. 837). Что касается логического продолжения и завершения учения об абсолютe в Античности, то с этой целью С. В. Месяц привлекает к своему рассуждению «Комментарий на ‘Парменид’ Платона» и «Начала теологии» Прокла, объясняя выбор автора не только тем, что его представления в отношении абсолюта и происхождения из него мира (с. 841-843) сформировались под влиянием Платона, Плотина и «промежуточных» авторов, но и тем, что он обобщил предшествующее знание, а также обосновал существование абсолютного единства, доказал первичность единого по отношению ко многому, его непознаваемость и сверхбытийность, его тождественность благу (с. 838-841). Таким образом, на примере анализа представлений о первоначалах у Платона, Плотина и Прокла С. В. Месяц реконструирует платоническую «доктрину» об абсолютe в Античности.

С. В. Месяц задается вопросом, соответствует ли в христианском богословии понятие Божества платоническому понятию абсолюта, и если да, то остается ли понимание абсолюта в христианстве таким же, как в античной философии, или оно претерпевает какие-то изменения. С этой целью она подробно анализирует представления греческих теологов IV в., Василия Великого и Григория Богослова о божественной сущности и отношении Бога к миру. В целом, С. В. Месяц положительно отвечает на поставленный вопрос, акцентируя внимание на трансформации платоновской триады Единое – Ум – Душа в Троицу христианского богословия.

С. В. Месяц показывает, как шел процесс трансформации философских концепций у христианских авторов, отмечая, что они, заимствуя выражения у своих предшественников, вкладывали в них иной смысл. Это прослеживается на примере Григория Богослова, заимствовавшего у Плотина или Прокла, или у какого-либо другого автора словосочетание *πάντων ἐπέκεινα* («превышающий все») и приложившего ее к Богу, который «превышает всё» (с. 845-846, 852). С. В. Месяц указывает и на другие случаи усвоения раннехристианскими авторами предшествующего знания, тем самым подчеркивая эклектизм христианской традиции. Так, Григорий Богослов, говоря о способности рассуждения и о соотношении рассудка с воображаемым, придерживался мнения Аристотеля о том,

что рассуждение без воображения невозможно (с. 847-848). То же, применительно к троической терминологии, можно сказать и о Василии Великом, разграничившим понятия «сущность» и «ипостась» (с. 853-858).

Работа П. П. Гайденко о концепциях времени построена аналогичным способом. Так, обозначив трудности и противоречия в определениях времени у ранних авторов (с. 321 и с. 323-325), П. П. Гайденко в первой части статьи анализирует наиболее значительные теории, выдвинутые Платоном, Аристотелем и Плотин²⁴. Отметив, что их доктрины оказывали постоянное влияние на последующих авторов, как языческих (е. г. Прокл [с. 341, 348]), так и христианских (е. г. Августин [с. 345]), П. П. Гайденко указывает на тот мостик, по которому классическое знание перетекло в христианский, Средневековый мир.

Аналізу средневековых концепций времени П. П. Гайденко посвящает вторую часть своего исследования (с. 353-390). Оговорив, что у авторов раннего Средневековья время получило иную интерпретацию, связанную с новым пониманием человека и его души²⁵, и отметив важную роль христианского догмата о Боговоплощении (с. 354-355), П. П. Гайденко выявляет отличия в понимании человека и его места в мире, существовавшие во взглядах последователей Платона²⁶ и у раннехристианских авторов (с. 355).

---

²⁴ П. П. Гайденко отмечает вклад античных мыслителей в создание доктрины о времени. Например, она указывает, что Платон предпринял попытку дать метафизическое обоснование понятия времени, сопоставив его с вневременной вечностью (с. 326-329) и, в целом, рассмотрел время как нечто единое (с. 322); Аристотель ввел в научный оборот понятия «непрерывности», «бесконечности», «потенциальности» (материи) и «актуальности» (формы) и разрешив парадоксы Зенона (с. 329-333) увязал время с движением, его числом (с. 335-343) и индивидуальной душой (с. 344-346); Плотин, с одной стороны, выступил с критикой Аристотелевого понятия времени как числа движения (с. 346-347), а с другой стороны, воспринял теорию Платона о взаимосвязи времени с вечностью (с. 347-349), но развил ее (с. 350-351) в свете собственных представлений о мироздании и функциях Мировой души (с. 351).

²⁵ Здесь П. П. Гайденко имеет в виду то, что время воспринималось как реальность, в рамках которой развертывался исторический процесс — «от сотворения мира и грехопадения первого человека к его спасению и воссоединению с Богом» (с. 353-354).

²⁶ П. П. Гайденко делает это на примере Плотина.

Далее П. П. Гайденко реконструирует концепции времени Августина, Боэция, Дионисия Ареопагита, его схолиастов и Максима Исповедника, Ансельма Кентерберийского, Фомы Аквинского, Иоахима Флорского, сравнивает и анализирует их положения и тем самым на большом временном интервале (V–XIII вв.) прослеживает развитие представлений о времени в христианской традиции. Отметив, что средневековые концепции вобрали в себя античное знание, пусть трансформированное²⁷ и проанализировав их, П. П. Гайденко не только вписывает такие учения в установившуюся христианскую интеллектуальную традицию, но и тщательно сопоставляет их отдельные теоретические положения со взглядами Платона, Аристотеля и Плотина, демонстрируя, 1) что именно из античного знания было воспринято в Средние века, 2) как оно трансформировалось в становлении христианской мысли, 3) как взгляды христианских авторов соотносились между собой в разное время и 4) какое влияние подобные представления оказали на авторов последующих эпох. В целом, как показывает П. П. Гайденко, эти концепции, несмотря на свою преемственность по отношению к античным теориям (с. 385), в большей степени сконцентрированы на явлениях человеческой душевной жизни (с. 355–358).

Среди средневековых учений о времени выделяется теория Иоахима Флорского о трех временах, которая основана на толковании библейских текстов (с. 385–390). Как самой теории Иоахима, так и ее автору П. П. Гайденко уделяет особое внимание. В итоге она приходит к выводу о том, что эту доктрину следует позиционировать как пантеистическую, опередившую свое время и оказавшую влияние на дальнейшее развитие европейской мысли (с. 390).

---

²⁷ Подобного рода заключения П. П. Гайденко подтверждает примерами. Так, с одной стороны, она указывает на усвоение Августином концепции Платона, что выразилось в том, что Августин рассматривал время в сопоставлении с вечностью (с. 358–359). С другой стороны, она демонстрирует новый подход Августина, отличный от античного (с. 359–360), согласно которому время противоположно вечности. П. П. Гайденко отмечает, что Августин был первым, кто мыслил время исходя из психологии человека и тем самым некоторым образом субъективизировал его (с. 355, прим. 78).

Мы уже указывали, что авторы сборника уделяют много внимания анализу различных философских понятий. В этом плане весьма показательна работа В. В. Петрова, посвященная изучению главы ХLI сочинения Максима Исповедника «О различных трудных местах у святых Дионисия и Григория»²⁸ (с. 147-271). Несмотря на то, что В. В. Петров ставит перед собой узкую цель — рассмотреть лишь одну главу указанного сочинения, он начинает исследование с общих вопросов: заглавие сочинения, его рубрикация, особенности языка²⁹. К такому «введению» примыкает и та часть работы, которую В. В. Петров посвятил разбору понятийной системы Максима (с. 152-206) и которая, на наш взгляд, представляет собой самостоятельный «терминологический словарь», необходимый при чтении работ Максима. Разбирая и разъясняя принятые Максимом термины, В. В. Петров обращает внимание на их философские корни, проводя параллели с работами античных авторов.

Немаловажно и то, что В. В. Петров подкрепляет своё толкование понятий и терминов Максима пространными цитатами из сочинений, принадлежащими как самому Максиму, так и другим авторам³⁰. Среди последних Прокл, Аммоний, Ориген и его последователи, Григорий Нисский, Григорий Назианзин, Диадок Фотикийский, Дионисий Ареопагит, Иоанн Скотт и многие другие.

Принятые В. В. Петровым аналитические методы хорошо проявляются при разъяснении встречающихся у Максима понятий,

---

²⁸ Указав на факт отсутствия в зарубежной и, соответственно, в отечественной историографии установившейся традиции именования этой работы Максима (с. 148), В. В. Петров проводит тщательный лексический и смысловой анализ принятых в различных изданиях (Ф. Олера, Ж.-П. Миня, Э. Жёно, Сакалеса, Б. Йансенса) титулов и названий подглав Максимова текста (с. 149), обращаясь при этом и к рукописной традиции (с. 149-150).

²⁹ В частности, В. В. Петров объясняет, почему не следует калькировать латинское *ambigua* (введенное в IX в. Эриугеной, переводчиком на латинский язык «Трудностей к Иоанну»), а также не следует употреблять для названия подглав греческое *ἄπορα* (с. 151).

³⁰ Цитаты или впервые переведены на русский язык, или существенно исправлены уже имеющиеся русскоязычные переводы. Приводится греческая терминология, помогающая правильно истолковать Максимов текст. Эти подборки фрагментов имеют самостоятельную ценность.

например, «неведения» (*ἀγνοια*, с. 176-177) и «введения» (*γνώσις*, с. 177-183). В представлениях Максима выделены три типа «неведения»: 1) неведение тварью сущности Бога; 2) «неведение, обретенное на уровне тропоса существования» — т. е. отвращение твари от Бога и предпочтение ею чувственных вещей; 3) сознательное неведение чувственного, слепота по отношению к миру явлений.

Опираясь на Максимовы пассажи из «Вопросоответов к Фалассию», «Гностических глав», «О трудностях XVII», В. В. Петров показывает, что первый тип «неведения» неустраним вовсе, третий тип, напротив, — положителен и спасителен, второй же может быть заменен подлинным «ведением» (*γνώσις*), т. е. ведением Бога (с. 177-183).

При рассмотрении «ведения» В. В. Петров указывает, что в отличие от связанного с разделением «неведения» «ведение» соотносится у Максима с единством. При этом различаются два типа ведения: 1) «ведение относительное» (*γνώσις σχητικῆ*), т. е. дискурсивное мышление, и 2) «ведающее знание» (*γνωστικὴ ἐπιστήμη*).

Вторую часть работы В. В. Петров посвящает анализу собственно главы XLI из «О трудностях к Иоанну». Вначале автор разъясняет, что именно комментирует Максим в главе XLI (с. 206-210), выявляет ее основные понятия, которые рассматриваются им на фоне анализа сопутствующих. Затем В. В. Петров подробно рассматривает природу описываемых в главе XLI ипостасных «делений» и «соединений» (с. 217-220). Разъяснив, как ипостасные «деления» у Максима связаны с логикой и диалектикой (с. 232-238) и каковы типы и механизм их «соединений» (с. 239-244), В. В. Петров реконструирует две возможные по Максиму парадигмы их рассмотрения (с. 244-250), сопровождая предложенные реконструкции схемами (с. 245 и 249).

Так, говоря об основной парадигме рассмотрения ипостасных делений, представленной в виде квази-логического древа оппозиций, В. В. Петров показывает при этом, что вершиной и пределом всех соединений у Максима является Бог, а человек, который неспособен соединить в себе мир, расположен в самом низу последовательности разделений, будучи лишь одним из элементов этого древа (с. 244). На упомянутую картину наслаиваются фрагменты другой парадигмы, формулируемой в терминах «краев и середин»,

которая предполагает связь разнесенных по вертикали и горизонтали «краев» через находящееся между ними «среднее» (с. 245). Такой «связкой» (*σύνδεσμος*) или «средним термином» является человек, который опосредует все противоположности.

В заключение отметим важность помещенных В. В. Петровым в статью сведений библиографического характера (с. 268-271), отражающих историографическую картину сегодняшнего дня.

Немалый интерес вызывают опубликованные в сборнике исследования, направленные на изучение средневековой интеллектуальной традиции. Первое из них, принадлежащее Т. Ю. Бородай и озаглавленное «Мир как множество» (с. 289-297), посвящено рассмотрению понимания устройства мира Фомой Аквинским и построено на анализе раздела из его «Суммы против язычников» (II, 39-46, с. 298-320).

К решению проблемы того, что означает множественность мира у Фомы Аквинского, Т. Ю. Бородай подходит, во-первых, выявляя в его рассуждении элементы воззрений Платона, Плотина и Оригена и др. (с. 290-292), поскольку, как показано в исследовании и привлекаемом фрагменте текста, именно с этими представителями античной философской мысли Аквинат полемизирует (с. 292); во-вторых, анализируя критические замечания³¹ в отношении упомянутых авторов. Подчеркнув важность вопроса о соотношении единства и множественности для Фомы, Т. Ю. Бородай показывает в каких ракурсах он рассматривает эту тему в других своих сочинениях. Т. Ю. Бородай также отмечает, что если в публикуемых в настоящем издании главах из «Суммы против язычников» основное внимание Фома уделяет обсуждению теорий, объясняющих причины многообразия сущих (гл. 45), то в «Сумме Теологии», вопрос о многообразии сущих в мире рассматривается им в основном как вопрос о природе зла, а в комментарии на книгу Боэция «О троице» проблема множественности обсуждается средневековым мыслителем в чисто логическом ключе, безотносительно к проблеме творения (с. 293).

---

³¹ Т. Ю. Бородай отмечает, что в своей критике Фома опирается на работы арабского метафизика Авиценны и «Книгу о причинах» (с. 293).

В. П. Гайденко посвящает свою работу (с. 757-761) изучению изложения неизвестными авторами учения Фомы об интеллекте и умопостижении. Титулы рассматриваемых ею сочинений таковы: «О природе слова, [рождаемого] интеллектом» и «Об интеллекте и умопостигаемом». Как указывает В. П. Гайденко, эти тексты традиционно включаются издателями и исследователями в перечень сочинений самого Фомы, несмотря на то, что аутентичность первого в настоящее время подвергается сомнению, а второе сочинение принадлежит неизвестному автору круга Фомы (с. 757). Следуя В. П. Гайденко, мы будем говорить об этих сочинениях как о текстах, принадлежащих разным авторам.

В. П. Гайденко показывает, как авторы трактатов пытались решить проблему познания через рассмотрение природы слова и почему образование слова связывается ими с описанием процесса умопостижения в целом (с. 757). В. П. Гайденко проводит связь между выполненным неизвестными авторами анализом деятельности человеческого ума (восходящему в основных чертах к учению Аристотеля об абстрагировании) и их описанием самой деятельности ума (в основе которого лежит учение Августина о единстве трех способностей человеческой души — памяти, умозрения и воли [с. 757, 759, 760]).

Выводы, сделанные В. П. Гайденко основаны на тщательном изучении и анализе мысли самого Фомы³². В своих переводах В. П. Гайденко последовательно и аккуратно проводит терминологию, введённую Аристотелем (с. 763, 771, 774-775) и воспринятую Фомой (с. 764) и его последователями, стремясь максимально избежать калькирования латинских слов и выражений.

Работы Т. Ю. Бородай и В. П. Гайденко составляют основу блока книги по проблемам Средневековой философии, к которым примыкает исследование В. В. Петрова, озаглавленное «Тело и телесность в эсхатологии Иоанна Скотта» (с. 633-702), в которой, в

---

³² Здесь мы укажем на книгу В. П. Гайденко «Онтология и теория познания» (М.: ИФ РАН, 2001), включающую в себя вступительную статью «Об исходных понятиях доктрины Фомы Аквинского» и переводы фрагментов из его «Суммы Теологии», «Суммы против язычников», «Дискуссионных вопросов о потенции», которая, на наш взгляд, составляет единое целое с работой, опубликованной в настоящем сборнике.

частности, определяется влияние учения Оригена о теле и телесности на эсхатологию Эриугены (с. 663-702). Обозначив важность Оригена для каролингских интеллектуалов, В. В. Петров показывает в какой степени Оригеновы теории повлияли на эсхатологическое учение Иоанна Скотта. При этом В. В. Петров выявляет прямую и опосредованную зависимость Иоанна Скотта от Оригена, основываясь на сопоставительном анализе различных текстов обоих авторов (с. 669-702).

Скажем и о выполненных А. М. Шишковым переводах небольших трактатов средневекового теолога и философа Роберта Гроссетеста, озаглавленных «О линиях, углах и фигурах, или О преломлениях и отражениях лучей», «О цвете», «Почему человек есть малый мир» (с. 119-127), которые предваряет небольшая статья энциклопедического характера (с. 114-118). В ней А. М. Шишков дает краткие биографические сведения о Гроссетесте, перечисляя его основные сочинения. Представляет его как оптику, математику и астронома (с. 114), предпринявшего попытку синтезировать августиновскую гносеологию³³ и пути собственного опыта наблюдения за явлениями природы (с. 116).

В хронологическом и методическом отношении несколько обособленно стоит работа В. Н. Катасонова о Джордано Бруно и его тезисе о бесконечности вселенной (с. 859-876). В ее основе лежат размышления автора, навеянные чтением переведенного на русский язык исследования Ф. А. Йейтс³⁴, а также фрагментов из трактатов самого Бруно («О причине, начале и едином», «О бесконечности, вселенной и мирах», Николая Кузанского («Об ученом незнании»), и др. работ, имеющих в русских переводах.

* * *

---

³³ А. М. Шишков разъясняет, что под августиновской гносеологией следует понимать «спекулятивное» постижение истин о первоосновах бытия посредством иллюминации интеллигибельным светом свободной от всего телесного высшей области разума (с. 116).

³⁴ Речь идет о книге Ф. А. Йейтс «Джордано Бруно и герметическая традиция» (М., 2000).

Подводя итог, можно сказать: книга «Космос и Душа» — многопланова; опубликованные в ней исследования междисциплинарны — в них рассматриваются не только те вопросы, которые составляют проблемное поле таких наук как история философии, история науки и смежных с ними специальных дисциплин, но и вопросы языкознания и филологии, интеллектуальной истории и культурологии и многих других.

Помимо основной темы — учений о космосе и душе в Античности и в Средние века — в сборнике немалое место занимают исследования проблем, связанных с реконструкцией и интерпретацией доктрин таких выдающихся мыслителей, как Аристотель, Ориген, Плотин, Максим Исповедник, Эриугена, Фома Аквинский. При этом основополагающим философским понятиям и терминам уделяется последнее влияние³⁵.

Это научное издание, в первую очередь адресованное специалистам-философам, несомненно окажется востребованным в образовательном процессе, поскольку материалы книги могут служить важным источником для общих и специальных курсов по историко-философским дисциплинам.

Поскольку книга «Космос и Душа» продолжает предыдущее издание, посвященное аналогичным проблемам, можно выразить надежду, что через несколько лет читатель возьмёт в руки новую книгу... Будем ждать...

М. С. Петрова

---

³⁵ В этой связи полезным дополнением к такому изданию мог бы оказаться их индекс.

О НОВОЙ КНИГЕ ПО АНГЛИЙСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

И. И. ШАРИФЖАНОВ. АНГЛИЙСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ В XX ВЕКЕ.
ОСНОВНЫЕ ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ТЕНДЕНЦИИ,
ШКОЛЫ И НАПРАВЛЕНИЯ.
КАЗАНЬ: ИЗДАТЕЛЬСТВО КАЗАНСКОГО УНИВЕРСИТЕТА, 2004. 240 С.

Профессор И. И. Шарифжанов — доктор исторических наук, зав. кафедрой новой и новейшей истории зарубежных стран Казанского государственного университета, основатель Казанской англоведческой школы, известен широкой научной общественности в нашей стране и за рубежом своими трудами по истории Англии, теории, методологии, философии истории, британской историографии XIX–XX вв.

Новая монография И. И. Шарифжанова стала заметным явлением в отечественной историографии как одно из немногих фундаментальных исследований эволюции английского историзма в XX столетии. Монография представляет большой интерес для тех, кто специализируется в области британской историографии и методологии истории, и для начинающих англоведов, так как в ней обобщен опыт многолетних исследований авторитетного ученого.

Историческая дистанция, отделяющая нас от XX века, почти неосвязаема, слишком непродолжительна по времени, чтобы в полной мере осознать его завершенность, как ушедшего в прошлое этапа развития исторической мысли, с присущими ему научными парадигмами, традициями и спецификой. Вполне вероятно, что историки XXI века оценят наследие британских коллег минувшего столетия более «холодно» и «отстраненно» и будут считать это своим преимуществом. У историков XX века тоже есть свои неоспоримые преимущества: они выросли в научных и экзистенциальных традициях этого века, и в силу уже этого обстоятельства знают предмет исследования изнутри, глубоко и обстоятельно.

Книга написана на рубеже двух веков и двух эпох в отечественной историографии, когда наша историческая наука, всё еще переживающая стадию трансформации, обрела определенную уверенность в своих возможностях и перспективах, вооружившись

новыми исследовательскими стратегиями и техническим арсеналом, и выработала подходы к переосмыслению наследия западной историографии. Прежде всего это касается понятия «тотальный и перманентный кризис» зарубежной историографии XX века, содержанию которого во Введении даётся неоднозначное объяснение. В частности, автор книги считает, что «традиционное представление о всё углубляющемся кризисе западной историографии в XX в., о наличии в ее развитии только одной нисходящей линии не отражает всей сложности эволюции зарубежной исторической мысли, искажает общую картину противоборства в ней различных по своей идейной направленности тенденций и направлений. Вместе с тем было бы не совсем правильно полностью исключать понятие «кризис» из анализа развития мировой исторической науки в XX столетии: оно вполне правомерно для характеристики отдельных периодов в ней, о чем совершенно определенно заявляют ее некоторые видные деятели» (с. 9). В подтверждение этой позиции приводятся убедительные высказывания известных историков — Ф. Броделя и Т. С. Хамероу.

Глава I «Британский историзм в первые десятилетия XX столетия (1900–1939)», содержащая три параграфа, посвящена анализу состояния исторической науки в Англии первого из пяти периодов выделенных автором. И. И. Шарифжанов подробно исследует ключевые проблемы в британской историографии: методологические дискуссии по вопросу о природе истории, ревизию либерально-викторианских концепций истории и формирование философской школы абсолютного историзма. Глава открывается общей характеристикой английской историографии тех лет в связи с происшедшими в стране и науке изменениями, которые обусловили очевидное «поправление» идейно-теоретических основ академической историографии первого сорокалетия XX века. Большой интерес для историков и философов представляет § 1 данной главы, в котором автор рассматривает диалектику острых методологических споров по вопросу о природе истории и ее месте в системе общественного сознания. И. И. Шарифжанов убедительно показывает, что проблема «Клио — муза или наука?» (такова первая часть названия параграфа) уже в XVIII в. волновала умы лучших английских историков — Д. Юма, У. Робертсона, Э. Гиббона и сохранила свое

значение для историков XIX в. — Т. Маколя, Г. Т. Бокля, Дж. Э. Актона. На протяжении XIX столетия, прочно ассоциирующегося с «веком историков», отношение к истории было далеко неоднозначным. В книге XIX век традиционно делится на два периода: историки первой половины столетия выработали отношение к истории как «особой форме литературного искусства» (с. 15), вторая половина ознаменовалась рождением «идеи о научном характере исторического познания, его целей и принципов» (с. 14-15), которая признавалась всеми крупными представителями британской историографии. В сжатом виде содержание этой идеи И. И. Шарифжанов раскрывает в следующем тезисе:

«Понятие истории как науки с самого начала приобретает в Англии две контрастирующие формы: одна из них находит свое выражение в учении, принятом под влиянием Л. Ранке, об истории как “чистой науке”, единственная цель которой в исследовании прошлого состоит в том, чтобы показать, “как это было в действительности”; другая — в позитивистской концепции, которая в полном соответствии с методологическими принципами естественных наук предписывала истории задачу раскрытия человеческого общества “порядка”, “симметрии” и “закона”» (с. 16).

В развитие этого положения автор книги обращается к взглядам на состояние истории в английских классических университетах знаменитого кембриджского профессора Дж. Э. Актона, выступившего с призывом к освоению опыта историописания «немецкой исторической школы» Нибура-Ранке (с. 16-17). Методологические дискуссии о природе истории получили дальнейшее развитие в трудах английских историков начала XX века, тон которым задали публикации преемника Актона — Дж. Б. Бери. Смысловая линия рассуждений Бери во многом являлась продолжением и подтверждением позиций Актона.

«Кембриджский историк, — пишет И. И. Шарифжанов, — полностью разделял позитивистскую иллюзию о возможности “последней истории”, то есть такой истории, в которой все факты о прошлом будут собраны и беспристрастно описаны. Считая, что историки должны иметь своим идеалом создание всецело истинной истории, будь то национальной или всемирной, он подчеркивал необходимость максимально полного отображе-

ния в ней жизни человека, его культуры, общественной деятельности, материальных и духовных отношений» (с. 20).

Спустя столетие эта идея по-прежнему актуальна. С рождением в 60-70-е годы XX в. глобалистики как особой отрасли социально-гуманитарного знания, задачи которой состоят в осуществлении интеграции различных наук с целью создания целостной картины мира, и в центре которой находится идея создания глобальной истории, возрождается и «старая» концепция холизма. Со времен Геродота мысль о создании единой, универсальной, всемирной, всеобщей истории, истории человечества не предавалась полному забвению, обретая новые грани на каждом витке ее эволюции, и сегодня находится в центре внимания академического сообщества историков. В этой связи проект «последней истории» Бери, изложенный в рецензируемой книге, является своего рода напоминанием профессиональным историкам о необходимости написания нового варианта всемирной истории в новой историографической ситуации. Каждое поколение историков, как мне кажется, должно оставить после себя «свою» академическую универсальную историю — итог определенного уровня развития исторической науки.

1920–1930-е годы в английской историографии, как отмечает И. И. Шарифжанов, прошли под знаком оценки тезиса Бери о научном характере исторического познания, негативное отношение к которому сформулировал Дж. М. Тревельян, горячо отстаивавший мнение об истории как «искусстве, умноженном на эрудицию» и осуждавший «немецкое» беспристрастие в науке, выразив таким образом свое сомнение в значимости «немецкой школы истории» для английской исторической науки. Саму постановку вопроса о том, где находится родина англосаксонских историков — в Англии или Германии, автор книги охарактеризовал как надуманную:

«Взгляд на историю как на искусство не является специфически английским, как и представление об истории как науке — специфически немецким. Оба они — выражение разных этапов развития западной историографии, различного понимания целей исторического исследования и возможностей их осуществления» (с. 21-22).

В § 2 «Методологическая ревизия либерально-викторианских концепций истории» освещены причины и сущность тотального

пересмотра традиционных представлений о характере и направленности всемирно-исторического процесса и развитии человечества в целом. Анализ взглядов известных британских историков — Л. Нэмира, Дж. Клепема, Дж. Бери, Г. Баттерфилда, Г. А. Л. Фишера, А. Дж. Тойнби, Ч. Омэна — не оставляет сомнений в том, что либеральные ценности и теории потерпели крах как исследовательская стратегия в осмыслении и написании политической и социально-экономической истории в национальной историографии. Вслед за автором книги можно выделить комплекс позиций, по которым осуществлялась критика вигско-либеральной концепции, безраздельно господствовавшей в английской историографии, начиная с середины XIX в., и которые стали проявлением общетеоретической переориентации британской академической науки первых десятилетий XX века. К ним относятся: непризнание идеи исторической необходимости и закономерности, общественного прогресса, единства и непрерывности человеческой истории (с. 33, 42); негативное восприятие идеи исторического прогресса, веры в поступательное развитие общества по восходящей линии (с. 35); отрицание научного характера любых концепций общественного развития, основанных на идее прогресса (с. 36); отрицание необходимости познания объективных законов и закономерностей в общественном развитии (с. 37); критика методологических теорий преемственности исторического развития и противопоставление ей теории круговорота (с. 42); неприязнь к марксизму и стремление показать его несостоятельность (с. 44); осуждение любых революционных изменений в обществе (с. 46); доказательство отсутствия в историческом развитии объективной закономерности, причинной обусловленности и зависимости, логической связи и преемственности. (с. 46).

Параграф «Формирование британской философской школы абсолютного историзма» посвящен презентации школы «критической» философии истории в Англии, представленной Ф. Г. Брэдли, М. Дж. Оукшоттом, Р. Дж. Коллингвудом. Анализируя труды этих видных британских историков и философов, И. И. Шарифжанов последовательно показал, как на основе неокантианских подходов и критического метода выстраивалась антипозитивистская интерпретация исторического прошлого в национальной историографии. Разумеется, каждая из работ, представленных в рецензируемой мо-

нографии, обладала своими достоинствами и недостатками, находившимися в поле зрения ее автора. Но вместе с тем структура параграфа не распалась на отдельные аналитические сюжеты, будучи скрепленной единой идеей — показать, что все они преследовали общую цель ведения непримиримой борьбы с позитивистским пониманием истории (с. 55) и отражали новые тенденции в западной исторической мысли, связанные с критикой позитивистского метода, с попытками «реабилитировать историю как форму знания, отличную от естественных наук и существующую независимо от них» (с. 48).

Глава II «Проблемы теории и методологии в послевоенной исторической мысли» дает всестороннее представление о состоянии британской историографии на втором этапе ее развития в XX веке: с 1945 до 1960 гг., и состоит из трех параграфов. Краткая, но ёмкая преамбула воссоздает политическую и духовную картину жизни страны, общества и академической историографии, специфика которой являлась итогом Второй мировой войны. (с. 60-61). В разделе «Основные черты теоретико-методологического развития послевоенной британской историографии» воспроизведены методологические искания английских историков — Дж. Барраклафа, Ф. М. Поуика, Дж. М. Тревельяна, А. Л. Роуза, Л. Б. Нэмира, Дж. Бейли, М. Гинзберга, Д. В. Брэгана, И. Берлина, Г. Ренира, вызванные изменениями в действительной, а не книжной истории. (с. 62). Читатели книги найдут исчерпывающую информацию о тенденциях и нюансах осмысления вопросов теории и методологии истории в трудах английских историков послевоенной поры, которые не утратили своего значения для современной историографии, в том числе и в России. Разброс мнений, позиций, подходов, характеризующий состояние британской теоретико-методологической мысли тех лет, являлся показателем богатства и интенсивности развития исторической науки как таковой. Английских историков волновали очень разные проблемы, освещение которых в рецензируемой книге позволяет понять, чем «жила» и «дышала» национальная историография в середине XX века. Остановлюсь лишь на некоторых из них. Дж. Барраклаф сконцентрировался на учении историзма, идее развития, непрерывности и объективизма, главным недостатком которых он считал тот факт, что они оставляли слишком мало мес-

та для понимания случайного и непредсказуемого, сводя человеческую историю к плавному и бесконфликтному общественному процессу (с. 62). В рассуждениях Дж. М. Тревельяна и того же Дж. Барраклафа представляет интерес их подход к оценке принципа «беспристрастия» в отношении к морально-нравственным категориям. Долгом каждого историка Тревельян считал необходимость строго и объективно осуждать «всё порочное и преступное» в истории (с. 63), с чем нельзя не согласиться. А. Л. Роуз и Л. Б. Нэмир развивали мысль о тождественности процесса исторической реконструкции и творчества писателя-романиста и поэта, подчеркивая при этом, что «воображение историка должно несусыпно следовать истине» (с. 6). В великом историке Л. Нэмир видел великого художника и отстаивал убеждение в том, что главной специальной функцией истории была психоаналитическая: «не лечить общество, а ставить диагноз — выявлять всё особенное и неповторимое, что произошло в прошлом» (с. 65).

Учение христианского историзма представлено двумя ведущими фигурами в послевоенной историографии Англии — Г. Баттерфилда и А. Тойнби, творчество которых аккумулировало новейшие тенденции исторической науки Запада. Автор книги скрупулезно и последовательно проанализировал ключевые проблемы, поднимавшиеся в трудах этих корифеев, заострив внимание на основополагающих идеях и положениях, которым сами британские историки придавали первостепенное значение. Так, у кембриджского историка Г. Баттерфилда в качестве доминирующих И. И. Шарифжанов выделил традиционную для англичан проблему негативной трактовки Французской революции, прославление идеи политической преемственности и компромисса и призыв к переосмыслению истории с религиозных позиций (с. 74-79). Очевидно, что по первой позиции автор книги не разделяет взглядов Г. Баттерфилда, трактовавшего революцию во Франции как катастрофу и развенчивавшего саму идею революции, несовместимую с гуманистическими ценностями западной цивилизации. Трудно не согласиться с И. И. Шарифжановым, когда он не приемлет прямого сравнения последствий Французской революции XVIII в. и немецкого фашизма XX в., но упрек в адрес Г. Баттерфилда о непризнании им каких-либо «созидательных последствий революционных

изменений в обществе» (с. 74), думается, нуждается в более развернутом обосновании. Вторая позиция, демонстрирующая провиденциалистский подход Г. Баттерфилда к историческому процессу, рассмотрена в монографии в контексте теоретико-методологических воззрений британского историка. Убедительно показаны отрицательное отношение Г. Баттерфилда к идее прогресса в истории и неудачная попытка неоднозначно оценить марксистскую историческую теорию. Ряд высказываний Баттерфилда созвучен современным представлениям о роли и значении марксистской интерпретации исторического прошлого. В частности, весьма актуальным представляется его наблюдение о дегуманизации истории, преувеличении роли экономических факторов и классовой борьбы, игнорировании значения непредсказуемости человеческих действий (с. 76-77). Вместе с тем, автор книги аргументировано доказывает, что «объективизм» Баттерфилда, его предостережение от политизации и идеологизации истории органично вплетались в систему его консервативных исторических взглядов, по сути ранкеанских, с традиционными для них призывами к изучению прошлого «ради него самого и вне связи с современностью» (с. 78-79).

В монографии дана сжатая и емкая характеристика исторических взглядов выдающегося британского историка XX века А. Тойнби (с. 79-84). Автор создал яркий и запоминающийся образ Тойнби — историка-энциклопедиста, одного из виднейших христианских мыслителей ушедшего столетия. Чётко выделены ведущие идеи исторического наследия английского историка: всемирный характер человеческой истории, особая роль Запада в объединении судеб человечества, приоритет религиозной истории; показана их тесная связь и, в конечном счете, обусловленность исторического развития религиозным фактором — «подчинение экономической и политической истории первенству религиозной истории» (с. 80).

Предметом специального рассмотрения стала британская школа «критической» философии истории, видными представителями которой были П. Гардинер, М. Оукшотт, К. Поппер, Б. Рассел, У. Уолш. Само название этой школы — «критическая» — возникло и применяется в основном в западной исторической науке, поэтому пояснение автора книги представляется весьма уместным.

И. И. Шарифжанов уточняет, что школа «критической» философии истории «...занимается специфически гносеологическими проблемами исторического познания, т. е. теми проблемами, которые в классической философии истории XVIII–XIX вв. ...оставались в тени» (с. 84). Объединяющей платформой исторических исследований представителей этой школы стал антипозитивизм. С этих методологических позиций К. Поппер выступил с критикой марксизма, «обвинив» Маркса, названного им «плохим пророком», в стремлении открыть объективные законы в истории и на их основе предвидеть дальнейший ход общественного развития (с. 85). Причина «неудачи» Маркса, по мнению британского философа истории, крылась в «нищете историзма», т. е. бесплодности всех научных предвидений в истории (с. 66).

Концептуальные положения трудов двух крупных английских мыслителей — П. Гардинера и У. Уолша изложены в монографии в сравнительной характеристике; обозначены общие позиции и выделены специфические особенности их понимания природы исторического знания и развития исторического процесса.

«Оба исходили из идеи об автономии истории как формы знания... оба отвергали получившее распространение на Западе, неопозитивистское учение о логике исторического объяснения через “охватывающий закон”» (с. 87).

Вместе с тем, П. Гардинер предложил свою концепцию исторического объяснения через «мотив», т. е. через раскрытие целей, намерений, желаний, мыслей, надежд людей, которые и являлись истинными причинами в объяснении событий прошлого, следовательно, через субъективный фактор, значение которого признаётся большинством современных историков. В свою очередь У. Уолш настаивал на первостепенной роли «господствовавших идей» определенного исторического времени для создания объективной картины прошлого.

Глава III ««Новые» и «старые» пути в британской историографии» охватывает 60–80-е годы XX столетия. Это самая объемная глава в монографии, состоящая из пяти параграфов, в которых автор анализирует следующие проблемы: неолиберальные концепции исторического процесса; основные концепции социоисторизма в Англии; история как «великая школа скептицизма»; концепция «нена-

учной» истории; поиски методологического консенсуса в истории.

Судя по содержанию преамбулы, автор книги придает особое значение 1960–1980-м гг. в истории британской исторической науки. Он отмечает, что этот период характеризуется «заметным повышением интереса к проблемам исторической теории и исторического метода», «прошло то время, когда эмпиризм, “нелюбовь” к теории составляли статью особой гордости британской профессиональной исторической науки» (с. 92); подчеркивается, что «60–70 гг. обозначили важный рубеж идейно-методологической эволюции английской историографии в XX в.» (с. 96); здесь же формулируется цель исследования: «...рассмотреть на материале двух десятилетий основные тенденции и направления во взглядах британских историков на природу исторического познания и исторического развития» (с. 96). И. И. Шарифжанов блестяще реконструировал сложный и противоречивый этап в истории исторической науки Англии, насыщенный движением за обновление теоретико-методологической базы научных исследований, борьбой «старых» и «новых» путей в британской историографии. В этом процессе лидерство принадлежало видным английским историкам — Дж. Барраклафу, И. Берлину, А. Коббэну, А. Марвику, Дж. Пламу, Х. Тревор-Роперу, Дж. Элтону. В бои за «новую» историю на Британских островах одним из первых включился Э. Карр. Автор монографии подчеркивает, что отличительной особенностью лекций и публикаций Э. Карра была выраженная критическая заостренность, обусловленная стремлением «к коренному переосмыслению господствовавших в послевоенной западной историографии тенденций как в истолковании содержания и направленности общественного развития, так и в понимании природы исторического познания, задач и целей исторической науки, ее методов и исходных принципов» (с. 98). В философско-исторической концепции Э. Карра И. И. Шарифжанов выделяет несколько смыслополагающих тезисов: об активной, творческой роли субъекта в процессе познания, значении интерпретации исторических фактов, социальной обусловленности исторического познания, развенчивании фактографической ограниченности традиционной западной историографии, либеральном характере теории общественного прогресса. Читатели книги с интересом отнесутся и к определению сущности истории в понима-

нии Э. Карра: история — это «непрерывный процесс взаимодействия между историком и его фактами, нескончаемый диалог между настоящим и прошлым» (с. 101). Так об истории будут писать и говорить в нашей историографии много позднее 1960-х годов.

В центре внимания Дж. Плама находилась идея общественного прогресса, тотальная утрата веры в который свидетельствовала о кризисе западного историзма. Детально анализируя исторические взгляды Дж. Плама, И. И. Шарифжанов показал опасность подобного заблуждения для профессиональных историков и напомнил о дилемме, стоявшей перед зарубежными коллегами в 60-е гг.: «идти к нигилизму и дезинтеграции, увеличению бессмысленных исследований или принять идею прогресса как “синтезирующую идею человеческой истории”, как “организующий тезис в исторических исследованиях и обучении”» (с. 108). Хочется верить, что исторический оптимизм, присущий Дж. Пламу, укоренится в сознании историков нынешнего поколения и поможет сохранить веру в историческую перспективу развития человечества по восходящей линии.

Второй параграф этой главы посвящен возникновению в британской историографии концепций социоисторизма как результата поиска «новых путей» развития исторической науки на базе широкой методологической координации, кооперации и интеграции истории и ряда смежных социальных наук, прежде всего социологии. В монографии четко сформулированы основные положения программы сторонников социоисторизма в Англии, среди которых названы видные британские историки — Дж. Барраклаф, Э. Карр, А. Коббэн, Э. Эванс-Притчард, К. Томас, Э. Бриггс, П. Коэн, Н. Бирнбаум, Р. Дэвис, С. Поллард, П. Ласлетт и др. Они таковы: расширение предмета исторической науки путем выхода в новые сферы общественной жизни, устранение примата политической истории; преодоление односторонней ориентации историка на познание единичного и неповторимого в общественном развитии, перемещение центра тяжести в сторону «генерализирующей» историографии; широкое внедрение в историю системных и структурно-аналитических методов исследования; перевод исторической науки на базу современной, в том числе вычислительной техники; превращение истории в социальную науку как по предмету, так и методам (с. 116).

В параграфе 3 рассмотрены аргументы противников «новых путей» в английской историографии, так называемых «традиционалистов», возглавляемых Дж. Элтоном. И. И. Шарифжанов наглядно продемонстрировал, на каких позициях они стояли сами и в чем обвиняли сторонников теоретико-методологического обновления академической историографии: в «сциентистском редуктивизме», склонности к «интеллектуальному радикализму», преувеличении «детерминистских и прогрессистских» аспектов общественного развития, восприятии «марксистского влияния» (с. 146).

Дж. Элтон представлен в монографии как противник нарушения принципа «автономии» истории, методологической мутации традиционной академической историографии, применения математико-статистических методов в исследовании истории, использования социологических теорий и социологических понятий в истории (с. 147-148).

По своему содержанию материал параграфа 4 является логическим продолжением предыдущего и, как представляется, мог бы органично стать его частью, ибо здесь исследуются труды И. Берлина и близких к нему по духу британских историков, которые продолжали настойчиво отстаивать традиционные подходы, «старые пути» в интерпретации исторического прошлого. В подтверждение обратимся к цели, которую преследовал И. Берлин в своих работах: «очистить» историческое сознание от «позитивистского» теоретического наследия: идей объективной закономерности, общественного прогресса, единства естественнонаучного и исторического знания (с. 164). Действительно, теоретико-методологические основания исторической продукции И. Берлина не отличались принципиальной новизной и базировались на двух источниках — дильтеевской герменевтике и неокантианской методологии истории (с. 166).

Заключительный параграф главы III посвящен А. Марвику — стороннику методологического консенсуса в истории, «третьего» пути, который стремится примирить различные точки зрения. И. И. Шарифжанов справедливо заключает, «что данная позиция неизбежно вела Марвика к методологическому синтезу в истории, к наиболее приемлемому сочетанию разнородных и порой трудно совместимых теоретических принципов и воззрений» (с. 171). По сравнению с представителями противоборствующих лагерей в англ-

лийской исторической науке А. Марвик занимал более взвешенную позицию, полагая, что цели собственно исторического исследования могут быть достигнуты только путем сочетания новых подходов, выдвигаемых социальными науками, с традиционными методами изучения прошлого в западной историографии (с. 173).

Глава IV «Методологические концепции и направления в английской историографии конца XX века» хронологически завершает изучение эволюции исторической науки на Британских островах в минувшем столетии и посвящена последним его двум десятилетиям. В трех ее параграфах освещаются проблема историко-методологического синтеза, вызов постмодернизма и современная философия истории.

И. И. Шарифжанов констатирует, что большинство английских историков (Л. Стоун, Э. Хобсбаум, Ф. Абрамс), отмечавших как свершившийся факт «возвращение нарратива», признавали, что «новая научная история» не оправдала тех надежд, которые на нее возлагались 20 лет назад (с. 178). Одним из проявлений возвращения к традиционной форме представления исторического материала в 1980–1990-е гг. стала деятельность школы культурной истории, возглавляемой К. Томасом и П. Берком (с. 181), в трудах которых затрагивался широкий круг вопросов культуры Англии и истории повседневности. В этот период социальная история стала признанной дисциплиной в британской историографии и главным двигателем междисциплинарной методологии (с. 187).

В книге отмечаются проявления постструктурализма и постмодернистского вызова в английской исторической науке, а также различные направления, разрабатывавшие оригинальные концепции синтеза «старых» и «новых» путей в истории. Автор книги справедливо полагает, что именно они являются наиболее перспективными, поскольку опираются на поддержку самых широких и весьма влиятельных кругов британского академического сообщества. Вместе с тем подчеркивается, что «постмодернизм, бросивший вызов всей академической науке, не оказал значительного влияния на британскую историографию, более того, был подвергнут в ней острой и конструктивной критике» (с. 227).

Характеризуя отношение британской школы философии истории к острым методологическим дискуссиям, автор книги показал,

что она в последней трети XX века занимала достаточно отстраненную позицию и демонстрировала приверженность старым теоретическим постулатам начала века (с. 204). Вероятно, это и послужило причиной относительного равнодушия британского академического сообщества к формально-логическим объяснительным моделям истории, с которыми выступили представители школы философии истории — И. Берлин, П. Гардинер, М. Оукшотт, У. Уолш, У. Гэлли.

Пятая глава монографии посвящена характеристике состояния марксистской школы исторических исследований в XX столетии. И. И. Шарифжанов выделяет два этапа ее эволюции: 20–50-е гг. и 60–90-е гг. На первом этапе марксистские идеи получили широкое признание в среде молодых британских интеллектуалов; второй этап стал временем освобождения от большевистского наследия и возникновения новых веяний в марксистском подходе к историческим исследованиям. Автор книги подчеркивает, что крупные британские историки-марксисты — Кр. Хилл, Э. Хобсбаум, Э. П. Томпсон, Дж. Рюде, Р. Хилтон — «получили полный академический статус в университетах страны» (с. 211). В двух параграфах данной главы — «В плену у радикальных догм» и «Поиски новых приоритетов» — всесторонне исследован процесс трансформации марксистской парадигмы истории на английской почве и показаны ее достоинства и недостатки.

Книга проф. И. И. Шарифжанова великолепно издана, снабжена именным указателем, включающим более двухсот персоналий, написана в лучших академических традициях и занимает достойное место в ряду фундаментальных исследований по английской историографии в отечественной исторической науке.

Т. А. Сидорова

РЕЦЕНЗИИ НА КНИГИ СЕМЕНА ЭКШТУТА

- 1) «НАДИН, ИЛИ РОМАН ВЕЛИКОСВЕТСКОЙ ДАМЫ ГЛАЗАМИ ТАЙНОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПОЛИЦИИ: ПО НЕИЗДАННЫМ МАТЕРИАЛАМ СЕКРЕТНОГО АРХИВА III ОТДЕЛЕНИЯ СОБСТВЕННОЙ ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА КАНЦЕЛЯРИИ». М.: СОГЛАСИЕ, 2001. 228 С., ил.
- 2) «ТЮТЧЕВ. ТАЙНЫЙ СОВЕТНИК И КАМЕРГЕР». М.: ПРОГРЕСС-ТРАДИЦИЯ., 2003. 320 С., ил.
- 3) «БИТВЫ ЗА ХРАМ МНЕМОЗИНЫ: ОЧЕРКИ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ИСТОРИИ». СПБ.: АЛЕТЕЙЯ, 2003. 320 С., ил. (СЕРИЯ «ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ В ТЕКСТАХ И ИССЛЕДОВАНИЯХ»)
- 4) «АЛЕКСАНДР I. ЕГО СПОДВИЖНИКИ. ДЕКАБРИСТЫ: В ПОИСКЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ АЛЬТЕРНАТИВЫ». СПБ.: ЛОГОС, 2004. С. 280 С., ил.
- 5) «ШАЙКА ПЕРЕДВИЖНИКОВ: ИСТОРИЯ ОДНОГО ТВОРЧЕСКОГО СОЮЗА». М.: БЕЛЫЙ ГОРОД, 2005. 464 С. ил.

Названия книг и статей являются особым и весьма трудным жанром. В них надо и отразить суть произведения, и заинтриговать читателя, и не погрешить против литературной формы, и добавить «изюминку». Названия книг Семена Аркадьевича Экштута отличаются четкостью, сразу определяя героя (или героев) книги: «Надин, или Роман великосветской дамы глазами тайной политической полиции», «Тютчев. Тайный советник и камергер», «Александр I. Его сподвижники. Декабристы», «Шайка передвижников». Увидев на полке книгу с таким названием, читатель, скорее всего, решит, что это — биографии. Жанр, в отличие от автобиографий, сегодня не самый популярный. Тем не менее, если читатель все же снимет любую из этих книг с полки (а он, скорее всего, это сделает, так как оформление их обложек и формат выполнены таким образом, что книга сама просится в руки), то в первую очередь он будет захвачен иллюстрациями. Если в «Тютчеве» и «Надин» это небольшое число достаточно редких портретов, то в «Александре I» — 170 редчайших иллюстраций, составляющих альбом-приложение к тексту, в котором предстает зрительный образ всей Александровской эпохи. Од-

нако, только углубившись в текст, осознаешь, что традиционное понятие биографического жанра к этим книгам неприменимо.

И тут начнется либо приятие этих «биографических странностей», либо их отвержение как нечто не совпадающее с ожидаемым. Возьмем, например, «Тютчева». Наверное, любителей поэзии Тютчева будет раздражать отсутствие в книге анализа его творчества — как можно писать о поэте, не говоря о его стихах и вынося на первый план проблемы его карьерных устремлений и денежных затруднений?! Но автор, отдавая дань поэтическому таланту Тютчева, сразу предупреждает читателя: «В этой книге я буду очень мало говорить о стихах Тютчева и очень много — о том «соре», из которого они выросли». Кто-то, возможно, решит, что это — очередная попытка «купить» читателя на смакование личных проблем и любовных историй выдающейся личности. Но нет, перед нами вполне серьезная, хотя и легко написанная книга, в которой автор стремился привлечь все возможные известия о своем герое и в этом совершенно преуспел. Зачем же он собрал «сор», и чем этот «сор» интересен?

Речь идет о тех житейских мелочах социальной жизни, которые часто упускает литературовед, и которые значимы для историка. С. Экштут погружает читателя в обыденные проблемы эпохи, дает возможность их прочувствовать и оценить. Как, в каком размере и в какой валюте выплачивалось жалованье дипломатам, как подавались просьбы и ходатайства о получении следующих чинов, и какие в этой ситуации имел перспективы Тютчев, что в чиновничьем производстве расценивалось как «монаршая милость», а что — как награда за службу, в каком возрасте было «прилично» иметь тот или иной чин, а в каком — нет — все эти и многие другие вещи, хорошо понятные и чрезвычайно значимые для дворянства той эпохи вообще и для Тютчева в частности, уже потеряли смысл и значение для современного читателя, живущего в другой эпохе. Автор, работающий в лотмановской культурной традиции, раскрывает их для нас и наполняет прежним смыслом.

С. Экштут пишет о человеке талантливом и незаурядном, которого современники называли «парадоксальным», который в глазах правительства, как Пушкин и другие первостепенные российские поэты, был рядовым подданным, значимость которого определялась не стихами, а чином. И жил Тютчев обычной, вполне типичной для

людей своего времени жизнью. Это дает возможность автору через обыденные стороны его жизни раскрыть и показать скрытые механизмы ежедневной борьбы за достойное выживание российского подданного того времени.

Поэту повезло родиться в достаточно богатой дворянской семье. Тем не менее, ему все время приходилось бороться за благополучие, покой и достаток, необходимые для нормальной жизни. Тютчев, как и другие дворяне, исполнял свои служебные обязанности не за плату, а из «чести», как «сын Отечества». Получив должность в дипломатическом ведомстве и работая за границей, Тютчев «почти *шесть лет*... ни копейки не получал из государственной казны и его содержали родители». Но и по прошествии этих шести лет размер жалованья был таков, что ему приходилось обращаться к родителям и постоянно искать приработок в виде «курьерской дачи», т. е. сопровождения дипломатической почты. «Курьерам» выплачивали на руки такие большие «подорожные» суммы, что от них большую часть можно было оставить на собственные нужды. А эти «нужды» у дворян были немалые — положение обязывало. И «...к началу 1830 г. долги Тютчева и его семьи составили 12 000 рублей ассигнациями, что примерно в четыре с половиной раза превосходило его должностное денежное содержание за год». «Это типично российская история», — справедливо отмечает автор, приводя множество других примеров того, как государство не считало нужным выплачивать жалование чиновникам государственной службы, и они задыхались от долгов. Даже не очень проницательный читатель задумается, а на что же содержали себя и свои семьи те, кто не имел крепостных? И как они относились к своей работе, если ничего за нее не получали? Каждый решал эти проблемы, как мог, автор же показывает, как бился над ними поэт и тайный советник Федор Тютчев.

В истории Тютчева речь не идет том, как в России оплачивался труд поэта, — стихи не предназначались им для того, чтобы поправить финансовое положение. Федор Иванович «не принимал никакого участия ни в издании собственных произведений, ни в их последующей судьбе». В книге «Битвы за храм Мнемозины» С. Экштут рассказывает о борьбе (и победе) А. С. Пушкина (также поэта, истерзанного долгами) за признание литературного творчества опла-

чиваемым трудом. Тютчева же эта проблема совершенно не волновала. Поэзия служила ему спасительным убежищем, в котором можно скрыться от служебных и семейных проблем.

Однако есть риск создать у читателя ложное представление о том, что в книге о Тютчеве обсуждается исключительно экономическая сторона жизни поэта, его служебные обязанности и карьера. Отнюдь! Автор показывает, что поэту было на них глубоко наплевать, хотя «проза жизни» не давала ему этой возможности, приводя в раздражение и уныние. «Если бы я не был так нищ, с каким [наслаждением] я тут же швырнул бы им в лицо содержание, которое они мне выплачивают, и открыто порвал бы с этим скопищем кретиннов...», — писал Тютчев.

В книге подробно раскрывается история двух браков Тютчева, его сердечных увлечений и дружеских связей. Именно через отношения с близкими людьми для читателя начинает вырисовываться характер поэта. Пожалуй, ни одно из воспоминаний о Тютчеве не осталось без внимания автора, и мы начинаем видеть Федора Ивановича разными глазами его современников: его жен, дочерей, приятелей, друзей, врагов и посторонних лиц. Но не менее часто автор предоставляет слово и самому Тютчеву, цитируя его письма. В них — и личные переживания, и восприятие важнейших исторических событий его времени. Так, через множество проблем социального, материального, культурного, психологического, частного и личного характера, отраженных в книге, возникает полная драматизма жизнь поэта. Но сверх того, через биографию Тютчева читателю предоставляется возможность лучше понять Россию, несмотря на неверие самого Федора Ивановича в принципиальную возможность это сделать.

Что же касается поэтического творчества Федора Ивановича, то его знатокам и любителям следует порекомендовать обратиться к другой книге С. Экштута «Надин, или Роман великосветской дамы глазами тайной политической полиции». В любовном романе госпожи Акинфовой (Надин) Тютчев принимал лишь пассивное участие в качестве ее хорошего знакомого, но, тем не менее, судьба этой женщины, как и ее очарование, нашли отзвук в сердце поэта. Детальное исследование событий, произошедших с Надин, помогло С. Экштуту выявить в творчестве Тютчева так называемый «акинфиевский

цикл» стихотворений, среди которых в одних он раскрывает их ускользавший смысл, в других — определяет авторство поэта.

Знания, присущие историку социальности, помогают глубже понять не только литературные произведения, но и произведения живописи. Блестящий тому пример — анализ картины Н. Н. Ге «Екатерина II у гроба императрицы Елизаветы». Здесь использован тот же прием, а именно — детальное, вплоть до самых незаметных мелочей знание обстоятельств, изображенных на картине, которое дает возможность раскрыть необыкновенно интересный замысел художника, оставшийся непонятным именно из-за того, что неподготовленный зритель их не знает. Картина мудрого Ге нуждалась в расшифровке ее скрытых смыслов, оказавшейся непосильной не только рядовому зрителю, но и искусствоведам, которые сочли ее творческой неудачей художника и отправили в запасники музея. Альтернативные возможности исторического развития постоянно находятся в фокусе внимания работ С. Экштута (см. «В поиске исторической альтернативы», «Александр I», «Битвы за храм Мнемозины» и др.). Поэтому полотно Ге, на котором запечатлен момент смены лиц на Российском престоле, когда «еще ничего не решено», когда ход событий может принять разное направление, не случайно привлек его внимание.

Книга С. Экштута «Шайка передвижников», как и книга о Тютчеве, если судить о ней только по названию, может создать поверхностное впечатление о том, что ее место в ряду искусствоведческих или биографических трудов о передвижниках. На самом деле главным объектом в книге является именно «шайка», или своеобразный социальный институт, выросший на российской почве в благодатный пореформенный период. История «передвижников» в ней и современна, и драматична, и поучительна, хотя автор не делает ни малейших сравнений с современностью и не склонен ни к драматизму, ни к поучительности. Главное — что эта, казалось бы, хрестоматийная, история русских классиков живописи XIX века чрезвычайно увлекательна: интрига в ней разворачивается и держит читателя в напряжении до самой последней страницы, как хороший роман, хотя в наших руках серьезное историческое исследование.

Герои книги — российские художники, люди чрезвычайно низкого социального статуса, сделали успешную попытку переменить

«правила игры», сложившиеся на поле российских изящных искусств. В них господствовала Императорская Академия Художеств (структурно являвшаяся частью Императорского двора), которая имела возможность жить по собственным правилам, считаться только со своими вкусами, и, не интересуясь мнением общества, создавать «высокое» искусство. В свою очередь, общество мало интересовало живопись, производившаяся в стенах Академии. Потребности же общества в произведениях живописи выполняли либо хорошо оплачиваемые иностранные мастера, либо крепостные художники. Из массы учеников Академии лишь единицы, получившие медали, имели шанс найти денежные заказы. Остальные художники-академисты устраивались, как могли, и в основном бедствовали.

Академия поначалу не могла и представить себе того, что ее положение может быть поколеблено, когда какие-то незрелые ученики демонстративно покинули ее стены и объявили ей войну. С. Экштут шаг за шагом раскрывает все фазы этой затяжной войны, переводя читателя из одного воюющего стана в другой. Академики в его изображении не предстают консервативными монстрами: «Совет Академии состоял отнюдь не из чиновных бездарностей, а из первоклассных мастеров, каждый из которых немало сделал достойного на своем веку и искренне был озабочен судьбой русского искусства». Но академическая профессура мыслила перемены путем установления новых конкурсных правил и экзаменационных требований. Юные художники-академисты, в свою очередь, хотели избавления от всяческих правил, желали, чтобы лучшего из них определял успех у публики, а не академический Совет. У каждой из сторон, как показывает автор, была своя правда: «Академисты и их профессора жили в одно время, но существовали в разных регистрах. Конкурсанты хотели в своих будущих работах ответить на насущные вопросы, здесь и сейчас вставшие перед обществом. Их интересовало малое время истории. Профессора, абстрагируясь от животрепещущих проблем современности, мыслили иными временными категориями: они были озабочены проблемой создания «большого стиля» в монументальном искусстве и, хотя не были чужды творческих исканий, реализм считали делом преходящим. Они жили большим временем истории, ибо прекрасно понимали, что монументальное искусство создается десятилетиями и переживает свое время и своих твор-

цов...». Конфликт поколений, конфликт между учениками и учителями, закончился тем, что из Академии с громким скандалом ушли лучшие ученики.

Так возникло столь редкое в России явление, как желание людей создать организацию, существующую без государственной опеки и поддержки. Частный сюжет конфликта в Академии под пером автора начинает осмысливаться как макро-проблема российского общества. Артель, созданная художниками, покинувшими стены Академии, во главе с И. Крамским, — первый подобный опыт формирования самостоятельной творческой организации, действующей исключительно на самообеспечении, на основе собственного устава и поддерживающей с государством лишь «деловые» отношения (т. е. выполнение государственных заказов наряду с частными). Через пять лет существования Артель «доказала свою жизнеспособность в качестве независимой от государственного диктата творческой организации», стала мощной и зажиточной, хотя и находящейся под подозрением у полиции. Еще более успешным оказалось создание на базе Артели Товарищества передвижных художественных выставок. Художники, вступившие в общество, писали картины на те сюжеты, которые сами хотели, сами устраивали выставки, сами продавали свой труд. Успех первой передвижной выставки основательно пошатнул академическую монополию: «Профессора Академии пережили настоящий шок. Они увидели, что русская публика в состоянии приобретать произведения искусства не в единичных экземплярах, а в товарных количествах. В одночасье рухнула система ценностей, на формирование которой ушло целое столетие. Профессора, почитавшие себя если не богами Олимпа, то жрецами высокого искусства, ощутили себя просто чиновниками. Их относительно неплохое жалованье не шло ни в какое сравнение с тем, что могла заплатить публика».

Члены Товарищества оказались независимыми и не были обязаны своим успехом ни власти, ни меценатам. Неожиданно в храме искусств, которыми управляло государство, поддерживавшее свой просветительский имидж, главную роль стала играть публика. Успеху авантюрного предприятия передвижников способствовало множество благоприятных обстоятельств: удалось обойти бюрократические ловушки при регистрации общества, в годы экономического

подъема деньги легко тратились на ставшую модной покупку картин, общество возглавили призванные к тому лидеры. В Товариществе находили приют и второстепенные художники, они работали на общее дело, в котором каждый был важен.

Дневники, письма, воспоминания, газетные и журнальные статьи предоставили автору книги богатейший материал для того, чтобы провести «плотное» описание всего периода существования этой удивительно успешной «шайки». Важными для понимания деятельности передвижников оказываются и такие стороны дела, как условия продажи картин, организация страховки, способы упаковки и перевозки произведений, продажа билетов и цены на выставках, аренда помещений, и проч. Не менее значимыми являются и вопросы управления организацией, членство в ней, отчетность, положения ее Устава. Автор показывает отличия Товарищества от других коммерческих обществ, действовавших в то же время.

Перед читателем раскрываются сложные отношения внутри Товарищества, включившего в себя творческие индивидуальности с разным социальным происхождением и взглядами на жизнь. Неоднозначными были и взгляды передвижников на Академию Художеств. Но война между Товариществом и Академией, тем не менее, не прекращалась ни на минуту. Ее анализу отводится главное место в книге. В первую очередь соперничество проявлялось в привлечении на свою сторону молодежи. Автор показывает и закулисные игры, и открытую борьбу за новые таланты, которые часто находились в сомнении, что им важнее — солидность академических медалей и званий вкупе с возможностью заграничных вояжей за государственный счет, или свобода творчества, экономическая самостоятельность и популярность в публике, заслуженная передвижными выставками. Автор раскрывает весь спектр методов бюрократической войны с обеих сторон: тут и запреты на «контакты с неприятелем», и финансовое давление, в том числе борьба за выставочные площади, и создание альтернативных привлекательных структур, призванных переманить молодежь, и вмешательство с целью давления высшей властью обличенных персон, и статьи в прессе, и цензурные рестрикции, и обвинения в неблагонадежности, и просто личные оскорбления.

Почему эти широкомасштабные склоки более чем вековой давности заслуживают того, чтобы быть воссозданными и запечатленными в книге? Потому, что за двумя враждующими группами художников стояли две иные мощные силы — государство и общество. *«Впервые в истории Российской империи власть вступила в диалог и вела продолжительные переговоры с представителями негосударственной организации»*, — подчеркивает С. Экштут, фактически определяя здесь главную тему книги. Действительно, диалоговые отношения между обществом и государством в России не были принятыми: обычно государство указывало, присваивало и репрессировало, в самом крайнем случае — выслушивало мнение; общество же — унижалось перед государством или бунтовало против него. Этот диалог получил небывалую дотоле тональность еще и потому, что, как доказывает автор, общество смогло к рассматриваемому времени выработать и новое отношение к одной из важных функций власти: *«Постепенно в среде русских художников получила распространение и прижилась мысль, давно уже укоренившаяся в писательской среде: человеку, сознательно посвятившему свою жизнь «свободным искусствам», стыдно просить власть о денежном вспоможении или любом ином поощрении своих трудов»*.

Выступление передвижников против Академии Художеств фактически явилось выступлением против монополии Российского государства на художественное творчество, зародившейся в XVIII столетии — веке Просвещенного абсолютизма. *«Просвещение»* (т. е. искусство, культура, образование и наука) финансировалось, развивалось, благодетельствовало и оценивалось исключительно государством. Недаром Екатерину II так раздражала фантастически активная просветительская деятельность частного лица — Н. И. Новикова. В реальной действительности эта монополия в области «просвещения» оборачивалась созданием незыблемых канонов, строгих аттестаций и касты привилегированных экспертов, создававших замкнутую структуру. И хотя культуру в принципе монополизировать невозможно, всех, кто развивал ее за рамками государственных структур и правил, ожидала нелегкая жизнь. К указанному времени, показывает С. Экштут, *«гражданское общество накопило необходимые денежные средства и смогло позволить себе вывести, хотя бы частично, культуру из-под опеки государства»*.

Поэтому читатель, понимающий главную интригу описываемой коллизии, с нетерпением ожидает развязки сюжета. Кто же победит? Если смотреть с точки зрения войны Академии и Товарищества, то «в бою» одновременно погибли обе воюющие стороны, ибо государство использовало здесь «военную хитрость». Александр III благоволил передвижникам и попробовал их «канонизировать» и поставить на место явно устаревших академистов. Если до этого руководство Товарищества не шло ни на какие сделки с властью и не принимало от нее самых лестных и выгодных предложений, то предложение войти в Совет Академии с тем, чтобы реформировать ее, они приняли. Это были уже не бунтующие мальчики, а маститые, «забронзовелые» мастера кисти, видевшие себя мэтрами, которые могут и должны установить диктат своих вкусов и мнений в мире искусств. Особенно это требовалось, на их взгляд, сделать потому, что уже подросло новое поколение художников, не признававших идеалы передвижников и вырабатывавших собственные взгляды на искусство. Пожизненное же членство в Совете обеспечивало художникам почетную и спокойную старость. Если смотреть с точки зрения отношений государства и общества, то в этой «войне» выигрыш общества очевиден — оно отведало вкус участия в формировании современной культуры, который уже никогда не могло забыть. Но более всех выиграло русское искусство, поскольку оказалось, благодаря сложившейся ситуации, в центре особого внимания.

Книг такого уровня, написанных не в качестве спешного отчета по гранту, а с удовольствием, с глубокими мыслями и детальным знанием эпохи, ее культуры, ее текстов, ее людей, с легкостью и простотой изложения, с введением новых фактов и идей, и, наконец, с необычным изяществом художественного оформления, сегодня встретишь не часто. Работать так — очень трудно. Поэтому, любители российского прошлого, ищите и читайте книги С.А. Экштута, и вы об этом не пожалеете.

О. Е. Кошелева

УНИВЕРСИТЕТ ВО ВРЕМЕНИ И ВРЕМЯ УНИВЕРСИТЕТОВ

РЕЦ. НА КНИГУ: ВИШЛЕНКОВА Е. А., МАЛЫШЕВА С. Ю.,
САЛЬНИКОВА А. А. TERRA UNIVERSITATIS: ДВА ВЕКА
УНИВЕРСИТЕТСКОЙ КУЛЬТУРЫ В КАЗАНИ.
КАЗАНЬ: КГУ, 2005. 500 С.

Университетское образование существует в Европе свыше 900 лет, а в России — около 300. Университет является одним из долговечных и плодотворных созданий человеческого разума. Он сыграл выдающуюся роль в развитии европейской цивилизации, в становлении современной науки во всем мире. Значение университетов непрерывно растет, несмотря на неоднократные попытки объявить их устаревшими, прекратить их существование или превратить в обычный тип высших учебных заведений.

В России возникла и сложилась самостоятельная университетская система, роль и место которой в жизни российского общества еще не получили всестороннего освещения. А без понимания этого невозможно ни реформирование университетов, ни приведение их деятельности в соответствие с требованиями современности.

Осознать специфическую роль университета в современной жизни, в развитии крупных городов — мегаполисов, где в один узел сплелись социально-политические, экономические, психологические и нравственные проблемы, помогает крупный проект историков Казанского университета «Terra Universitatis: Два века университетской культуры в Казани», реализованный профессорами Е. А. Вишленковой, С. Ю. Малышевой и А. А. Сальниковой. Его замысел, структура и содержание отразили глубокое воздействие на интеллектуальную среду России современных тенденций в социальном знании: идей «постмодернизма», методов исторической антропологии с историей ментальностей и историей повседневности, а также исторической культурологии и интеллектуальной истории, гендерной и новой локальной истории.

Читая этот нетрадиционный для отечественной историографии труд, я постоянно вспоминал слова известного итальянского ученого Карло Гинцбурга об исследовательском опыте М. Бахтина:

«Избитый или слащавый образ народной культуры, которая и составляет цель наших исследований, весьма отличается от его жизнерадостного облика в фундаментальной книге Бахтина о Рабле и народной культуре его времени. Кажется, что Гаргантюа и Пантагрюэль, о которых никто из крестьян никогда не читал, дают для понимания крестьянской культуры гораздо больше, чем «Пастырский календарь», имевший, вероятно, широкое хождение во французской деревне. В центре культуры, изображенной Бахтиным, находится карнавал: миф и обычай сливаются в прославление плодородия и изобилия, шутовское смешение всех ценностей и сложившихся иерархических представлений, почти космическое значение разрушительного и возрождающего бега времени»¹.

Подобные чувства невольно испытываешь при чтении данного фундаментального труда. Только его создатели воздают культ не плодородию и земле, а человеку и его творческому гению: студентам и преподавателям Казанского университета.

Работа необычна как по структуре, так и по содержанию. Вместо привычных в таком случае разделов о государственной политике, о подготовке профессорско-преподавательских кадров, научной и методической работе мы читаем названия глав: «Университетское пространство», «Университетская корпорация», «Культура отношений университетских людей», «Качество жизни университетского человека», «Университетский стиль жизни», «Университет в ритуалах, символах и мифах».

Определяя цель своего труда, авторы пишут, что к 200-летнему юбилею *alma mater* им хотелось написать повествование об университетском человеке: рассказать каким он был и есть, как и кем ощущал себя в учебных аудиториях и на улицах города, в пределах собственного дома и на отдыхе, сколько получал за свой труд и на что тратил, как складывались его отношения с представителями власти, с коллегами, со студентами и служащими, с супругой(ом) и детьми. Они стремились поведать об университетских ритуалах, символах, легендах и мифах (С. 6).

Надо сказать, что в основном авторам удалось реализовать поставленные задачи. Их исследование продемонстрировало прошлое Казанского университета прежде всего как историю индивидов —

---

¹ Современные методы преподавания новой и новейшей истории. М., 1996. С.43

студентов и преподавателей этого учебного заведения, раскрыло их жизненный путь, смену социальных ролей и стереотипов поведения. С другой стороны, работа показывает внутреннюю самоорганизацию и функционирование университетской среды, многообразие человеческих характеров, форм их общения, формальных и неформальных объединений, конфликты и плодотворные диалоги различных корпораций и ассоциаций, выявляет их соотношение между собой и связи с окружающим социумом.

Книга основана на богатейшем круге источников, найденных в государственных архивах и частных коллекциях. Она базируется на опубликованных и неизданных мемуарах, а также материалах анкетирования преподавателей и бывших студентов КГУ. Дополнительную ценность и эстетичность придают книге визуальные источники: фотографии, репродукции, карикатуры, архитектурные планы, проекты и др. Фоторяд материалов, удачно подобранный и рассыпанный по тексту, не только конкретизирует время, эпоху, людей, но создает легкий флер восприятия минувшего времени.

Описывая университетское пространство, авторы прослеживают рост его учебных корпусов, лабораторий, анатомического театра, астрономической обсерватории, криогенного корпуса, зданий для библиотеки. Причем воссоздается не только внешний облик, но и интерьер помещений, в которых жили университетские люди, в которых проходила деятельность тех или иных ректоров, и которые, несомненно, воздействовали на корпоративную идентичность преподавателей и студентов. Авторы приходят к выводу, что «согласно университетской просветительской идее верховной власти, университет предназначался не столько для того, чтобы обучать россиян, сколько для того, чтобы учить их мыслить по-европейски. И Казанский университетский ансамбль вполне отразил это назначение — он стал наиболее полным и последовательным архитектурным воплощением идеи университета как оплота европейской цивилизации в России» (С. 15).

Полагаю, что в условиях современной острой дискуссии о том, по какому пути развиваться российским университетам (европейскому или специфическому — советскому), этот вывод исследователей звучит весьма актуально и должен быть учтен разработчиками образовательных реформ.

«Господа Профессора» и «Господа Студенты», а также «родственники университета» (его служители) — основные действующие

лица разворачивающего на страницах книги повествования. Раскрывая их социальный статус и непростые взаимоотношения, авторы напоминают, что уже в начале XIX века студент-кандидат, соответствующий современному выпускнику с отличием, получал 12-й чин (губернский секретарь) и, тем самым, становился дворянином. Защитив магистерскую диссертацию, почти равную нынешней кандидатской, человек обретал 9-й чин — титулярного советника, а получив степень доктора наук, он автоматически становился коллежским ассесором в 8-м чине и получал права потомственного дворянина. Отсюда исследователи делают вполне логичный вывод, что наряду с бюрократической и военной лестницей в Российской империи была создана еще одна лестница социального восхождения — научная. Университет давал шанс даже самым бедным людям подняться, изменить траекторию своей судьбы (С. 88).

Страницы книги насыщены портретами всемирно известных и мало кому знакомых профессоров и студентов. Авторы явно интересовало не их международное признание, а тот культурный тип «учителя» и «ученика», который доминировал в университете в разные периоды его жизни. Вчитываясь в главы, разделы и параграфы данного исследования, читатель оказывается буквально вовлечен в перипетии отношений между университетскими людьми, он начинает переживать ситуации двухсотлетней давности как удивительно современные и живые. На страницах книги университетская автономия и демократия предстают отнюдь не простыми явлениями, за которые надо бороться с верховной властью. Протоколы университетских советов и другая делопроизводственная документация из богатого университетского архива Казани дают массу свидетельств тому, как непросто демократия давалась и дается университету, что в ее развитии есть времена торжества и есть периоды глубоких кризисов, что у нее есть и герои, но есть и многочисленные жертвы. И, тем не менее, университету она жизненно нужна, как нужна и дистанция по отношению к политике.

Взращенная десятилетиями и исповедуемая университетской корпорацией оппозиционность к государственной власти стала особенно опасной в XX веке. В 1922 г. были арестованы и высланы из страны два организатора казенной «профессорской забастовки» — профессор Г. Я. Трошин и И. Я. Стратонов. А в 1930–1940-е

годы оппозиционность была выкорчевана из университетской среды посредством массовых репрессий. По мнению авторов, закреплению моделей лояльного поведения содействовали специально проводившиеся в стенах КГУ карательные мероприятия и одновременно складывавшиеся советские ритуалы.

Метод культурной антропологии был использован исследователями при анализе источников с точки зрения извлечения из них информации о качестве жизни университетского человека. Они отмечают, что ответить на этот вопрос однозначно достаточно сложно. Преподаватели всегда получали жалование по официальным «штатам» (в XIX веке прилагаемым к университетским уставам или, как в советское время, спускаемым «сверху»), но при этом многие имели дополнительные доходы от работы «вне университета», о чем предпочитали умалчивать. И это часто сбивает с толку исследователей. Но даже данные из официальных источников (например о том, что в начале XIX века ординарный профессор получал жалование в 2 тыс. рублей в год, экстраординарный (равный современному доценту) — 1,5 тыс. рублей, адъюнкт (условно — современный старший преподаватель) — 800, магистр (нынешний ассистент) — 400, студент-кандидат (аналог аспиранта) — 300 рублей (С. 236) не находятся у нас в широком ходу. А еще здесь можно найти расценки на товары первой необходимости, данные об инфляции, цены на потребительские услуги и т. д. В этом смысле данное издание содержит богатый справочный материал.

Итак, были ли университетские люди Казани «достаточными», как говорили в XIX веке? На основе анализа широкого круга источников исследователи показали, что «плавающим» было само понятие «достаточный» или «обеспеченный». Оно менялось во времени, оно было разным для представителей гуманитарных специальностей и медицины, оно зависело от положения человека в иерархии учебных степеней, а еще больше от его потребностей и образа жизни. Но были, разумеется, и периоды «всеобщего обнищания». Например, в связи с низкими ставками жалования в провинциальных университетах и высокой инфляцией, съедавшей доходы, ректор Казанского императорского университета Н. И. Лобачевский жаловался министру С. С. Уварову на крайнюю нищету университетских семей.

Ну, а студенты всегда считались народом «бедным», хотя, в зависимости от сословного происхождения и убеждений (!), уровень этой бедности был тоже разный. Читатель книги узнает, что жизнь университетских людей (как впрочем, и других россиян) была плохо защищена от случайностей: эпидемий, стихийных бедствий, войн, революций.

В книге подробно описывается положение преподавателей и студентов в Советское время, особенно в годы Великой Отечественной войны, когда рабочий день на «рытье окопов» составлял 16-17 часов даже при сорокаградусном морозе. Все военные годы студенты и преподаватели университета (включая профессоров Л. М. Митропольского, Б. А. Арбузова, М. В. Маркова, ректора К. П. Ситникова) занимались выгрузкой дров на железнодорожном вокзале и на пристани (С. 290-291).

Следует заметить, что авторами тонко и достоверно описана социальная жизнь Казани. Читатель узнает много интересного о жизни провинциального города. Исследователи показывают изменения в разных временных срезах: XIX век — от устава к уставу, в которых определялась новая норма жалования, начало XX, период революционных потрясений, «эпоха катастроф» 1920-х гг., 1930-е — «когда жизнь стала веселее..?»; о суровой жизни университетских людей в условиях военного тыла, об их заботах в 1950–1960-е годы, когда из-за отсутствия продуктов в регионах «мясные поезда» растекались из Москвы во всех направлениях обширной страны.

Бесспорный интерес представляет попытка авторов осмыслить специфику университетского стиля жизни — вопрос важный и почти не затронутый в исследовательской литературе. Он потребовал привлечения широкого круга мемуарных документов, в том числе создания «устной истории» Казанского университета и проведения широкого анкетирования. В результате авторы воссоздали такие специфические для университетской среды феномены как: «профессорский дом», «университетские дачи», рождественская елка, студенческий бал в Дворянском собрании, народные гуляния, научные кружки, «целинные» и строительные отряды, «колхозы», студенческие свадьбы и др.

Заключительная глава книги посвящена ритуалам, символам и мифам. Ритуалы создают у людей чувство общности. В них ис-

пользуются предписанные жесты, облачение в соответствующие одеяния, произнесение словесных формул, декламация стихов, исполнение песен и т. д.

«Университетская культура, — по словам авторов, — образует плотную «паутину значений и смыслов», которые передаются из поколения в поколение многочисленными каналами связи. Среди них есть официальные каналы — учебные и научные ритуалы и символы, письменная история, и соответствующие этому речевые практики, а есть неофициальные, но не менее действенные каналы связи поколений — фольклор, мифы, сказания, предрассудки, сленг, жаргон, граффити. В ритуалах, символах и мифах университетские люди не только выражали себя и сохраняли свое корпоративное единство, но и утверждали среди современников высокую ценность образования и культуры. Университет выделялся очагом мудрости, светочем вселенной, а просвещение — действенным средством преобразования общества» (С. 496).

Благодаря этому разделу, из университетской культуры Казани теперь уже никогда не уйдут символические знаки корпоративности. Они будут сохранены, как минимум, на страницах книги и в памяти людей, ее прочитавших, а может быть, это даст им вторую жизнь в повседневности университетского сообщества.

Конечно, авторов могут упрекнуть в том, что они мало уделили внимания главному делу университетской жизни — производству и передаче студентам знаний (культуре интеллектуального труда) и увлеклись изучением академического быта и т. д. Но ведь, во-первых, книги о развитии научных школ и даже системе преподавания в российских университетах худо-бедно, но все же есть, а, во-вторых, как известно, история повседневности не измельчает, а углубляет познание человеческого бытия. Использование методов культурной антропологии позволило авторам создать оригинальную и увлекательную для читателя версию прошлого Казанского университета, раскрыть принципиально новые проблемные поля в истории данного учебного заведения, осветить малоизвестные страницы университетской жизни России и показать миссию университета в современной отечественной культуре.

А. А. Анисеев

SUMMARIES

T. M. Atnashev-Mirzayants

Projecting as an aspect of history: perestroika and public history

The author deals with the problems of the theory of history of the Soviet historiography (from Stalin to perestroika). The article is focused on the sphere of 'public history' that includes historiographical concepts, collective memory, journalism, and the field of culture and ideology. It enables one to analyze the ideas of the past that existed in different social strata in certain periods, and to demonstrate the 'projecting' — the function of historical knowledge that defines the place of a society in the present and its future aims, and forms its collective identity. The author shows that this function of 'public history' is a characteristic of modernity, and applies it to the postmodernism in order to discuss some of its basic ideas.

M. S. Kiseleva

Theophan Prokopovich:

the influence of the school of Mogilev on Russian scholarship

The article deals with the work of Ukrainian intellectuals in Russia in the late XVIIth – early XVIIIth cc. It is focused on personality and works of Theophan Prokopovich, especially on his treatise "The theological doctrine of the prelapsarian man, or on Adam as he had been in Eden". The author demonstrates typical features of logical apparatus in such texts, which had been derived from Protestant theological thought of the Early Modern period. It is shown that Protestant thought influenced the rationalistic discourse of the Ukrainian scholars of that epoch.

N. N. Alevras

The Eurasians and G. P. Fedotov:

Russian revolution in the dialogues of contemporary emigrants

The article deals with philosophical and political ideas of a part of the Russian post-revolutionary emigration that used to share anti-Western views (Vernadsky, Karsavin, Fedotov, Savitsky, Eurasians). The author shows that for all closeness of the ideas of emigrant elite one could find substantial differences concerning attitude towards the revolution, Communism and Soviet power, the future of Russia and its place among other states and civilizations. The philosophers discussed key questions of historical and cultural development of Russia, and in fact their debates continued the old polemics of Slavophiles and Westernizers on the new level, including new spheres of knowledge.

Yu. V. Mel'nikova

The historiosophy of A. F. Losev: history as mythology

The article is dedicated to the works by A. F. Losev, and in particular to his "History of Ancient Esthetics" published between 1963 and 1994. According to contemporary remarks this work presents a systematic analysis of Ancient culture. At the same time this work is less known than other writings by Losev, and the present study fills in the gap. The author notes the importance of the key concept of 'myth' that has shaped Losev's theory. It is also emphasized that Ancient culture was 'carnal'. Material, it had worshipped the beauty of physical world and its perfect forms.

K. V. Khvostova

Dialogue with time and contemporary quantitative history

The author traces evolution of quantitative history. Her research is focused on particular aspects of qualitative methods and of interdisciplinarity, especially on the links between history and mathematics. The author emphasizes the ideas of 'chaos and self-regulation', and of the 'dialogue with time' that could be seen as a factor that forms new rationalistic theory and philosophy of history which is to be based on 'historical information' and to replace post-modernist subjectivity.

O. V. Khazanov

**Mysticism: its nature and social functions
in the context of the conception of the "Axial Age"**

The article is dedicated to the analysis of a phenomenon of mystical knowledge and its social functions through the prism of the various concepts. Among the authors of these, above all, ought to be named K. Jaspers, G. Sholem, M. Mauss. As concrete forms of mysticism kabbalah and sufism are presented as parts of monotheistic religions inside which a break between the profane order and the sacral world was manifested. The author of the article considers some limitations of the modern scientific method of interpretation of mysticism as irrational phenomenon.

S. I. Luchitskaya

**Contacts between Muslims and Christians in the XII–XIIIth cc.:
joint veneration of sacred images**

The article studies half-legendary episodes from Western religions narratives of the XII–XIIIth cc. that tells about the veneration of Christian shrines — a miracle-working image of Virgin Mary, places connected with the life of Christ etc., — by Muslims in the Middle East. The sources mention stories of conversion into Christianity and of martyrdom. The author concludes that the

aim of these narratives was to describe harmonious relationship between Christian West and Muslim East according to political needs of the moments — in particular, to the negotiations between Christian and Muslim powers about the future of the Holy Land.

T. A. Shanskaya

Family education in the late XVIIIth – early XIXth-century Russia and the world of child

The article discusses different aspects of home education in noble families of the early XIXth-century Russia. The author uses the example of Muraviev — an aristocratic family of the period of Alexander I. A great deal of attention is paid to the pedagogic view of Rousseau and other philosophers of the Enlightenment. It is shown that Rousseau's doctrine was not totally acceptable to Russians. On the contrary, in many instances Muraviev's views were critical of it — in particular when the ideas of freedom and of service to society were concerned. On the other hand the author does not question the general influence of the ideas of the Enlightenment on the pedagogical views of Russian nobility of the early XIXth c.

L. A. Dashkevich

Gymnasiums in the cultural life of a provincial town in the early XIXth c.

The article represents the results of a study in local history — of organization and functioning of gymnasiums in Ural provinces in the early XIXth c., after the educational reforms by Alexander I. The author describes everyday life of gymnasiums and schools, their interaction with the world of Russian provinces, often very conservative. The study demonstrates biographical material on the leaders of local educational reforms, on their careers and relations with the state powers. It emphasizes the role of provincial sponsors in creating material base for local system of education.

Yu. G. Murin

On the record keeping and the archives of the General Department of the Central Committee of the Communist Party of the Soviet Union in the 1960–1980s.

The author uses his own personal experience of working in the Archive of the Central Committee to show its mechanisms, structure of its organization, the details of functioning of this formerly secret department. A great deal of attention is paid to the most influential persons who led and organized the work of the archive, and also to its links with state secrets, with other departments of party and state, and with the KGB.

СОДЕРЖАНИЕ

Вместо Предисловия

<i>Л. П. Репина</i> Исторические представления и культурное многообразие мира.....	5
---	---

История и перестройка

<i>Т. М. Атнашев-Мирзаянц</i> Проектирование как горизонт истории (Опыт перестройки и публичная история в Новое время).....	15
<i>Адриан Пабст</i> Условия для сопротивления и трансформации (Достижения и неудачи перестройки).....	53

Интеллектуальная история: персональный аспект

<i>М. С. Киселева</i> Феофан Прокопович: влияние могилянкой школы на становление российской учености.....	68
<i>Н. Н. Алеврас</i> Евразийцы и Г. П. Федотов: русская революция в диалогах эмигрантов-современников.....	86
<i>Ю. В. Мельникова</i> Антиковедная историософия А. Ф. Лосева: история как мифология (на материалах «Истории античной эстетики»).....	109

Перспективы интердисциплинарности

<i>К. В. Хвостова</i> Диалог со временем и современная количественная история.....	134
<i>О. В. Хазанов</i> Мистика: ее природа и социальные функции в контексте концепции «Осевого времени».....	147

Средневековье в идеях и образах

<i>О. Г. Эжле</i> Бедность и призрение бедных около 1200 года: к вопросу о понимании добровольной бедности Елизаветы Тюрингской.....	159
<i>С. И. Лучицкая</i> Мусульманско-христианские контакты в XII–XIII вв.: совместное почитание сакральных образов.....	203

Из истории воспитания и образования

<i>Т. А. Шанская</i> Семейное воспитание в России на рубеже XVIII–XIX вв. и мир ребенка (Семья Муравьевых).....	218
<i>Л. А. Дашкевич</i> Гимназии в культурной жизни провинциального города первой четверти XIX века (По материалам Урала).....	235

Институты памяти: история в архивах

Ю. Г. Мурин

О делопроизводстве и архивах Общего отдела ЦК КПСС
в 1960–1980-х годах.....269**Публикации**

Фокс, Чарльз Джеймс.

История ранней части правления Якова II. Вступительная глава /
Fox, Charles James. A History of the Early Part of the Reign of James II / Ed.
H. Morby. L.; P.; N Y.; Melbourne, 1888. Introductory chapter
(Перевод, предисловие и комментарии П. И. Осипьянца).....304**Notulae eruditae**

С. А. Экштут

Бестужев-драгун и рыжий Мишка (Рисунки из альбома П. И. Челищева).....321

Читая книги

М. С. Петрова

Взглядом пристрастного читателя. О книге «Космос и Душа:
учения о вселенной и человеке в Античности и в Средние века».....335

Т. А. Сидорова

О новой книге по английской историографии:
И. И. Шарифжанов. Английская историография в XX веке.
Основные теоретико-методологические тенденции, школы и направления.
Казань: КГУ, 2004. 240 с.....361

О. Е. Кошелева

Рец. на книги С. А. Экштута: «Надин, или Роман великосветской дамы глазами
тайной политической полиции: По неизданным материалам Секретного архива III
Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии». М.:
Согласие, 2001. 228 с., ил.; «Тютчев. Тайный советник и камергер». М.: Прогресс-
Традиция., 2003. 320 с., ил.; «Битвы за храм Мнемозины: Очерки интеллектуальной
истории». СПб.: Алетейя, 2003. 320 с., ил.; «Александр I. Его сподвижники.
Декабристы: В поиске исторической альтернативы». СПб.: Логос, 2004. 280 с., ил.;
«Шайка передвижников: История одного творческого союза». М.: Белый город,
2005. 464 с. ил.....375

А. А. Аникеев

Университет во времени и время университетов
(рец. на: Вишленкова Е. А., Малышева С. Ю., Сальникова А. А.
Terra Universitatis: Два века университетской культуры в Казани.
Казань: КГУ, 2005. 500 с.....385

Summaries.....392

Содержание.....395

Contents.....397

CONTENTS

Introduction

<i>L. P. Repina</i> Historical views and cultural diversity of the world.....	5
--	---

History and perestroika

<i>T. M. Atashev-Mirzayants</i> Projecting as an aspect of history (Perestroika and public history).....	15
<i>Adrian Pabst</i> Conditions for resistance and transformation: Insights and limits of perestroika.....	53

Intellectual history: personal aspect

<i>M. S. Kiseleva</i> Theophan Prokopovich: the influence of the school of Mogilev on Russian scholarship.....	68
<i>N. N. Alevrvas</i> The Eurasians and G. P. Fedotov: Russian revolution in the dialogues of contemporary emigrants.....	86
<i>Yu. V. Mel'nikova</i> The historiography of A. F. Losev: history as mythology.....	109

Perspectives of interdisciplinarity

<i>K. V. Khvostova</i> Dialogue with time and contemporary quantitative history.....	134
<i>O. V. Khazanov</i> Mysticism: its nature and social functions in the context of the conception of the "Axial Age".....	147

Middle Ages: Ideas and Images

<i>O. H. Oexle</i> Poverty and the care of the poor in 1200: to the understanding of the voluntary poverty of Elizabeth of Turingia.....	159
<i>S. I. Luchitskaya</i> Contacts between Muslims and Christians in the XII–XIII th cc.: joint veneration of sacred images.....	203

History of education

<i>T. A. Shanskaya</i> Family education in the late XVIII th – early XIX th century Russia and the world of child.....	218
<i>L. A. Dashkevich</i> Gymnasiums in the cultural life of a provincial town in the early XIX th c.....	235

Institutions of memory: history in archives*Yu. G. Murin*

On the record keeping and the archives of the General Department
of the Central Committee of the Communist Party of the Soviet Union
in the 1960–1980s.....269

Publications

Fox, Charles James. A History of the Early Part of the Reign of James II / Ed.
H. Morby. L.; P.; N Y.; Melbourne, 1888. Introductory chapter
(Translated with an introduction and notes by P. I. Osipyants).....304

Notulae eruditae*S. A. Ekshtut*

Bestuzhev the dragoon and red-haired Mishka
(drawings from P.I. tchelitshev's album).....321

Reading books*M. S. Petroff*

From the perspective of an interested reader.
Concerning the collection of essay "Cosmos and Soul:
Teachings on the Universe and Man in Antiquity and the Middle ages".....335

T. A. Sidorova

On a new book on the English scholarship:
I. I. Shariphzhanov. The English historiography of the XXth c.
Major theoretical and methodological trends, schools and groups (Kazan', 2004).....361

O. E. Kosheleva

Review of the books by S. A. Ekshtut: 'Nadine, or an Affair of a Noble dame
as viewed by the secret police. Unpublished documents from the Secret Archive
of the 3d department of His Majesty's Personal Chancellery (Moscow, 2001);
'Tyutchev: Private councillor and chamberlain' (Moscow, 2003);
'Struggle for the Temple of Mnemosine: Essays on Intellectual history'
(Saint-Petersburg, 2003);
'Alexander I. His associates. The band of peredvizhniki: a history of one creative
company' (Moscow, 2005).....375

A. A. Anikeev

University in time and the time of universities
(review: Vishlenkova E.A., Malysheva S.Yu., Sal'nikova Terra Universitatis:
Two centuries of the university culture in Kazan' (Kazan', 2005).....385

Summaries.....392

Contents.....397